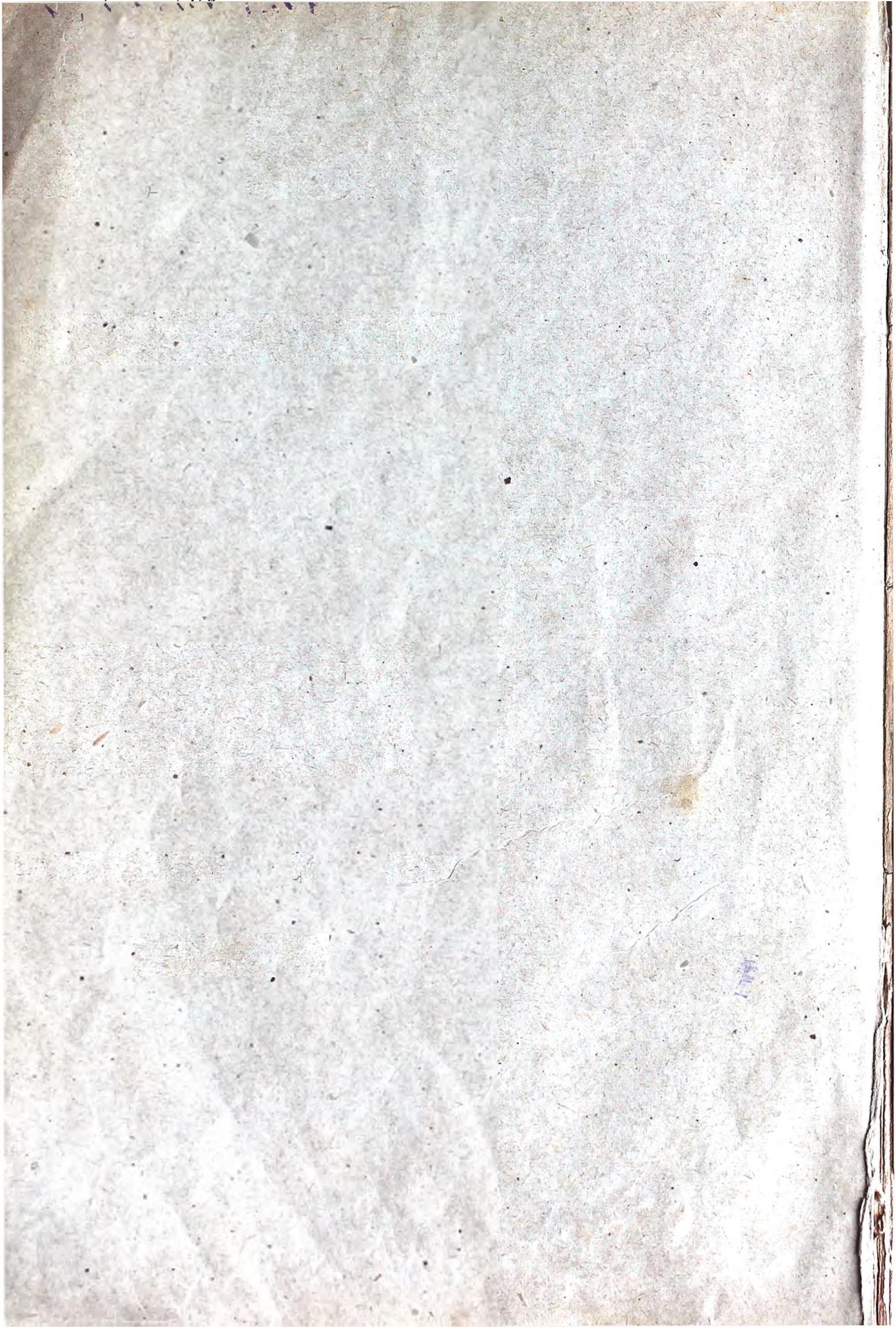

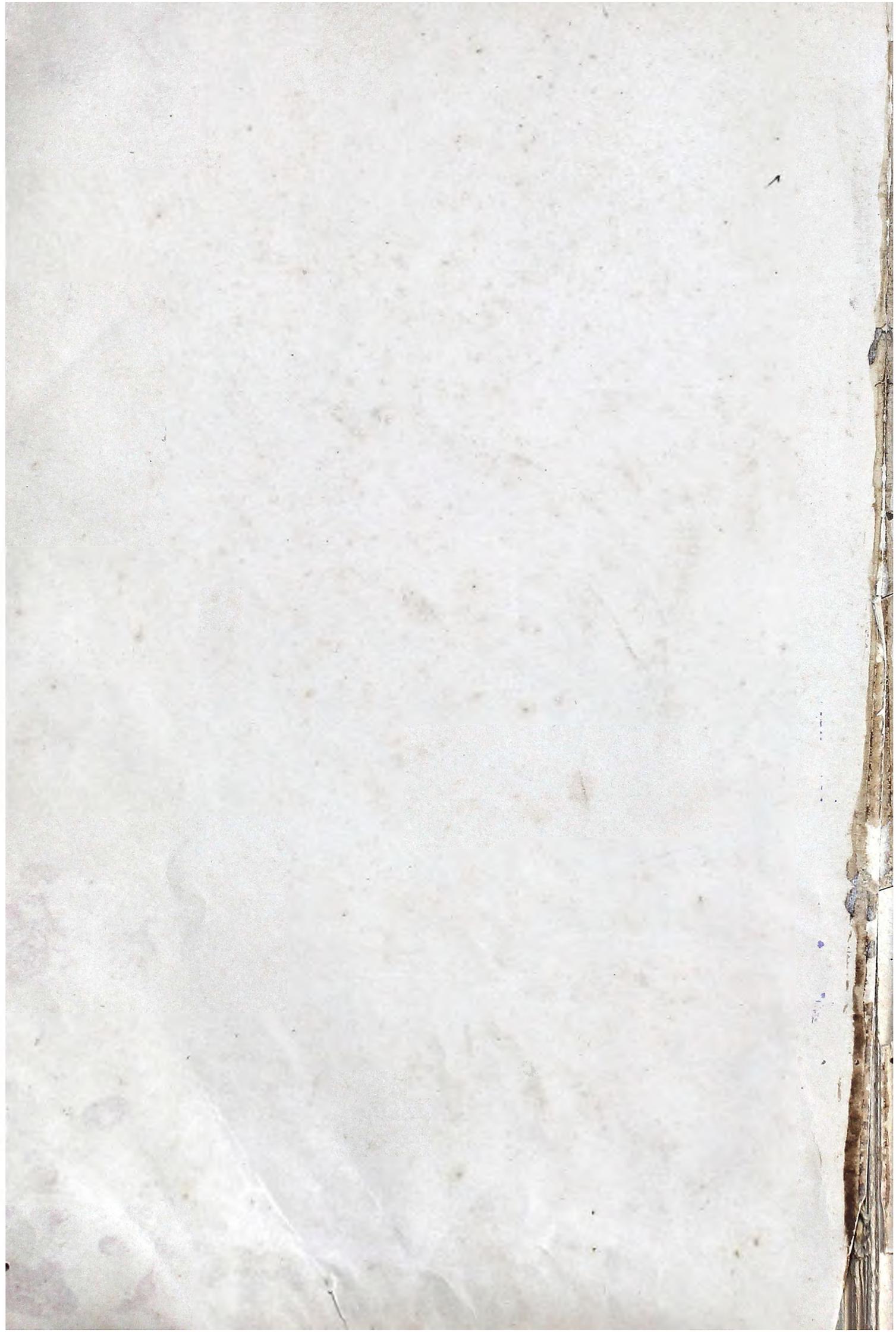
КАЙГородовъ

ВЪ РОДИНѢ ПЕРЛОДЫ

✓ 06
ЖК+

01
K-15

Дм. Кайгородовъ

ИЗЪ РОДНОЙ ПРИРОДЫ

ХРЕСТОМАТІЯ

ДЛЯ ЧТЕНІЯ

ВЪ ШКОЛѢ И СЕМЬѢ

1935

Віцебскі Пед. Ін-т
ІНСТЫТУТЪ ім. С. М. КІРАВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. О. СУВОРИНА
1902

9408
Листы в 1872
2877

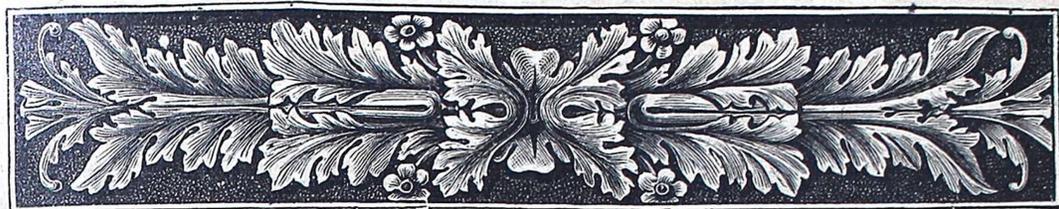
18
15

Рисунки дозволени цензурою 20 іюля 1902 г. С.-Петербургъ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	V
«Когда волнуется желтѣющая нива...» Стих. <i>Лермонтова</i>	1
«Кудрявъ и зеленъ лѣсъ дремучій»... Стих. <i>И. Никитина</i>	—
Дерево. <i>Д. Кайгородова</i>	2
Дерево. Стих. <i>В. Бенедиктова</i>	8
Сосна. <i>Д. Кайгородова</i>	9
«Во сыромъ бору сосна стоитъ, растеть»... Стих. <i>В. Бенедиктова</i>	14
«Зеленѣя, сосна выростала»... Стих.	15
Къ лѣсу. Стих. <i>В. Бенедиктова</i>	—
Дятель. <i>Д. Кайгородова</i>	16
Клестъ. <i>Его-же</i>	24
Бѣлка. <i>Его-же</i>	31
«Опять кругомъ зазеленѣли нивы»... Стих. <i>А. Алутина</i>	34
Чернолѣсье. <i>Д. Кайгородова</i>	—
«Чародѣйкою зимою»... Стих. <i>Ө. Тютчева</i>	36
Цвѣты липы. По <i>Н. Зобову</i>	37
Лѣсная сказка. <i>Д. Кайгородова</i>	40
О папоротникѣ. По <i>Н. Зобову</i>	48
«...Туда дорога лѣсомъ»... Стих. <i>Л. Мея</i>	51
Грибы. <i>Д. Кайгородова</i>	—
Весна. Стих. <i>А. Н. Плещеева</i>	56
Цвѣточный календарь. <i>Д. Кайгородова</i>	57
Весна. <i>С. Аксакова</i>	61
«Легкій, легкій вѣтерокъ»... Стих. <i>В. А. Жуковскаго</i>	62
«Гонимы вешними лучами»... Стих. <i>А. Пушкина</i>	—
Совы. <i>Д. Кайгородова</i>	63
Ящерица. По <i>М. Мензбину</i> и <i>О. Шмейлю</i>	69
Листопадъ. По <i>П. Вольногорскому</i>	71
Примѣты осени. Стих. <i>Н. Грекова</i>	73
Осенняя картиночка. <i>Д. Кайгородова</i>	74
«Настала осень золотая»... Стих. <i>А. Пушкина</i>	76
Подъ снѣгомъ. <i>Д. Кайгородова</i>	—
У каминна. <i>Его-же</i>	80
Дѣдушкинъ садикъ. Стих. <i>М. Стаховича</i>	86
Черемуха цвѣтеть. Стих. <i>В. А. Жуковскаго</i>	87
Фруктовые деревья. <i>Д. Кайгородова</i>	—
Зеленый шумъ. Стих. <i>Н. Некрасова</i>	94
Превращенія. По <i>Полю-Вэру</i> и <i>К. Фокту</i>	95
Майскій жукъ. По <i>Н. Холодковскому</i>	98

«Животворящій блескъ весны»... Стих. <i>К. Случевскаго</i>	101
Овсянка. <i>Д. Кайгородова</i>	—
Весна. <i>А. Майкова</i>	105
Зябликъ. <i>Д. Кайгородова</i>	106
«... И понемногу начало назадъ»... Стих. <i>Н. Тургенева</i>	114
Летучая мышь. <i>М. Богданова</i>	115
«Не вѣтеръ бушуетъ надъ боромъ»... Стих. <i>Н. Некрасова</i>	122
Гиацинтъ. <i>Д. Кайгородова</i>	—
Боробьи. <i>Его-же</i>	129
Жаба. <i>М. Богданова</i>	137
Жаба «Ича». <i>Элизы Брайтвинг</i>	140
Синицы. <i>Д. Кайгородова</i>	141
Поле. Стих. <i>И. Никитина</i>	147
Пѣсня пахаря. Стих. <i>С. Дроздѣина</i>	—
Безмолвные странники. По <i>А. Нечаеву</i>	148
Что такое почва и какъ она произошла. По <i>В. Котельникову</i>	151
Червякъ-пахарь. <i>Эльпе (Л. Поповъ)</i>	155
Грачъ. <i>Д. Кайгородова</i>	159
Полевой жаворонокъ. <i>Его-же</i>	163
«Жавороночекъ на прогалинкѣ»... Стих. <i>Н. Цыганова</i>	167
Въ колосистой ржи. <i>М. Богданова</i>	168
Нива. Стих. <i>А. Майкова</i>	174
Василекъ. <i>Д. Кайгородова</i>	175
«Отцвѣтаетъ сирень у меня подъ окномъ»... Стих. <i>К. Р.</i>	179
Голосъ природы. Стих. <i>А. Яхонтова</i>	—
Сиромные благодѣтели. <i>Д. Кайгородова</i>	180
«Что это за пташечка»... Стих. <i>Н. Цыганова</i>	186
Птичка. Стих. <i>Ө. Туманскаго</i>	187
Что такое птица? <i>М. Богданова</i>	—
Скворецъ. <i>Д. Кайгородова</i>	191
«Ты любишь, птичка, лѣсъ и поле»... Стих. <i>А. Плещеева</i>	198
Осенній перелетъ птицъ. <i>М. Богданова</i>	199
«Ужъ летятъ твои сестрицы»... Стих. <i>Л. Мей</i>	206
«Есть въ осени первоначальной»... Стих. <i>Ө. Тютчева</i>	—
Аистъ. По <i>М. Мензбину</i>	207
Утро. Стих. <i>И. Никитина</i>	209
Ужъ. По <i>М. Богданову</i>	210
«Люблю я подъ вечеръ, тропинкою лѣсною»... Стих. <i>А. Плещеева</i>	214
«Надъ землею воздухъ дышетъ»... Стих. <i>И. Сурикова</i>	215
Вѣра. <i>Д. Кайгородова</i>	216
Бѣлая трясогузка. <i>Его-же</i>	220
«Лѣсъ и поле зеленѣютъ»... Стих. <i>Г. Гейне</i>	223
«Новая пѣсня изъ роши несется»... Стих. <i>Н. Щербина</i>	—
«Лазурнымъ зеркаломъ стоятъ недвижно воды»... Стих. <i>В. Величко</i>	—
Соловей. <i>Д. Кайгородова</i>	—
Цапля. <i>Его-же</i>	229
Коромысло. <i>Н. Золотницкаго</i>	232
Комаръ. <i>Его-же</i>	234
Ручейникъ. <i>Его-же</i>	237
Водяной паукъ. <i>Его-же</i>	239
Ласточки. Стих. <i>А. Майкова</i>	241
«Когда настанетъ вечеръ ясный»... Стих. <i>Н. Огарева</i>	242
Ласточки. <i>Д. Кайгородова</i>	243
Стрижъ. <i>Его-же</i>	252
Пузырчатка. <i>Его-же</i>	255
«Когда закатъ прощальными лучами»... Стих. <i>И. Никитина</i>	257

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Есть люди, которые рождаются съ душой открытой къ природѣ,—съ сильнымъ чувствомъ природы; точно такъ же, какъ рождаются люди съ душой музыкальной, художественной, поэтической, религіозной. Эти счастливые дары неба—удѣлъ не многихъ. Но, въ зародышѣ, эти чувства присущи всякой душѣ человѣческой, и дѣло воспитанія—не дать имъ заглухнуть,—развивать ихъ и культивировать. Это—дѣло семьи и школы.

Какъ и всякое другое чувство, чувство природы должно быть развиваемо въ дѣтяхъ съ самаго ранняго возраста; чѣмъ позже, тѣмъ это дѣлается труднѣе. Въ школѣ этому дѣлу естественно долженъ служить предметъ природовѣдѣнія, начинающійся съ перваго года школьнаго обученія. (Въ германскихъ школахъ дѣти начинаютъ природовѣдѣніе съ шестилѣтняго возраста). Воспитаніе чувства природы—источника любви и тяготѣнія къ природѣ—должно составлять первую и самую главную задачу природовѣдѣнія въ младшихъ классахъ школы.

Естественный и единственно вѣрный путь для успѣшнаго культивированія чувства природы, это—возможно частое общеніе съ природой и возможно бѣльшее ознакомленіе съ предметами и явленіями окружающей природы. (Вѣдь и въ жизни мы тяготѣемъ къ роднымъ и знакомымъ). Отсюда—необходимость возможно частыхъ экскурсій въ природу и очевидная необходимость построенія предмета природовѣдѣнія на мѣстной природѣ.

Ясно, что при такомъ порядкѣ вещей, для учебниковъ (въ общепринятомъ смыслѣ) по предмету природовѣдѣнія младшихъ классовъ школы не можетъ быть мѣста. Для каждаго города (и даже школы) пришлось бы составлять свой учебникъ. Но, и совсѣмъ безъ книги обойтись трудно. Наибольше соответствующими цѣли являются сборники очерковъ и статей о предметахъ и явленіяхъ

нiяхъ изъ различныхъ царствъ родной природы,—сборники-хрестоматiи для чтенiя, принаровленные къ пониманiю дѣтей младшаго и средняго возрастовъ. Соотвѣтственно своей цѣли, таковыя хрестоматiи отнюдь не должны отдавать сухостью учебниковъ. Имѣя цѣлю содѣйствовать воспитанiю чувства природы, они сами должны быть, насколько возможно, пропитаны этимъ чувствомъ (любовь вызываетъ любовь!). Хорошую помощь въ этомъ отношенiи оказываютъ соотвѣтственно выбранныя стихотворенiя и отрывки художественной прозы.

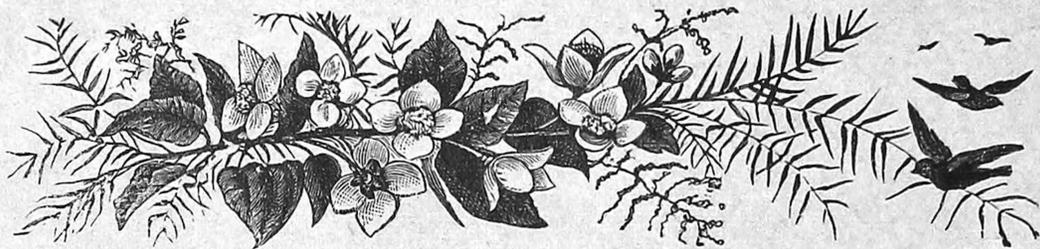
Вотъ, подобную-то книгу и попытался я составить. Моя хрестоматiя «Изъ родной природы» представляетъ собою опытъ такого сборника очерковъ, статей и стихотворенiй. Я хотѣлъ притти этой книгой на помощь преподавателямъ природовѣдѣнiя въ младшихъ классахъ школы и родителямъ русской семьи. Насколько я въ этомъ успѣлъ — судить, конечно, не мнѣ. Одно только могу сказать, что задача была трудная, очень трудная...

Если мой опытъ съ этой книгой выйдетъ удачнымъ, и если Богу угодно будетъ продлить мои дни,—надѣюсь со временемъ дать и вторую (а можетъ быть и третью) часть настоящей книги. Матерьялъ уже собирается. Надѣюсь, что доброжелательная критика поможетъ мнѣ избѣжать въ послѣдующихъ частяхъ тѣхъ недостатковъ, которые она усмотритъ въ настоящей первой ея части.

Итакъ, съ Богомъ, моя книга—въ широкое поле русской школы и семьи.

Юль 1902.

Д. Кайгородовъ.

ОГДА волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумить при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;

Когда, росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ иль утра въ часъ златой,
Изъ подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;

Когда студеныи ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ, —

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога...

Н. Лермонтовъ.

Кудрявь и зеленъ лѣсъ дремучій,
Листы зарей освѣщены,
Огнемъ охваченныя тучи
Въ стеклѣ рѣки отражены.

Покрывать цвѣтами скать кургана,
Взойди и стань на вышинѣ, —
Какой просторъ! Сквозь сѣть тумана
Село чуть видно въ сторонѣ.

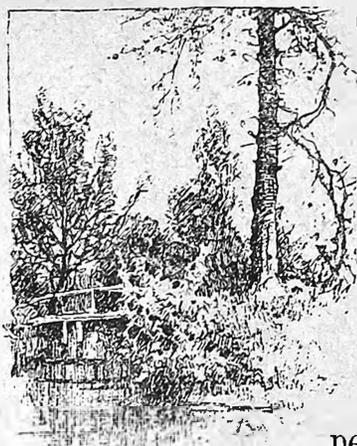
Звенить и льется птички голосъ,
 Узнай, о чемъ она поеть,
 Пойми, что шепчетъ спѣлый колосъ,
 И что за рѣчи ключъ ведетъ?

Вотъ царство жизни и свободы!
 Здѣсь всюду блескъ! Здѣсь вѣчный пиръ!
 Пойми живой языкъ природы—
 И скажешь ты: прекрасенъ мѣръ!

И. Никитинъ.

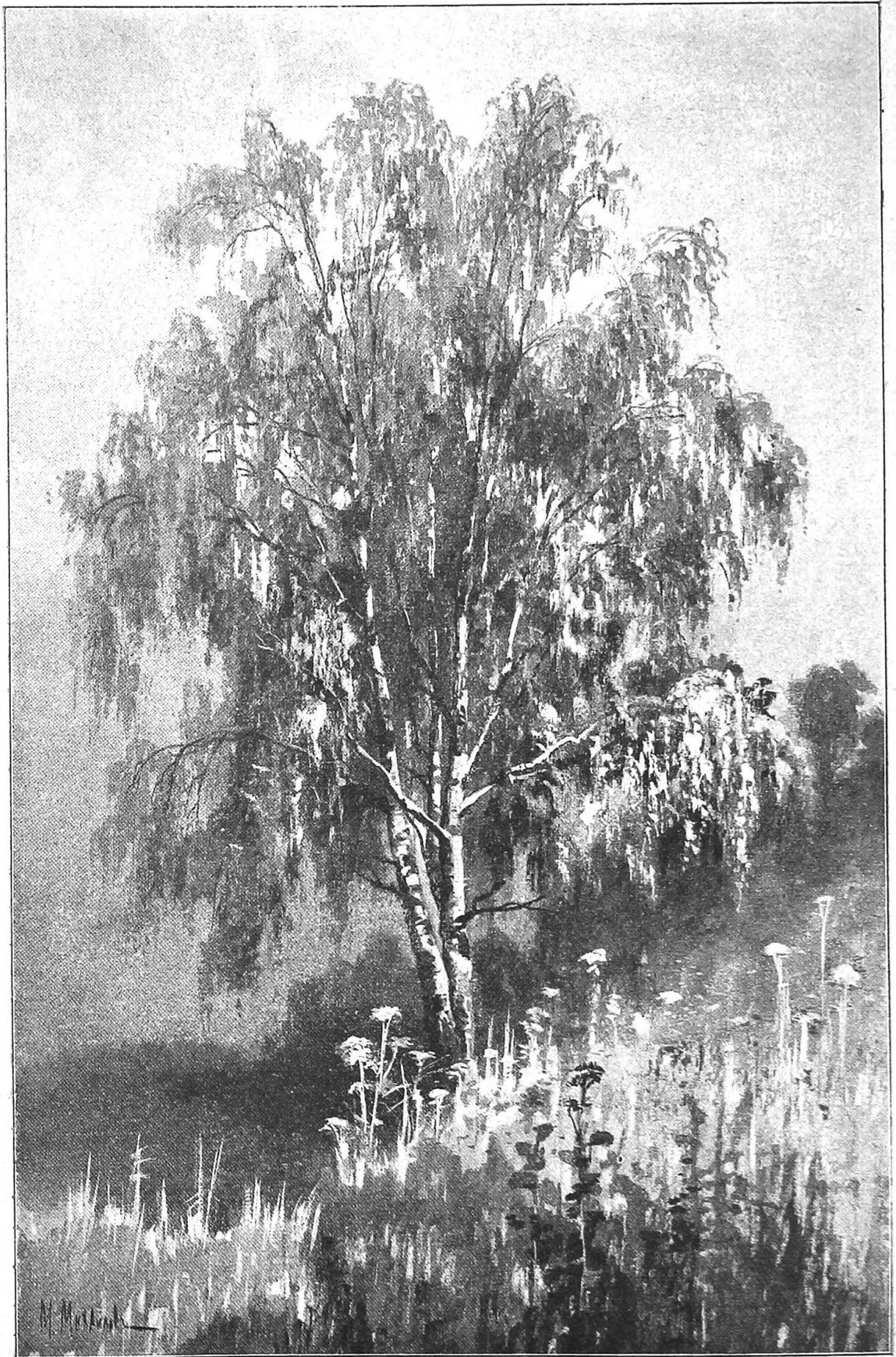
ДЕРЕВО.

Божье созданье
 Земли, нашей матушки,
 Дѣтище милое!
 Зыбью зеленою,
 Листьемъ кудрявымъ, ты
 Кроешь насъ въ непогодъ,
 Грѣешь въ морозный день,
 Кормишь въ безкормицу.

СЯКІЙ, конечно, согласится, что дерево—одно изъ прекраснѣйшихъ и полезнѣйшихъ созданій природы. Чего-чего только не даетъ оно намъ, людямъ!

Бревна и доски для постройки нашихъ жилищъ, дрова для ихъ отопленія—даетъ намъ дерево. Столы, за которыми мы работаемъ и ѣдимъ, стулья и скамейки, на которыхъ сидимъ, кровать, на которой спимъ,—все это изъ дерева. Изъ дерева же дѣлаются лодки, барки и корабли, въ которыхъ плаваемъ по водѣ,—телѣги, сани и другіе экипажи, въ которыхъ ѣздимъ на сушѣ,—бороны и сохи, которыми обрабатываемъ землю; словомъ, всюду и вездѣ, большая часть изъ самыхъ необходимыхъ для человѣка предметовъ сдѣлана изъ дерева. Изъ дерева же гонятъ смолу, древесный уксусъ, древесный спиртъ и выжигаютъ поташъ. Въ послѣдніе годы рѣдкая книга и газета не печатается на такой бумагѣ, въ которой не было бы дерева.

Дерево (береза).

А кора дерева? Сколько она даетъ человѣку необходимыхъ предметовъ! Изъ древесной коры плетется ежегодно множество лаптей, въ которые обуваются многіе милліоны русскаго народа. Изъ древесной коры добывается мочало, изъ котораго ткуются кузи, рогожи и циновки. Древесной корой кожевники дубятъ ежегодно милліоны кожъ; изъ древесной же коры гонятъ деготь. Одно изъ самыхъ употребительныхъ лѣкарствъ, которымъ лѣчатся отъ лихорадокъ, получается также изъ древесной коры (хиннаго дерева).

Вѣтви и листья дерева также удовлетворяютъ многимъ надобностямъ человѣка. Такъ, напримѣръ, они часто служатъ подстилкой для скота въ стойлахъ, и замѣняютъ въ этомъ отношеніи солому. Изъ вѣтвей же вяжутъ вѣники и метлы. Въ безкормицу древесными листьями кормятъ домашній скотъ.

А древесные плоды! Вспомнимъ только о всевозможныхъ сортахъ яблокъ, грушъ, сливъ и вишенъ; о различныхъ орѣхахъ: простыхъ, кедровыхъ, грецкихъ и другихъ. Вѣдь все это вырастаетъ на деревьяхъ,—все это даетъ намъ дерево!

А, наконецъ, само живое дерево, въ его зеленомъ, изумрудномъ убранствѣ, широко раскинувшее свои красивыя вѣтви и укрывающее насъ отъ зноя и непогоды!.. И стоитъ оно, — питаюсь отъ матери-земли и умываясь Божьей росой, — стоитъ красивое, спокойное, величавое, вынося бури и непогоды и одаря насъ своими незамѣтными, разнообразными дарами.

Каждое дерево можно разсматривать какъ бы состоящимъ изъ двухъ главныхъ частей: невидимой—подземной, и видимой—надземной. Подземную часть дерева составляютъ корни съ ихъ развѣтвленіями; надземную—стволь, съ сучьями, вѣтвями и листьями.

Корни дерева служатъ ему двѣ службы: во-первыхъ, они кормятъ, питаютъ дерево пищей, которую сосутъ изъ земли; во-вторыхъ, они прикрѣпляютъ дерево къ матери-землѣ и служатъ ему опорой противъ бурь и непогодъ. Отнимите у дерева его корни, и оно умретъ, не получая пищи, и первый порывъ вѣтра опрокинетъ его на землю.

Стволь дерева служитъ ему также двѣ службы: онъ несетъ на себѣ сучья съ вѣтвями, листьями и плодами, и въ то же время проводитъ къ нимъ ту пищу, которую берутъ изъ земли корни. Стволь и сучья дерева покрыты корой, которая служитъ имъ какъ бы одеждой отъ холода и непогоды. (Корни также покрыты корой, но только болѣе тонкой, чѣмъ кора ствола).

Сучья и вѣтви несутъ на себѣ листья, цвѣты и плоды, и передаютъ имъ ту пищу, которую получаютъ черезъ стволь отъ корней.

Листья составляют, конечно, самое лучшее украшение дерева и дают ему ту прелесть, которою каждый из нас такъ любитъся, въ особенности весной, когда дерево, послѣ долгаго зимняго сна, беретъ въ свою свѣжую, нѣжно зеленую одежду. Но, украшая дерево, листья служатъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ и очень важную службу: они перерабатываютъ въ себѣ сырые соки, которые доставляются къ нимъ корнями. Переработавъ, они возвращаютъ эти соки обратно дереву, которое изъ этихъ переработанныхъ соковъ отлагаетъ на себѣ, подъ корой, новую древесину, и выращиваетъ новыя почки для будущаго года.

Форма или фигура листьевъ бываетъ очень разнообразна. Каждое дерево (напримѣръ: дубъ, береза, ясень, кленъ) имѣетъ для своего листа особую форму, такъ что, сколько существуетъ разныхъ породъ деревьевъ, столько же и разнообразныхъ формъ листьевъ. Но, главныхъ формъ только двѣ: плоская, въ видѣ пластинки съ черешкомъ, и иглистая—въ формѣ иглы. Какое бы мы ни взяли изъ растущихъ у насъ деревьевъ, листъ его имѣетъ непременно одну изъ этихъ двухъ главныхъ формъ. Большая часть нашихъ деревьевъ имѣетъ листъ въ формѣ пластинки съ черешкомъ; таковы, напримѣръ, дубъ, береза, липа, осина и многія другія. Игlistую же форму листа у насъ имѣютъ только шесть древесныхъ породъ: ель, сосна, пихта, лиственница, кедръ и можжевельникъ. Листъ въ формѣ пластинки съ черешкомъ такъ и называется, обыкновенно, просто листомъ, игlistый же листъ называется хвоей. По этимъ двумъ главнымъ формамъ листа всѣ наши деревья раздѣляются на лиственные и хвойныя. Лиственные деревья еще тѣмъ отличаются отъ хвойныхъ, что теряютъ на зиму свой листъ, тогда какъ хвойныя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сохраняютъ свою хвою, поэтому и зимою остаются зелеными. Исключеніе составляетъ одна только лиственница, которая каждую осень сбрасываетъ свою мягкую, нѣжную хвою, и весной снова одѣвается въ новую.

Цвѣты и плоды служатъ дереву для размноженія. Изъ цвѣтовъ развиваются плоды, въ плодахъ вызрѣваютъ сѣмена. Сѣмя, посеянное въ землю, даетъ новое дерево того же рода.

Дерево, какъ и всякое другое живое созданіе, рождается, живетъ и умираетъ.

Продолжительность жизни различныхъ деревьевъ чрезвычайно разнообразна, такъ какъ она много зависитъ отъ тѣхъ условій, при которыхъ дерево росло. Въ этомъ отношеніи дерево имѣетъ сходство съ человѣкомъ: чѣмъ благоприятнѣе складывается жизнь человѣка,

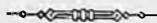
тѣмъ долѣше онъ обыкновенно и живетъ. Точно также и жизнь дерева: при благопріятныхъ условіяхъ роста она продолжается долѣе, чѣмъ при неблагопріятныхъ. И у дерева, какъ у человѣка, болѣзни сокращаютъ срокъ жизни и даже часто ведутъ къ преждевременной смерти. Но, вообще, продолжительность жизни дерева несравненно болѣе человѣческой. При какихъ бы благопріятныхъ условіяхъ ни жилъ человѣкъ, ему рѣдко удается прожить долѣе 90 лѣтъ, тогда какъ дерево, даже въ нашемъ суровомъ климатѣ, силою да рядомъ живетъ 200, 300 и болѣе лѣтъ; извѣстны даже случаи, по которымъ можно судить, что нѣкоторыя наши деревья могутъ доживать до 1,000 лѣтъ и болѣе. Такъ, въ Ковенской губерніи былъ срубленъ дубъ, на которомъ насчитывали 750 годичныхъ слоевъ, кромѣ тѣхъ, которые сгнили уже изнутри; такъ что, полагаютъ, что полный возрастъ этого дуба достигалъ по крайней мѣрѣ до 1000 лѣтъ. Насколько этотъ дѣдушка-дубъ былъ толстъ, можно судить по тому, что хозяинъ выдолбилъ изъ взятаго отъ него отрубка бесѣдку, въ которой легко помѣщалось 15 человѣкъ! Но и этотъ дубъ показался бы, пожалуй, маленькимъ, рядомъ съ нѣкоторыми американскими деревьями-великанами, достигающими возраста въ 3000, и даже болѣе, лѣтъ. Такъ, напримѣръ, однажды, въ Сѣверной Америкѣ (въ Калифорніи), была срублена одна веллингтонія (дерево изъ породы хвойныхъ), которую рубила цѣлая артель рабочихъ, въ теченіе шести недѣль! Когда это дерево упало на землю, земля потряслась отъ удара на 7 верстъ въ окружности. Возрастъ этого дерева, сосчитанный по числу годичныхъ слоевъ ствола, оказался въ 3100 лѣтъ. Остававшійся въ землѣ пень былъ гладко выстроганъ и на немъ устроили танцевальный залъ, въ которомъ свободно могли танцевать 14 паръ; на очищенномъ же отъ вѣтвей стволѣ этого дерева былъ устроенъ катокъ для игры въ кегли. — Такъ вотъ, какіе почтенные старцы встрѣчаются между деревьями!

Глубокая старость деревьевъ, обыкновенно, сопровождается загниваніемъ и разрушеніемъ внутреннихъ, старѣйшихъ слоевъ древесины. Загниваніе это распространяется, годъ за годомъ, по направленію отъ сердцевины дерева къ корѣ, вслѣдствіе чего внутри дерева образуется пустота, или такъ называемое дупло. Дупло это съ годами все увеличивается и стѣнки его становятся все тоньше и тоньше, несмотря на то, что дерево, хотя и съ дупломъ внутри, но все-таки продолжаетъ увеличиваться въ толщину, откладывая ежегодно подъ корой новый слой древесины. Но, это приростаніе въ толщину, въ глубокой старости дерева, происходитъ лишь очень тонкими слоями. Дупло, такъ сказать, растетъ быстрѣе въ ширину, чѣмъ дерево, по-

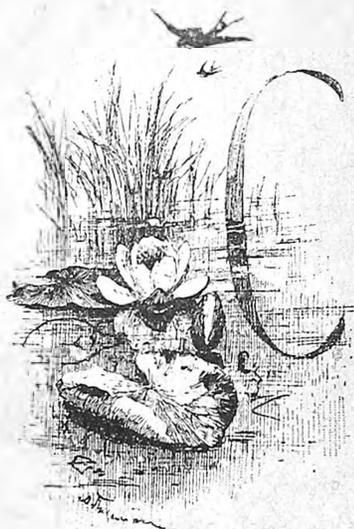
тому что ежегодно изнутри гниваетъ болѣе древесины, чѣмъ нарастаетъ снаружи. Продолжается это до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, дупло не увеличится настолько, что дерево не въ состояніи болѣе выдерживать сильныхъ напоровъ вѣтра, и первая налетѣвшая буря съ глухимъ трескомъ опрокидываетъ многовѣкового старца на землю...

Впрочемъ, рѣдко когда дерево доживаетъ до своей естественной смерти. Большею частью оно падаетъ преждевременно, подъ ударами человѣка, который, замѣтивъ, что дерево начинаетъ перестариваться, срубаетъ его и употребляетъ на удовлетвореніе своихъ потребностей. Приходится человѣку срубать и совершенно молоденькія деревца, и деревья, находящіяся еще, такъ сказать, въ полномъ расцвѣтѣ своихъ лѣтъ, потому что въ человѣческомъ обиходѣ есть многія потребности, которыя не могутъ быть удовлетворены старыми деревьями. Въ этихъ и другихъ подобныхъ случаяхъ, когда человѣкъ прежде времени прекращаетъ жизнь дерева, для удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей, онъ не дѣлаетъ ничего несправедливаго по отношенію къ дереву и его матери-природѣ, потому что разумное пользованіе дарами природы составляетъ неотъемлемое право человѣка, данное ему отъ Бога. Но, вотъ что несправедливо и недостойно человѣка, какъ разумнаго существа, когда онъ, изъ пустой прихоти, или по мимолетному капризу, наноситъ ущербъ прекрасной жизни дерева. Къ сожалѣнію, это очень часто случается. Сломать, гуляя, молоденькое деревцо, или рубнуть дерево, мимоходомъ, топоромъ, просто такъ себѣ, потому что руки чешутся,—какъ часто это дѣлается! Конечно, дерево смолчить: вѣдь оно безотвѣтное... Человѣкъ тяпнулъ топоромъ и пошелъ себѣ дальше, насвистывая, а безотвѣтное дерево молча заливаетъ «слезами» пораненное мѣсто и спѣшитъ его заживить... Хорошо, если рана неглубока и дерево успѣетъ скоро ее заживить, хотя уже самое это заживленіе происходитъ въ ущербъ дереву. Но, если нанесенная рана глубока, то, прежде чѣмъ она успѣетъ зарости, въ дерево забирается гниль и начинаетъ распространяться все дальше и дальше, въ глубь дерева. И вотъ, въ эту прекрасную жизнь занесена болѣзнь, которая, хотя и медленно но вѣрно, приведетъ дерево къ преждевременной смерти...

Д. Байгородовъ.

ДЕРЕВО.

УРОВАЯ зима міръ саваномъ одѣла;
Зачерствѣла земля, вода ооченѣла.
О дерево! Скажи, — воскликнулъ человѣкъ, —
Ты хочешь въ топливо идти мнѣ на потребу? —
«Родившись изъ земли, въ огнѣ всхожу я къ
небу, —

Сказало дерево, — руби, о дровосѣкъ,
Руби меня и жги! — И дряхлый дѣдъ, и внуки,
У этого огня пусть согрѣваютъ руки,
Какъ Божьей милостью ихъ грѣется душа!» —

А хочешь, дерево, идти въ мой плугъ? — «Согласно;
Хочу идти въ твой плугъ; я буду не напрасно
Въ немъ землю бороздить. — Какъ жатва хороша!
Потомъ воскликнешь ты. Свершивъ труды святыя,
Я ими вызову колосья золотые». —

А хочешь ли идти въ строенье, стать бревномъ
И въ образѣ столба поддерживать мой домъ? —
«Согласно и на то: я этимъ обусловлю
Твое спокойствіе; держать я буду кровлю
Приюта мирнаго твоихъ домашнихъ лицъ,
Какъ прежде на себѣ держала гнѣзда птицъ,
И листьевъ шумъ моихъ, тебя склонявшій къ думамъ,
Замѣнится твоихъ дѣтей веселымъ шумомъ.» —

А хочешь дерево быть мачтой корабля? —
«О, да, — хочу; скажу: прости земля!
И въ море синее, безъ страха, безъ боязни,
Сквозь бурю двинусь я...»

В. Бенедиктовъ.

СОСНА.

В ЛѢСАХЪ нашей родины сосна является однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ деревьевъ. Тамъ, гдѣ ей все благопріятствуетъ для роста, она вырастаетъ крупнымъ и высокимъ деревомъ. Круглый годъ, зимою какъ и лѣтомъ, сосна стоитъ зеленою: она—вѣчно-зеленое дерево. Листья у нея узкіе, тонкіе, жесткіе, на концѣ заостренные и потому колючіе,—въ родѣ иглы. Такіе иглистые листья называются хвойными. Хвоя на сосновыхъ вѣткахъ сидитъ всегда попарно: по двѣ иглы соединены внизу, при основаніи, сухими пленочками,—точно связаны другъ съ дружкой. Если разрѣзать сосновую хвою, острымъ ножичкомъ, поперекъ, то въ разрѣзѣ получается полукруглая фигура, въ видѣ половины луны; такъ что если сложить двѣ хвои плоскими ихъ сторонами, то получается въ поперечномъ разрѣзѣ почти полный кругъ.

Осенью и зимой мы найдемъ на концѣ каждой сосновой вѣтки нѣсколько почекъ, большею частію какъ бы облѣпленныхъ кусочками полупрозрачной желтоватой смолы. На другихъ мѣстахъ сосновыхъ вѣтокъ мы никогда не найдемъ почекъ, а всегда только на кончикахъ. Весною, когда береза, осина и другія наши лиственные деревья одѣваются молодою листвою, тогда и сосна начинаетъ раскрывать свои почки, изъ которыхъ выдвигаются и вытягиваются кверху шелковистые свѣтло-сѣрые молодые побѣги. Эти молодые, новые побѣги—точно восковыя свѣчи на рождественской елкѣ. Они очень украшаютъ каждую молодую сосенку. Въ это время молодой сосновый лѣсокъ имѣетъ особенно привлекательный, веселый видъ. У взрослыхъ и старыхъ сосенъ новые побѣги всегда бываютъ короткіе, а потому весною и не такъ бросаются въ глаза, какъ длинные побѣги молоденькихъ сосенокъ. Къ серединѣ лѣта, хвоя на сосновыхъ побѣгахъ вырастаетъ уже вполнѣ, и тогда молодой побѣгъ почти не отличается отъ прошлогодняго. Держится хвоя на побѣгѣ 2 года,—на третій уже осыпается. Поэтому-то сосна и остается «вѣчно-зеленою»: послѣдніе два побѣга ея вѣтвей всегда покрыты зеленой хвоей.

Очень интересно узнавать возрастъ молодыхъ сосновыхъ деревьевъ по ихъ ежегоднымъ побѣгамъ. Въ первые годы своей жизни сосна растетъ очень правильно, благодаря тому, что,—какъ мы уже знаемъ,—

почки у нея образуются только по концамъ вѣтокъ (побѣговъ). Обыкновенно такихъ почекъ бываетъ отъ 4-хъ до 6-ти: одна—на самомъ кончикѣ побѣга, какъ бы составляетъ его продолженіе, и 3—5 вокругъ нея—обращены въ разныя стороны. Если мы весною обратимъ вниманіе на макушку (вершинку) небольшой молоденькой сосенки, то увидимъ, что изъ срединной (конечной) ея почки выдвигается побѣгъ прямо кверху, а изъ окружающихъ ее (боковыхъ) почекъ отходятъ побѣги въ стороны. Вершинный побѣгъ составляетъ продолженіе (прирость) стволика сосны кверху, боковые же побѣги образуютъ собою такъ называемую мутовку. (У хозяекъ часто можно видѣть, на кухнѣ, небольшую палку съ четырьмя-пятью рогульками на концѣ, которыми сбиваютъ жидкое тѣсто, масло и тому подобное, вращая палку между ладонями. Такая палка называется въ хозяйствѣ мутовкой, и она есть не что иное, какъ срѣзанная и обдѣланная ножомъ вершинка молоденькой сосны, съ ея боковыми побѣгами). Такъ вотъ, зная, что у сосны ежегодно нарастаетъ по одному вершинному побѣгу, и сосчитавъ число такихъ побѣговъ—отъ мутовки до мутовки, по стволику дерева—узнаемъ сколько нашей сосенкѣ лѣтъ. У взрослыхъ, высокихъ сосенъ не такъ уже легко сосчитать года, потому что у нихъ мы не найдемъ на стволѣ всѣхъ мутовокъ: самыя нижнія давно уже отмерли и отвалились, такъ что и слѣдовъ отъ нихъ, большею частію, никакихъ не осталось. Отчего же это у сосны отмираютъ нижнія вѣтки? А онѣ отмираютъ у нея, какъ и у всѣхъ вообще деревьевъ, потому, что дерево, разрастаясь съ годами въ вышину и ширину, становится гуще, пышнѣе, тѣнистѣе; нарастающія ежегодно сверху и съ боковъ новыя вѣтки затѣняютъ нижнія, старыя. Затѣненіе это изъ года въ годъ все усиливается и, наконецъ, доходитъ до того, что нижнія вѣтви совсѣмъ почти перестаютъ видѣть солнце—цѣлый день находятся въ тѣни, а безъ солнца вѣтка жить не можетъ. И вотъ, она начинаетъ понемногу хирѣть, сохнуть и, наконецъ, совершенно отмираетъ; отмершій же сучекъ скоро начинаетъ загнивать, а загнивши легко отламывается и падаетъ на землю. Понятно, что въ лѣсу, гдѣ деревья растутъ близко другъ къ другу, отмираніе и отпаденіе нижнихъ сучьевъ должно начинаться раньше, чѣмъ у деревьевъ растущихъ на просторѣ. Въ лѣсу нижніе сучья и вѣтки затѣняются не только своимъ роднымъ деревомъ, на которомъ они растутъ, но и сосѣдными деревьями, а потому гораздо раньше лишаются солнечнаго свѣта. Впрочемъ, существуютъ деревья, которыя мало боятся тѣни, а потому очень долго сохраняютъ свои нижнія вѣтки зелеными, не смотря на то, что эти вѣтки давно уже находятся въ затѣненіи. Къ такимъ деревьямъ принадлежитъ, на-

примѣръ, наша ель, которая только въ густомъ лѣсу очищается отъ нижнихъ сучьевъ. Если же ель растеть отдѣльно, на свободѣ, то нерѣдко случается, что она сохраняетъ почти всѣ свои вѣтви зелеными, до самой земли. Такая отдѣльно стоящая и покрытая сверху до низу зелеными вѣтвями ель представляетъ собою настоящую прекрасную зеленую пирамиду.

Итакъ, у взрослой сосны нельзя считать года по мутовкамъ. Ихъ, то-есть года, можно сосчитать у такой сосны не иначе, какъ срубивъ ее съ корня. Тогда на пнѣ мы увидимъ рядъ колець, какъ бы вложенныхъ другъ въ друга: въ серединѣ пня—самое маленькое кольцо, а снаружи, около коры,—самое большое. Вотъ, если мы сосчитаемъ число этихъ колець (у сосны это большею частію легко сдѣлать, у другихъ же деревьевъ иногда бываетъ трудно), то и узнаемъ сколько лѣтъ было срубленному дереву. У сосны, какъ и у прочихъ нашихъ деревьевъ, каждый годъ нарастаетъ по одному такому кольцу, (подъ корой), почему такія кольца и называютъ годовыми или годичными кольцами.

Кора у молодыхъ сосенъ одноцвѣтная, сѣрая—снизу до верху. У старыхъ же сосенъ только нижняя часть ствола имѣетъ темную, сѣро-бурую кору, покрытую болѣе или менѣе трещинами; верхняя же часть ствола у такихъ сосенъ обыкновенно бываетъ покрыта желтовато-красной (мѣднаго цвѣта) корой, которая съ поверхности легко отшелушивается тонкими, полупрозрачными листочками.

Корни свои сосна частію раскидываетъ широко въ стороны, частію же направляетъ глубоко въ землю. Въ особенности глубоко уходитъ въ землю средній корень сосны, составляющій какъ бы продолженіе ствола книзу. Этотъ корень часто напоминаетъ своимъ видомъ огромную рѣдку. (Лѣсничіе и дровосѣки обыкновенно такъ и называютъ его «рѣдкой»). Благодаря такому расположенію своихъ корней, сосна очень хорошо противустоитъ сильнымъ напорамъ бурнаго вѣтра. Но иногда случается, что сосна не можетъ пустить глубоко свои корни, и тогда «рѣдки» уже не образуетъ. Это бываетъ, напримеръ, когда сосна растеть на скалистыхъ горахъ, гдѣ ея корни встрѣчаютъ подъ неглубокимъ слоемъ земли сплошную скалу, или же, если подъ неглубокимъ слоемъ почвы залегаетъ плотная глина. Въ такихъ случаяхъ сосна поневолѣ должна раскидывать свои корни больше по сторонамъ, чѣмъ пускать въ глубь земли, и потому, понятно, не имѣетъ уже той устойчивости противъ вѣтра.

Сосна—одно изъ немногихъ нашихъ деревьевъ, которыя могутъ расти на чистомъ, сыпучемъ пескѣ, при чемъ образуетъ еще и прекрасную древесину, вполне годную на бревна и брусья для построекъ.

Сосновый лѣсъ, растущій на пескѣ, называется бѣромъ (сосновый боръ). Эта способность сосны расти на чистомъ пескѣ дѣлаетъ эту древесную породу особенно драгоцѣнною при облѣсеніи такъ называемыхъ летучихъ песковъ.

Летучіе пески занимаютъ иногда весьма большія пространства земли, и переносятся вѣтрами съ одного мѣста на другое. Обыкновенно, они двигаются все дальше и дальше по одному направленію, именно по направленію господствующаго вѣтра, т. е. того, который дуетъ въ извѣстной мѣстности большую часть года. Такіе летучіе пески могутъ приносить большія бѣдствія на своемъ пути. Двигаясь постоянно впередъ, они шагъ за шагомъ врѣзываются въ обрабатываемыя поля, огороды, покосы и т. п., и наконецъ совершенно ихъ засыпаютъ. Нерѣдко летучими песками заносятся даже цѣлыя селенія.

Бѣдствіе причиняемое летучими песками даже хуже бѣдствія отъ наводненія: при наводненіи вода зальетъ временно мѣстность, и хотя принесетъ большіе убытки, но зато послѣ убыли воды большею частью можно снова исправить причиненное ею зло. Летучіе же пески засыпаютъ труды рукъ человѣческихъ толстыми бесплодными слоями, — нерѣдко довольно высокими холмами, которые человѣку нѣтъ уже возможности расчистить; приходится оставлять родныя поля и луга, и переселяться на новыя, чужія мѣста.

Нерѣдко случается, что вѣками лежавшіе неподвижно пески, поросшіе вѣковымъ лѣсомъ (обыкновенно сосной), становятся летучими, послѣ неблагоразумной и неосторожной вырубki наголо всего лѣса.

Самой вѣрной и надежной преградой сыпучимъ пескамъ служитъ встрѣтившійся на пути ихъ передвиженія лѣсъ, при чемъ первые, крайніе, ряды деревьевъ засыпаются иногда пескомъ почти до самой вершины.

Какъ встрѣтившійся на пути движенія летучихъ песковъ лѣсъ останавливаетъ дальнѣйшее движеніе песка, точно такъ же останавливаютъ его и тѣмъ, что разводятъ на такомъ пескѣ сосну, или, — какъ говорятъ лѣсничіе, — производятъ искусственное облѣсеніе сосною.

Весною, въ маѣ мѣсяцѣ, когда зеленые луга и поляны покрываются цвѣточными коврами, цвѣтетъ и наша сосна. Въ это время, на новыхъ побѣгахъ взрослыхъ сосенъ, — а изрѣдка и на молодыхъ деревцахъ, — можно найти, на самыхъ кончикахъ побѣговъ, маленькія красноватая шишечки величиною съ маленькую горошинку. На одномъ побѣгѣ бываетъ обыкновенно не больше одной, двухъ такихъ шишечекъ. При основаніи того же молодого побѣга, на которомъ сидятъ красненькія шишечки, а также и при другихъ сосѣднихъ молодыхъ побѣгахъ, мы найдемъ цѣлыя кучки другого рода шишечекъ — блѣдно-желтаго цвѣта, изъ которыхъ, при малѣйшемъ сотрясеніи, вылетаетъ

цѣлое облачко блѣдно-желтой пыли. Вотъ эти-то красненькія шишечки, а также и желтоватыя, съ заключающеюся въ нихъ желтою пылью, и являются цвѣтами сосны. Когда сосна отцвѣтетъ, — когда всѣ ея красныя шишечки опылятся, при помощи вѣтра, пылью изъ желтыхъ шишечекъ, — тогда всѣ желтыя шишечки засыхаютъ и опадаютъ, красныя же начинаютъ увеличиваться, плотнѣютъ и принимаютъ зеленый цвѣтъ. Въ нихъ начинаютъ вызрѣвать сѣмена, которыя будутъ готовы (созрѣютъ) лишь черезъ 2 года. Тогда спѣлыя сосновыя шишки раскроются, выпустятъ изъ себя сѣмена и затѣмъ опадутъ на землю. Высыпающіеся изъ сосновыхъ шишекъ сѣмена могутъ разноситься вѣтромъ далеко отъ дерева, благодаря тому, что они — «крылаты»: при каждомъ сѣмьчкѣ имѣется крылышко — тоненькая, сухая пленочка, въ видѣ язычка. Весною — въ апрѣлѣ, а иногда даже и въ мартѣ мѣсяцѣ — въ сосновомъ бору можно видѣть, какъ кружатся въ воздухѣ, на манеръ крошечныхъ волчковъ, облетающія съ деревьевъ сѣмена.

Для сосны это, конечно, выгодно, что ея сѣмена могутъ разлетаться далеко по сторонамъ; потому что иначе, если бы всѣ ея сѣмена, изъ всѣхъ шишекъ, выпалились прямо подъ дерево, то, проросши, онѣ затѣснили бы, заглушили другъ друга. (Такую же заботу о возможно-широкомъ разсѣиваніи своихъ сѣмянъ мы встрѣчаемъ и у многихъ другихъ растений, какъ напримѣръ, у всѣмъ извѣстнаго одуванчика, сѣмена котораго такъ легко сдуваются съ головокъ и разносятся вѣтромъ иногда на цѣлыя вѣрсты).

Если поранить чѣмъ нибудь сосновое дерево, въ любомъ мѣстѣ, то въ непродолжительномъ времени изъ пораненаго мѣста начинаетъ вытекать каплями желтоватая, прозрачная смола, которая со временемъ заливаетъ всю рану и затвердѣваетъ. Такимъ образомъ, дерево какъ бы само накладываетъ на свою рану непромокаемый смоляной пластырь, который и предохраняетъ отъ заболѣванія и загниванія. Смолокуры (крестьяне, занимающіеся добываніемъ смолы) пользуются такимъ свойствомъ сосноваго дерева и нарочно наносятъ ему раны, сдирая съ него мѣстами кору, а затѣмъ собираютъ выступившую и присохшую смолу. Изъ собранной такимъ образомъ сосновой смолы добываютъ скипидаръ и канифоль — ту самую канифоль, которою скрипачи натираютъ свои смычки. Извѣстный янтарь, находимый по берегамъ нѣкоторыхъ морей, и изъ котораго выдѣлываютъ разныя красивыя вещицы (бусы, мундштуки для сигаръ и папирсъ, и т. п.), представляетъ собою не что иное, какъ такую же смолу, когда-то выступившую изъ деревьевъ особой породы, теперь уже болѣе не встрѣчающейся на землѣ. Въ давно прошедшія времена, «янтарныя»

деревья, росшія по морскимъ берегамъ, обрушивались, отъ подмыванія водою, въ море, и со временемъ тамъ гнивали; смола же ихъ, какъ вещество не гниющее, уцѣлѣла, и мало-по-малу, до сихъ поръ, выбрасывается на берега морскими волнами. Нерѣдко въ кускахъ янтаря находятъ мухъ и другихъ насекомыхъ, когда-то приставшихъ къ липкой и потомъ затвердѣвшей смолѣ «янтарныхъ» деревьевъ.

Кромѣ смолы, сосна, какъ извѣстно, даетъ намъ прекрасныя бревна, брусья и доски для разныхъ построекъ. Большая часть крестьянскихъ избъ и деревянныхъ домовъ нашей родины построены изъ сосноваго лѣса. Также и на многія другія деревянныя подѣлки идетъ у насъ сосновая древесина. Сосновые дрова представляютъ собою также хорошее топливо для печей. Такимъ образомъ сосна является весьма цѣннымъ деревомъ нашихъ русскихъ лѣсовъ.

И красотою не обижена наша сосна. Въ особенности она бываетъ красива, когда выросла на просторѣ — одиночкой или небольшимъ «островкомъ» въ 6—7 деревьевъ. Художники очень охотно рисуютъ такія сосны на своихъ картинахъ.

И въ народныхъ пѣсняхъ поется про сосну. Напримѣръ: «У воротъ сосна раскачалася, ай-люли-люли, раскачалася...» Или: «Во борѣ-борѣ стояла сосна, зеленà кудрява...»

Также и поэты наши нерѣдко воспѣваютъ сосну въ своихъ стихотвореніяхъ.

Д. Кайгородовъ.

Во сыромъ бору сосна стоитъ, растеть;
 Во чистомъ полѣ метель гудить, поеть;
 Надъ землею тучи сѣрыя шатромъ;
 На землѣ снѣга пушистые ковромъ;
 Вьюга; холодъ; но печальная сосна,
 Неизмѣнна, какъ весною зелена.
 Возвратится ли веселая весна.
 Пробудится ли природа ото сна,
 Прояснѣютъ, улыбнутся небеса,
 Въ листья нѣжные одѣнутся лѣса,
 Заблеститъ сквозь зелень ландышъ серебромъ,
 Засинѣетъ незабудка надъ ручьемъ,
 Взглянетъ солнце съ неба чистаго свѣтлѣй
 И залетитъ звонкой трелью соловей —
 Все попрежнему печальна, зелена,
 Думу думаетъ тяжелую сосна...

В. Бенедиктовъ.

«Зеленѣя, сосна выростала А когда сномъ объятые доли
 На погостѣ далекомъ, глухомъ, И холмы серебрила луна,
 Молода и стройна, и красива Подъ покровомъ таинственной ночи
 Все шепталась она съ вѣтеркомъ. Объ усопшихъ молилась она.»

КЪ ЛѢСУ.

Тебя привѣтствую я снова,
 Мاستитый старецъ—темный лѣсъ,
 Стоящій мрачно и сурово
 Подъ синимъ куполомъ небесъ.

Межъ тѣмъ, какъ дни текли за днями,
 Ты въ грудь земли, на коей сталь,
 Глубоко врѣзался корнями
 И ихъ широко разметалъ.

Твои стволы, какъ исполины,
 Поправъ пятой постелю мховъ,
 Стоять, пославъ свои вершины
 На поискъ бурныхъ облаковъ.

Деревья сблизились, какъ братья,
 И простирають все сильнѣй
 Другъ къ другу мощныя объятя
 Своихъ раскинутыхъ вѣтвей...

И въ часъ, какъ солнце близъ заката
 И меркнетъ день, душа моя
 Здѣсь дивнымъ трепетомъ объята
 И новымъ чувствомъ бытія...

И лѣсъ является мнѣ храмомъ,
 Шумъ листьевъ—гимномъ торжества,
 Смолистый запахъ—опіамомъ,
 А сумракъ—тайной Божества...

В. Бенедиктовъ.

ДЯТЕЛЪ.

А СВѢТЪ много разныхъ удивительныхъ музыкантовъ, но самый удивительный изъ нихъ это тотъ—и вы, конечно, со мною согласитесь—который умѣетъ барабанить носомъ по сухой палкѣ, и притомъ барабанить такъ громко, что его иногда бываетъ слышно чуть ли не за версту... Этого удивительнаго «музыканта» вы можете слышать въ весеннее время, по утрамъ (изрѣдка также и въ ясные, теплые осенніе дни), почти въ каждомъ лѣсу, и даже въ большомъ паркѣ.

Отправившись въ хорошее весеннее утро въ ближайшій лѣсъ, для прогулки, или для того, чтобы собрать себѣ букетикъ изъ раннихъ весеннихъ цвѣтовъ, вы съ наслажденіемъ вдыхаете въ себя свѣжій лѣсной воздухъ и прислушиваетесь къ разнообразнымъ голосамъ птичьяго міра. Вдругъ, надъ вами, съ высоты зеленого свода древесныхъ вѣтвей, раздается громкое «эrrrrrrr...», подобное короткой барабанной дробі. Еще и еще повторяется эта странная музыка, и какъ бы въ отвѣтъ на нее, издали, доносится такое же «эrrrrrrr...».

Постарайтесь всмотрѣться повнимательнѣе въ вершины окружающихъ васъ деревьевъ (хорошо, если при васъ находится бинокль), и вы увидите самого музыканта — дятла, прицѣпившагося къ сухому, лишенному коры, суку, или выдающемуся зубцу сухой, обломанной вершины дерева, на которомъ онъ и выбарабаниваетъ свою оригинальную музыку. Съ неимовѣрной быстротой и силой ударяетъ дятель своимъ клювомъ по сухому дереву, вызывая изъ него звуки, которые такъ пріятно звучатъ для уха человѣка, любящаго лѣсную природу. Но еще пріятнѣе должны звучать они въ ушахъ подружки дятла: вѣдь для нея, собственно, даетъ онъ свой концертъ, и она, нерѣдко, подлетаетъ въ это время къ своему другу, какъ бы благодаря его за доставляемое ей удовольствіе. Случается также, что на барабанинье одного дятла прилетаютъ другіе дятлы-сосѣди и тогда дѣло нерѣдко оканчивается ссорой и взаимной потасовкой.

Для того, чтобы такъ громко барабанить клювомъ по сухому дереву, конечно, нужно имѣть очень крѣпкій клювъ, да и не только

клювь, но и черепъ. И дѣйствительно, какъ тотъ, такъ и другой устроены у дятла настолько крѣпко и прочно, что онъ не только безъ особеннаго труда можетъ разбивать скорлупу лѣсныхъ орѣховъ, но даже выдалѣбываетъ въ здоровомъ деревѣ большія углубленія, не хуже любого плотника. Этого, кромѣ дятла, не въ состояніи сдѣлать ни одна изъ прочихъ нашихъ птицъ.

Еще, дятель великій мастеръ лазать по деревьямъ. Прилетѣвъ на нижнюю часть древеснаго ствола, онъ быстро, короткими скачками, поднимается вверхъ по стволу, граціозно откинувъ назадъ голову, шею и грудь, хвостомъ же упираясь въ шероховатую поверхность коры. При этомъ онъ поднимается не по прямой линіи, а всегда наискосокъ—по винтовой (спиралью), вокругъ ствола дерева.

Дятель проводитъ большую часть своей жизни въ лазаньи по деревьямъ; онъ лазитъ гораздо больше, чѣмъ летаетъ. На землю же спускается рѣдко и двигается по ней очень неуклюже. Спускаться по дереву внизъ головой (какъ это, напримѣръ, дѣлаетъ поползень), дятель не можетъ.

Главнымъ орудіемъ для лазанья служатъ дятлу его ноги, два пальца которыхъ обращены впередъ, а два назадъ, и снабжены большими, сильно изогнутыми и очень острыми, когтями. Но, кромѣ ногъ, весьма важнымъ подспорьемъ для искуснаго лазанья является еще и хвостъ дятла, состоящій изъ очень крѣпкихъ, пружинистыхъ перьевъ. Прицѣпившись острыми когтями своихъ ногъ къ корѣ древеснаго ствола, дятель тотчасъ же прижимаетъ къ дереву свой пружинистый хвостъ, который, такимъ образомъ, служитъ ему опорой и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы пружиной, помогающей ему отталкиваться, при движеніи вверхъ по стволу. Въ первый разъ, когда вамъ попадется въ руки какой-нибудь дятель, обратите вниманіе на его интересный хвостъ. При этомъ вы непременно увидите, что нижняя сторона конца хвоста сильно потерта и поношена, и нерѣдко на ней можно найти даже прилипшіе къ перьямъ кусочки смолы, если, напримѣръ, дятель былъ убитъ или пойманъ въ сосновомъ, или вообще въ хвойномъ лѣсу.

Дятель—самая лѣсная изъ всѣхъ лѣсныхъ птицъ. Что для рыбы вода, для ласточки воздухъ, въ которомъ она кружится цѣлый день, то для дятла—лѣсъ.

Любо въ морѣ рыбонькѣ,
Любо въ небѣ ласточкѣ,
А мнѣ, добру-молодцу,
Любо во сыромъ бору,
Во лѣсу-дубравушкѣ...

—сказалъ бы дятель, если бы могъ вообще говорить, да къ тому же еще и стихами...

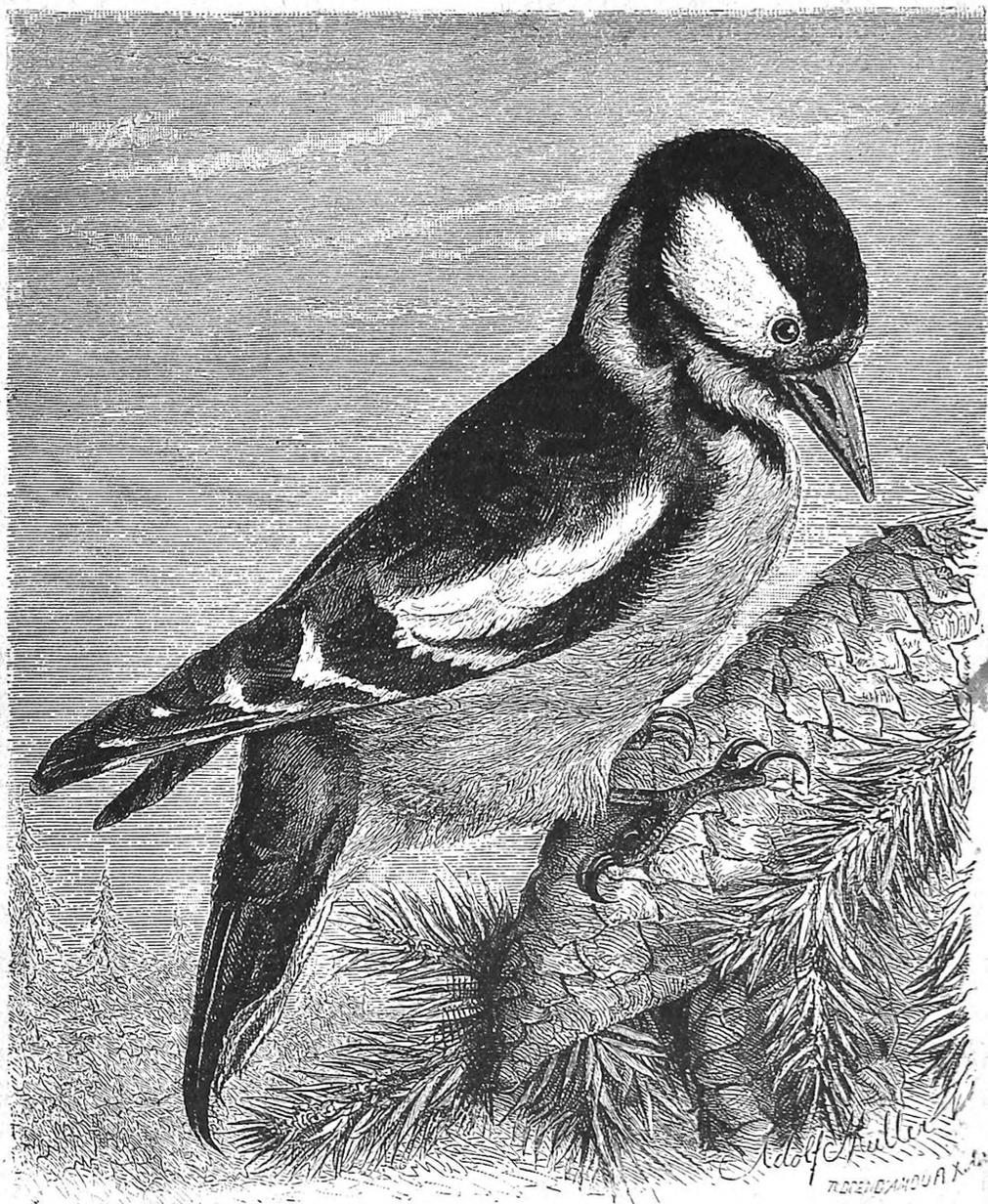
Безъ лѣса и деревьевъ дятель положительно немислимъ. Въ стволѣ лѣсного дерева находится его колыбель, туда же онъ возвращается и на ночной покой. Не умѣя еще летать, дятель-птенецъ ловко уже карабкается по древесному стволу. Въ лѣсу—всѣ радости и печали дятла; внѣ лѣса—онъ чужестранецъ.

Если нужда въ пріисканіи дневного пропитанія заставляетъ дятла перелетать изъ одного лѣса въ другой, то онъ, по возможности, старается при этомъ держаться хотя отдѣльно стоящихъ деревьевъ, древесныхъ группъ или аллей. Если же такого «моста» не оказывается, то дятель, скрѣпя сердце, пускается въ путь черезъ ненавистное ему открытое поле; онъ летитъ по кратчайшему направленію и съ очевидной поспѣшностью, никогда не сворачивая ни вправо, ни влѣво. Достигнувъ благополучно ближайшей лѣсной «гавани», онъ тотчасъ же посылаетъ оттуда свой громкій, ликующій крикъ, по случаю благополучнаго окончанія столь смѣлаго предпріятія.

Всѣ наши дятлы очень красивыя птицы. Яркія краски, рѣзкій рисунокъ, внезапные переходы отъ чернаго цвѣта къ чисто-бѣлому, отъ ярко-краснаго къ зеленому, характерно отличаютъ дятловъ отъ прочихъ нашихъ птицъ. Какъ бы въ соотвѣтствіи съ такою рѣзкостью въ окраскѣ находится и характеръ дятловъ. Ихъ порывистое лазанье, часто прерываемое долбленіе и барабанинье, ихъ очень громкое, внезапное, рѣзкое вскрикиванье, быстрое, какъ бы внезапное, перемѣщеніе съ вершины одного дерева къ основанію другого, даже самый полетъ этихъ птицъ, совершаемый большими глубокими дугами (причемъ птица то поднимается дугою кверху, порывисто махая крыльями, то вдругъ, прижавъ неподвижно къ туловищу крылья, какъ бы низвергается внизъ)—все это носитъ на себѣ характеръ рѣзкаго, внезапнаго, неожиданнаго. «Дятла можно бы сравнить съ человѣкомъ, который, внезапно ворвавшись въ комнату, началъ бы быстро толкаться въ ней то туда, то сюда, стуча палкою по каждому попавшемуся подъ руку предмету, отъ времени до времени рѣзко вскрикивая или отрывисто хохоча, затѣмъ, вдругъ, останавливался бы на нѣсколько мгновеній неподвижно, какъ вкопанный, и снова неожиданно бросался бы въ другую комнату, съ тѣмъ, чтобы начать тамъ продѣлывать то же самое. Костюмъ для такого господина былъ бы самый подходящій—пестрый арлекинскій: пѣзъ черныхъ, красныхъ и бѣлыхъ лоскутьевъ, соотвѣтственно окраскѣ пестраго дятла».

Кому случалось бывать въ лѣсу, тотъ, конечно, не разъ слышалъ, какъ дятель долбитъ своимъ клювомъ деревья. Въ большин-

ствѣ случаевъ, это значить, что господинъ дятель завтракаетъ или обѣдаетъ, а можетъ быть и ужинаетъ—смотря, конечно, по времени дня. Своимъ острымъ и крѣпкимъ клювомъ онъ выдалбливаетъ изъ-подъ коры, или изъ гнилого, или даже и изъ здороваго дерева, раз-

Дятель (большой пестрый).

ныхъ насѣкомыхъ и ихъ личинокъ, сверлящихъ и точащихъ лѣсныя деревья; это—его любимая и обыкновенная пища.

Услышавъ въ лѣсу долбленіе дятла и желая поближе полюбоваться на самого долбилныхъ дѣлъ мастера, возьмите первый попавшійся вамъ подъ руку сухой сучокъ и начните ударять имъ по корѣ какого-нибудь древеснаго ствола (но только никакъ не того.

на которомъ сидитъ самъ дятель, такъ какъ вы этимъ можете его спугнуть), и старайтесь подражать его долбленію. Услышавъ недалеко отъ себя присутствіе другого дятла (за какового онъ не замедлитъ васъ признать, если только вы мало-мальски удачно ему подражали), крѣпконосый долбунъ сначала притихнетъ, прислушиваясь; крикнетъ иногда при этомъ разъ-другой, а затѣмъ подлетитъ, что называется, къ самому вашему носу и начнетъ высматривать по сторонамъ, стараясь отыскать глазами своего предполагаемаго собрата. Такую штуку можно съ нимъ продѣлывать иногда нѣсколько разъ къ ряду. Мнѣ удалось однажды манить такимъ образомъ одного дятла почти на полверсты разстоянія—изъ большого парка, къ себѣ въ садъ, на дачу, причемъ значительную часть пути пришлось сдѣлать по липовой аллеѣ. Только здѣсь, въ саду, послѣ того, какъ я началъ громко стыдить недогадливаго долбуна, онъ, вѣроятно, понялъ, что сдѣлался жертвою обиднаго обмана и поспѣшилъ ретироваться обратно въ паркъ.

Слѣдуетъ ли объяснить такое легкое подманиваніе дятла его любопытствомъ, или же присущей ему необщительностью, вслѣдствіе которой онъ не можетъ терпѣть близъ себя птицы одной съ нимъ породы, а потому желаетъ непременно отыскать ее и прогнать—сказать трудно.

Пищу дятла, кромѣ насѣкомыхъ, составляютъ также сѣмена нѣкоторыхъ лѣсныхъ деревьевъ, преимущественно сосны и ели. Сорвавъ съ вѣтки шишку, дятель защемляетъ ее въ развилину двухъ сучковъ, въ расщелину коры или въ нарочно для того выдолбленное въ деревѣ углубленіе, и затѣмъ обрабатываетъ ее своимъ крѣпкимъ клювомъ, вытаскивая острымъ кончикомъ языка сѣмена изъ-подъ продолбленныхъ чешуекъ. Иногда въ сосновомъ лѣсу попадаются, подъ нѣкоторыми деревьями, цѣлыя кучи раздолбленныхъ сосновыхъ шишекъ—это все работа дятла (преимущественно большого пестраго), который, срывая шишки съ разныхъ деревьевъ, сноситъ ихъ обыкновенно на одно и то же дерево, на которомъ ихъ опораживаетъ и затѣмъ сбрасываетъ на землю.

Почти всѣ дятлы (зеленые въ особенности) большіе охотники до муравьевъ и муравьиныхъ яицъ. Муравьевъ они поѣдаютъ слѣдующимъ образомъ: растревоживъ муравьиную кучу, дятель всовываетъ въ нее свой длинный липкій языкъ, и когда ожесточенные муравьи облѣпляютъ его, быстро втягиваетъ снова въ ротъ и, такимъ образомъ, проглатываетъ въ одинъ пріемъ изрядное количество этихъ насѣкомыхъ.

Есть еще у дятла странная, до сихъ поръ не объясненная, привычка—надалбливать на корѣ деревьевъ углубленія (на каждое углуб-

леніе по одному удару), располагая ихъ правильными кольцами вокругъ ствола. Кольцеваніе это сплошь да рядомъ производится дятломъ на совершенно здоровыхъ деревьяхъ, въ которыхъ не находится никакихъ насѣкомыхъ, а потому оно и является какъ бы безцѣльнымъ. Особенно часто случается видѣть такія кольца, или части ихъ (кольцо не всегда бываетъ закончено), на березѣ, на бѣлой корѣ которой они легче бросаются въ глаза, чѣмъ на темной корѣ другихъ деревьевъ. Осматривая приносимыя зимою въ комнату, для топки печей, березовыя дрова, вы не разъ найдете на ихъ корѣ эту работу дятла.

Долбя дерево, въ поискахъ за насѣкомыми, своимъ долотообразнымъ клювомъ, дятель мало употребляетъ его, т.-е. клювъ, для схватыванія пищи; для этой цѣли ему больше служитъ его необычайно длинный, гибкій, узкій и круглый языкъ, съ острымъ роговымъ кончикомъ. На этомъ роговомъ остреѣ, кромѣ того, находятся еще острые зубчики или крючечки, обращенные остреями назадъ, такъ что, разъ дятель наколотъ на кончикъ своего языка какого-нибудь жучка—тотъ сидитъ уже на немъ крѣпко и не сорвется. Благодаря такому устройству языка, дятель можетъ удобно вытаскивать изъ дерева различныхъ древоточцевъ, не только по прямому направленію, но и изъ извилистыхъ ходовъ, изгибая по нимъ свой гибкій длинный языкъ. При этомъ нужно еще замѣтить, что дятель обладаетъ чрезвычайно тонкимъ обоняніемъ, въ чемъ убѣдились, продѣлывая надъ нимъ слѣдующій опытъ: въ потолокъ клѣтки, въ которой содержался дятель, просверливали небольшое отверстіе, около котораго клали нѣсколько муравьиныхъ яицъ. Видѣть ихъ дятель не могъ, а между тѣмъ онъ прицѣплялся къ потолку клѣтки, просовывалъ свой длинный языкъ въ продѣланное отверстіе, быстрымъ движеніемъ изгибалъ его змѣеобразно во всѣ стороны и, какъ только ощупывалъ яйцо, тотчасъ же прокалывалъ его острымъ кончикомъ языка и препровождалъ къ себѣ въ ротъ. Такъ онъ поступалъ до тѣхъ поръ, пока всѣ яйца не были подобраны.

Наблюдая за дятлами, нерѣдко можно видѣть, какъ они, постукавъ клювомъ въ дерево, быстро перебѣгаютъ на другую сторону ствола и со вниманіемъ осматриваютъ тамъ всѣ трещины коры. Въ народѣ говорятъ, шутя, будто дятель просверливаетъ насквозь стволъ дерева и затѣмъ спѣшитъ на противоположную сторону, чтобы посмотреть на просунувшійся кончикъ своего длиннаго языка!.. Хотя это доказываетъ, что этой птицѣ приписываютъ порядочную глупость, но, съ другой стороны, въ народныхъ сказкахъ черный дятель

(желна) играет не послѣднюю роль, отыскивая таинственный корень «разрывъ-травы», отворяющей всѣ замки и указывающей гдѣ зарыты клады.

«Учили—у дятла выманивать свистомъ
Разрывъ-траву съ вѣщими корнемъ и листомъ;
Они указуютъ въ полуночной мглѣ,
Гдѣ клады съ зарокѣмъ зарыты въ землѣ».

Съ наступленіемъ весенняго времени, у дятла, какъ и у другихъ птицъ, начинаются заботы по выводу дѣтей. Гнѣздомъ служитъ дупло дерева или, чаще, углубленіе, имѣющее форму груши, выдалбливаемое въ стволѣ дерева. При этомъ, обыкновенно, отдается предпочтеніе деревьямъ гнилымъ или загнивающимъ, такъ какъ они легче долбятся, чѣмъ здоровыя и крѣпкія. Особенно часто помѣщается гнѣздо въ старой, дуплистой или гнилосердой, осинѣ. Дней черезъ 10—14 неустанной работы, исполняемой поочередно самцомъ и самкой, гнѣздо готово. Внутри оно довольно просторно, имѣетъ почти гладкія стѣнки и устлано по дну мелкими опилками. Помѣщается гнѣздо большею частію довольно высоко на деревѣ. Летное отверстіе дѣлается лишь настолько широкимъ, чтобы птица могла черезъ него пролѣзть. Дятлиха несетъ 5—7 бѣлыхъ, блестящихъ, какъ фарфоръ, яичекъ, высиживать которыя помогаетъ также и господинъ дятель. Ночью, когда дятлиха сидитъ на гнѣздѣ, дятель ночуетъ по сосѣдству, въ прошлогоднемъ гнѣздѣ или въ нарочно выдолбленномъ «спальномъ помѣщеніи», причемъ спитъ прицѣпившись въ отвѣсномъ положеніи къ стѣнкѣ своей спальной.

Молодые дятлята, весьма безобразные въ первое время своего появленія на свѣтъ, прилежно выкармливаются своими родителями, скоро выучиваются лазать по стѣнкамъ своей колыбели и любятъ выглядывать на свѣтъ Божій, изъ летнаго отверстія гнѣзда. Если постучать палкой по дереву, въ стволѣ котораго находится гнѣздо съ дятлятами, то эти послѣдніе тотчасъ же очень громко заверещать. Такое же верещаніе раздается изъ дятлинаго гнѣзда каждый разъ, когда тотъ или другой изъ родителей прилетаетъ въ гнѣздо съ кормомъ для птенцовъ. Благодаря этимъ далеко слышнымъ крикамъ, въ лѣсу всегда легко найти гнѣздо дятла съ птенцами.

Вылетѣвъ изъ гнѣзда, молодые дятлы первое время держатся около своихъ родителей, а затѣмъ разсѣиваются въ одиночку по окрестности.

Всѣ наши дятлы—птицы осѣдлыя или кочующія; перелетныхъ же—то-есть такихъ, которые улетали бы на зиму въ теплыя страны—

между ними нѣтъ. Кромѣ времени вывода дѣтей, въ теченіе котораго дятель придерживается той части лѣса въ которой находится его гнѣздо, остальную часть года онъ обыкновенно кочуетъ, въ одиночку, по лѣсамъ своей родины, снискивая въ нихъ свое дневное пропитаніе. Съ наступленіемъ же весенняго времени — снова возвращается къ мѣсту своего гнѣздовья. Чѣмъ обильнѣе покрытъ въ лѣсу стволъ для дятла, тѣмъ меньше округъ его кочевки, и наоборотъ: зимою, въ малокормицу, округъ кочевки дятла расширяется иногда на многіе десятки верстъ. Пока дятель держится въ небольшомъ округѣ, онъ замѣчательно аккуратно появляется, иногда въ одни и тѣ же часы дня, на извѣстномъ мѣстѣ. Такъ, напримѣръ, я зналъ одного дятла (это былъ прекрасный экземпляръ малаго пестраго дятла величиною съ воробья), который, въ теченіе почти трехъ недѣль сентября мѣсяца, ежедневно появлялся, аккуратно около 12-ти часовъ дня, на березѣ, росшей въ саду передъ окномъ моей рабочей комнаты.

Какъ всякое другое живое существо, такъ и дятель имѣетъ своихъ враговъ среди животнаго царства. Проводя большую часть своей жизни въ лѣсу, среди деревьевъ, дятель, сравнительно, рѣдко попадаетъ въ когти ястребовъ и другихъ хищныхъ птицъ, успѣшно охотящихся преимущественно лишь на болѣе или менѣе открытыхъ мѣстахъ. Главнымъ же его врагомъ является бѣлка. Эта хорошенькая грызунья вообще большая любительница разорять птичьи гнѣзда: она рѣдко пропускаетъ благопріятный случай полакомиться птичьими яйцами и даже маленькими птенчиками. Въ особенности страдаютъ отъ бѣлокъ крупныя виды дятловъ, у которыхъ летное отверстіе гнѣзда настолько широко, что этотъ звѣрекъ можетъ пробраться чрезъ него во внутрь гнѣзда.

Ни объ одной, кажется, птицѣ не было высказываемо столь противорѣчивыхъ мнѣній, какъ о дятлѣ, по вопросу о томъ, вреденъ онъ для лѣса или полезенъ. Было время, когда дятлы считались безусловно вредными птицами, за то, что они долбятъ деревья, такъ что чуть ли не выдавались преміи за ихъ истребленіе. Затѣмъ, когда образъ жизни дятловъ сталъ болѣе извѣстенъ и когда выяснилось, что дятель долбитъ преимущественно деревья больныя, загнивающія или вовсе гнилыя, что онъ поѣдаетъ великое множество насѣкомыхъ, живущихъ на деревьяхъ и внутри ихъ, каковыя насѣкомыя, почти всѣ, безъ различія, считались прежде вредными для лѣса. — тогда дятлы изъ вредныхъ и преслѣдуемыхъ птицъ превратились въ полезныхъ и покровительствуемыхъ. Наконецъ, въ послѣднее время, когда, въ свою очередь, образъ жизни лѣсныхъ насѣкомыхъ сдѣлался болѣе извѣстенъ и когда оказалось, что многія изъ тѣхъ насѣко-

мыхъ, которыя попадають на столъ дятламъ, относятся къ числу совершенно безвредныхъ для лѣса, такъ какъ водятся только въ гнилыхъ деревьяхъ, на здоровыя же не нападаютъ—слава дятла, какъ охранителя лѣсовъ, значительно померкла. Однако, въ концѣ-концовъ, большинство птицевѣдовъ и лѣсничихъ считаютъ дятла все-таки весьма полезной птицей: кромѣ истребленія многихъ вредныхъ лѣсныхъ насѣкомыхъ, дятлы весьма полезны тѣмъ, что въ значительной степени содѣйствуютъ пребыванію и размноженію въ нашихъ лѣсахъ многихъ насѣкомоядныхъ птицъ, уничтожающихъ огромныя количества вредныхъ лѣсныхъ насѣкомыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ украшающихъ и оживляющихъ лѣсъ своимъ присутствіемъ и своими пѣснями. Таковыми именно птицами являются дуплогнѣздники, то-есть птицы, гнѣздящіяся въ дуплахъ деревьевъ; къ такимъ принадлежатъ, на примѣръ, синицы, пищухи, вертишейки, мухоловки, горихвостки и другія. Дѣло въ томъ, что дятлы, большею частью, ежегодно выдалбливаютъ новое помѣщеніе для своего гнѣзда; кромѣ того, сплошь да рядомъ, они готовятъ себѣ еще по нѣскольку спальныхъ помѣщеній,—не потому, чтобы дятлу было мало одного ночлежнаго пріюта, а потому, что такими пріютами часто завладѣваютъ другіе дуплогнѣздники, которымъ дятель, вопреки своему вообще рѣшительному и энергичному характеру, уступаетъ, обыкновенно, безъ особенно большого сопротивленія. Вотъ всѣми этими помѣщеніями, которыя въ большомъ количествѣ выдалбливаются дятлами, и пользуются полезныя лѣсныя птички.

Д. Кайгородовъ.

КЛЕСТЪ.

ИМА. Въ сухомъ морозномъ воздухѣ колеблются и сверкаютъ на солнцѣ безчисленныя блески инея. Онѣ убираютъ въ алмазный нарядъ незапущенныя снѣгомъ тонкія вѣтки деревьевъ и превращаютъ въ брилліантовое ожерелье паутину, еще осенью перекинутую наукомъ съ одного дерева на другое. Въ лѣсу царствуетъ полная тишина,—та особенная торжественная тишина, которая только и бываетъ въ лѣсу зимой. Изрѣдка лишь донесется откуда-нибудь сухой трескъ дерева, не выдержавшаго ледяныхъ объятій дѣдушки-мороза,—донецется и тотчасъ же потеряется въ окружающемъ снѣжномъ пуху. Съ тихимъ свистомъ крыльевъ, медленно протянетъ надъ лѣсомъ во-

Клесты.

ронь, — крикнетъ, удалясь, разь-другой свое отрывистое «крукъ».
и снова все тихо... Беззвучно сорвется съ вѣтки комъ рыхлаго снѣга
и беззвучно же упадетъ на землю, оставляя за собой въ воздухѣ по-
лосу серебряной пыли...

«Деревья стройныя, какъ небеса свѣтлы,
Ведутъ какъ будто вглубь серебрянаго сада
И хлопья снѣжныя, пушисты, тяжелы
Повисли на вѣтвяхъ, какъ гроздья винограда».

Красиво, величественно, торжественно,—какъ въ Божьемъ храмѣ!..

Но чу!.. Что за звуки?.. »Цикъ, цикъ, цикъ; цекъ, цекъ; покъ, цокъ...»—не то веселые, не то тревожные, быстро приближаются надъ вершинами деревьевъ... И только пыль серебряная полетѣла съ вершины невысокой елки, при дорогѣ, когда опустилась на ея запушенные снѣгомъ и разукрашенные инеемъ вѣтки, стайка, штукъ около десяти, какихъ-то небольшихъ птицъ... Черезъ минуту морозные лучи солнца освѣтили прекрасную картину: по концамъ вѣтокъ, отягченныхъ обильнымъ количествомъ шишекъ, развѣсились, точно румяныя яблочки на рождественской елкѣ, яркочерныя птички, немного покрупнѣе воробья;—развѣсились въ различныхъ позахъ: кто внизъ головой, кто вверхъ, кто сбоку прицѣпился одной лапкой къ еловой шишкѣ, а другою держится за вѣтку; кто повисъ совсѣмъ кверху брюшкомъ. Звуковъ «цикъ, цикъ» уже больше не слышать, а съ елки начинаютъ падать одна за другой, съ небольшими промежутками времени, шишки, съ изломанными или расщепленными чешуйками.

По прошествіи нѣкотораго времени, одной изъ румяныхъ птичекъ видимо надоѣло возиться съ еловыми шишками: она перепорхнула на самую маковку сосѣдней елки, и оттуда посыпались, словно горохъ, веселые звуки, хотя малозвучной и не особенно красивой, но чрезвычайно бойкой и задорной пѣсни.

Что это за птицы, которыя такъ безцеремонно нарушили торжественный зимній покой лѣса и въ какихъ нибудь четверть, полчаса общипали и побросали на землю большую часть шишекъ съ вершины елки? Что это за птица, которая на трескучемъ морозѣ распѣваетъ свои пѣсни, да еще съ такимъ задоромъ, — словно насмѣхаясь надъ вселеденящимъ дѣдушкой-морозомъ, — словно березы убраны не морознымъ инеемъ, а молодыми кудрями майской зелени?

Птица эта—клѣсть.

Много есть на свѣтѣ разныхъ удивительныхъ птицъ, но клѣсть нашъ является одной изъ самыхъ удивительныхъ, отличаясь особенностями, не только не встрѣчающимися у другихъ птицъ вообще, но даже и у ближайшихъ его родственниковъ изъ птичьяго міра.

Первою, легко бросающеюся въ глаза особенностью въ наружности клѣста, является его крестообразный клювъ: верхняя часть клюва не прикрываетъ нижнюю, какъ у остальныхъ птицъ, а загибается острымъ крючкомъ внизъ и въ сторону; нижняя же часть клюва такимъ же крючкомъ загибается вверхъ и въ противоположную сторону.

Въ одномъ старинномъ сказаніи (легендѣ), очень распространенномъ у народовъ Западной Европы, слѣдующимъ образомъ объясняется

такое странное строение клюва у этой птицы: «при страданіяхъ Спасителя, къ кресту слетѣлось нѣсколько клестовъ, которые стали вытаскивать, изъ окровавленнаго чела Распятаго, тернія Его вѣнца, а также усиленно старались вытащить изъ креста гвозди, которыми былъ пригвожденъ Божественный Страдалецъ, — старались до тѣхъ поръ, пока концы ихъ клюва не загнулись, отъ чрезмѣрныхъ усилій, крестообразно». Такъ гласитъ народное сказаніе.

Благодаря своему крестообразному клюву, клестъ можетъ отлично вылушчивать изъ шишекъ нашихъ хвойныхъ деревьевъ сѣмена, которыя и составляютъ главную его пищу. У меня перебивало въ комнатѣ не мало клестовъ, и я много разъ имѣлъ случай наблюдать, какъ справляется эта птица, напримѣръ, съ еловой шишкой: захвативъ шишку крѣпко лапами, клестъ, обыкновенно, сначала расщепляетъ верхнимъ концомъ клюва ту чешуйку, изъ-подъ которой желаетъ достать сѣмя; затѣмъ, просовываетъ клювъ между чешуйкой и шишкой и, раскрывъ немного ротъ, поворотомъ головы въ сторону отворачиваетъ чешуйку и вытаскиваетъ языкомъ изъ-подъ нея крылатое сѣмя, которое тотчасъ же отдѣляетъ клювомъ отъ крылышка и проглатываетъ. Для того, чтобы опорожнить всю шишку, клесту требуется двѣ-три минуты времени. На волѣ онъ нерѣдко перелетаетъ, съ захваченной клювомъ шишкой, шаговъ на 15—20, до какого-нибудь дерева, на вѣткахъ котораго ему показалось особенно удобнымъ расположиться для завтрака.

Въ сосновыхъ и еловыхъ сѣменахъ заключается довольно много смолистаго вещества, а такъ какъ клестъ, живущій на свободѣ въ лѣсу, поѣдаетъ огромное количество этихъ сѣмянъ, то все тѣло клеста, въ особенности стараго, иногда до того просмаливается, что послѣ смерти птицы оно долго противустоитъ загниванію, словно набальзамированное. Извѣстны даже случаи, когда «муміи» старыхъ клестовъ сохранялись въ теченіе 15—20 лѣтъ безъ всякихъ признаковъ разложенія. Впрочемъ, молодые клесты, а также, и тѣ изъ старыхъ, которые болѣе или менѣе продолжительное время не получали (напримѣръ, въ клѣткѣ) смолистыхъ сѣмянъ, а питались какими-нибудь другими веществами, начинаютъ разлагаться почти такъ же скоро, какъ и всякая другая птица.

Кромѣ хвойныхъ сѣмянъ, клестъ охотно ѣстъ также и другія маслянистыя сѣмена, какъ, напримѣръ, коноплю и рѣпное сѣмя и не прочь, при случаѣ, полакомиться ягодами (напримѣръ, рябиной) и даже насѣкомыми. Извѣстны случаи, когда стайки клестовъ тщательно очищали въ садахъ фруктовыхъ деревьевъ отъ вредной тли. Въ южной Россіи, гдѣ нѣтъ хвойныхъ деревьевъ, клесты кормятся крылатыми сѣменами клена.

Самою удивительною особенностью клеста, особенностью, который мы не встрѣчаемъ ни у одной изъ прочихъ нашихъ птицъ, является способность гнѣздиться и выводить дѣтей въ любое время года. Нѣтъ того мѣсяца въ году, въ которомъ не случалось бы находить клестовыя гнѣзда съ молодыми птенцами. То, въ одномъ году, клестъ гнѣздится въ маѣ, то, въ другомъ — въ январѣ, въ третьемъ — въ августѣ, въ четвертомъ — въ декабрѣ, и т. д., повидимому, съ одинаковымъ удобствомъ, какъ въ то время,

«Когда на деревѣ нагомъ —
И сочень, и душистъ,
Согрѣтый ласковымъ лучомъ
Растетъ весенній листъ»...

такъ и въ то, когда большая часть нашихъ лѣсныхъ пѣвунцовъ нѣжится на солнышкѣ, въ далекихъ, теплыхъ краяхъ, а остающіеся у насъ на зиму кое-какъ перебиваются, изо дня въ день, съ трудомъ снискивая себѣ необходимое дневное пропитаніе.

Откуда же, однако, у клеста можетъ являться фантазія заниматься выводомъ дѣтей среди нашей суровой сѣверной зимы? А вотъ откуда:

Всякая птица старается вывести дѣтей къ тому времени года, когда легче всего можно добывать пищу, необходимую для выкармливанія птенцовъ, которые, какъ извѣстно, обладаютъ всегда огромнымъ аппетитомъ. Такъ какъ большинство нашихъ птицъ выкармливаютъ своихъ дѣтей насѣкомыми, то онѣ (птицы) и выводятъ своихъ птенцовъ, обыкновенно, къ лѣту, когда насѣкомыхъ можно доставать въ изобиліи. Клестъ же можетъ выкормить своихъ птенцовъ хотя-бы одними только хвойными сѣменами, предварительно размяченными въ zobу отца или матери. Сѣмена же эти, вызрѣвая къ концу осени, остаются въ шишкахъ, на деревѣ, до марта мѣсяца, когда начинающіе уже пригрѣвать солнечные лучи раскроютъ (отгопырятъ) чешуйки шишекъ и позволятъ сѣменамъ высыпаться на землю. Такимъ образомъ, въ теченіе всей зимы, клестамъ накрыть въ лѣсу обильный столъ (въ особености въ урожайные на шишки годы) и для выкармливанія птенцовъ имѣется корма вволю. Далѣе: въ то время, когда чешуйки шишекъ начинаютъ понемногу растопыриваться и раскрываться, изъ-подъ нихъ легче всего доставать сѣмена. Если же принять во вниманіе, что молодые клесты появляются на свѣтъ съ прямымъ, не крестообразнымъ, клювомъ (онъ принимаетъ крестообразную форму лишь по вылетѣ птенцовъ изъ гнѣзда) и что птенчикамъ, въ первое время по вылетѣ, приходится еще учиться раскрывать шишки, то станетъ ясно, что наиболѣе благоприятнымъ временемъ для вылета изъ гнѣзда будетъ время начала раскрыванія шишекъ, а именно—

мартъ мѣсяць. Для того же, чтобы вывести молодыхъ изъ гнѣзда въ началѣ марта, парочка клестовъ должна приступить къ свиванію гнѣзда въ декабрѣ или январѣ, такъ какъ дѣланіе гнѣзда—постройки весьма искусной—длится, по крайней мѣрѣ, дней 10, если не больше, да и на зимнее высиживаніе надо вѣдь не мало времени.

Но, у васъ, вѣроятно, рождается уже вопросъ: какимъ образомъ уберегаются положенныя самочкой клеста яички, да и вылупившіеся изъ нихъ голые птенчики, отъ застуживанія декабрьскими и январьскими морозами? А вотъ какимъ образомъ: во-первыхъ, зимнее гнѣздо клеста (расположенное всегда высоко на деревѣ и покрытое сверху, обыкновенно, какою-нибудь выдающеюся вѣткою, защищающею его отъ падающаго снѣга) имѣетъ довольно большую глубину и очень толстыя (пальца въ полтора) стѣнки. Стѣнки эти сплетены изъ тонкихъ прутиковъ и былиночекъ, плотно затканы мхомъ и древесными лишаями и выложены внутри мягкими перышками; такимъ образомъ, гнѣздо это является очень теплымъ. (При лѣтнемъ выводѣ дѣтей гнѣздышко дѣлается попрохладнѣе). Во-вторыхъ, самочка клеста, положивъ въ гнѣздо первое яйцо, больше съ гнѣзда уже не слетаетъ; кормъ же ей доставляетъ, во все время высиживанія, самчикъ, выказывающій, вообще, очень большую нѣжность къ своей подругѣ. Въ то же время, онъ не упускаетъ случая и услаждать ея слухъ своими пѣснями, ретиво распѣваемыми на морозѣ, съ макушки, обыкновенно, той самой елки, на которой находится гнѣздо.

Клесты водятся во всей сѣверной и умѣренной Европѣ, повсюду, гдѣ только есть хвойные лѣса. Впрочемъ, слово «водятся» будетъ не совсѣмъ правильнымъ: они не то водятся, а вдругъ появляются въ значительномъ количествѣ въ лѣсу, въ которомъ многіе годы не было ни одного клеста, поселяются въ немъ, строятъ гнѣзда, высиживаютъ и потомъ вдругъ исчезаютъ, за исключеніемъ немногихъ отсталыхъ. Эти «птицы-цыгане» остаются на болѣе или менѣе продолжительное время лишь тамъ, гдѣ имъ хорошо, то есть, гдѣ они находятъ изобиліе пищи. Въ противномъ случаѣ онѣ кочуютъ, нигдѣ не останавливаясь, странствуя и перелетая изъ одного хвойнаго лѣса въ другой, изъ одной мѣстности въ другую.

Въ окрестностяхъ Петербурга, клестовъ можно видѣть почти каждый годъ, но въ весьма различное время года и въ различномъ количествѣ. Такъ, напримѣръ, въ паркѣ Лѣснаго Института (подъ Петербургомъ) они появляются стайками (штукъ по 10—15) то въ маѣ, то въ августѣ, то въ ноябрѣ; съ шумомъ перелетаютъ изъ одной части парка въ другую, выкрикивая на полетѣ свое громкое, отрывистое «цикъ, цикъ»; усядутся на какое-нибудь изобилующее шишками хвойное дерево, замолкнутъ, и—только шишки сыплются на

землю. Въ большомъ-же количествѣ клесты появляются у насъ лишь въ тѣ годы, въ которые уродилось много еловыхъ сѣмянъ.

Старые самцы клестовъ окрашены, большею частію, въ красивый красный цвѣтъ различныхъ оттѣнковъ — отъ желтоватаго (огненно-краснаго) до превосходнаго цвѣта ягодъ красной смородины. У самокъ преобладаетъ сѣрый цвѣтъ, съ желтоватымъ или зеленоватымъ оттѣнкомъ,—также и у молодыхъ.

Къ сожалѣнію, столь красивый красный цвѣтъ самца-клеста скоро пропадаетъ при содержаніи его въ клѣткѣ; черезъ годъ, отъ него, большею частію, не остается уже никакихъ слѣдовъ—онъ переходитъ въ зеленовато-желтый цвѣтъ.

Характеръ у клеста чрезвычайно симпатичный: отличительныя его черты—добродушіе, довѣрчивость и общительность другъ съ дружкой и даже съ другими птицами. Клесты становятся пугливыми лишь послѣ неоднократныхъ преслѣдованій. Нерѣдко клестъ остается сидѣть спокойно на деревѣ даже послѣ того, когда его сосѣдь убитъ выстрѣломъ изъ ружья. Пролетающихъ по близости птицъ своего вида, или сродныхъ, клесты всегда подзываютъ звуками «цикъ, цикъ» и сами охотно слѣдуютъ за ними. Они всегда держатся стайками и члены стайки никогда не удаляются отъ нея далеко.

Въ неволѣ клестъ очень скоро привыкаетъ къ своему хозяину и, благодаря своему милому характеру и пріятному пѣнію, очень почитается любителями комнатныхъ птицъ. Въ клѣткѣ онъ находится въ постоянномъ движеніи, безпрестанно лазая, подобно попугаю, цѣпляясь клювомъ и лапками за прутья клѣтки (отчего клеста иногда также называютъ «чухонскимъ попугаемъ»). Онъ также, подобно попугаю, охотно даетъ чесать пальцемъ свою головку, выказывая при этомъ видимое удовольствіе. На улицахъ городовъ нерѣдко можно встрѣтить бѣдныхъ людей, носящихъ въ особо устроенныхъ клѣткахъ совершенно ручныхъ «ученыхъ» клестовъ, вынимающихъ, по приказанію хозяина, билетки «съ предсказаніями».

Клеста необходимо держать въ клѣткѣ металлической; въ деревянной онъ живо переломаетъ своимъ клювомъ всѣ прутья. При недостаткѣ хвойныхъ шишекъ, ему необходимо, даже въ желѣзной клѣткѣ, подкладывать отъ времени до времени деревянные палочки, которыя онъ всегда съ удовольствіемъ ломаетъ. Если этого не дѣлать, то клестъ будетъ ломать жердочки своей клѣтки.

Кормить клеста лучше всего сосновыми и еловыми сѣменами, давая ему снятыя съ деревьевъ шишки, или же—чистымъ хвойнымъ сѣменемъ, продающимся въ сѣмянныхъ магазинахъ. Можно также давать, въ видѣ лакомства, ягоды рябины.

Въ заключеніе, нѣсколько словъ о томъ, считать ли клеста птицей вредной или полезной.

Нѣкоторые считаютъ клестовъ вредными птицами, ставя имъ въ вину сильное уничтоженіе шишекъ, или, вѣрнѣе, сѣмянъ хвойныхъ деревьевъ. Другіе же, наоборотъ, ставятъ клестамъ это даже въ заслугу, совершенно справедливо указывая на то, что въ урожайные на шишки годы, когда вершины деревьевъ бываютъ слишкомъ отягчены шишками, клесты, обкусывая ихъ съ вѣтвей, тѣмъ самымъ предохраняютъ немало деревьевъ отъ поломки вершинъ, въ особенности при навалахъ мокраго снѣга. При этомъ слѣдуетъ также принять во вниманіе, что клесты появляются въ большомъ количествѣ лишь въ урожайные на шишки годы, а въ такіе годы наши обширные хвойные лѣса до того изобилуютъ шишками, что, конечно, ни одному лѣсническому не придетъ въ голову пожалѣть о тѣхъ шишкахъ, которыя будутъ обломаны клестами.

Итакъ, если клестъ и не является особенно полезной птицей, то и вредной, конечно, его также нельзя считать, тѣмъ болѣе, что вѣдь стоятъ же чего-нибудь красота и милый нравъ этой птицы, и то обстоятельство, что клесты такъ мило украшаютъ и оживляютъ лѣсъ, именно въ то время, когда онъ лишенъ почти всякаго оживленія.

Д. Кайгородовъ.

Б Ъ Л К А.

«Бѣлка-прыгунья,
«Бѣлка-грызунья,
«Бѣлка-игрунья...

(изъ народной сказки).

БѢ такого лѣса, такой рощи, парка, сада, даже аллеи деревьевъ, гдѣ нельзя было бы встрѣтить бѣлку — этого милаго, красиваго звѣрка. Это — настоящій лѣсной, древесный звѣрекъ.

«Бѣлка-прыгунья»! И въ самомъ дѣлѣ, легко ли найти другого такого ловкаго и искуснаго прыгуна! Скачокъ въ полторы-двѣ сажени — съ дерева на дерево — для бѣлки нипочемъ. Ея длинныя заднія ножки даютъ такой сильный толчокъ во время скачка, ея тѣльце такъ гибко, а широко-пушистый длинный хвостъ такъ хорошо исполняетъ роль руля, во время ея «воздушныхъ путешествій», что нѣтъ такихъ

трудныхъ и замысловатыхъ скачковъ, которые бы не удавались бѣлкѣ. Немало ей помогаютъ также при этомъ и ея лапки, на которыхъ всѣ пальцы свободны (какъ на нашихъ рукахъ), а не срослись другъ съ другомъ, какъ у большинства другимъ звѣрковъ и звѣрей. На концахъ же пальцевъ сидятъ длинные и очень острые коготки. Благодаря такому устройству лапокъ, бѣлка можетъ ловко карабкаться по стволу, крѣпко держаться за сучья и обхватывать тонкія вѣтки. Даже на самыхъ тонкихъ и гибкихъ вершинахъ деревьевъ, раскачиваясь изъ стороны въ сторону—отъ сильнаго толчка или порывовъ вѣтра—она чувствуетъ себя также твердо и увѣренно, какъ человѣкъ на ровной землѣ.

«Бѣлка-грызунья»! Какъ быстро и ловко разгрызаетъ она орѣхи; какъ мастерски обгрызаетъ, въ поискахъ за сѣмечками, еловую шишку, оставляя только стерженекъ, съ «кисточкой» изъ нѣсколькихъ чешуекъ на концѣ. Такимъ мастерствомъ въ грызеніи она обязана своимъ четыремъ переднимъ зубамъ-долотцамъ, которыми снабдила ее заботливая мать-природа. И удивительные же это «долотца»! Сколько ни работаетъ ими бѣлочка, сколько ни стачиваетъ о твердую скорлупу орѣховъ—все остаются они острыми, все остаются одинаково длинными—не укорачиваются. Не укорачиваются же они потому, что по мѣрѣ истачиванія сверху, они все вновь и вновь отрастаютъ; не такъ, какъ у большинства другихъ животныхъ, у которыхъ зубы изнашиваются и укорачиваются. Эти зубы-долотца (рѣзцы) служатъ бѣлкѣ исключительно для грызенія; но, когда она разгрызла ими, напримѣръ, орѣхъ, то для того, чтобы разжевать и скушать вкусное ядро орѣха, что совсѣмъ неудобно было бы сдѣлать на острыхъ и длинныхъ рѣзцахъ,—у нея имѣются, какъ и у насъ съ вами, плоскіе коренные зубы. Но при этомъ—одна особенность: между коренными зубами и передними рѣзцами у бѣлки нѣтъ другихъ зубовъ; у нея тамъ—пустое мѣсто,—совсѣмъ не такъ, какъ у насъ съ вами. При первомъ же случаѣ, когда вамъ удастся держать въ рукахъ ручную (или мертвую) бѣлочку, вы можете въ этомъ убѣдиться. Только не совѣтую пытаться продѣлать это съ неручной, дикой бѣлкой—можетъ жестоко укусить.

«Бѣлка-игрунья»! Что можетъ быть прелестнѣе зрѣлища двухъ играющихъ на деревѣ бѣлочекъ! Тутъ и игра въ прятки—вокругъ ствола, и въ пятнашки, взапуски—вдоль ствола, до самой маковки дерева и оттуда вдругъ внизъ, съ головокружительной быстротой. Сколько граціи, ловкости, красоты во всѣхъ движеніяхъ этихъ играющихъ звѣрковъ. Вотъ тутъ-то лучше всего можно убѣдиться, какими превосходными лазательными орудіями служатъ ея рукообразныя лапки, съ ихъ острыми когтями.

Благодаря тому, что у бѣлки заднія ноги гораздо длиннѣе переднихъ, она очень легко и часто принимаетъ такое положеніе, какое принимаютъ комнатныя собачки, когда имъ приказываютъ «служить». Во время ѣды бѣлка также сидитъ большею частію въ такомъ положеніи, потому что оно позволяетъ ей держать въ переднихъ лапкахъ тотъ предметъ, который она разгрызаетъ, напримѣръ орѣхъ, еловую шишку.

Бѣлка.

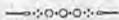
Весною бѣлка строитъ себѣ крытое гнѣздо, съ отверстіемъ сбоку. Строитъ она его изъ тонкихъ вѣтокъ, при помощи своихъ рукообразныхъ переднихъ лапокъ. Въ этомъ гнѣздѣ она выращиваетъ своихъ дѣтокъ, о которыхъ родители очень заботятся и въ случаѣ опасности переносятъ ихъ въ зубахъ въ другое мѣсто, болѣе безопасное. Съ наступленіемъ осени, когда подростія уже молодыя бѣлочки могутъ вести самостоятельную жизнь, бѣличья семья разбивается—расходится въ разныя стороны и члены ея начинаютъ вести кочевую жизнь, переходя съ мѣста на мѣсто, гдѣ больше корма. Къ зимѣ бѣлка дѣлаетъ себѣ запасы изъ орѣховъ, желудей и разныхъ другихъ лакомствъ, которыя складываются въ какое-нибудь дупло или подъ корни дерева, подъ камни и тому подобные укромныя уголки. Она умѣетъ даже сушить себѣ, про запасъ, грибы, накалывая ихъ на острые концы обломанныхъ вѣтокъ деревьевъ. Во время сильныхъ морозовъ или вьюгъ, бѣлка укрывается въ дуплѣ или гнѣздѣ и спитъ тамъ цѣлыми днями, прикрывшись, чтобы было теплѣе, своимъ пушистымъ хвостомъ. Минуютъ морозы, прекратится непогода—бѣлка проснется и опять запрыгаетъ по деревьямъ.

Лѣтомъ бѣлка имѣетъ рыжую шерсть, къ зимѣ же надѣваетъ болѣе пушистую и теплую сѣрую шубку. Вотъ почему бѣличьи шубы дѣлаютъ всегда изъ сѣраго мѣха, а не изъ рыжаго,—сѣрый бѣличій мѣхъ теплѣе.

Кромѣ орѣховъ, желудей, сѣмянъ разныхъ хвойныхъ деревьевъ, грибовъ и прочаго, бѣлка питается также древесными почками, обгрызаетъ кору у молоденькихъ деревьевъ, а также нерѣдко разоряетъ и птичьи гнѣзда. Особенно страдаютъ отъ нея полезныя лѣсныя птички, гнѣздящіяся въ дуплахъ деревьевъ. Впрочемъ, и сама прыгунья нерѣдко попадаетъ на зубокъ и въ когти разныхъ хищниковъ (куницъ, совъ, ястребовъ и другихъ), несмотря на всю свою ловкость и изворотливость. Еще больше достается ей отъ человѣка. Такъ, на сѣверѣ Россіи, въ особенности въ Сибіри, много народа

живеть бѣлкованіемъ, т.-е. стрѣляніемъ бѣлокъ и продажею добытыхъ шкурокъ. Если въ какой-нибудь мѣстности случится иной годъ неурожай на произведенія природы, которыми кормятся бѣлки, то въ такомъ случаѣ эти звѣрки собираются въ большія стаи и отправляются странствовать, въ поискахъ за пищей. Во время такихъ странствованій немало опасностей встрѣчается на пути и немало гибнетъ этихъ милыхъ звѣрковъ отъ разныхъ враговъ и напастей.

Д. Кайгородовъ.

Опять кругомъ зазеленѣли нивы,
Черемуха цвѣтетъ, блеститъ роса,
И надъ землей, свѣтлы и горделивы,
Какъ куполь храма, блещутъ небеса.

А. Апухтинъ.

ЧЕРНОЛѢСЬЕ.

ЧЕРНЫМЪ лѣсомъ или чернолѣсьемъ называетъ русскій народъ лѣсъ, состоящій изъ лиственныхъ деревьевъ, т.-е. такихъ, у которыхъ листь состоитъ изъ пластинки съ черешкомъ и которыя на зиму теряютъ свой листь—становятся черными. Береза, дубъ, липа, ясень, кленъ, вязъ, ольха, осина, тополи, разныя ивы и многія другія деревья и кустарники, растущіе въ нашихъ лѣсахъ, принадлежатъ именно къ такимъ лиственнымъ древеснымъ породамъ и составляютъ наше чернолѣсье.

Хорошо это чернолѣсье! Такое оно уютное, привѣтливое, въ сравненіи съ угрюмымъ, хотя и болѣе величественнымъ, краснымъ или хвойнымъ лѣсомъ ¹⁾. Какое славное въ немъ сочетаніе различ-

¹⁾ Нашъ народъ далъ хвойному лѣсу названіе краснаго, т.-е. красиваго (красная дѣвушка, красное солнышко) потому, что этотъ лѣсъ круглый годъ остается зеленымъ—красивымъ.

ныхъ тѣней и оттѣнковъ зеленаго цвѣта листвы, начиная со свѣтлой, сѣровато-зеленой и вѣчно тревожной осины и до темно-зеленаго, величаваго дѣдушки-дуба.

Хотя, правда, зимой, послѣ того какъ—

«Буйный вихрь сорвалъ
И развѣялъ въ прахъ»

его красу, его «густолиственный зеленый шлемъ», чернолѣсье и представляетъ довольно грустную, унылую картину:—

«Одичалъ, замолкъ,
Только въ непогодъ
Воешь жалобу
На безвременье.»

Но зато сколько радости доставляетъ намъ весеннее возрожденіе лиственного лѣса!

Кому не дорого то время, когда—

«Еще прозрачные лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ?»

У кого въ это время не бьется радостнѣе сердце и не становится на душѣ веселѣе, какъ бы праздничнѣе?!

Вотъ зазеленѣли «будто пухомъ» березы; зажелтѣли своими маленькими цвѣточными букетиками клены: заблѣли кистями бѣлыхъ цвѣтовъ черемухи и рябины; точно лиловатымъ дымомъ подернулись раскидистые ильмы и вязы, усыпанные кучечками крошечныхъ цвѣточковъ, а между тѣмъ на нихъ не видать еще ни одного листика; зарумянилась своими молоденькими листочками безпокойная осина; точно золотой пылью обсыпанныя, стоятъ цвѣтушія вербы, ракиты и ивы.

А пѣнія-то, пѣнія сколько въ это время въ лѣсу! На тысячу ладовъ, на тысячу голосовъ поютъ, переливаются и перекликаются пернатые пѣвуны отъ зари и до зари...

Но, вотъ уже и развернулось мало-по-малу все листья; одѣлись въ свой изумрудный нарядъ деревья;

«Зашумѣла дубрава,
Загудѣлъ темный лѣсъ...»

Снова возвратилась къ нему утраченная осенью

«Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская...»

Снова у него «грозно съ бурей разговоръ пойдетъ»:

«Вороти назадъ!
Держи около!»

А что за краса наше чернолѣсье осенью! Какое разнообразное сочетаніе разныхъ цвѣтовъ, тѣней и оттѣнков!

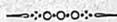
Кто не любовался осеннимъ видомъ лѣса!—

«Тамъ—въ пурпурѣ группа осинъ молодыхъ,
Здѣсь—въ золотѣ яркомъ березы...»

Какой художникъ-декораторъ сумѣлъ бы такъ очаровательно сгруппировать золото-желтыя березы, то пурпурово-красныя, то блѣдно-желтыя осины, пунцовыя рябины, ярко-желтые и румяные клены,— и все это пересыпать разнообразною зеленью ясеня, ольхи, дуба и другихъ деревьевъ, поздно или даже вовсе не мѣняющихъ зеленого цвѣта своихъ листьевъ!

Наивысшей степени красоты достигаетъ осенняя картина чернолѣсья тогда, когда между лиственными деревьями находятся, вперемежку,—то единично, то группами,—хвойныя деревья—въ особенности ель и пихта: ихъ темно-зеленыя остроконечныя пирамиды рѣзко выдѣляются на свѣтло-пестромъ фонѣ лиственныхъ деревьевъ; онѣ вносятъ красивые темные штрихи въ картину расцвѣченнаго лѣса и тѣмъ усиливаютъ производимое ею художественное впечатлѣніе.

Д. Кайгородовъ.

Чародѣйкою зимою
Околдованъ лѣсъ стоитъ
И подъ снѣжной бахромою,
Неподвижною, нѣмою,
Чудной жизнью онъ блеститъ.

И стоитъ онъ, околдованъ,
Не мертвецъ и не живой,
Сномъ волшебнымъ очарованъ,
Весь опушенъ, весь окованъ,
Легкой цѣпью пуховой.

Солнце зимнее-ли мечеть
На него свой лучъ косою,
Въ немъ ничто не затрепещетъ,
Онъ лишь вспыхнетъ и заблещетъ
Ослѣпительной красой.

Ө. Тютчевъ.

ЦВѢТЫ ЛИПЫ.

(По Н. Зобову).

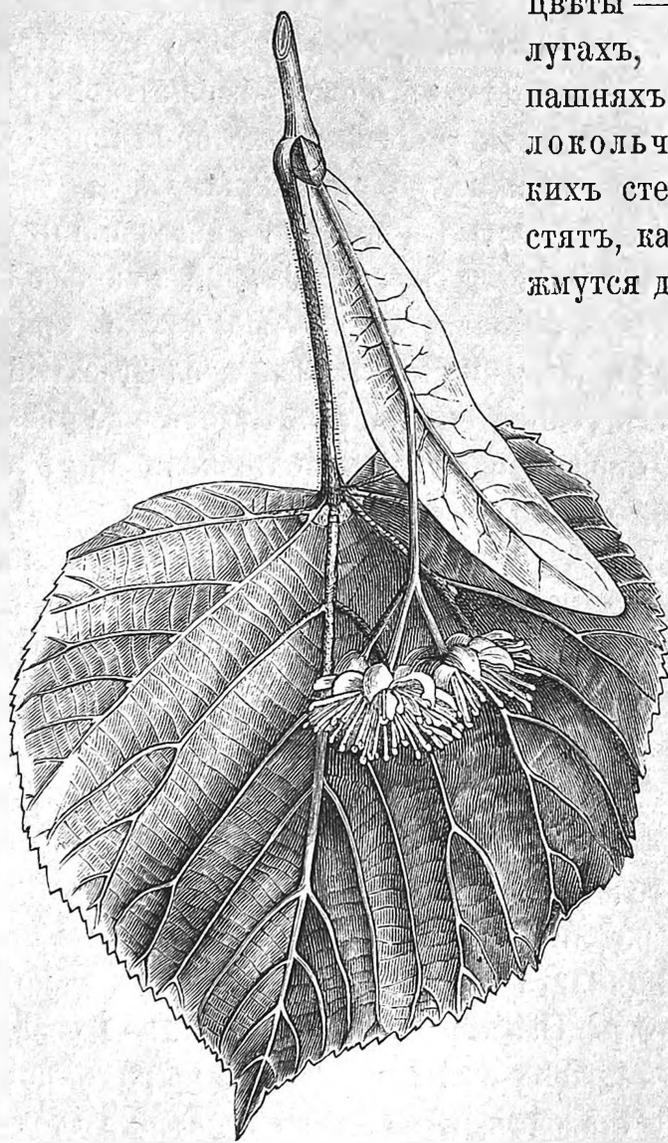

АША липа—вся въ цвѣту. Будемте разсматривать ея цвѣты—это очень любопытно! Мы узнаемъ о нихъ такія вещи, которыя прежде и въ голову намъ не приходили.

Блѣдно-желтые душистые цвѣточки липы сидятъ на концахъ развѣтвленій тоненькой цвѣточной вѣточки, къ которой также приросъ, на половину, и блѣдный продолговатый листикъ. (Объ этомъ листикѣ будетъ еще рѣчь впереди). Сорвемъ одинъ изъ цвѣточковъ липы и рассмотримъ его внимательно. Маленькіе цвѣточные листики расположены вокругъ какихъ-то нитей съ головками на концахъ. Если сосчитаемъ листики, то увидимъ, что ихъ всего 10: пять—пониже, а другіе пять—надъ ними. Нижніе листики составляютъ такъ называемую чашечку цвѣтка, а верхніе—вѣнчикъ. Нити съ головками на концахъ называются тычинками. Дотроньтесь тихонько пальцемъ до этихъ тычинокъ; не замѣтите ли вы какъ будто легкую пыль, которая высыпается изъ головокъ? Дѣйствительно, изъ нихъ высыпается пыль, а потому головки тычинокъ называются пыльниками. Но вотъ, изъ самой середины цвѣтка, окруженной тычинками, торчитъ еще что-то такое. Ощиплите осторожно всѣ тычинки, чтобы лучше можно было рассмотреть. Оказывается, что въ самой серединкѣ цвѣтка находится почти правильный косматенькій шарикъ, изъ котораго поднимается кверху столбикъ, а на самой верхушкѣ столбика утолщеніе вродѣ крошечной звѣздочки. Этотъ столбикъ, вмѣстѣ съ шарикомъ, называется пестикомъ цвѣтка; если хотите, то у липы онъ дѣйствительно очень похожъ на пестикъ отъ крошечной ступки. Пестикъ этотъ, какъ видите, состоитъ изъ трехъ частей: нижней, шарообразной, которая называется завязью; средней, продолговатой—она называется столбикомъ, и самой верхней, которая въ видѣ звѣздочки—она называется рыльцемъ. Итакъ, посмотрите, сколько разныхъ частей открыли мы въ цвѣткѣ,—какъ мудрено его устройство! Эти же части мы найдемъ и у цвѣтовъ другихъ растений, хотя

очень часто онѣ и не бываютъ въ такомъ полномъ числѣ,—иногда той или другой части недостаетъ. И уже, конечно, каждая изъ этихъ частей служить для какой нибудь надобности. Природа не создаетъ ничего лишняго, бесполезнаго. Сейчасъ мы узнаемъ, для чего служитъ каждая часть цвѣтка.

Пусть цвѣтетъ и благоухаетъ наша прекрасная липа, мы пойдемъ гулять по лугамъ и мимоходомъ будемъ разсматривать другіе

Цвѣты липы, съ листомъ и прицвѣтнымъ листикомъ (прицвѣтникомъ).

цвѣты — ихъ такъ много теперь на лугахъ, въ лѣсахъ, огородахъ, на пашняхъ. Вотъ качаются синіе колокольчики на длинныхъ и тонкихъ стебляхъ, желтые лютики блестятъ, какъ пуговицы; къ опушкѣ лѣса жмутся душистые розовые шиповники, а въ канавкахъ, гдѣ сыро, прячутся голубыя, какъ цвѣтъ неба, незабудки. Въ каждомъ изъ этихъ цвѣтовъ мы можемъ легко узнать тѣ части, которыя видѣли у липы: чашечку, вѣнчикъ, тычинки и пестики, хотя у нѣкоторыхъ эти части такъ малы, что ихъ трудно замѣтить. Но вотъ и конецъ августа. Скоро настанетъ скучная осень. Пойдемъ опять къ нашей липѣ.

Пожелтѣла, бѣдная! Какъ золото сквозятъ теперь ея листья и печально облетаютъ одинъ за другимъ. Цвѣты ея все тутъ-же, но какъ они измѣнились: ихъ узнать нельзя. Листики, чашечки и вѣнчики отпали, ихъ нѣтъ и слѣда; тычинокъ тоже нѣтъ, развѣ на которомъ нибудь торчатъ онѣ совсѣмъ засохшія; но пестики всѣ налицо, а завязи ихъ сдѣлались гораздо крупнѣе.

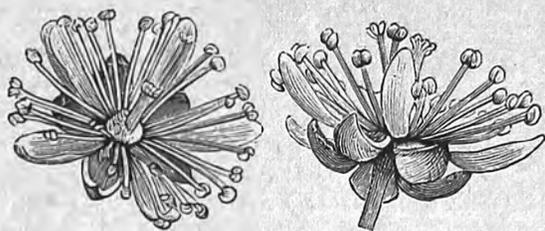
Еще черезъ нѣсколько времени мы увидимъ, что и столбикъ съ рыльцемъ отпадаетъ и остается только одна завязь. Но вѣдь это уже

еще черезъ нѣсколько времени мы увидимъ, что и столбикъ съ рыльцемъ отпадаетъ и остается только одна завязь. Но вѣдь это уже

не завязь больше, это плоды липы, это известные всѣмъ липовые орѣшки. Теперь плоды липы имѣютъ видъ крошечной черноватой груши съ жесткою скорлупкой.—Итакъ, мы узнали, для чего цвѣла липа: изъ каждаго цвѣтка образовался плодъ. Имен-

но, плодъ образовался изъ завязи, которая и названа такъ потому, что въ ней завязывается плодъ; всѣ же остальные части цвѣтка засохли и отпали, какъ болѣе уже не нужны, но въ свое время каждая изъ нихъ была необходима. Чашечка и вѣнчикъ служили защищающими цвѣтокъ покровами,—они прикрывали тычинки и пестики, когда еще цвѣтокъ не развернулся—былъ въ почкѣ—подобно тому какъ пеленки прикрываютъ младенца. По длиннымъ нитямъ тычинокъ двигался сокъ и входилъ въ пылинки, гдѣ готовилась цвѣточная пыль. Безъ этой пыли невозможно образование плода; она такъ и называется: плодотворная пыль. Когда

эта пыль созрѣла, она высыпалась изъ пыльника и пошла на рыльце, чему не мало помогали также и пчелы, прилетавшія къ липовымъ цвѣтамъ за медомъ. Изъ рыльца плодотворная пыль проникла черезъ столбикъ въ самую завязь цвѣтка. Въ этой завязи были крошечныя яички; пыль смѣшивалась съ яичками и тогда только завязь могла превратиться въ плодъ. Вся жизнь тогда влилась, такъ сказать, въ одну завязь, которая и стала разрастаться; чашечка же, вѣнчикъ, тычинки, столбикъ съ рыльцемъ, какъ болѣе не нужные, отслужившіе свою службу, стали сохнуть и отпадать. Такъ вотъ что дѣлалось съ цвѣткомъ, въ то время, когда мы беззаботно смотрѣли на него и не подозревали, какая внут-

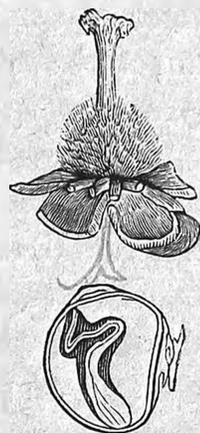

Цвѣты липы (увеличено).

Липовые орѣшки съ прицвѣтнымъ листикомъ-крыломъ.

ренная работа совершается въ немъ! Продолговатый листокъ, который мы видѣли на половину приросшимъ къ вѣточкѣ съ цвѣтами липы (отчего его и называютъ прицвѣтнымъ листкомъ или прицвѣтникомъ), этотъ листокъ тоже участвовалъ при плодахъ липы. Его назначеніе служить крыломъ, когда начнутъ облетать съ дерева липовые орѣшки, срывааемые бурными осенними вѣтрами. Благодаря этому крылу, липовые орѣшки могутъ разлетаться далеко по сторонамъ отъ своего материнскаго дерева.

Пестикъ липоваго цвѣточка и разрѣзъ липоваго орѣшка (увеличено).

Разсмотримъ теперь плоды липы. Снимемъ осторожно скорлупу съ липоваго орѣшка: внутри мы увидимъ бѣлое ядро; ядро это есть сѣмя липы. Если разрѣзать сѣмя сверху внизъ, черезъ середину, то внутри его мы увидимъ крошечное изогнутое тѣльце. Знаете, что это такое? Это—зародышъ будущаго липоваго дерева. Изъ этого-то едва примѣтнаго зародыша народится и выростетъ гордая липа, зашумитъ своимъ зеленымъ шатромъ и броситъ далеко тѣни отъ длинныхъ вѣтвей...

ЛѢСНАЯ СКАЗКА.

...Нанесли насъ сюда
Буйный вихрь да залетныя птицы...

ВЪ НѢКОТОРОМЪ царствѣ, кто-то задумалъ развести на большомъ пустопорожнемъ мѣстѣ лѣсъ. Дѣло это было поручено молодому лѣсничему, чрезвычайно трудолюбивому и аккуратному, но мало опытному. Лѣсничій нарисовалъ прекрасный планъ, на которомъ каждый лѣсной участокъ былъ обозначенъ особымъ номеромъ, и для каждаго участка было обозначено какая именно древесная порода должна на немъ расти. Такимъ образомъ будущій лѣсъ былъ уже готовъ на бумагѣ и даже сдѣланъ точный расчетъ доходовъ, которые должны получаться, въ будущемъ, съ этого лѣса. Потомъ началось сѣянiе и сажанiе деревьевъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ устроили питомники, на грядкахъ которыхъ сѣя-

лись различныя древесныя сѣмена, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи, когда вырастутъ маленькія деревца, пересадить ихъ на предназначенныя мѣста. Возами привозились молоденькія деревца, купленные изъ питомника сосѣдняго помѣщика, уже много лѣтъ занимавшагося разведеніемъ лѣса. Сотнями выкапывались изъ ближайшаго лѣса молоденькіе кленки, дубки, вязки, березки, елочки и другія деревца, росшія по лѣснымъ опушкамъ, подъ тѣнью своихъ родныхъ деревьевъ. Все это перевозилось и переносилось на носилкахъ къ мѣстамъ посадокъ,—сажалось, гдѣ было возможно, правильными рядами, и затѣмъ поливалось водой.

Только что оконченный посадкою молоденькій «новый лѣсъ» выглядывалъ точно садъ. Въ немъ и чисто было такъ же, какъ въ хорошо-содержимомъ саду, потому что все постороннее изъ него изгнано: всякій, даже самый назначительный кустикъ орѣшника, можжевельника, дикой малины, вырубался и выкорчевывался до послѣдняго корешка.

Надо замѣтить, что молодой лѣсничій, прилежно изучавшій въ школѣ лѣсное дѣло, выбралъ для каждой породы деревецъ такія мѣста, какія они наиболѣе любятъ. Такъ, на примѣръ, сосенкамъ онъ отвелъ песчаный холмъ; подъ дубъ и клень—хорошія плодородныя мѣста; по сырымъ низинамъ—гдѣ пустилъ ясень, гдѣ—ольху; на свѣжихъ глинистыхъ мѣстахъ посадилъ ель и березу, и т. д.

Всѣ радовались вновь появившемуся лѣсочку: радовались прохожіе, радовался хозяинъ прежняго пустопорожняго мѣста, радовался молодой лѣсничій, трудомъ и энергіей котораго все это было создано; и, конечно, онъ радовался больше всѣхъ, любуясь стоявшими въ правильныхъ рядахъ деревцами и слыша со всѣхъ сторонъ похвалы своему знанію и умѣнью.

Но, не такъ думалъ Лѣсной Царь, верховный владыка лѣсовъ—повелитель Зеленаго Царства.

Онъ сидѣлъ на тронѣ. Тронъ его опирался на могучіе сучья столѣтняго дуба, который возвышался надъ старымъ лѣсомъ, покрывавшимъ окрестные холмы. Борода его—длинная, густая, зеленая, перевитая сѣдыми мхами—свѣшивалась до самой земли. По обѣимъ сторонамъ трона, на вѣткахъ дуба, сидѣли два огромные старые филина.

Сначала лѣсной владыка съ удовольствіемъ смотрѣлъ на происходившія приготовленія къ разведенію новаго лѣса, радуясь расшпре-

нію своихъ владѣній. Но, когда стали появляться правильные ряды деревьевъ, а склоны холмовъ и низменности долины стали раздѣляться правильными рядами на клѣтки, подобно шахматной доскѣ; когда онъ увидѣлъ, что въ одномъ мѣстѣ садятъ все одну только сосну, въ другомъ—одинъ только дубъ, въ третьемъ—одну только ель, въ четвертомъ—одну только ольху и т. д.,—чело его начало хмуриться, и чѣмъ дальше, тѣмъ оно все больше и больше хмурилось... Наконецъ, когда по окончаніи работъ вѣтеръ донесъ до его слуха приказаніе, отданное лѣсничимъ, чтобы сторожа внимательно смотрѣли за тѣмъ, чтобы въ разведенныхъ лѣсныхъ участкахъ отнюдь не появлялись постороннія деревья,—Лѣсной Царь грозно сдвинулъ брови и потряхнулъ своей бородой такъ, что съ нея посыпался цѣлый дождь сѣдыхъ мховъ. Затѣмъ, онъ повелѣлъ своимъ филинамъ облетѣть весь лѣсъ и собрать къ его трону старѣйшинъ отъ всѣхъ породъ деревьевъ и отъ всѣхъ породъ птицъ, которыя кормятся сѣменами и ягодами лѣсныхъ деревьевъ и кустарниковъ.

Въ ночь на Ивана Купала собрались вокругъ трона своего повелителя старѣйшіе дубы, клены, ясени, осины и другія лиственные деревья, между которыми возвышались хвойные великаны—сосны и ели. Когда всѣ эти деревья размѣстились по своимъ мѣстамъ, тогда со всѣхъ сторонъ начали слетаться дрозды, дубоносы, сойки, снѣгири, чижи, чечетки, зяблики и разныя другія птицы, и въ почтительномъ молчаніи разсаживались по деревьямъ. Когда слетѣлись всѣ птицы и водворилась торжественная тишина, тогда владыка лѣсовъ обратился къ собранію со слѣдующее рѣчью:

«Куда дѣвалась красота моего лѣса?»

Онъ сказалъ, и слова его пронеслись бурнымъ порывомъ между вершинами... У пугливой осины всѣ листики затрепетали...

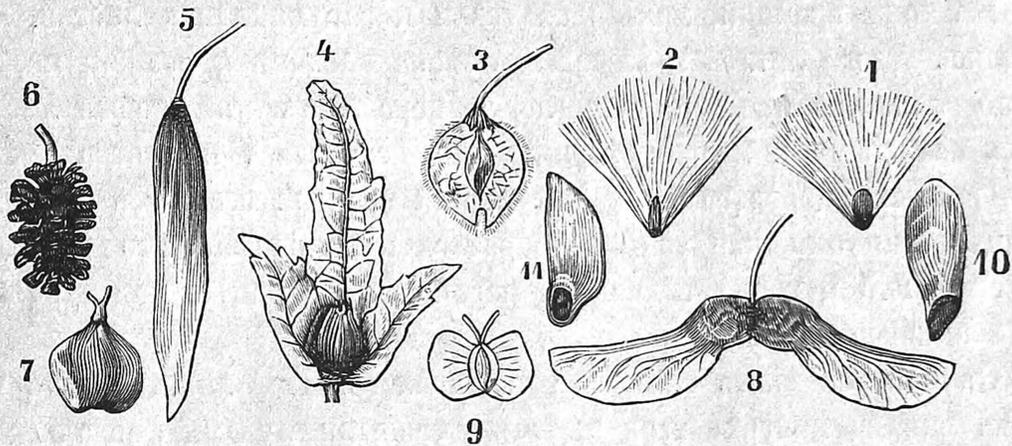
«Люди расчерчиваютъ землю прямыми линіями въ клѣтки, точно шахматную доску. Все должно расти прямолинейно, по ихъ желанію и предназначенію; я же не терплю прямыхъ линій—въ нихъ нѣтъ красоты!.. Взгляните на вашу молодежь, разсаженную тамъ лѣсничимъ въ прямые ряды и клѣтки: имъ предназначена печальная участь вѣчной разлуки съ ихъ друзьями и подругами изъ другихъ древесныхъ породъ. Восхитительная прелесть пестраго разнообразія моего лѣса исчезаетъ, и куда я ни взгляну, повсюду вижу одно лишь печальное однообразіе. Воспряньте, дѣти мои! Для чего даны вашимъ сѣменамъ крылья и легкій пушокъ, какъ не для того, чтобы вы могли, весело путешествуя по воздуху, селиться гдѣ вамъ вздумается? И для чего даны въ избыткѣ плоды и ягоды вамъ,

птицы, какъ не для того, чтобы, лакомясь ими, вы вмѣстѣ съ тѣмъ и разносили въ разныя стороны скрытыя въ ихъ мякоти сѣмена?»

«Надѣюсь, вы меня поняли!.. Ступайте же и исполните вашъ долгъ!»

Такъ говорилъ повелитель лѣсовъ. Деревья и птицы поняли его, и—исполнили свой долгъ...

Еще не успѣли распуститься въ саду у лѣсничаго розы, какъ уже тронулись въ путь, снимаемая шаловливымъ вѣтеркомъ съ деревьевъ, серебристыя облачка свѣжихъ, пушистыхъ сѣмянъ осины, тополей и ивъ. Они плавно пролетали надъ «новымъ лѣсомъ», какъ

Древесныя сѣмена.

1—осины; 2—ивы; 3—вяза; 4—граба (уменьшен.); 5—ясеня; 6—раскрывшаяся сѣмянная шишечка ольхи; 7—сѣмя ольхи (увеличен.); 8—клена (уменьш.); 9—березы (увелич.); 10—ели; 11—сосны.

бы высматривая наиболѣе подходящія для себя мѣста. Ивовыя и тополевыя сѣмена опустились на сырыя низменности, частію между ольхами, частію между ясенями. Ихъ налетѣло сюда такъ много, что вся земля между рядами насаженныхъ лѣсничимъ деревьевъ почти сплошь покрылась, точно снѣгомъ, серебристымъ пушкомъ. Основныя сѣмена протянули немного далѣе, къ дубкамъ, и частію насѣялись между ними, частію же пріютились по краямъ дорожныхъ канавъ. Многія ивовыя и тополевыя сѣмена спустились въ проточную воду большой прямой канавы, въ которую хозяинъ луга превратилъ протекавшій прежде здѣсь красивымъ извилинами ручей; они плыли внизъ и приставали къ берегамъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на пути имъ встрѣчались какія-либо препятствія.

Вскорѣ послѣ того выучились летать и сѣмена вяза. Точно рои пчель закружились они, въ одинъ прекрасный день, около своихъ родныхъ деревьевъ и, подхваченныя сильнымъ западнымъ вѣтромъ, понесли на своихъ широкихъ, круглыхъ крыльяхъ по направле- нію къ «новому лѣсу», гдѣ и опустились въ участкахъ, засажен- ныхъ дубками и кленами.

Еще не окончилось лѣто, какъ приготовились уже въ путь и сѣмена веселыхъ березокъ. Безчисленнымъ множествомъ крошечныхъ буренькихъ бабочекъ неслись и кружились они надъ «новымъ лѣ- сомъ». Значительная часть ихъ спустилась къ своимъ подругамъ— елкамъ, остальные же разсѣялись повсюду, гдѣ для другихъ деревь- евъ было недостаточно хорошо: вѣдь березки очень невзыскательны и неприхотливы въ своихъ желаніяхъ.

Къ тому времени, какъ пожелтѣли и зарумянились листья, на- учились также летать и тяжелыя сѣмена кленовъ и ясеней; но, хо- рошо зная, что имъ не такъ легко перелетѣть въ «новый лѣсъ», какъ осиновому и ивовому пушку, они оставались на вѣткахъ сво- ихъ родныхъ деревьевъ, до наступленія времени осеннихъ бурь. Къ концу осени они уже успѣли добраться и до ближайшаго дубоваго участка, гдѣ и размѣстились въ перемежку съ ранѣ налетѣвшими туда вязовыми сѣменами.

Съ наступленіемъ зимы все успокоилось. Но, лишь только де- ревя начали пригрѣваться первыми теплыми лучами февральскаго солнца, какъ ълхи начали раскрывать чешуйки своихъ жесткихъ, черно-бурыхъ шишечекъ и ронять изъ нихъ свои мелкія безкрылыя сѣмена, покрывая снѣгъ безчисленнымъ множествомъ черныхъ точе- чекъ. Когда снѣгъ началъ таять и вешнія воды струйками побѣ- жали по покатостямъ, онѣ подхватили съ собой и ольховыя сѣмена. Достигнувъ «новаго лѣса», сѣмена ольхи пристроились въ немъ въ разныхъ мѣстахъ—преимущественно вдоль канавъ и по сырымъ ни- зинамъ, въ перемежку съ ясенями, ивами и тополями.

Наконецъ, почти одновременно съ появленіемъ вешнихъ водъ, раскрылись тысячи сосновыхъ и еловыхъ шишекъ. Тогда, высвобо- дившіяся изъ-подъ ихъ чешуекъ, крошечныя, снабженныя крылыш- ками сѣмена, безчисленными буренькими волчками закружились въ воздухѣ, и также понесли, гонимыя вѣтромъ, по направле- нію къ «новому лѣсу». Они, конечно, уже не стали спрашивать, будетъ ли имъ дозволено поселиться въ «новомъ лѣсу», а спокойно опускались, гдѣ имъ вздумалось, между своими друзьями и родственниками.

Не менѣе дѣятельны были также и птицы, въ исполненіи возложеннаго на нихъ лѣснымъ царемъ порученія. Правда, легкомысленныя голубокрылыя сойки не особенно много нароняли дубовыхъ желудей, во время своихъ перелетовъ надъ «новымъ лѣсомъ»; но зато сколько натаскали туда рябиновыхъ, черемуховыхъ, калиновыхъ, бузиновыхъ, крушинныхъ и разныхъ другихъ ягодъ прилежные дрозды, снѣгири, дубоносы, иволги и прочія разныя лакомки до сочныхъ ягодъ! Нѣкоторыя иволги, скворцы, дрозды и другіе смѣльчаки были настолько даже дерзки, что таскали въ «новый лѣсъ», изъ сада самого лѣсничаго, самыя вкусныя вишни. Полакомившись сочною мякотью, онѣ бросали косточки на землю, зная очень хорошо, что изъ этихъ косточекъ на будущій годъ вырастутъ новыя вишневыя деревца. А плуть-дубоносъ, несмотря на свой неуклюжій, глуповатый видъ, нерѣдко, подъ шумокъ, разгрызалъ даже и вишневыя косточки, лакомясь заключавшимися въ нихъ зернышками, до которыхъ онъ большой охотникъ. Но, кто принесъ ягоды крыжовника и насѣялъ ихъ вдоль дороги—этого до сихъ поръ никто не знаетъ. Лѣсной орѣшникъ насѣяла, во многихъ мѣстахъ, маленькая грызунья-бѣлочка. У нея была привычка, наѣвшись до-сыта вкусныхъ орѣховъ, прятать остатки отъ обѣда въ разныхъ мѣстахъ, подъ мохомъ. Конечно, она часто забывала про нихъ или не могла ихъ найти, и такимъ образомъ изъ нихъ повыросли кой-гдѣ кусты орѣшника.

Такъ дѣлали въ порядкѣ свое дѣло деревья, птицы и даже животныя, какъ этого желалъ и требовалъ повелитель Зеленаго Царства. Но, были двѣ птицы,—клестъ и снѣгирь,—которыя ухитрились сдѣлать даже нѣчто совсѣмъ невѣроятное. Однажды, плотно покушавъ вкусныхъ еловыхъ зернышекъ на старой елкѣ, кривоносый клестъ прилетѣлъ въ «новый лѣсъ» и, усѣвшись на росшую при дорогѣ, давно уже сломанную до половины бурей, старую иву (которая, однако, продолжала ежегодно зеленѣть своими боковыми вѣтвями), сталъ чистить свой запачканный въ еловой смолѣ клювъ, къ которому оказалось случайно приставшимъ одно еловое сѣмячко. По слѣдствіемъ этого было то, что на сгнившей макушкѣ обломанной ивы выросла молоденькая елочка, пустившая свои корешки въ землистую гниль ивы, и мало-по-малу стала стройнымъ деревцомъ, даже болѣе высокимъ, чѣмъ сама ива. Это чудо природы не давало покою одному толстоносому снѣгирю, а такъ какъ съ елью ему никакъ не удавалась подобная штука, то онъ вздумалъ попробовать это съ рябиной, и однажды натаскалъ нѣсколько красныхъ рябиновыхъ ягодъ въ дупло другой старой ивы. Къ величайшей радости нашего

толстоносаго пріятеля, изъ ивоваго дупла въ одинъ прекрасный день показалась молоденькая рябинка, которая вскорѣ бодро вытянулась къверху, зацвѣла и начала приносить красныя ягоды—точно она росла не на чужомъ деревѣ, а на землѣ. «Ну»,—думалъ снѣгирь,—«теперь это чудо-дерево принадлежитъ мнѣ одному, и я одинъ буду отнынѣ лакомиться его вкусными красными ягодами». Но, не тутъ-то было: въ первый же прекрасный осенній день налетѣли стаей нахальные дрозды и, не спросясь хозяина, до-чиста обчистили его рябинку...

Прошло около десяти лѣтъ съ того времени, какъ деревья и птицы начали исполнять приказаніе своего повелителя, и до того времени, когда посѣянная клестомъ на старой ивѣ елка выросла въ стройное деревцо, а снѣгирева рябинка начала приносить плоды.

Нужно ли говорить, что твореніе лѣсничаго стало неузнаваемо!

Куда дѣвались прямыя ряды деревьевъ? Куда дѣвалось скучное однообразіе участковъ?..

Повелитель Зеленаго Царства попрежнему сидѣлъ на своемъ тронѣ, на старомъ дубѣ, но уже не хмурился, а самодовольно улыбался, любуясь на красивыя, ранообразно-смѣшанныя группы деревьевъ.

А лѣсничій? Что онъ сказалъ, увидавъ, что всѣ его столь прекрасно задуманные въ кабинетѣ планы и расчеты доходовъ должны быть вновь переделаны?

Разумѣется, сначала онъ ужасно сердился на незваныхъ гостей. Много березокъ и елокъ было вырвано съ корнемъ по его приказанію; но затѣмъ онъ махнулъ рукой и предоставилъ расти гдѣ чему нравилось. Мало-по-малу онъ свылся съ незваными пришлецами и даже сталъ радоваться, видя, какъ посаженные имъ деревца бодро и весело растутъ въ сообществѣ со своими друзьями изъ другихъ древесныхъ породъ, съ которыми онѣ привыкли вмѣстѣ расти на свободѣ, въ лѣсу. Къ тому же, еще въ первые годы многія изъ вновь посаженныхъ деревецъ засохли, такъ что во многихъ мѣстахъ образовались прогалины, которыя очень даже кстати заполнились деревцами, выросшими изъ налетѣвшихъ сѣмянъ. Наконецъ, съ каждымъ новымъ годичнымъ побѣгомъ, который заканчивали сосны и ели, лѣсничій нашъ становился годомъ старше, а съ годами человѣкъ дѣлается терпѣливѣе и благоразумнѣе. Онъ предоставилъ даже ручью течь попрежнему, извилинами, послѣ того, какъ одно необычайно высокое весеннее половодье снова направило его въ старое русло, и

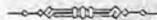
радовался, глядя на стройные тополи и густые кусты ивъ, раскинувшіеся по берегамъ ручья.

Когда, однажды, заѣзжій изъ сосѣдняго городка художникъ, любясь съ балкона домика лѣсничаго на живописный видъ «новаго лѣса», началъ высказывать похвалы лѣсничему, знанію и умѣнью котораго онъ все это приписывалъ, лѣсничій отвѣтилъ:

— Благодарю васъ. Мнѣ, дѣйствительно, стоило много труда и заботъ разведеніе этого лѣса, но, сказать вамъ правду, то, что вамъ именно больше всего нравится въ немъ—его живописная красота—въ этомъ менѣе всего я повиненъ: это—произведеніе природы, дѣло рукъ Божіихъ... У меня было задумано нѣчто совсѣмъ иное... Но—все, что ни дѣлается,—къ лучшему... Врядъ ли росли бы посаженныя мною дерева (въ каждомъ участкѣ отдѣльными породами) такъ же хорошо, какъ они растутъ теперь, охраняемая и подгоняемая кверху налетомъ изъ другихъ древесныхъ породъ, отъ сосѣдняго стараго лѣса. Хотя не мало существуетъ хорошихъ искусственно-разведенныхъ лѣсовъ, деревья которыхъ стоятъ правильными рядами (такъ же, какъ они были первоначально посажены и у меня), но они, конечно, много уступаютъ въ красотѣ этому лѣсу, которымъ вы теперь любуетесь. Если бы мнѣ когда-нибудь опять привелось вновь разводить лѣсъ, то хотя бы я снова сталъ сажать его, по всей вѣроятности, правильными рядами (такъ какъ это все-таки наиболѣе удобный способъ посадки), но при этомъ я сумѣлъ бы теперь сдѣлать такъ, чтобы было и хорошо, и красиво, какъ этому научила меня сама природа—нашъ лучшій учитель въ подобныхъ дѣлахъ».

Такъ говорилъ лѣсничій. Художникъ одобрительно кивалъ ему головой. Повелитель Зеленаго Царства, до котораго крылатый вѣтеръ донесъ слова лѣсничаго, милостиво улыбался съ высоты своего трона, на старомъ дубѣ...

Д. Кайгородовъ.

О ПАПОРОТНИКЪ.

(По Н. Зобову).

СЯКІЙ, кто бывалъ въ лѣсу, вѣрно знаетъ папоротники. Они являются иногда очень красивыми растеніями, съ большими тонко-вырѣзными листьями, и растутъ обыкновенно въ самой глухой лѣсной тѣни, въ оврагахъ, по лѣснымъ рѣчкамъ, на сырой и черноземной землѣ, гдѣ тлѣетъ много опавшаго съ деревьевъ листа. У папоротниковъ въ землѣ скрытъ черный, короткій и толстый подземный стебель, изъ котораго выходятъ спутанные, тонкіе корни, словно борода. Изъ этого стебля растутъ пучкомъ длинныя, иногда чуть не въ ростъ человѣка, красивые разрѣзные листья. Бываютъ, конечно, папоротники и другого вида, мелкіе, приземистые, всего съ однимъ листочкомъ, но для насъ довольно, если мы обратимъ вниманіе на самыя крупныя изъ нихъ. Но, вотъ что странно: отчего на папоротникахъ никогда не бываетъ цвѣтовъ? Хотя, въ народѣ, по деревнямъ, и существуетъ повѣрье будто-бы папоротникъ цвѣтетъ одинъ разъ въ году, именно въ ночь на Ивановъ день,—будто бы у него цвѣтокъ большой, огненный, и съ этимъ цвѣткомъ, будто-бы, можно находить зарытыя въ землѣ клады, но—вѣдь это такой вздоръ, что его могли выдумать только глупые люди отъ бездѣлья. Никогда не цвѣтутъ папоротники и цвѣтовъ на нихъ никогда не бываетъ. Да, впрочемъ, развѣ одни только папоротники не цвѣтутъ? А видѣлъ ли ктонибудь, чтобы грибы цвѣли? Точно также никогда не цвѣтутъ и мхи—эти маленькія травянистыя растенъица, съ тонкими стебельками, густо усаженными мелкими листиками,—а вѣдь мхи покрываютъ сплошь обширныя пространства болотъ, словно желтовато-зеленымъ ковромъ; какъ бы, казалось, не замѣтить на нихъ цвѣтовъ?

Не цвѣтутъ также и лишай—эти сухія, безсочныя растенія, которыя покрываютъ стволы деревьевъ и голые камни разноцвѣтными узорами, или висятъ съ вѣтвей старыхъ елей въ видѣ длинныхъ спутанныхъ бородъ, или тѣснятъ на болотистыхъ мѣстахъ въ видѣ крошечныхъ бѣловатыхъ развѣтвленныхъ кустиковъ. Все дѣло въ томъ, что есть много растеній, которыя вовсе не имѣютъ цвѣтовъ. Но, въ такомъ случаѣ они, конечно, не имѣютъ также плодовъ и сѣмянъ? Какъ же они размножаются?

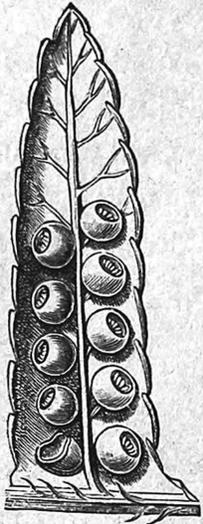
Чтобы видѣть, какъ размножаются эти безцвѣтковые растенія, обратимся опять къ разсмотрѣнію нашихъ папоротниковъ.

Осмотрите хорошенько папоротники въ іюлѣ или въ августѣ мѣсяцахъ. Не видите ли вы на нижней сторонѣ ихъ листиковъ какія-то бурья бородавочки, расположенныя рядами? Что-же это за бородавочки? Онѣ должны же имѣть какое-нибудь значеніе, потому что природа ничего не создаетъ напрасно. При разсматриваніи въ сильно увеличивающія стекла микроскопа, оказывается, что эти мелкія, сухія бородавочки представляютъ собою мѣшечки, наполненные множествомъ крошечныхъ крупинокъ. Я вамъ скажу, что эти крупинки называются въ наукѣ спорами. Когда же бородавочка совсѣмъ созрѣетъ—она лопається и изъ нея споры высыпаются. Попадая на влажную почву, спора лежитъ нѣкоторое время безъ измѣненія, но вдругъ въ ней начинается какая-то внутренняя работа и она, т. е. спора, разрастается въ очень

изъ родной природы.

Папоротникъ (а—разворачивающіеся молодые листья).

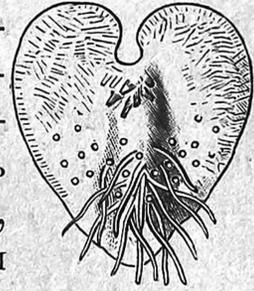
Часть листа папоротника со споровыми бо-
родавочками
(увеличено).

если же и бывают такія части, } которыя имѣютъ нѣчто общее съ цвѣтами, то онѣ являются всегда на предросткѣ папоротника; на самомъ-же папоротникѣ образуются уже прямо служащія для его размноженія крупинки — споры.

Подобныя же споры бываютъ и у всѣхъ другихъ безцвѣтковыхъ растений: у мховъ, лишайевъ, грибовъ, у той зеленой тины, которая встрѣчается въ стоячихъ водахъ, у той бѣловатой плѣсени, которая появляется на залежаломъ хлѣбѣ, на чернилахъ. Всѣ такія растенія называются поэтому споровыми; называютъ ихъ также и безцвѣтковыми, потому что на нихъ никогда не бываетъ цвѣтовъ.

маленькій, изумрудно-зеленый, плоскій листочекъ, изъ котораго выходятъ въ землю многочисленные мелкіе корешки. Этотъ листочекъ съ корешками называется предросткомъ папоротника. На этомъ предросткѣ, на нижней его сторонѣ, появляются особые придатки, имѣющіе нѣкоторое, впрочемъ весьма отдаленное, сходство съ тычинками и пестиками цвѣтовъ.

Изъ одного изъ такихъ, похожихъ на пестикъ, придатковъ, мало-по-малу вырастаетъ на-стоящій папоротникъ; предростокъ же засыхаетъ и пропадаетъ. Такимъ образомъ, на папоротникѣ никогда не бываетъ цвѣтовъ,

Предростокъ папоротника
(увеличено).

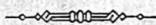

Папоротники.

....Туда дорога лѣсомъ,
 А лѣсъ густой: березы да осины
 Переплелися, спутались вѣтвями,
 Какъ волоса; а молодой кустарникъ
 Сплошнымъ плетнемъ раскинулся, разросся—
 Проходу нѣтъ.

....Давно ужъ это было,
 А какъ теперь гляжу на этотъ лѣсъ:
 Уютъ, прохлада; солнышко, какъ зайчикъ,
 По молодымъ кустамъ перебѣгаетъ;
 Мохъ, что коверъ шелковый подъ ногами...
 А впереди деревья гуще, гуще,
 Темнѣй, темнѣе: такъ къ себѣ и манятъ.
 Иду—кругомъ грибовъ и ягодъ вдоволь:
 Тутъ боровикъ, волнянка, подорѣшникъ;
 Тутъ земляника... Тишь въ лѣсу такая,
 Что ни одинъ листокъ не шелохнется.
 Вотъ слышится мнѣ, будто-бы кукушка
 Кукуетъ гдѣ-то, только далеко...

Л. Мей.

Г Р И Б Ы.

НОГОЧИСЛЕННЫЙ, разношерстный и со-
 всѣмъ своеобразный грибной народецъ
 представляетъ собою одно изъ самыхъ
 интересныхъ произведеній природы, одинъ
 изъ любопытнѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ
 важнѣйшихъ отдѣловъ міра растений. Вку-
 сный трюфель, растущій подъ землею
 въ видѣ клубней картофеля; общій лю-
 бимецъ, бѣлый грибъ (боровикъ); ядо-
 витый мухоморъ; растущая на больныхъ де-
 ревяхъ губка, изъ которой готовятъ труть;
 слезоточивый трутнякъ (морщинникъ), пре-
 вращающій въ труху толстыя поперечныя балки въ сырыхъ строенияхъ;
 сѣрватая плѣсень, образующаяся въ банкѣ чернилъ и на залежав-

шемся ломтѣ хлѣба; дрожжи, заставляющія бродить пиво или подниматься кверху хлѣбное тѣсто (т.-е. не тотъ собственно комочекъ тѣста, который продается въ лавкахъ подъ именемъ дрожжей, а то вызывающее броженіе вещество, которое въ этомъ тѣстѣ находится)— все это грибы.

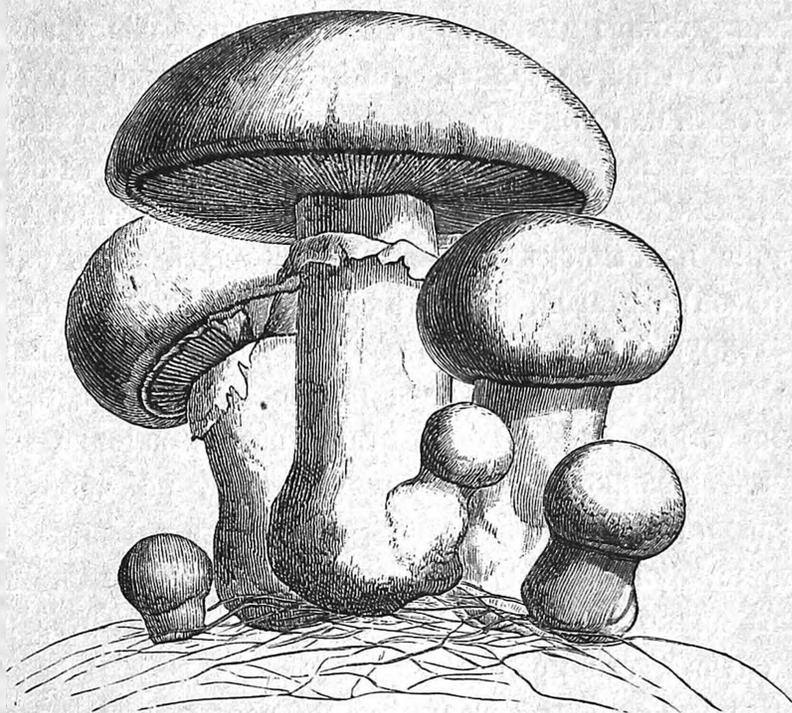
Еще не такъ давно ботаниками насчитывалось до 150,000 видовъ различныхъ грибовъ, но въ настоящее время ихъ должно быть извѣстно уже гораздо болѣе, такъ какъ ученые грибовѣды безпрестанно открываютъ все новые и новые виды грибовъ. Изъ этого огромнаго количества различныхъ грибовъ лишь весьма ничтожная часть приходится на долю тѣхъ, которыхъ мы привыкли называть въ обыденной жизни грибами и собираніе которыхъ составляетъ любимое лѣтнее времяпрепровожденіе и старыхъ и малыхъ. Громадное же большинство грибовъ принадлежитъ къ такимъ, которые можно рассмотреть лишь подъ сильно увеличивающимъ микроскопомъ. Таковы, напримеръ, грибки плѣсневые, дрожжевые, ржавчениковые (образующіе ржавыя пятна на листьяхъ нѣкоторыхъ растеній) и много другихъ.

Хотя грибы и составляютъ самую многочисленную семью въ мірѣ растеній, но стоятъ они на самой низкой ступени растительнаго царства, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни настоящихъ корней, ни стебля, ни листьевъ, ни цвѣтовъ. Вмѣстѣ съ папоротниками, хвощами, мхами, лишаями и водорослями, грибы принадлежатъ къ отдѣлу такъ называемыхъ безцвѣтковыхъ или споровыхъ растеній, между которыми занимаютъ самое послѣднее мѣсто. Одно изъ важнѣйшихъ отличій грибовъ отъ большинства остальныхъ растеній, заключается въ томъ, что они не имѣютъ такъ называемой листозелени (хлорофила), т.-е. тѣхъ крошечныхъ зеленыхъ крупинокъ, отъ присутствія которыхъ прочія растенія получаютъ свой прекрасный зеленый цвѣтъ.

Вслѣдствіе того, что грибы не имѣютъ листозелени, они должны и питаться совершенно иначе, чѣмъ другія растенія. Дѣло въ томъ, что, при посредствѣ листозелени, растеніе вырабатываетъ себѣ изъ воздуха и притекающаго изъ земли, черезъ корни, сока, различные питательныя вещества, на счетъ которыхъ оно и растетъ, т.-е. увеличивается въ объемѣ и образуетъ новыя почки, побѣги, листья, цвѣты и плоды. Грибы же, не имѣя листозелени, не могутъ сами вырабатывать для себя необходимыхъ для своего роста питательныхъ веществъ, а должны брать ихъ готовыми отъ растеній или животныхъ. Вотъ почему грибы растутъ всегда на мертвыхъ или живыхъ растеніяхъ и животныхъ, или на ихъ остаткахъ. Гниющіе остатки, сырость, теплота и ограниченный доступъ свѣта—вотъ условія, болѣе или менѣе необходимыя для произрастанія грибовъ. Оттого мы

и находимъ такъ много грибовъ, и притомъ самыхъ крупныхъ, именно въ лѣсу, потому что тамъ всегда вдоволь перегной отъ опавшихъ листьевъ и сучковъ, много влаги въ землѣ и воздухѣ отъ постоянной тѣни, доставляемой деревьями. Итакъ, грибы всегда растутъ на какомъ-нибудь чужомъ организмѣ—живомъ или мертвомъ; сами же, самостоятельно, питаются отъ земли и воздуха, (какъ это дѣлаютъ другія зеленыя растенія), не могутъ.

Вырастаютъ грибы изъ мельчайшихъ круглыхъ крупинокъ или, вѣрнѣе, пузырьковъ, состоящихъ изъ оболочки и содержащейся въ

Грибница и плодовые тѣла гриба-шампиньона.

ней слизистой жидкости. Эти зернышки, или пузырьки, называются спорами. Спора не есть сѣмя, потому что въ каждомъ настоящемъ сѣмени находятся въ зачаточномъ состоянii (въ зародышѣ) главныя части будущаго растенія—корень, стебель и листья; въ спорѣ же ничего подобнаго не заключается. Итакъ, спора гриба не есть сѣмя, но имѣетъ одинаковое назначенiе съ сѣменемъ: служить для размноженiя этого гриба.

У различныхъ грибовъ споры образуются въ различныхъ мѣстахъ. Такъ, напримѣръ, у бѣлаго гриба, березовика и другихъ губчатыхъ грибовъ, имѣющихъ на нижней сторонѣ шляпки такъ называемую губку, споры образуются во множествѣ въ тѣхъ тоненькихъ трубочкахъ, изъ которыхъ состоитъ такая губка. Когда грибокъ созрѣетъ, то трубочки эти внизу открываются (отчего нижняя поверх-

ность шляпки зрѣлаго губчатого гриба кажется словно истыканною булавкой) и споры изъ нихъ выпадаютъ. У сыроѣжки, мухомора, рыжика и другихъ подобныхъ пластинчатыхъ грибовъ (имѣющихъ на нижней сторонѣ шляпки пластинки, расходящіяся въ видѣ лучей отъ середины къ краямъ шляпки) споры образуются на этихъ самыхъ пластинкахъ, и именно на ихъ боковыхъ поверхностяхъ. Если шляпку зрѣлаго мухомора положить нижней ея стороною на черную бумагу, то черезъ нѣсколько часовъ на бумагѣ можно замѣтить бѣлый порошокъ, расположенный лучами, соотвѣтственно расположенію пластинокъ въ шляпкѣ гриба: порошокъ этотъ и есть ничто иное, какъ споры мухомора, осыпавшіяся съ пластинокъ шляпки, на которыхъ онѣ образовались. Тоже самое можно продѣлать и со всякимъ другимъ пластинчатымъ грибомъ. При этомъ, лучше всего, срѣзанную ножомъ съ пенька шляпку приколоть, черезъ середину, надъ бумагой двухъ цвѣтовъ—свѣтлаго и темнаго, и именно такъ, чтобы одна половина пластинокъ шляпки приходилась надъ свѣтлой (напримѣръ, бѣлой) бумагой, а другая—надъ темной (черной, синей). Черезъ часъ-другой споры насѣются изъ шляпки, и если онѣ свѣтлаго цвѣта, то ясно будутъ видны на темной бумагѣ, если же темнаго,—то на свѣтлой. Если при этомъ опытѣ шляпка гриба была помѣщена въ спокойномъ углу комнаты, гдѣ не часто проходятъ мимо и куда не попадаетъ вѣтеръ, то споры насѣются такъ правильно, что на бумагѣ получится настоящій «портретъ» пластинчатой стороны шляпки. Этотъ опытъ очень интересенъ, и совѣтую вамъ, при случаѣ, его продѣлать.

У сморчковъ споры образуются на верхней, морщинистой поверхности шляпки. У дождевика (изъ котораго, если на него наступить, вылетаетъ зеленоватая пыль—такъ называемый «чортовъ табакъ») споры образуются внутри шарообразнаго гриба, изъ котораго вылетаютъ въ видѣ пыли, когда грибъ лопнетъ.

Цвѣтъ споръ у различныхъ грибовъ бываетъ различный: бѣлый, желтый, бурый и другихъ цвѣтовъ. О цвѣтѣ споръ того или другого гриба можно большею частію судить по цвѣту нижней поверхности шляпки: при свѣтломъ ея цвѣтѣ—свѣтлыя споры, при темномъ—темныя.

Легкія, какъ пыль, споры гриба свободно разносятся вѣтромъ во всѣ стороны, на большое разстояніе, и, упавъ на подходящее мѣсто, прорастаютъ, если только при этомъ ихъ окружаютъ тепло и сырость.

Прорастаніе споры заключается въ томъ, что оболочка ея лопается и содержимое выходитъ наружу, на подобіе небольшого со-

сочка; сосочекъ этотъ скоро начинаетъ вѣтвиться и, разрастаясь все больше и больше, образуетъ такъ называемую грибницу. Грибница эта и представляетъ собою собственно самую существенную, растительную часть растенія-гриба. Развившись изъ споры, на примѣръ, на какомъ-нибудь деревѣ, грибница проникаетъ въ древесную ткань и, питаясь ея составными частями, вызываетъ у живого дерева болѣзнь и даже смерть, у мертваго же или срубленнаго—гниль и разрушеніе.

Если въ лѣсу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ найденъ на землѣ грибокъ, осторожно раскопать землю, то всегда можно найти въ ней, среди полусгнившей прошлогодней листвы или хвои, грибницу, имѣющую видъ нѣжнаго плѣсневиднаго войлочка, состоящаго изъ тоненькихъ ниточекъ, пронизывающихъ землю въ разныхъ направленіяхъ. Самый же грибокъ, т.-е. то, что обыкновенно въ общепитіи называютъ грибомъ, есть ничто иное, какъ плодовое тѣло растенія-гриба, состоящее изъ перепутанныхъ и тѣсно-сшлоченныхъ между собою тончайшихъ нитей, такихъ же, изъ которыхъ состоитъ и самая грибница, и поднявшихся изъ нея кверху, надъ поверхностью земли. Точно такое же грибное плодовое тѣло представляютъ собою и тѣ губки, которыя мы встрѣчаемъ на стволахъ и сучьяхъ больныхъ или засохшихъ деревьевъ, и грибница которыхъ (т.-е. губокъ) находится внутри самага дерева.

Большинство грибовъ растетъ очень быстро, въ особенности ночью и раннимъ утромъ, такъ что нерѣдко случается находить поутру грибы на томъ мѣстѣ, гдѣ наканунѣ ихъ вовсе не было; или, вѣрнѣе, они были, но настолько еще малыя, что, скрываясь подъ листьями или въ травѣ, оставались незамѣченными.

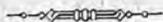
Продолжительность жизни грибовъ весьма разнообразна: есть грибы многолѣтніе, однолѣтніе, а также и такіе, которые, черезъ нѣсколько часовъ по ихъ появленіи на свѣтъ Божій, расплываются и истлѣваютъ. Скороспѣлыя или скорорастущіе грибы, какъ на примѣръ, березовики и сыроѣжки, достигаютъ полнаго развитія обыкновенно въ 2—3 дня; другіе же, какъ на примѣръ, бѣлые,—въ недѣлю и болѣе. Самою большою продолжительностью жизни отличаются грибы, растущіе на деревьяхъ, и плодовые тѣла которыхъ, жесткія и деревянистыя, съ трудомъ разрѣзаемыя ножомъ, живутъ и продолжаютъ увеличиваться въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Д. Байгородовъ.

ВЕСНА.

Ужъ таетъ снѣгъ, бѣгутъ ручьи,
Въ окно повѣяло весною...
Засвищутъ скоро соловьи,
И лѣсъ одѣнется листвою!
Чиста небесная лазурь,
Теплѣй и ярче солнце стало;
Пора мятелей злыхъ и бурь
Опять надолго миновала.
И сердце сильно такъ въ груди
Стучить, какъ будто ждетъ чего-то,—
Какъ будто счастье впереди,
И унесла зима заботы!
Всѣ лица весело глядятъ.
«Весна!»—читаешь въ каждомъ взорѣ,
И тотъ, какъ празднику, ей радъ,
Чья жизнь—лишь тяжкій трудъ и горе.
Но рѣзвыхъ дѣтокъ звонкій смѣхъ
И беззаботныхъ птичекъ пѣнье
Мнѣ говорятъ—кто больше всѣхъ
Природы любить обновленье.

А. Н. Плещеевъ.

ЦВѢТОЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ.

Весна, разбивая лдяныя оковы,
Холодные сниметъ съ природы покровы,
Разбудить цвѣточки отъ долгаго сна,
Проглянуть малютки и скажутъ—«весна»!

к. ушинскій.

ОЧУВСТВОВАЛОСЬ въ воздухѣ первое дыханіе весны...

Для человѣка, любящаго природу и интересующагося ею, начинается лучшее въ году время, когда можно слѣдить за пробужденіемъ природы.

Первая муха на заборѣ, первый рой комариковъ, «танцующихъ» въ воздухѣ, первая пѣсня жаворонка, донесшаяся до слуха съ лазурной высоты—какъ все это радуется, и какъ хочется подѣлиться съ другими этою радостью!.. И хотя каждый годъ все это повторяется въ одномъ и томъ же порядкѣ, и почти въ одно и то же время, однако никому и никогда не надоѣдаетъ. Даже напротивъ: съ годами все какъ-то больше и больше цѣнится это «утро года»...

Первая зеленая травка, первые цвѣты!..

Зеленое Царство просыпается и подноситъ намъ свои первые, хотя и скромные на видъ, дары.

Не знаю, какъ для другихъ, а для меня—крошечный букетикъ изъ пяти-шести голубыхъ перелѣсокъ, найденныхъ въ лѣсу въ началѣ апрѣля и поставленныхъ въ рюмкѣ съ водой, на письменномъ столѣ, дороже всякаго, даже самаго роскошнаго, садоваго букета въ іюль мѣсяцѣ!..

Пробужденіе Зеленаго Царства происходитъ обыкновенно очень медленно, шагъ за шагомъ, такъ что его очень удобно наблюдать. Такія наблюденія доставляютъ много удовольствія, и если ихъ производить изъ года въ годъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ одной и той же мѣстности, то можно собрать прекрасный матеріалъ для «цвѣточнаго календаря весны». А вѣдь такой календарь—чудесная вещь!

Вы спросите: какъ же составить такой календарь? Какъ узнать, въ какое именно время зацвѣтаютъ тѣ или другія деревья, полевые цвѣты?

Да очень просто: наблюдайте и записывайте свои наблюдения.

Не имѣя цвѣточнаго календаря, вы начинаете замѣчать тѣ или другіе цвѣты только тогда, когда они появятся уже въ большемъ количествѣ и сами бросаются вамъ въ глаза. Я же, при помощи моего цвѣточнаго календаря, знаю всегда заранѣе (приблизительно) то время, около котораго должны распуститься тѣ или другіе цвѣты, и подкарауливаю ихъ.

Конечно, вы легко поймете, что для разныхъ мѣстностей должны быть и разные цвѣточные календари. Такъ, на примѣръ, въ Крыму весна начинается раньше, чѣмъ въ Кіевѣ, въ Кіевѣ — раньше, чѣмъ въ Москвѣ, а въ Москвѣ — раньше, чѣмъ въ Архангельскѣ, и т. д., вслѣдствіе чего и время появленія первыхъ цвѣтовъ будетъ для каждой изъ названныхъ мѣстностей иное. Слѣдовательно, для каждой мѣстности долженъ быть составленъ свой особый цвѣточный календарь. Составить же его вовсе не трудно. Если желаете, я васъ научу.

Какъ только въ воздухѣ почувствуется первое дыханіе весны, начинайте всматриваться, во время вашихъ прогулокъ, въ деревья — въ ихъ почки, сережки. Въ особенности же присматривайтесь къ ольхѣ и орѣшнику, сережки которыхъ, заготовленные еще съ осени на кончикахъ вѣтокъ и легко бросающіяся въ глаза, начинаютъ распускаться раньше другихъ. Нерѣдко онѣ распускаются, когда подъ ними еще лежитъ толстый слой снѣга.

Заглядывайте почаще на лѣсныя и полевые проталины, съ которыхъ сошелъ уже снѣгъ: на нихъ вы нерѣдко найдете первые цвѣты, въ то время, когда въ лощинахъ и лѣсной чащѣ лежатъ еще сугробы снѣга. Вообще, обращайтесь вниманіе на всѣ солнцеприпечныя мѣста: тутъ, часто, вслѣдъ за исчезновеніемъ послѣдней снѣжной или ледяной корочки, появляются изъ земли головки цвѣточныхъ бутончиковъ, а также и первыя, блѣдно-желтыя, на солнцѣ быстро зеленѣющія, травки и былинки. Направляйте ваши прогулки, по возможности, въ разныя стороны; заглядывайте во всѣ уголки той мѣстности, гдѣ живете. Когда снѣгъ повсюду уже сойдетъ и весна вполне вступитъ въ свои права, заходите почаще въ паркъ, рощу, лѣсъ, и присматривайтесь повнимательнѣе къ деревьямъ: они, вѣдь, тоже цвѣтутъ и преимущественно ранней весной (только липа цвѣтетъ среди лѣта). А многіе ли видѣли и знаютъ, на примѣръ, цвѣты дуба, вяза, ясеня, сосны, ели? Правда, эти цвѣты съ виду не очень-то казисты, да не вдругъ и замѣтишь ихъ на деревѣ; но, если разсма-

тривать ихъ близко, въ особенности черезъ увеличительное стекло, будетъ не разъ на что полюбоваться и чему поучиться.

Такимъ образомъ, наблюдая первое появленіе того или другого цвѣточка, распусканіе почекъ и цвѣтовъ у той или другой породы деревьевъ, появленіе первой травки и т. п., записывайте день наблюденія въ особую тетрадь, которую озаглавьте, напримѣръ, такъ: матеріалы для цвѣточного календаря окрестностей NN (напримѣръ деревни Миролюбовки, Курской губерніи, Льговскаго уѣзда). Ведя такого рода записи въ теченіе хотя бы пяти лѣтъ, вы получите, положимъ, слѣдующіе дни, въ которые нашли первые цвѣтушіе ландыши: въ 1902 г. — мая 15-го, въ 1903 г. — 13-го, въ 1904 г. — 19-го, въ 1905 г. — 16-го и 1906 г. — 12-го. Сложивъ цифры: $15+13+19+16+12$ и раздѣливъ полученную сумму на 5, вы получите средній день цвѣтенія ландыша (за 5 лѣтъ) для вашей мѣстности—15-е мая ($75/5=15$). Точно такъ же вы найдете среднія цифры цвѣтенія и для ольхи, сирени, рябины, фруктовыхъ деревьевъ, земляники, и проч., и проч., и «цвѣточный календарь весны» для вашей мѣстности будетъ готовъ.

Само собою разумѣется, что чѣмъ большее число лѣтъ вы станете дѣлать свои наблюденія, тѣмъ точнѣе окажутся среднія числа цвѣтенія и тѣмъ вѣрнѣе будетъ вашъ календарь. При этомъ имѣйте въ виду, что чѣмъ дальше, тѣмъ легче будетъ вамъ вести свои наблюденія, такъ какъ вы уже будете знать, гдѣ и когда искать тѣ или другіе цвѣты, словомъ, приобрѣтете навыкъ къ наблюденіямъ.

Можно точно такъ же составить цвѣточный календарь для лѣта и осени; хотя осенью цвѣтовъ мало придется записывать, а придется отмѣчать время начала жатвы, сбора фруктовъ и огородныхъ овощей, время осеняго окрашиванія листьевъ, начало и конецъ листопада. Такимъ образомъ получится уже полный «Календарь Зеленаго Царства». При этомъ, конечно, вы будете попутно записывать дни, когда услышите перваго жаворонка, перваго соловья, когда увидите первую бабочку. Присматриваясь къ пробужденію Зеленаго Царства, вы невольно будете замѣчать и другія выдающіяся явленія въ пробуждающейся природѣ. Какъ пріятно будетъ вамъ, справившись съ своей тетрадкой, поджидать около такихъ-то чиселъ появленія жаворонковъ, а около такихъ-то—соловьевъ!

Нѣтъ сомнѣнія, что въ первые годы вы будете невольно ошибаться въ своихъ расчетахъ, когда именно ждаты такіе-то цвѣты или такихъ-то птицъ. Легко можетъ случиться, что эти цвѣты и птицы иной разъ появятся недѣлей-двумя раньше, а то и позже, чѣмъ вы рассчитывали,—смотря по тому, ранняя или поздняя бу-

детъ весна. Впослѣдствіи же вы отлично привыкнете соображать, по ходу весны, время появленія того или другого цвѣтка, той или другой птицы.

«Каждый годъ со счастливыхъ острововъ тропическаго міра пускается въ путь, по направленію къ сѣверу, молодая путница. Путешествуя безъ вида и безъ подорожной, она всюду встрѣчается, съ ликованіемъ и радостью, нетерпѣливо ожидающими ее народами. Всюду путь ея усыпается цвѣтами. Тысячеголосый хоръ крылатыхъ пѣвуновъ сопровождаетъ ее въ ея торжественномъ шествіи. Она путешествуетъ спокойно, не спѣша: желѣзнодорожный поѣздъ быстро ее перегоняетъ и оставляетъ далеко за собою; съ нею можетъ справиться даже хорошій пѣшеходъ. Съ каждымъ днемъ она верстъ на 30 приближается къ сѣверному полюсу». Тронувшись въ началѣ февраля съ южнаго берега Крыма, наша путница едва къ серединѣ марта достигаетъ Петербурга, и нерѣдко въ іюнѣ мѣсяцѣ не успѣваетъ еще добратъся до острововъ Ледовитаго океана. «При этомъ она двигается очень неравномѣрно: иногда останавливается гостить въ одномъ мѣстѣ недѣлю-другую, а потомъ усиленными переходами старается наверстать потерянное время. Случается также, что неблагоприятная погода заставляетъ ее повернуть немного назадъ; но, вслѣдъ затѣмъ, при первой же возможности, она снова продолжаетъ свой путь къ сѣверу».

«Весна идетъ, весна идетъ,
И тихихъ теплыхъ майскихъ дней
Румяный, свѣтлый хороводъ
Толпится весело за ней».

«Цвѣточный календарь» — путевой дневникъ этой путницы — весны.

Д. Кайгородовъ.

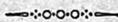
ВЕСНА.

В КОНЦѢ Оминой недѣли началась та чудная пора, не всегда являющаяся дружно, когда природа, пробудясь отъ сна, начнетъ жить полною, молодою, торопливою жизнью; когда все переходитъ въ волненіе, въ движеніе, въ звукъ, въ цвѣтъ, въ запахъ. Ничего тогда не понимая, не разбирая, не оцѣнивая, никакими именами не называя, я самъ почувалъ въ себѣ новую жизнь, сдѣлался частію природы... Тогда я узналъ то, о чемъ догадывался, о чемъ мечталъ, встрѣчая весну въ Уфѣ, въ городскомъ домѣ, въ дрянномъ саду или на грязной улицѣ... До чтенія ли, до письма ли тутъ было, когда душистыя черемухи зацвѣтають, когда почка на берегахъ лопається, когда черные кусты смородины опушаются бѣловатымъ пухомъ распускающихся сморщенныхъ листочковъ, когда всѣ скаты горъ покрываются подснежными тюльпанами, называемыми сонъ, лиловаго, голубого, желтоватаго и бѣлаго цвѣта; когда ползутъ вездѣ изъ земли, свернутыя въ трубочки, травы и завернутыя въ нихъ головки цвѣтовъ; когда жаворонки, съ утра до вечера висятъ въ воздухѣ надъ самымъ дворомъ, рассыпаясь въ своихъ журчащихъ, однообразныхъ, замирающихъ въ небѣ пѣсняхъ, которыя хватили меня за сердце, которыхъ я заслушивался до слезъ; когда Божьи коровки и всѣ букашки выползають на Божій свѣтъ, крапивныя и желтыя бабочки замелькають, шмели и пчелы зажужжать; когда въ водѣ—движенье, на землѣ—шумъ, въ воздухѣ—трепетъ, когда и лучъ солнца дрожитъ, пробиваясь сквозь влажную атмосферу, полную жизненныхъ началъ... А сколько было мнѣ дѣла, сколько заботъ! Каждый день надо было раза два побывать въ роцѣ и освѣдомиться, какъ сидятъ на яйцахъ грачи; надо было послушать ихъ докучныхъ криковъ; надо было посмотреть, какъ развертываются листья на сиреняхъ и какъ выпускають онѣ сизыя кисти будущихъ цвѣтовъ; какъ поселяются зорьки и малиновки въ смородиновыхъ и барбарисовыхъ кустахъ; какъ муравьиныя кучи ожпли, зашевелились; какъ муравьи показались сначала понемногу, а потомъ высыпали наружу въ безчисленномъ множествѣ и принялись за свои работы; какъ ласточки начали мелькать

и нырять подъ крыши строеній въ старыя свои гнѣзда; какъ клох-
тала насѣдка, оберегая крошечныхъ цыплятъ, и какъ коршуны кру-
жились, плавали надъ ними... О, много было дѣла и заботы мнѣ!

С. Аксаковъ.

Легкій, легкій вѣтерокъ,
Что такъ сладко, тихо вѣешь?
Что играешь, что свѣтлѣешь,
Очарованный потокъ?
Чѣмъ опять душа полна,
Что опять въ ней пробудилось?
Что съ тобой къ ней возвратилось,
Перелетная весна?
Я смотрю на небеса...
Облака, летя, сіяютъ,
И сіяя, улетаютъ
За далекіе лѣса.

В. А. Жуковский.

Гонимы вѣшними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года,
Синѣя блещутъ небеса.
Еще прозрачные лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ.
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой.
Долины сохнутъ и пестрѣютъ,
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣль въ безмолвіи ночей.

А. Пушкинъ.

С О В Ы.

А сова, изъ дупла, глазками лупъ, лупъ,
А совица, на полицѣ, лапками тупъ, тупъ!

(изъ пѣсни).

Е МНОГО можно найти птицъ, которыя пользова-лись бы такою извѣстностью, какъ совы. Всякій знаетъ сову, хотя бы по наслышкѣ и по картинкамъ. Но далеко не всякому приводилось видѣть живыхъ совъ, а еще меньше найдется такихъ, которые знаютъ правду объ этихъ птицахъ и могли бы рассказать о нихъ что нибудь, кромѣ тѣхъ небылицъ и напраслинь, которыхъ такъ много наплетено про совъ; о небылицахъ же этихъ рассказывается не только среди простого народа, но и среди образованныхъ людей. Между тѣмъ, эти птицы заслуживаютъ гораздо большаго вниманія къ себѣ: онѣ являются, съ одной стороны, весьма интересными, во многихъ отношеніяхъ, созданіями, а съ другой—играютъ немаловажную роль въ хозяйствѣ человѣка.

Уже одно то обстоятельство, что совы пользуются столь широкою извѣстностью, указываетъ на существованіе какого-нибудь особеннаго интереса въ этихъ птицахъ. Въ чемъ же именно заключается этотъ особенный интересъ? А весьма во многомъ; главнымъ же образомъ въ наружности этихъ птицъ, столь отличной отъ наружности остальныхъ нашихъ пернатыхъ созданій.

Кто-то назвалъ совъ «пернатыми кошками», и это названіе дѣйствительно какъ нельзя болѣе подходитъ къ этимъ птицамъ. Сходство съ кошкой получается, главнымъ образомъ, благодаря: 1) большой круглой головѣ, 2) обращеннымъ впередъ (а не въ стороны, какъ у прочихъ птицъ) большимъ глазамъ и 3) плоскому «лицу» совы, окруженному вѣнчикомъ (ошейникомъ) изъ тонкихъ, жесткихъ перышекъ, которыя лучеобразно расходятся отъ глазъ во всѣ стороны. Сходство съ кошкой въ особенности увеличивается еще у тѣхъ совъ, которыя—какъ, напр., филинъ—имѣютъ надъ глазами пучки перьевъ, торчащихъ кверху въ видѣ ушей. Плоскому виду лица у совы много содѣйствуетъ еще и то обстоятельство, что клювъ у этихъ птицъ съ самаго своего основанія сильно загнутъ внизъ, какъ бы приплюснутъ, а не выдается впередъ, какъ у прочихъ птицъ.

И ноги у совъ, оперенныя обыкновенно до самыхъ концовъ пальцевъ, имѣютъ сходство съ «бархатными» кошачьими лапками, и снабжены не менѣе острыми, чѣмъ у кошекъ, круто изогнутыми большими когтями. (Замѣтимъ, кстати, что наружный палецъ совиной «лапы» можетъ быть обращаемъ, по произволу, впередъ или назадъ, какъ у дятловъ).

Какъ у кошекъ, мягкая, пушистая «шубка» большею частію окрашена въ сѣрый цвѣтъ и нерѣдко разрисована темными пятнами и полосами, такъ и у совъ: опереніе всегда рыхлое, мягкое и большею частію въ общемъ сѣроватое, съ темными (бурыми и черными) пятнами и разнообразной формы полосами.

Какъ кошки передвигаются (напр. бѣгаютъ по полу) неслышными шагами, такъ и совы летаютъ безшумнымъ полетомъ, благодаря мягкому оперенію своихъ крыльевъ. Замѣтимъ, кстати, что полетъ совъ отличается также и особеннымъ характеромъ: мирно летающая въ сумерки надъ полемъ сова, то колеблется изъ стороны въ сторону, то паритъ, распластавъ крылья, при чемъ всѣ эти движенія весьма граціозны и красивы.

Изъ органовъ чувствъ у совъ, какъ и у кошекъ, особенно сильно развиты зрѣніе и слухъ. Да оно и понятно, что такъ должно быть потому, что иначе имъ было бы трудно съ успѣхомъ добывать свое пропитаніе въ ночное время, какъ это дѣлаетъ большая часть совъ. Благодаря сильно развитой способности суживать и расширять зрачки глазъ, совы отлично могутъ приспособлять свое зрѣніе, какъ къ очень сильному, такъ и къ очень слабому свѣту, точно такъ же, какъ это могутъ дѣлать и кошки. Но только у «пернатыхъ кошекъ» суженный зрачекъ сохраняетъ свою круглую форму, тогда какъ у четвероногихъ кошекъ, какъ извѣстно, сокращенный зрачекъ (напримѣръ, днемъ) принимаетъ узко-удлиненную форму, въ видѣ черной полоски на желтомъ фонѣ глаза. Многие думаютъ, что совы днемъ ничего не видятъ, но это заблужденіе: онѣ отлично видятъ предметы даже при сильномъ солнечномъ освѣщеніи, хотя, по всей вѣроятности, сильный солнечный свѣтъ и не особенно пріятенъ для ихъ глазъ. Мнѣ неоднократно случалось спугивать совъ въ древесной чащѣ, среди яснаго лѣтняго дня, и онѣ всегда съ замѣчательною ловкостью пролетали между древесными вѣтвями, скрываясь изъ моихъ глазъ. То же самое можно наблюдать и у совъ содержимыхъ на свободѣ въ комнатѣ.

Нашъ народъ, говоря про сову, часто называетъ ее «пучеглазою», потому что глаза у совы не только большіе, но и сильно выпуклые. И про человѣка, имѣющаго большіе круглые глаза, говорятъ, нерѣдко, что у него глаза «совиные», или: «глядитъ какъ сова, выпучивъ глаза».

Сова-филинь. (Вдали — сова-сипуха).

Что касается до слуха, то онъ развитъ у совъ въ высшей степени. Онѣ слышатъ малѣйшій шорохъ, производимый мышью, шевелящеюся въ травѣ, и даже не въ сухой травѣ, а въ свѣжей. Жившая у меня въ комнатѣ сова, спавшая обыкновенно днемъ на песткѣ,

изъ родной семьи.

подъ самымъ почти потолкомъ, пробуждалась отъ самаго слабаго поцарапыванія ногтемъ о стулъ, на которомъ я сидѣлъ за моимъ рабочимъ столомъ, въ противоположномъ концѣ комнаты.

Столь острый слухъ, необходимый совамъ при ихъ ночныхъ охотахъ, зависитъ отъ особенностей устройства ихъ уха, отверстіе котораго у нихъ гораздо шире, чѣмъ у другихъ птицъ. Если взять въ руки сову и раздуть у нея позади глазъ перья, то обнаруживается огромная ушная раковина, окруженная мягкой складкою. Двигая этой складкой, сова можетъ по произволу открывать или закрывать свое ухо, подобно тому, какъ это могутъ дѣлать и летучія мыши (при помощи особаго кожистаго клапана—козелка), также обладающія чрезвычайно чувствительнымъ слухомъ. Нужно полагать что какъ совамъ, такъ и летучимъ мышамъ, должны быть невыносимы дневные звуки, и какъ тѣ, такъ и другія закрываютъ свои уши во время дневного сна, если находятся въ безопасномъ убѣжищѣ.

Голосъ у совъ громкій, но у большинства изъ нихъ не особенно пріятный, а у нѣкоторыхъ даже и совсѣмъ непріятный.

Кромѣ крика, совы выражаютъ иногда свои душевныя движенія и инымъ образомъ: щолкаютъ клювомъ и издаютъ особенное хриплое фырканье, а также уродливо кривляются, взъерошиваютъ перья и дѣлаютъ разныя, подчасъ весьма забавныя, ужимки.

Большинство совъ летаетъ въ вечернія и утреннія сумерки, а также и въ лунныя ночи. Въ самые темныя полуночныя часы онѣ обыкновенно дѣлаютъ перерывъ въ своихъ поискахъ за добычей. Совы, живущія на далекомъ сѣверѣ, гдѣ лѣтомъ вовсе не бываетъ ночей, охотятся также и при дневномъ свѣтѣ, и даже при яркомъ солнечномъ сіяніи, потому что другого выбора времени для нихъ тамъ не имѣется.

Если той или другой изъ нашихъ совъ случится иногда вылетѣть днемъ на бѣлый свѣтъ, то ее большею частію тотчасъ же атакуютъ съ неимовѣрнымъ шумомъ и гамомъ разныя дневныя птицы. Въ такихъ случаяхъ сова спѣшитъ укрыться въ первомъ же попавшемся дуплѣ или какомъ-либо иномъ укромномъ уголкѣ, иначе ей придется не досчитаться многихъ изъ своихъ мягкихъ перышекъ. «Всѣ дневныя птицы ненавидятъ совъ и какъ будто желаютъ отомстить имъ за ихъ ночныя нападенія во время сна. Весь лѣсъ приходитъ въ волненіе, какъ только гдѣ-нибудь обнаружится присутствіе совы. Одна птица подаетъ голосъ другой, и бѣдной ночной птицѣ приходится плохо, такъ какъ болѣе сильныя изъ дневныхъ птицъ наносятъ ей даже весьма серьезные удары».

Пища совы состоитъ преимущественно изъ млекопитающихъ животныхъ, а также, — но въ значительно меньшей степени, — изъ

птицъ и насѣкомыхъ. Наибольшій изъянъ причиняють совы среди мышиного населенія нашихъ полей, лѣсовъ и садовъ. Птицамъ онѣ наносятъ ущербъ почти исключительно только во время выкармливанія своихъ птенцовъ, когда требуется усиленное добываніе пищи. Въ остальное же время года совы охотятся главнымъ образомъ за мышами, какъ это видно изъ разсматриванія состава погадокъ (шарообразныхъ сухихъ комковъ, состоящихъ изъ непереваренныхъ пищевыхъ остатковъ), выбрасываемыхъ совами изо рта.

И въ этомъ случаѣ совы оправдываютъ также, и какъ нельзя болѣе, названіе «пернатыхъ кошекъ». Своею мышестреби- тельною дѣятельностью, большая часть нашихъ совъ несравненно полезнѣе, чѣмъ наша хваленая домашняя кошка, которая за послѣд-

Сычикъ-воробей

(Сова-малютка).

нее время совѣмъ почти переродилась изъ мышатницы въ птичницу. Хорошимъ подтвержденіемъ полезной дѣятельности совъ, по истребленію мышей, можетъ служить слѣдующій случай.

Какъ извѣстно, въ послѣдніе годы сильно распространилась мода на украшеніе дамскихъ шляпъ перьями, птичьими крыльями и даже цѣлыми чучелами птицъ, болшею частью искусственно сдѣланными изъ всевозможныхъ перьевъ. Для удовлетворенія этой неразумной и жестокой моды требуется несмѣтное количество «пернатого товара», поставляемаго на фабрики специальными агентами-охотниками и разными скупщиками, шныряющими по избамъ и квартирамъ птицелововъ. Одна изъ такихъ «птичьихъ» фабрикъ, находящаяся въ центральной Россіи, высылала одно время своихъ агентовъ-охотниковъ между прочимъ и въ Область Войска Донского. Эти агенты, въ числѣ разной прочей птицы, стрѣляли также и совъ, въ большомъ количе-

ствѣ водящихся зимою въ придонскихъ степяхъ и занимающихся мышкованіемъ около полевыхъ хлѣбныхъ складовъ (скирдѣ). Въ первые два года этимъ агентамъ никто не мѣшалъ изводить совъ (кажется, мѣстные жители даже получали нѣкоторую плату, за даваемое ими разрѣшеніе стрѣлять птицъ въ чертѣ ихъ владѣній); но, на третій годъ донцы встрѣтили этихъ господъ чуть не съ дреколями: благодаря уменьшенію числа «пернатыхъ кошекъ», столько развелось въ донскихъ степяхъ мышей и другихъ вредныхъ грызуновъ, что казаки стали не досчитываться весьма и весьма многихъ кулей хлѣба въ своихъ амбарахъ...

Гнѣзятся совы въ древесныхъ дуплахъ, въ старыхъ заброшенныхъ строеніяхъ, въ расщелинахъ скалъ и разныхъ другихъ хорошо скрытыхъ отъ посторонняго глаза мѣстахъ. Нѣкоторыя изъ совъ устраиваются въ подземныхъ норахъ различныхъ млекопитающихъ. Гнѣздо совы всегда устроено очень грубо и незатѣливо, изъ прутьевъ и разнаго другого подходящаго матеріала. Совѣмъ бѣлыя, безъ всякихъ отмѣтинъ, яйца совы отличаются своею круглою, почти шарообразною формою. Родители выказываютъ чрезвычайную нѣжность и привязанность къ своимъ птенцамъ-совятамъ и продолжаютъ носить имъ пищу даже и тогда, когда птенцы вынуты изъ гнѣзда и посажены въ клѣтку. Совята долго остаются въ гнѣздахъ и легко выдаютъ свое мѣстопробываніе, оглашая окрестность, среди ночной тишины, своимъ непріятнымъ крикомъ.

Въ комнатѣ держать совъ очень интересно и не трудно, но только ихъ ночные крики дѣлаютъ этихъ птицъ не особенно пріятными комнатными сожителами. Впрочемъ, это относится только къ крупнымъ видамъ совъ; маленькія же совки и сычики во всѣхъ отношеніяхъ являются весьма забавными и даже, можно сказать, милыми комнатными птицами. При держаніи совъ въ комнатѣ, нужно давать имъ возможность, хотя бы по временамъ, купаться въ свѣжей водѣ, а также и въ сухомъ пескѣ, что очень любятъ дѣлать всѣ совы.

«Совъ, какъ и вообще всѣхъ ночныхъ животныхъ, преслѣдуютъ очень распространенные предрасудки. Легкій, похожій на приближеніе привидѣнія, полетъ, большіе круглые, сверкающіе глаза, но болѣе всего отвратительный крикъ (у крупныхъ видовъ), принимаемый за крикъ лѣшаго, издавна навлекли этой птицѣ самую дурную репутацію. Въ народѣ весьма распространено мнѣніе, что совы — птицы смерти, дающія знать своимъ жалобнымъ крикомъ около дома, что больной скоро умретъ!... Дѣйствительно, крестьянинъ долженъ уже очень серьезно заболѣть, чтобы держать у себя ночью въ комнатѣ огонь. Вѣдь рассказываютъ такой характерный анекдотъ, какъ будто

одна крестьянка разбудила однажды ночью своего мужа со словами: «зажги огонь, я, кажется, умираю», на что мужъ сердито отвѣчалъ: «точно ты не можешь умереть впотьмахъ!» Удивительно ли послѣ этого, что совы и летучія мыши слетаются къ окну, видя необычное мерцаніе огня, что первыя (т. е. совы) оглашаютъ при этомъ воздухъ своимъ жалобнымъ крикомъ и что больному, ночникъ котораго привлекаетъ ночныхъ птицъ, становится хуже? Стоитъ только взглянуть, что шевелится у такого освѣщеннаго окна: мошки и мухи, маленькія и большія ночныя бабочки, а кое-гдѣ и навозныя жуки, съ шумомъ стучащіе въ стекла...» Такъ вотъ кто привлекаетъ ночью совъ къ окошку больного.

Какъ и другія, пользующіяся широкою извѣстностью въ народѣ, животныя и птицы, такъ и сова нерѣдко появляется въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ, въ которыхъ поется про «совушку-вдовушку бѣдокурную», а также и во многихъ пословицахъ, какъ напримѣръ: Полюбится сова пуще яснаго сокола. — Хошь подъ небомъ летай, а все совѣ соколомъ не быть. — Что совой о пень, что пнемъ о сову — а все совѣ больно. — Ждала сова галку, а выждала палку.

Д. Кайгородовъ.

ЯЩЕРИЦА.

(По М. Мензбиру и О. Шмейлю).

ЯЩЕРИЦА живетъ на холмистыхъ мѣстахъ, покрытыхъ невысокою растительностью, на каменныхъ розсыпяхъ, по лѣснымъ опушкамъ, по сухимъ придорожнымъ канавамъ и тому подобнымъ солнце-припечнымъ мѣстамъ. Чѣмъ жарче грѣетъ солнце, тѣмъ живѣе ящерица. Напротивъ, въ погоду пасмурную и сырую она забирается подъ камни, въ ямки и лежитъ тамъ не шевелясь. Эта потребность ящерицъ въ теплѣ объясняетъ, почему, чѣмъ дальше на югъ, чѣмъ теплѣе страны, тѣмъ больше водится въ нихъ ящерицъ.

Окраска ящерицы довольно измѣнчива въ оттѣнкахъ, но самки обыкновенно сверху имѣютъ землисто-бурую окраску съ рядами бѣлыхъ пятнышекъ, самцы же болѣе или менѣе зеленоваты. Снизу окраска свѣтлѣе. Отъ постоянного тренія о неровности почвы, камни и проч. — поверхностный (роговой) слой кожи ящерицы легко повреж-

дается и за лето нѣсколько разъ смѣняется новымъ (ящерица линяетъ), при чемъ кожа сходитъ не цѣликомъ а кусками (лоскутками).

Вышеупомянутая окраска ящерицы, подходя подъ окружающую обстановку, дѣлаетъ ее мало замѣтной и тѣмъ хорошо защищаетъ ее отъ разныхъ враговъ. Защищаться отъ нихъ она можетъ только съ большою осторожностью и быстрымъ бѣгствомъ. X

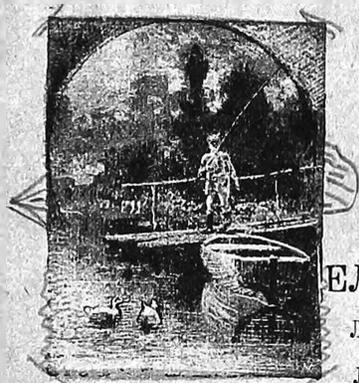
Кормится ящерица различными насѣкомыми и ихъ личинками, пауками, червями и голыми улитками, высматривая добычу своими живыми глазками и потомъ быстро бросаясь на нее. Хотя ящерица бѣгаетъ на лапкахъ, но на нихъ однихъ она не могла бы такъ быстро передвигаться; въ этомъ отношеніи ей много помогаетъ ея извивающееся, при движеніи, длинное тѣло и въ особенности хвостъ, роговыми чешуйками которыхъ она упирается въ неровности почвы и подталкивается впередъ. Чтобы убѣдиться въ томъ, какое важное значеніе имѣетъ для ящерицы ея хвостъ, достаточно сравнить скорость движенія ящерицы съ цѣлымъ хвостомъ и такой, которая почему либо утратила свой хвостъ или большую часть его: послѣдняя движется гораздо медленнѣе первой. Благодаря своему длинному хвосту, ящерица можетъ дѣлать даже довольно значительные и быстрые прыжки, которые очень ей помогаютъ въ ловлѣ мухъ и бабочекъ. Потерянный ящерицей хвостъ (напримѣръ, при нападеніи врага) снова отрастаетъ, но уже меньшей длины. Длинные и острые коготки на лапкахъ ящерицы позволяютъ ей хорошо и быстро лазать по камнямъ, скаламъ и даже невысокимъ кустамъ.

Укусить человѣка ящерица не можетъ. Ея мелкіе, загнутые назадъ зубки могутъ ей служить лишь для удержанія пойманной добычи. Благодаря своему широко раскрывающемуся рту, ящерица можетъ цѣликомъ проглатывать пойманную добычу. Длинный, на концѣ какъ бы глубоко разсѣченный, языкъ служитъ органомъ осязанія, а также и для питья (лаканія) воды.

Въ началѣ лета ящерица кладетъ 5—10 бѣлыхъ яицъ, покрытыхъ мягкой кожистой скорлупой. Величиною эти яйца съ воробьиныя и откладываются въ песокъ или въ щели между камнями; «высиживание» ихъ предоставляется горячимъ солнечнымъ лучамъ. Появляются на свѣтъ молоденькія ящерицы къ концу лета.

По мѣрѣ того, какъ лето подходитъ къ концу и становится холоднѣе, ящерицы становятся все вялѣе и вялѣе и наконецъ, зарывшись довольно глубоко въ землю, или забившись подъ большіе камни, впадаютъ въ оцѣпенѣлое состояніе (зимнюю спячку), въ какомъ и остаются до тѣхъ поръ, пока ихъ не разбудятъ теплые лучи весенняго солнца.

Въ общемъ, ящерицы милыя, безобидныя для человѣка существа, приносящія намъ скорѣе пользу, чѣмъ вредъ. Ихъ съ удовольствіемъ можно держать въ комнатѣ—въ терраріумѣ или просто въ стеклянной банкѣ; кормить—мухами и другими насѣкомыми.

ЛИСТОПАДЪ.

(По П. Вольногорскому.)

ЖЕЛТЪЮТЪ листья лѣса. Среди сочной зелени листвы съ каждымъ днемъ появляется все болѣе и болѣе желтыхъ и красныхъ пятенъ.

Лѣтомъ зеленыя вершины деревьевъ легко выносили самыя сильныя бури, а теперь стѣдуетъ только потянуть легкому вѣтерку и листья цѣлымъ роемъ летятъ съ дерева. Эти красивыя зеленые листья, которыя давали намъ тѣнь и прохладу лѣтомъ, пестрыми коврами лежатъ теперь у нашихъ ногъ.

Обнаженныя вершины деревъ простираютъ свои вѣтви къ небу, какъ бы съ мольбой о томъ, чтобы она вернула имъ лѣтнюю красу. Представимъ себѣ, однако, что небо сжалилось бы надъ ними и исполнило ихъ мольбу,—были бы онѣ довольны? О, нѣтъ, конечно, нѣтъ... Благоразумныя изъ нихъ сейчасъ бы сказали: «Возьмите назадъ наши листья: они насъ погубятъ».

И это правда. Если бы листья остались на деревѣ, они всѣ погибли бы подъ тяжестью снѣга и погубили бы и самыя деревья. Дѣйствительно, когда снѣгъ выпадаетъ рано—на покрытыя еще листьями вѣтви—много деревьевъ гибнетъ тогда подъ бременемъ непосильной тяжести снѣжнаго навала.

Что же происходитъ съ деревомъ во время листопада?

Далеко еще не все въ этомъ дѣлѣ выяснено натуралистами, но мы попытаемся рассказать здѣсь то, что уже извѣстно.

Что представляютъ лежащія осенью у нашихъ ногъ листья! Это не что иное, какъ своего рода мертвые скелеты, состоящія изъ веществъ, не нужныхъ уже болѣе растенію. Но, далеко не таковы были листья лѣтомъ. Тогда они были гибки и упруги; они были наполнены разными питательными веществами нужными для растенія. Масло, сахаръ, крахмалъ и другія необходимыя для дерева вещества

зарождались въ этихъ крохотныхъ безчисленныхъ лабораторіяхъ природы и по черешку листа переходили въ вѣтки, изъ вѣтокъ въ стволъ, — распространялись по всему растенію. Днемъ листъ работалъ, добывая изъ воздуха пищу, ночью же — отсылалъ эту пищу дереву. Куда же исчезли всѣ эти вещества изъ пожелтѣвшаго листа?

Кропотливыя изслѣдованія натуралистовъ показали, что растеніе заблаговременно переводитъ эти вещества въ такія свои части, которыя въ состояніи перенести суровую зиму. У дерева такими складочными мѣстами для храненія питательныхъ веществъ служатъ стволъ и вѣтви; у многолѣтнихъ травянистыхъ растеній — корневища (подземные стебли), клубни, луковицы; кромѣ того, пищевыя вещества откладываются также и въ сѣменахъ.

Пере мѣна въ цвѣтѣ осенней листвы, столь характерная для осенняго ландшафта, указываетъ на глубокія невидимыя измѣненія, совершающіяся во всемъ существѣ растенія. Всѣ вещества, которыя имѣютъ какую-либо цѣнность для растенія, удаляются, переносятся изъ листьевъ. Листья желтѣютъ и краснѣютъ послѣ того, какъ они уже перестаютъ быть полезными растенію; въ нихъ разрушается листозелень, имѣющая громадное значеніе для жизни растенія.

Тѣ вещества, изъ которыхъ построенъ самый листъ, не могутъ быть использованы растеніемъ; оно не можетъ ихъ растворить и перенести къ себѣ на зимовку, а потому листъ и отпадаетъ на землю. Потребуется нѣсколько лѣтъ для того, чтобы онъ истлѣлъ, и только тогда хранящіяся въ осто вѣ листа вещества могутъ снова пойти на пользу растенію.

Чтобы освободить себя отъ бремени мертвой листвы, дерево заблаговременно образуетъ, на мѣстѣ прикрѣпленія листового черешка къ стеблю, особый, такъ называемый «раздѣлительный слой», состоящій изъ пробки. Всѣ мы хорошо знаемъ свойства пробки: она не пропускаетъ жидкостей и лишь съ трудомъ пропускаетъ газы. Понятно, что, какъ только появляется подобная прослойка на пути движенія соковъ въ листья, и обратно, — питаніе листа прекращается и онъ осужденъ на неизбежную гибель. Въ то же самое время, благодаря слою пробки, въ мѣстѣ отдѣленія листового черешка отъ стебля не остается никакого пораненія: растеніе предусмотрительно и заблаговременно накладываетъ себѣ «пластырь», въ томъ мѣстѣ, въ которомъ должно произойти пораненіе.

Такимъ образомъ, листья нашихъ деревьевъ представляютъ собою какъ бы воздушныя, наскоро построенныя дачи, въ которыя переселяются части живого вещества растенія на лѣтнее время года, и и быстро отсюда удаляются, какъ только на дворѣ становится осень.

При чемъ, во время обратнаго переселенія, забираются съ собою изъ дачь всѣ запасы, какіе только можно захватить: крахмалъ, бѣлокъ, масло и другія вещества, ради которыхъ день денской, неустанно, работали все лѣто листья. Листозелень, — удивительное вещество, на которомъ лежала вся эта работа — разлагается на свои составныя части и онѣ также забираются, чтобы впослѣдствіи снова пойти на образованіе новой листозелени. Появляющаяся на мѣсто ея желтая или бурая окраска свидѣтельствуесть о полномъ удаленіи листозелени изъ листа. Послѣ этого растеніе не дорожитъ болѣе своей опорожненной листвою и охотно сбрасываетъ ее на землю.

ПРИМѢТЫ ОСЕНИ.

Мелькаетъ желтый листь на зелени деревъ;
Работу кончилъ серпъ на нивахъ золотистыхъ;
И покраснѣлъ уже вдали коверъ луговъ,
И зрѣлые плоды висятъ въ садахъ тѣнистыхъ.

Примѣты осени во всемъ встрѣчаетъ взоръ:
Тамъ тянется, блестя на солнцѣ, паутина,
Тамъ скирдъ виднѣется, а тамъ черезъ заборъ
Кистями красными повиснула рябина;

Тамъ жнива колкая щетинится, а тамъ
Ужъ озимь яркая блеснула пзмурдомъ,
И курится овинъ, и долго по утрамъ,
Какъ бѣлый холстъ, лежитъ туманъ надъ синимъ прудомъ.

И цѣлый день скрипятъ воза, и далеко
Токъ отзывается подъ дружными цѣпамп,
И стая журавлей несѣтся высоко,
Перекликааясь порой подъ небесамп.

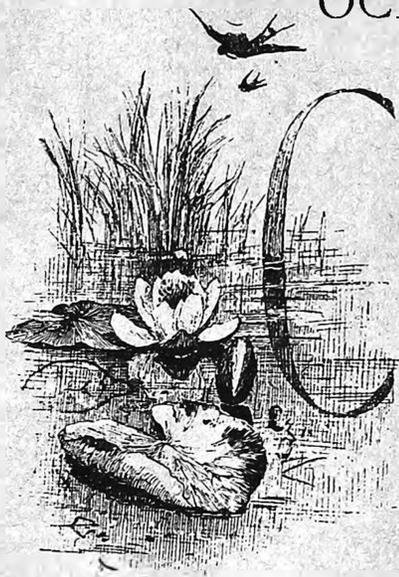
Прости пора цвѣтовъ и теплыхъ ясныхъ дней,
Пора блестящихъ зорь, черемухъ благовонныхъ,
Пора играющихъ зарницъ во тьмѣ ночей
И пѣсень, и любви, и грѣзь неугомонныхъ!

Но осень я люблю: она мила мнѣ. Пусть
 Всѣ чары вешнія она уничтожаетъ;
 Но въ ней какая-то есть вкрадчивая грусть,
 Которую душа и любить и ласкаетъ —

Которой нравятся и клочья сѣрыхъ тучъ,
 И листья въ воздухѣ кружащіяся шибко,
 И этотъ трепетный и блѣдный солнца лучъ,
 Какъ умирающей красавицы улыбка.

Н. Грековъ.

ОСЕННЯЯ КАРТИНОЧКА.

КОЛЬКО разноцвѣтныхъ корабликовъ сегодня на нашемъ пруду: желтые, красные, оранжевые, — цѣлая флотилія!

Всѣ они прилетѣли сюда по воздуху. Красиво покачиваясь «на крыльяхъ вѣтерка», они опускались на воду тихо и плавно — безъ плеска и безъ шума. И все еще продолжаютъ прилетать новые, — не снѣша, спокойно, какъ бы задумчивые. Прилетитъ корабликъ, опустится на воду и тотчасъ поплыветъ, съ поднятыми парусами, — поплыветъ такъ важно, горделиво!

Много еще прилетитъ ихъ сегодня, завтра, послѣзавтра... Большой еще запасъ такихъ корабликовъ на деревьяхъ, разноцвѣтной стѣной окружающихъ нашъ красивый прудъ. Теперь, пока летятъ еще все больше кленовые: они раньше другихъ пускаются въ путь — въ свое первое и послѣднее путешествіе. Это — самые парусистые кораблики. Изрѣдка прилетитъ липовый, ляжетъ на воду золотымъ кружкомъ и почти не двигается съ мѣста. Рядомъ съ нимъ опустится кленовый — и сейчасъ поплыветъ. Остроконечныя его лопасти дугой загнуты кверху, — вѣтерокъ на нихъ и напираетъ, какъ на паруса. А какіе между ними есть нарядные, просто прелесты! Вонъ плыветъ цѣлый отрядъ совсѣмъ пунцовыхъ, — такъ и горятъ на солнышкѣ! Это все, должно быть, съ того пышнаго клена, который красуется вонъ тамъ, на берегу, разрумившись на славу...

Всѣ эти цвѣтные кораблики плывутъ въ одну сторону, направляясь въ продолговатую бухточку, въ концѣ пруда. Ихъ набралось

уже тамъ видимо-невидимо, — пальцемъ, какъ говорится, ткнуть некуда. А что это тамъ бѣлѣется между ними — какія-то маленькія бѣленькія лодочки, съ широкимъ парусомъ на носу? Вотъ, и на пруду виднѣются нѣсколько такихъ же лодочекъ... И какъ легко скользятъ онѣ по поверхности воды, ловко обгоняя всѣхъ на своемъ пути! Это все перышки, — дугой изогнутыя, пушистыя перышки. Вода къ нимъ не прилипаетъ, вотъ они и скользятъ по ней, словно конькобѣжцы по льду. И какія все чистенькія, свѣженькія перышки! Откуда они?! — А вонъ тамъ, на берегу, подъ кустомъ раскидистой ивы, пріютилось многочисленное семейство утокъ. Однѣ изъ нихъ мирно почиваютъ, спрятавъ голову подъ крыло; другія сладко дремлютъ, положивъ свой широкій клювъ на изогнутый горбомъ, туго набитый зобъ; третьи, тихо покрякивая, занимаются туалетомъ — чистятъ, перебираютъ и приводятъ въ порядокъ перышки. При этомъ, нѣтъ-нѣтъ да и упадетъ одно, другое, третье на землю. Вѣтерокъ его подхватитъ, кувыркомъ докатитъ до воды, а потомъ и пошло оно скользитъ по пруду, бѣлой лодочкой, обгоняя по пути разноцвѣтные кораблики...

На небѣ — ни облачка. Изрѣдка покажется стайка пролетныхъ ласточекъ, покружится минуту, другую, и улетитъ. Это не то, что наши лѣтнія ласточки-щелтуны: эти здѣсь — на чужбинѣ. Онѣ не щебечутъ. Молча прилетятъ, молча поохотятся за запоздалыми мушками и молча же полетятъ себѣ дальше — въ далекіе, вѣчно теплые края, гдѣ никогда не бываетъ туманной осени, гдѣ не знаютъ зимнихъ вьюгъ и метелей. Не близокъ ихъ путь и не скоро вернуться онѣ назадъ... Счастливаго пути, косаточки! Благополучнаго возвращенія весной!..

Ярко свѣтитъ солнце. Шелеститъ вѣтерокъ листьями, гонитъ по пруду бѣлыя лодочки и цвѣтные кораблики. Плавно летятъ по воздуху длинныя, косыя паутины. Гдѣ-то, невдалекѣ, малиновка напѣваетъ вполголоса свою прощальную пѣсенку. На побурѣвшемъ дубѣ копошится голубокрылая сойка — обираетъ созрѣвшіе желуди. Вотъ она спорхнула, пролетѣла надъ прудомъ и, рѣзко вскрикнувъ, скрылась въ пестрой листвѣ противоположнаго берега...

Стихъ вѣтерокъ, водворилась тишина и мягкая прохлада. Неподвижно стоятъ на пруду цвѣтные кораблики. Не шелхнутся залитыя солнцемъ золотыя липы и румяные клены: они смотрятся въ зеркало воды, а подъ ними, на землѣ, разлито золотое сіяніе...

Тихо покрякивая и ковыляя, утки гуськомъ плетутся домой...

Д. Кайгородовъ.

Настала осень золотая.
 Природа трепетна, блѣдна,
 Какъ жертва пышно убрана...
 Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
 Дохнулъ, завылъ—и вотъ сама
 Идетъ волшебница зима.
 Пришла, рассыпалась, клоками
 Повисла на сукахъ дубовъ,
 Легла волнистыми коврами
 Среди полей, вокругъ холмовъ,
 Брега съ недвижною рѣкою
 Сравняла пухлой пеленою;
 Блеснулъ морозъ. И рады мы
 Проказамъ матушки зимы.

А. Пушкинъ.

ПОДЪ СНѢГОМЪ.

Зима. Все уснуло покоемъ могильнымъ,
 Все поле зарыто подъ снѣгомъ обильнымъ,
 И голыя вѣтви осинъ и березъ
 Стоять неподвижно, безъ жизни, безъ шума,
 Какъ будто томить ихъ какая-то дума,
 Какъ будто бы полны таинственныхъ грезъ...

ДМ. ЧЕРТКОВЪ.

ОКРЫТЫЙ бѣлсю пеленою, спитъ весь
 міръ Божьихъ растений, все Зеленое Цар-
 ство спитъ...
 Спятъ скрытые глубоко подъ снѣгомъ,
 въ землѣ, безчисленные корешки травъ
 и полевыхъ цвѣтовъ. Спятъ подъ ледя-
 ной корой на днѣ прудовъ, озеръ и
 рѣкъ, безчисленные водоросли, тростники и ка-
 мыши. Спятъ, наполовину засыпанные снѣгомъ, по берегамъ рѣкъ,
 по лугамъ и лѣснымъ опушкамъ, кусты ивъ, калины и орѣшника.
 Спятъ бѣлоствольныя березы, безпокойныя осины, могучіе дубы.
 Спятъ вѣчнозеленыя сосны и ели. Спитъ все Зеленое Царство...

Пусть спитъ себѣ спокойно, пусть отдыхаетъ,—оно заслужило
 этотъ отдыхъ. Слишкомъ полгода работало оно неустанно, день и

ночь, для нашего удовольствія и для нашей пользы. Работало на поляхъ и въ садахъ, и дало намъ цвѣты, изъ которыхъ мы дѣлали красивые букеты. Работало на лугахъ, и дало намъ траву, которую мы скосили на душистое сѣно. Работало на нивахъ, и дало намъ рожь и пшеницу, которыя мы сжали себѣ на хлѣбъ. Работало на огородахъ и въ фруктовыхъ садахъ, и дало намъ овощи и сочные фрукты. Работало въ лѣсахъ и рощахъ, запасая дрова и бревна—не только для насъ, но и для дѣтей и внуковъ нашихъ. Словомъ, все въ немъ работало,—неустанно, безъ отдыха, отъ мала до велика, отъ малѣйшей былиночки до великана-дерева.

Многіе изъ членовъ великой семьи Зеленаго Царства отработали предназначенный имъ Творцомъ срокъ—съ весны до осени—и разстались съ жизнью. Но, передъ смертью они позаботились о продолженіи своего рода: одни посѣяли свои сѣмена вокругъ себя, на томъ же мѣстѣ, гдѣ росли и сами; другіе разослали свои сѣмена съ быстроекрылымъ вѣтромъ въ разныя стороны. Остальные же—въ томъ числѣ и большая часть нашихъ луговыхъ травъ, всѣ кустарники и деревья—погрузились въ долгій зимній сонъ, заранѣе заготовивъ себѣ все необходимое для будущаго весенняго пробужденія и новаго роста. На вѣткахъ деревьевъ и кустовъ мы находимъ уже зимой почки (глазкѣ). У травъ же, у которыхъ почки образуются въ томъ мѣстѣ, гдѣ отходилъ лѣтомъ отъ корней стебелекъ. онѣ (т.-е. почки) скрыты зимой въ землѣ или на поверхности земли. Онѣ скрыты подъ засохшими, пригнувшимися къ землѣ стебельками и подъ толстымъ снѣжнымъ покровомъ, оберегающимъ отъ зимней стужи дремлющую въ нихъ жизнь.

Зародыши многихъ насѣкомыхъ проводятъ зиму въ яичкѣ, положенномъ самочкой осенью въ трещину древесной коры или въ другой какой-либо укромный уголокъ. Пригрѣтъ весеннее солнышко, разбудить зародышъ—несмотря на то, что онъ находился во время зимнихъ морозовъ въ окоченѣломъ состояніи,—и новое насѣкомое начинаетъ развиваться въ яичкѣ: по прошествіи извѣстнаго времени оно выходитъ изъ своей яичной скорлупки. Въ этомъ отношеніи почку растенія можно сравнить съ зародышемъ насѣкомаго, потому что, если срѣзать, напримѣръ, деревцо до самой земли, оставя на корневой шейкѣ только одну единственную почку, то изъ нея вырастаетъ снова такое же деревцо, какое мы срѣзали.

Почки образуются во второй половинѣ лѣта, и къ осени, ко времени перехода природы къ зимнему покою, онѣ уже совершенно готовы.

Что же именно готово въ почкахъ?

А все, какъ есть все: и будущій стебель, и будущіе листья, и даже будущіе цвѣты; только все это находится въ зачаточномъ, крошечномъ видѣ и самымъ удивительнымъ образомъ прикрито и защищено отъ холода и непогоды (по крайней мѣрѣ, у тѣхъ растений, у которыхъ почки не скрыты подъ снѣгомъ, а зимуютъ открыто, какъ, на примѣръ, у нашихъ деревьевъ и кустарниковъ). Теперь, зимой, самое удобное время познакомиться съ устройствомъ почекъ, и я совѣтую читателю заглянуть въ этотъ интересный уголокъ природы, что доставитъ ему много удовольствія.

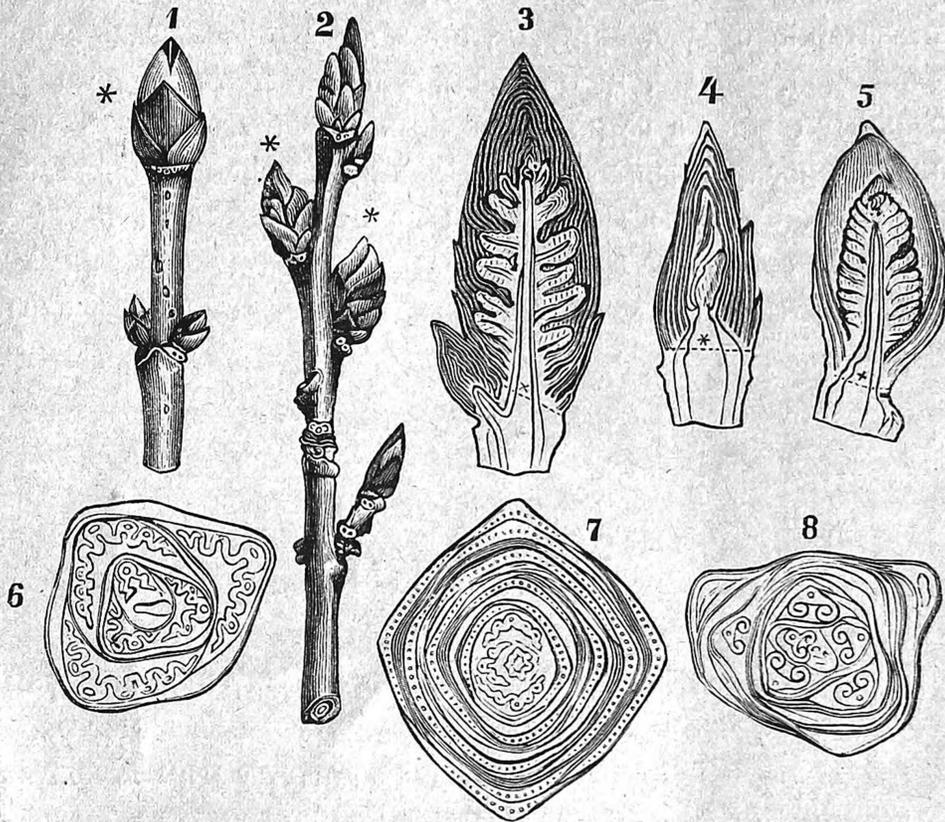
Сдѣлайте слѣдующее: срѣжьте нѣсколько вѣточекъ съ почками отъ разныхъ деревьевъ и кустарниковъ, на примѣръ—сирени, клена, осины, вербы (ивы), черемухи, сосны. При этомъ выбирайте преимущественно такія вѣтки, на которыхъ почки покрупнѣе, потолще.

Здѣсь мы должны сдѣлать маленькое отступленіе. Дѣло въ томъ, что на вѣткахъ деревьевъ и кустарниковъ встрѣчаются троякаго рода почки: изъ однихъ весной развиваются только листья, или, вѣрнѣе, вѣтки, несущія на себѣ одни только листья (листовыя почки); изъ другихъ развиваются побѣги съ листьями и цвѣтами (смѣшанныя почки); наконецъ, изъ третьихъ появляются одни только цвѣты (цвѣточные почки). Вотъ почки этихъ-то послѣднихъ двухъ родовъ и бываютъ обыкновенно значительно крупнѣе почекъ перваго рода, т.-е. листовыхъ; при внимательномъ разсматриваніи, ихъ не трудно отыскать на деревѣ. При этомъ, опять-таки нужно оговориться, что такія болѣе крупныя цвѣточные или смѣшанныя почки можно найти только на взрослыхъ и старыхъ деревьяхъ и кустахъ, такъ какъ вообще древесныя растенія въ ранней своей молодости рѣдко цвѣтутъ. Итакъ, выбирайте такія вѣтки, на которыхъ находились бы рядомъ съ мелкими листовыми почками и крупныя цвѣточные.

Набравъ вѣтокъ и принеся ихъ въ комнату, положите на столъ, туда, гдѣ освѣтлѣе—у окна. Затѣмъ, возьмите, во-первыхъ, хорошее увеличительное стекло или лупу (удобнѣе всего, такую, какую употребляютъ часовые мастера, т.-е. вставляющуюся въ глазъ; такая лупа имѣетъ то преимущество, что при работѣ съ нею обѣ руки свободны); во-вторыхъ, острый перочинный ножичекъ; въ-третьихъ, большую штопальную иглу и, въ-четвертыхъ, немного спирта или, за неимѣніемъ такового, хорошей очищенной водки. Запасшись всеѣмъ этимъ, вы можете приступить къ дѣлу: смочивъ, предварительно, лезвіе ножа или бритвы спиртомъ, берите по очереди вѣтки, дѣлайте черезъ середину почекъ—вдоль и поперекъ—разрѣзы и разсматривайте ихъ черезъ лупу. (Смачивать ножъ или бритву спиртомъ нужно для того, чтобы получались чистые, хорошіе разрѣзы.

Въ особенности это необходимо при работѣ со смолистыми почками, какъ, напримѣръ, сосновыми, березовыми, тополевыми, которыя сухой бритвой вовсе не рѣжутся, а разрываются).

Разсматривая разрѣзы почекъ, вы увидите, что каждая почка покрыта снаружи чешуйками, и только у вербы, вмѣсто чешуекъ, одинъ общій чехольчикъ. Особенно много чешуекъ (красивыхъ вишнево-красныхъ) у клена. Чешуйки почки, служа ей какъ бы одеж-

Древесныя почки.

1 и 2—вѣтки съ почками клена и осины; звѣздочками обознач. цвѣточн. почки. 3, 4 и 5—продольн. разр. почекъ: сосны, черемухи и осины (3 и 5—цвѣточные).—6, 7 и 8—поперечн. разрѣзы почекъ ольхи, клена и тополя (3—8 увеличены).

дой, предохраняють почку отъ зимней стужи и осенней непогоды. Когда, весной, почка начинаетъ распускаться и въ чешуйкахъ уже болѣе надобности не имѣется, онѣ отпадаютъ одна за другой. Чехольчики вербовыхъ (ивовыхъ) почекъ снимаются цѣликомъ, въ видѣ колпачковъ.

Далѣе: подъ чешуйками нѣкоторыхъ почекъ, какъ, напримѣръ, у осины, и подъ чехликомъ у ивы, вы найдете цѣлую шубку изъ серебристо-шелковистыхъ волосковъ, которую предусмотрительная природа заготовила для зимы. Наконецъ, внутри почекъ вы увидите: въ

нѣкоторыхъ изъ нихъ—зелененькіе листочки, сложенные и свернутые различнымъ образомъ; въ другихъ же—зачатки цвѣтовъ. Особенно интересны и изящны продольные разрѣзы цвѣточныхъ почекъ клена и осины. У клена, подъ колпачкомъ изъ красныхъ чешуекъ, стоитъ крошечный зеленый букетикъ, въ которомъ—если разрѣзъ сдѣланъ удачно—можно разсмотрѣть даже отдѣльные цвѣточки. Здѣсь вы ясно увидите, что въ этой почкѣ, дѣйствительно, все готово для наступающаго года: весь цвѣточный букетикъ и даже первые листики, которые будутъ окружать этотъ букетикъ, когда онъ распустится весной. Внутри цвѣточной почки осины вы найдете уже заготовленными всѣ тѣ сотни крошечныхъ цвѣточковъ, изъ которыхъ составлены распустившіяся весной длинныя сѣро-пушистыя сережки этого дерева. То же вы найдете и въ цвѣточныхъ почкахъ сосны и вербы. У всѣхъ все готово и только ждетъ пришествія волшебницы-весны, чтобы отъ ея теплаго дыханія развернуться во всей своей красѣ...

Д. Кайгородовъ.

У КАМИНА.

А ДВОРЪ—сумерки. Злится вьюга; уныло завываетъ вѣтеръ. Въ каминѣ потрескиваютъ дрова, освѣщая комнату уютнымъ полусвѣтомъ и разливая въ ней пріятную теплоту;—обстановка, располагающая къ мечтаніямъ и мудрствованію...

Отчего бы и не помудрствовать намъ съ вами, читатель, хотя бы о тѣхъ самыхъ дровахъ, которыя потрескиваютъ въ нашемъ каминѣ и согрѣваютъ наше грѣшное тѣло? Помудрствовать, напримѣръ, на вопросъ о томъ: «что такое дрова»?..

Однако, позвольте, вы кажется улынулись?.. Вамъ кажется страннымъ «мудрствовать о дровахъ—полѣньяхъ!» Вамъ показался смѣшнымъ вопросъ: «что такое дрова?» Но если бы я предложилъ вамъ помудрствовать, напримѣръ, о солнцѣ, то это, вѣроятно, не показалось бы вамъ страннымъ, а между тѣмъ дрова, можно сказать, отчасти замѣняютъ намъ зимою солнце. Точно также и вопросъ о томъ: «что такое дрова?» вовсе не есть вопросъ пустой и праздный,

по крайней мѣрѣ, для человѣка образованнаго, или стремящагося къ образованію, а не для простого дровосѣка или невѣжды. Невѣжда всегда все знаетъ, все понимаетъ: для него все кажется совершенно яснымъ и понятнымъ.

Положимъ, на мой вопросъ: «что такое дрова?» вы, не затрудняясь, отвѣтите: «дрова, это—куски дерева», т. е. древесины, поправлю я васъ, потому что вѣдь и кора тоже, въ извѣстномъ смыслѣ, кусокъ дерева, а вѣдь вы не назовете дровами куски древесной коры. Итакъ, «дрова—это куски древесины, предназначенные на топливо»,— отвѣтите вы мнѣ. Правильно. Но, я любопытенъ, и вашъ отвѣтъ не вполне удовлетворяетъ меня. Я продолжаю спрашивать: «а что такое древесина?» На этотъ вопросъ, смѣю думать, вы не такъ-то легко дадите мнѣ удовлетворительный отвѣтъ.

Иногда больше всего затрудняешься дать ясный, удовлетворительный отвѣтъ на самые простые, повидимому, вопросы, о самыхъ обыденныхъ предметахъ и явленіяхъ. А почему это? Да потому, что мы, вообще, склонны болѣе витать мыслями за облаками и интересоваться тѣмъ, что дѣлается «за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ», чѣмъ задумываться надъ окружающими насъ предметами и явленіями, и въ особенности надъ такими, которые постоянно находятся передъ нашими глазами. А между тѣмъ, чтобы быть образованнымъ человѣкомъ, надъ ними необходимо задумываться. Вотъ поэтому-то помудрствовать иногда о такихъ предметахъ, какъ, напримеръ, дрова—и полезно, и поучительно.

Слова «дрова, полѣно» звучатъ, правда, довольно грубо въ нашемъ ухѣ, но могу васъ увѣрить, что въ природѣ мало найдется произведеній, которыя были бы столь изящно и столь искусно построены и сложены, какъ грубое, по наружному виду, «полѣно дровъ».

Для того, чтобы удостовѣриться въ истинности моихъ словъ,— въ томъ, что я говорю сущую правду, нисколько не преувеличивая,— прошу васъ всмотрѣться внимательно въ прилагаемые здѣсь два рисунка:

Кусочекъ изящнаго «кружева», изображенный на рис. А, есть не что иное, какъ срѣзанная съ сучка липоваго «полѣна» тончайшая поперечная пластинка, увеличенная въ 10 разъ.

На рис. Б. изображенъ крошечный кусочекъ тонкой продольной стружечки, срѣзанной съ еловаго «полѣна» и увеличенной въ 90 разъ.

Ну, что, читатель,—не правду ли я сказалъ?

Въ особенности, всмотритесь попристальнѣе въ рис. Б: какое изящество и какая утонченная, можно сказать, художественная отдѣлка! Вѣдь вы не забудьте, что всѣ эти зубчики, всѣ эти кружочки и

ячейки (очень похожія на ячейки пчелинаго сота—не правда ли?), что все это изображено здѣсь увеличеннымъ въ девяносто разъ!

Попробуйте-ка уменьшить въ 90 разъ одну изъ наиболѣе длинныхъ линій этого рисунка, то есть раздѣлите ее (напримѣръ, линію *аб*) на 90 равныхъ частей и возьмите одну такую часть, тогда вамъ станетъ ясно, до чего должны быть мелки всѣ эти зубчики, кружочки и клѣточки въ натуральномъ своемъ видѣ, въ «полѣнѣ дровъ»! Нашъ

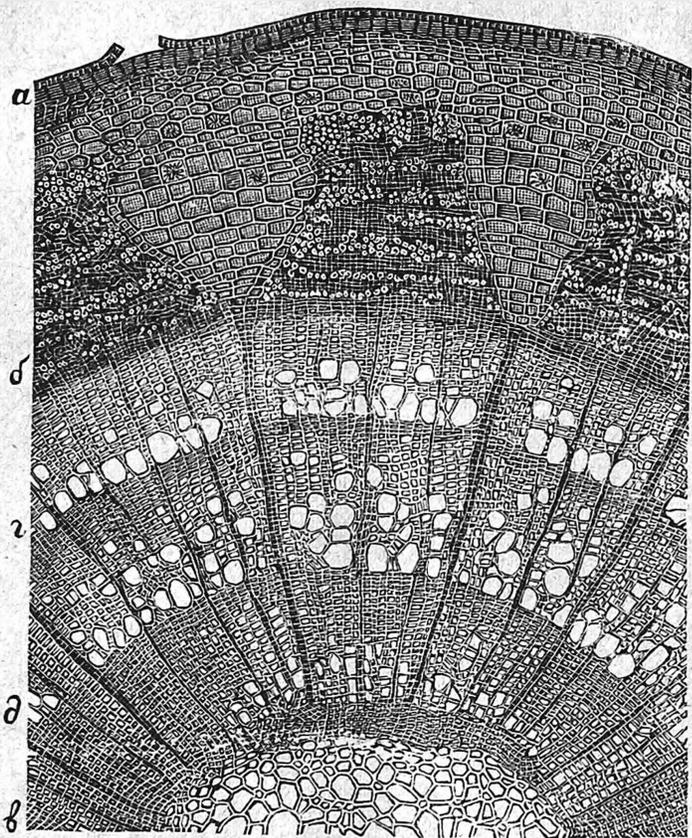

Рис. А. Поперечный разрѣзъ липовой древесины (увеличено въ 10 разъ).

бѣдный умъ, при самомъ усиленномъ напряженіи, не можетъ себѣ даже представить такихъ бесконечно малыхъ измѣреній — точно такъ же, какъ и не можетъ представить себѣ протяженіе въ нѣсколько милліоновъ верстъ, отдѣляющихъ землю отъ ближайшей звѣзды—и ему остается только благоговѣть передъ бесконечною премудростью и бесконечнымъ величіемъ Творца!...

Я помѣстилъ здѣсь эти два рисунка главнымъ образомъ для того, чтобы не заставлятъ васъ, читатель, вѣрить мнѣ только на-слово, относительно изящества

строенія «полѣна дровъ»; но, разъ они уже находятся на этихъ страницахъ, я кстати воспользуюсь ими и для другихъ цѣлей. Прошу васъ, читая далѣе, посматривать на рис. А. Верхняя, темная часть этого рисунка, между поставленными съ боку буквами *а* и *б*, представляетъ разрѣзъ коры липоваго сучка. Какъ видите: и кора, покрывающая «полѣно дровъ», имѣетъ также весьма искусное и изумительно тонкое строеніе (посмотрите на рисунокъ чрезъ увеличительное стекло).

Нижняя, «кружевная» часть этого же рисунка, между *б* и *в*, представляетъ разрѣзъ древесины того же сучка, при чемъ крупныя и мелкія дырочки этихъ «кружевъ» не что иное, какъ внутреннія полости крупныхъ и мелкихъ ячеекъ (сосудовъ и волоконъ) липовой древесины, въ ихъ поперечномъ разрѣзѣ,—такихъ же самыхъ

ячеекъ, похожихъ на пчелиныя соты, какія изображены на рис. Б, въ продольномъ разрѣзѣ еловой древесины. На нихъ мы не станемъ останавливаться, иначе мы съ вами забрались бы слишкомъ далеко въ область анатоміи дерева. Но, я попрошу васъ обратить вниманіе на темныя дуги *г* и *д* на рис. А, видныя на той же нижней части рисунка. Онѣ должны быть вамъ немного знакомы; если же нѣтъ, то съ ними не трудно познакомиться: срѣжьте сучокъ (толщиною въ палецъ) сирени, ясени или дуба, сосны или ели; сгладьте острымъ ножомъ поверхность срѣза, и вы на ней увидите темныя круги, какъ бы раздѣляющіе эту поверхность на нѣсколько колецъ, вложенныхъ одно въ другое. Чѣмъ толще срѣжете вы вѣтку, тѣмъ большее число такихъ колецъ найдете въ ней, хотя, впрочемъ, не всегда. Иногда, тонкая вѣтка можетъ имѣть много колецъ, но узкихъ, и, наоборотъ, толстая вѣтка можетъ оказаться съ меньшимъ числомъ колецъ. Сколько вы считаете у срѣзанной вѣтви или деревца, — если вы срѣзали деревцо, — такихъ колецъ, столько лѣтъ вашей вѣткѣ или (деревцу, дереву, дерева) прибавляется по одному такому кольцу, почему эти кольца и называются годовыми или годичными кольцами или слоями. Вотъ, части такихъ-то темныхъ круговъ, разграничивающихъ другъ отъ друга годичныя кольца, и представляютъ на нашемъ рисункѣ тѣ темныя дуги, на которыя я просилъ обратить ваше вниманіе. Онѣ, слѣдовательно, не что иное, какъ границы годичныхъ колецъ, или слоевъ, того липоваго сучка, часть котораго представлена въ увеличенномъ видѣ на нашемъ рисункѣ.

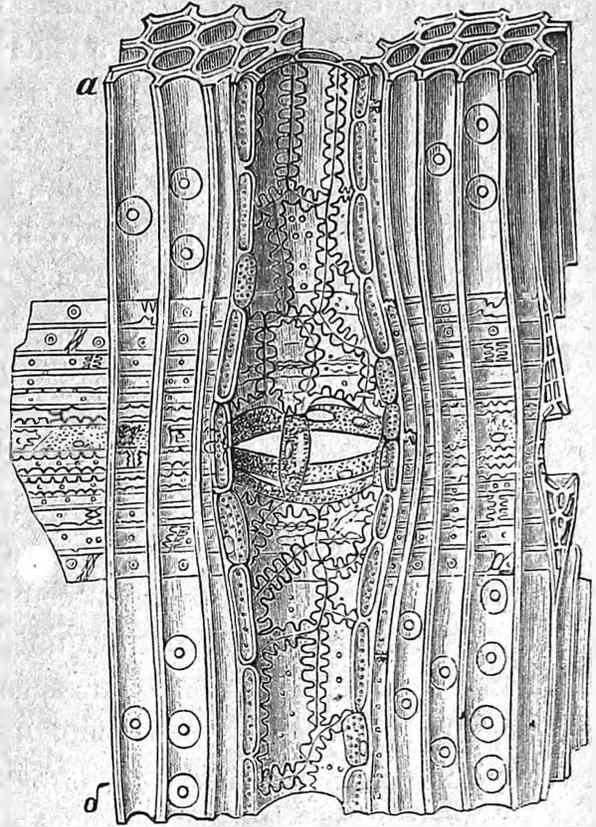

Рис. Б. Продольный разрѣзъ еловой древесины (увеличено въ 90 разъ).

Такимъ образомъ, теперь, если вамъ случится когда-нибудь присутствовать при срубкѣ дерева, вы всегда можете узнать сколько лѣтъ было этому дереву, для чего вамъ стоитъ только сосчитать на нѣ число годичныхъ слоевъ. Впрочемъ, не у всякаго дерева вы легко сосчитаете годичныя кольца. Напримѣръ, у сосны, ели, дуба,

ясеня, это большею частью не трудно сдѣлать—у нихъ кольца, обыкновенно, довольно рѣзко разграничены одно отъ другого; а вотъ у березы, осины, липы—считать годовичныя кольца очень часто бываетъ затруднительно и нерѣдко приходится прибѣгать къ помощи лупы. Вы можете въ этомъ удостовѣриться въ первый же разъ, когда къ вамъ въ комнату принесутъ дрова для топки печей: вы увидите, насколько вамъ труднѣе будетъ сосчитать число лѣтъ березоваго полѣна, сравнительно съ сосновымъ или еловымъ. Чтобы легче было считать кольца у березоваго полѣна, смочите его немного водой (если оно сухое): тогда кольца выступятъ яснѣе.

Позанявшись счетомъ годовичныхъ колець у нѣсколькихъ полѣневъ различной толщины—тонкихъ и толстыхъ—вы можете легко рассчитать, сколько, приблизительно, лѣтъ требуется, напримѣръ, соснѣ или березѣ для того, чтобы вырасти въ толщину вашей руки, въ толщину бревна и т. п., а вѣдь это интересно и поучительно. Образованному человѣку слѣдуетъ это знать.

Чѣмъ продолжительнѣе, теплѣе и обильнѣе дождями лѣто, т. е. чѣмъ благопріятнѣе оно для растительности, тѣмъ шире откладывается у дерева годовичный слой, и на оборотъ: чѣмъ лѣто короче, холоднѣе и суше, тѣмъ меньше годовичный приростъ дерева въ толщину. Точно также, поздніе весенніе заморозки, побивающіе молодой листь, или сильное объѣданіе листьвы дерева насѣкомыми (гусеницами бабочекъ, жуками) уменьшаютъ толщину годовичнаго слоя, потому что ростъ дерева въ толщину и высоту происходитъ насчетъ матеріала, вырабатываемаго листьями дерева.

Такимъ образомъ, рассматривая годовичныя кольца у срубленнаго дерева, вы можете заглядывать въ его прошлое,—узнавать, такъ сказать, біографію дерева. При этомъ случается иногда узнать весьма любопытныя и поучительныя вещи. Для примѣра расскажу вамъ слѣдующій случай.

Однажды, будучи еще ученикомъ, мнѣ привелось принимать участіе въ лѣсной экскурсіи съ учениками одной лѣсной школы, подъ руководствомъ опытнаго профессора. Между прочимъ, во время этой экскурсіи былъ срубленъ одинъ довольно почтеннаго возраста дубъ—для разныхъ научныхъ изслѣдованій, которыя производились учениками тутъ же, въ лѣсу. На мою долю выпало опредѣлить возрастъ срубленнаго дерева. При счетѣ годовичныхъ колець, на сглаженной топоромъ поверхности отруба пня, мнѣ бросилось въ глаза то обстоятельство, что черезъ каждыя три кольца обыкновенной ширины, четвертое было чрезвычайно узкое, и что такое чередованіе трехъ широкихъ и одного узкаго кольца проходило равномернo черезъ бдль-

шую часть толщины ствола. Когда я обратилъ на это вниманіе профессора, то узналъ отъ него слѣдующее: въ теченіе уже длиннаго ряда лѣтъ, лѣса этой мѣстности страдаютъ, періодически—и именно черезъ три года въ четвертый—отъ объѣданія листвы деревьевъ майскимъ жукомъ (или хрущемъ), и что послѣдній такой годъ хозяйничанья майскаго жука въ этихъ лѣсахъ былъ три года тому назадъ (что и подтверждалось тѣмъ, что послѣдній узкій годичный слой былъ третьимъ, по счету, отъ коры). Затѣмъ, профессоръ еще добавилъ, что въ иные годы майскіе жуки до того жестоко хозяйничаютъ въ лѣсу, что совсѣмъ почти оголяютъ деревья отъ листьевъ, а это, конечно, должно сказываться весьма чувствительно на ширинѣ годичнаго кольца такихъ годовъ. Въ поясненіе къ этому, я долженъ добавить, что, такъ сказать, «урожайные годы» на майскаго жука повторяются черезъ каждые три года въ четвертый, потому что этотъ жукъ требуетъ для полнаго своего развитія изъ яичка, положеннаго самочкой въ землю, три цѣлыхъ года, и вылетаетъ изъ земли лишь на четвертое лѣто. Въ землѣ онъ живетъ въ видѣ бѣловатой, жирной, червеобразной личинки (извѣстной у рыболововъ подъ именемъ сальника), питаясь, преимущественно, корешками молоденькихъ деревьевъ, и тѣмъ причиняя иногда большія непріятности лѣсничимъ и садовникамъ.

Однако, я отвлекся нѣсколько въ сторону; поставилъ вопросъ о томъ, «что такое дрова», а съѣхалъ на майскаго жука... Ну, да это еще не бѣда: вѣдь я вамъ не лекцію читаю, а просто бесѣдную съ вами «у камина»; да, кромѣ того, вы теперь, послѣ всего мною сказаннаго, можете уже дать удовлетворительный отвѣтъ на предложенный мною вамъ вопросъ о дровахъ. Вы мнѣ отвѣтите: «дрова—это куски (отрубки, отрѣзки) древесины, предназначенные на топливо; древесина же есть то твердое, состоящее изъ мельчайшихъ изящныхъ ячеекъ и трубочекъ, вещество, которое, ежегодно нарастая новымъ слоемъ подъ корою дерева, образуетъ его стволъ и вѣтви». Получивъ отъ васъ такой отвѣтъ, я могу считать себя достаточно удовлетвореннымъ.

Въ заключеніе, еще нѣсколько словъ о тѣхъ же дровахъ.

Какъ вы думаете, сколько дровъ сжигается ежегодно въ нашей матушкѣ-Россіи,—въ одной только Европейской Россіи?

По самому умѣренному расчету—около 40.000.000 кубическихъ сажень! Для полученія такого громаднаго количества дровъ ежегодно должно срубаться около 2.000.000 десятинъ лѣса, что составляетъ площадь, значительно превышающую площадь всей Эстляндской губерніи. Прибавьте къ этимъ почтеннымъ цифрамъ еще

весь тотъ лѣсъ, который срубается на бревна для построекъ и на всевозможныя деревянныя подѣлки, тогда вамъ сдѣлается понятнымъ, почему со всѣхъ сторонъ приходится слышать объ истребленіи, «таяніи» нашихъ лѣсовъ, и непомѣрномъ дорожаніи дровъ и другихъ древесныхъ матеріаловъ.

Но, быть можетъ, вы скажете: «да вѣдь лѣсъ же растетъ; на мѣстѣ срубленнаго лѣса современемъ, вырастаетъ новый». Да, растетъ и вырастаетъ, но только не всегда и не вездѣ, и далеко не въ такомъ количествѣ, въ какомъ срубается. Если бы въ нашихъ лѣсахъ выросло ежегодно такое же количество лѣса, какое ежегодно срубается, то тогда, конечно, и такой дороговизны дровъ не было бы, и мы избѣжали бы многихъ бѣдъ, какъ, на примѣръ, засухъ, наводненій, снѣжныхъ и песчаныхъ заносовъ и разныхъ другихъ напастей, обыкновенно слѣдующихъ за истребленіемъ лѣсовъ. Но это будетъ только тогда, когда перестанутъ выпускать скотъ на мѣста вырубокъ, на которыхъ поднимается новый лѣсъ; когда будутъ сажать и сѣять лѣсъ тамъ, гдѣ онъ самъ собою почему либо не возобновляется; когда не будутъ позволять лѣснымъ пожарамъ безпрепятственно истреблять десятки и сотни тысячъ десятинъ лѣса, какъ это у насъ случается каждымъ лѣтомъ, словомъ—когда у насъ во всѣхъ лѣсахъ заведется правильное хозяйство и когда мы будемъ любить и беречь лѣсъ—эту красу и богатство нашей родины!

ДѢДУШКИНЪ САДИКЪ.

Въ дѣтствѣ, я помню, нашъ садикъ старинный
 Дѣдушка самъ разводилъ:
 Съ сажнемъ, со скрѣбкой, съ веревкою длинной
 Онъ вокругъ дома ходилъ...
 «... Ну»,—говорилъ онъ мнѣ,—«маленькій внучекъ,
 Дѣду теперь помогай!
 Ты не жалѣй своихъ бѣленькихъ ручекъ
 Ямки со мною копай.
 Ты доставай мнѣ изъ саду прививки,
 Колья за мною носи,
 Воду изъ кадки таскай для поливки,
 Глину лопатой мѣси.
 Здѣсь-то, вотъ видишь ты, яблоньки будутъ,
 Тутъ вотъ крыжовникъ».—«А тамъ?»

— «Тамъ-то садовникъ ручей перепрудить
И по крутымъ берегамъ
Густо повиснутъ широкія вѣтки,
Будетъ житье соловьямъ!
Тамъ мы устроимъ аллеи, бесѣдки,
Кинемъ цвѣты по лугамъ»...

М. Стаховичъ.

ЧЕРЕМУХА ЦВѢТЕТЪ.

Черемуха душистая
Цвѣтами убрана
И шепчетъ солнцу ясному:
«Прохлада мнѣ нужна.

Ласкай меня, но жаркою
Весной повремени».
Для милой, для черемухи
Свѣжѣе стали дни.

И, вся благоуханная,
Роняя лепестки,
Цвѣтеть, цвѣтеть черемуха
Въ оврагѣ у рѣки.

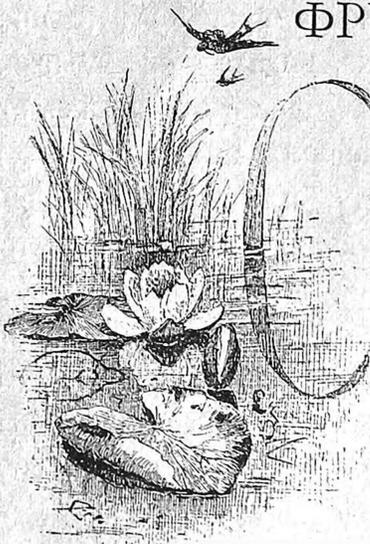
Съ утра до позднихъ сумерекъ,
Со всѣхъ концовъ земли,
Къ цвѣтамъ ея торопятся
Тяжелые шмели.

И душу пьютъ медовую,
И звонко такъ жужжать:
«Черемуха, черемуха,
Какъ свѣтель твой нарядъ!»

И сладко ей, и радостно
Въ отвѣтъ благоухать
И въ нѣжномъ содроганіи
Цвѣсти и отцвѣтать.

Вл. Жуковскій

ФРУКТОВЫЯ ДЕРЕВЬЯ.

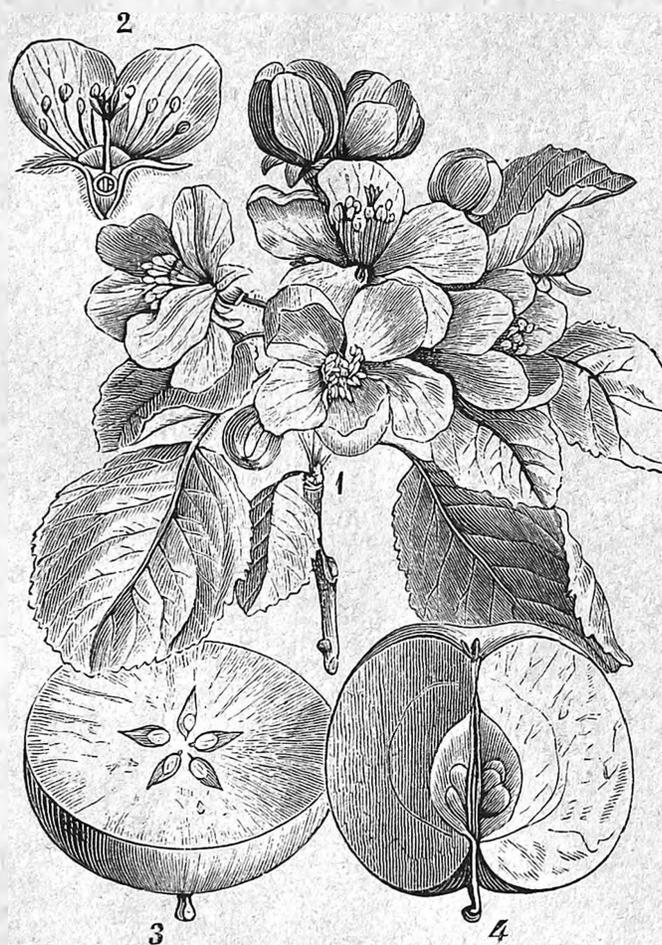

РЕДИ нашихъ русскихъ фруктовыхъ деревьевъ первенство несомнѣнно принадлежитъ яблонѣ, какъ по ея почти повсемѣстному распространенію, такъ и по богатству разнообразія ея сортовъ.

Цвѣтеть яблоня въ концѣ весны (на рубежѣ лѣта), одновременно съ сиренью и рябиной. Цвѣты у нея довольно крупныя и сидятъ на вѣткахъ букетиками, по нѣскольکو штукъ вмѣстѣ. Сверху они бѣлые, снизу—

розовые, вслѣдствіе чего, въ цвѣточныхъ букетикахъ яблони, рядомъ съ распустившимися бѣлыми цвѣтами, находятся красивыя розовыя бутончики. Каждый цвѣточекъ состоитъ изъ 5-ти лепест-

ковъ, прикрѣпленныхъ къ отгибу зеленой пятизубчатой чашечки, имѣющей форму бокальчика. Внутри чашечки заключены пять сросшихся съ нею завязей, столбики которыхъ возвышаются посрединѣ цвѣтка и окружены многочисленными тычинками. По отцвѣтаніи цвѣтка, чашечка съ завязями разрастается въ сочный мясистый плодъ—яблоко, съ 5-ю сѣменными гнѣздышками (по числу завязей).

Яблоня.

1—вѣтка съ листьями и цвѣтами; 2—цвѣтокъ въ разрѣзѣ; 3 и 4 — яблоко въ поперечномъ и продольномъ разрѣзѣ.

Листья появляются изъ почекъ яблони почти одновременно съ цвѣтами. Изъ множества сортовъ разныхъ яблонь особенно извѣстностью пользуются у насъ, на Руси: антоновка, боровинка, апортъ, наливъ (наливное яблоко) и титовка. Всѣ разнообразныя сорта яблонь происходятъ отъ дикой яблони, растущей въ лѣсахъ умѣреннаго пояса Европы и Азіи; плоды ея мелки, жестки и кислы.

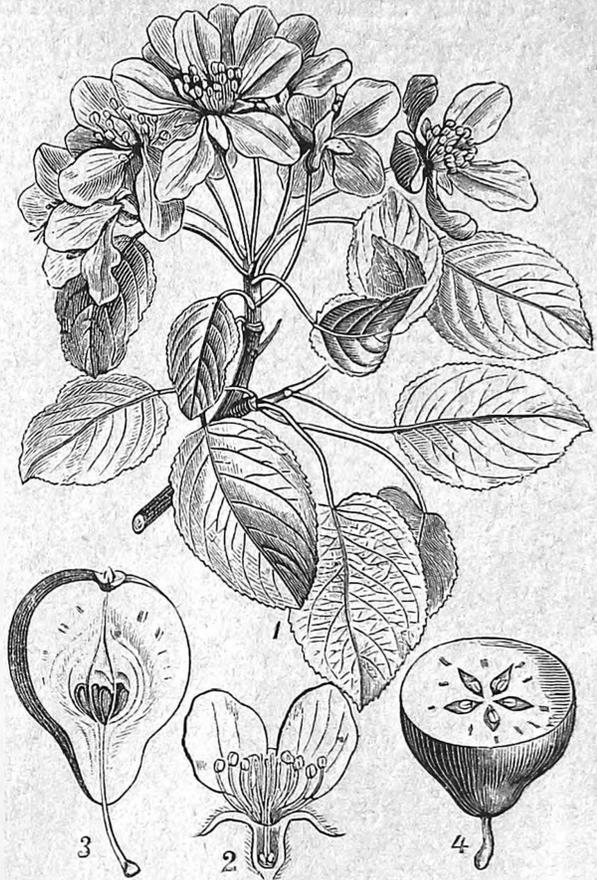
Помимо непосредственной пользы, приносимой намъ яблонью—ея вкусными плодами (въ сыромъ, вареномъ, сушеномъ и прочихъ видахъ), она полезна намъ еще и въ другихъ отношеніяхъ: цвѣты ея доставляютъ пчеламъ много прекраснаго меду, а красновато-бурая древесина, весьма плотная и хорошо полирующаяся, очень цѣнится столярами, токарями и рѣзчиками, и идетъ на многія подѣлки.

Груша, близкая родственница яблони, расцвѣтаетъ обыкновенно нѣсколькими днями раньше ея и имѣетъ цвѣты болѣе мелкіе и совсѣмъ бѣлые, какъ сверху, такъ и снизу; цвѣты груши не такъ красивы, какъ цвѣты яблони, но зато болѣе душисты. Устройство грушевыхъ цвѣтовъ почти такое же, какъ и яблоневыхъ. Количество сортовъ разныхъ грушъ также очень велико. Наибольшую извѣстностью пользуются у насъ: безсѣмянка, бергамотъ, царская груша и новгородская дуля.

Всѣ наши сорта грушъ произошли отъ дикой груши, растущей въ лѣсахъ рядомъ съ дикой яблоней. Плоды ея тоже мелки, жестки и невкусны.

Древесина грушеваго дерева очень похожа на яблоневую, но цѣнится обыкновенно дороже. Лучшія чертежныя линейки и треугольники, а также и многіе духовые инструменты изготовляются изъ грушеваго дерева.

Когда и гдѣ впервые стали искусственно разводить яблоневыя и грушевыя деревья—сокрыто во мракѣ вѣковъ. Несомнѣнно только то, что древнимъ іудеямъ и грекамъ уже очень хорошо была извѣстна облагороженная груша, а римляне обладали даже весьма значительнымъ искусствомъ въ разведеніи разныхъ сортовъ яблонь и грушъ. Знаменитый римскій природовѣдъ Плиній (умеръ въ 79 г. по Р. Х.) насчитываетъ уже 41 сортъ грушъ и 36 яблонь. Въ настоящее время разводится около 1500 сортовъ грушевыхъ и почти столько же яблоневыхъ деревьевъ.

Груша.

Всѣ наши разнообразныя сорта вишневыхъ деревьевъ могутъ быть сведены къ двумъ главнымъ видамъ: черешня и вишня. У черешни болѣе крупныя цвѣты и плоды, и болѣе мягкіе листья, чѣмъ у вишни, имѣющей листья глянцевито-кожистые. Устройство бѣлоснѣжныхъ цвѣтовъ, сидящихъ на вѣткахъ кистями, совершенно одинаково у обоихъ видовъ и хорошо видно на прилагаемомъ при семъ рисункѣ.

Родиной вишневаго дерева считается Кавказъ и Малая Азія.

Изъ русскихъ сортовъ вишенъ особенно извѣстностью пользуется владимірская вишня.

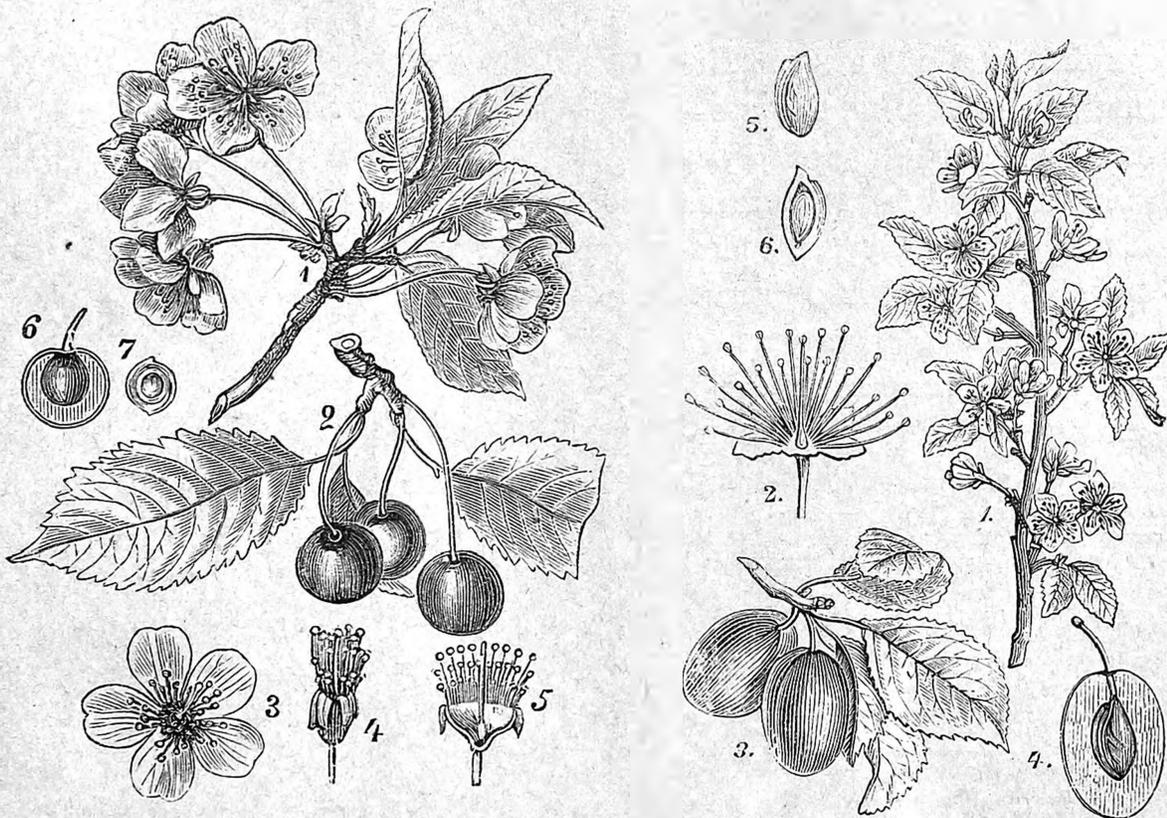
Всѣмъ извѣстное дерево—черемуха, такъ украшающая весной своими душистыми бѣлыми цвѣтами наши сады, парки и лѣса, является ближайшей родственницей вишневому дереву. Черемуховые

1—вѣтка съ листьями и цвѣтами; 2—цвѣтокъ въ разрѣзѣ; 3 и 4—плодъ груши, въ поперечномъ и продольномъ разрѣзѣ.

цвѣты устроены одинаково съ вишневыми, и черемуховая ягода совсѣмъ похожа на крошечную вишеньку.

Слива, также близкая родственница вишни, значительно отличается отъ нея своими мелкими зеленовато-бѣлыми цвѣточками, сидящими на вѣткахъ поодиночкѣ, или попарно, на коротенькихъ ножкахъ. Устройство сливогого цвѣтка почти такое же, какъ и вишневого.

Родомъ слива изъ Кавказа и Малой Азии. Въ настоящее время разводится искусственно около 200 сортовъ сливъ, съ черными (темно-

Вишня.

1—вѣтка съ цвѣтами; 2—плоды; 3—цвѣтокъ, съ котораго сняты лепестки; 4—тотъ же цвѣтокъ разрѣзанъ вдоль и развернутъ, чтобы показать расположеніе тычинокъ и плодника; 5—разрѣзъ плода вишни; 6—разрѣзъ плода вишни; 7—косточка въ разрѣзѣ.

Слива.

1—вѣтка съ цвѣточками; 2—цвѣтокъ въ разрѣзѣ; 3—вѣтка съ плодами; 4—плодъ въ разрѣзѣ; 5—косточка; 6—косточка въ разрѣзѣ.

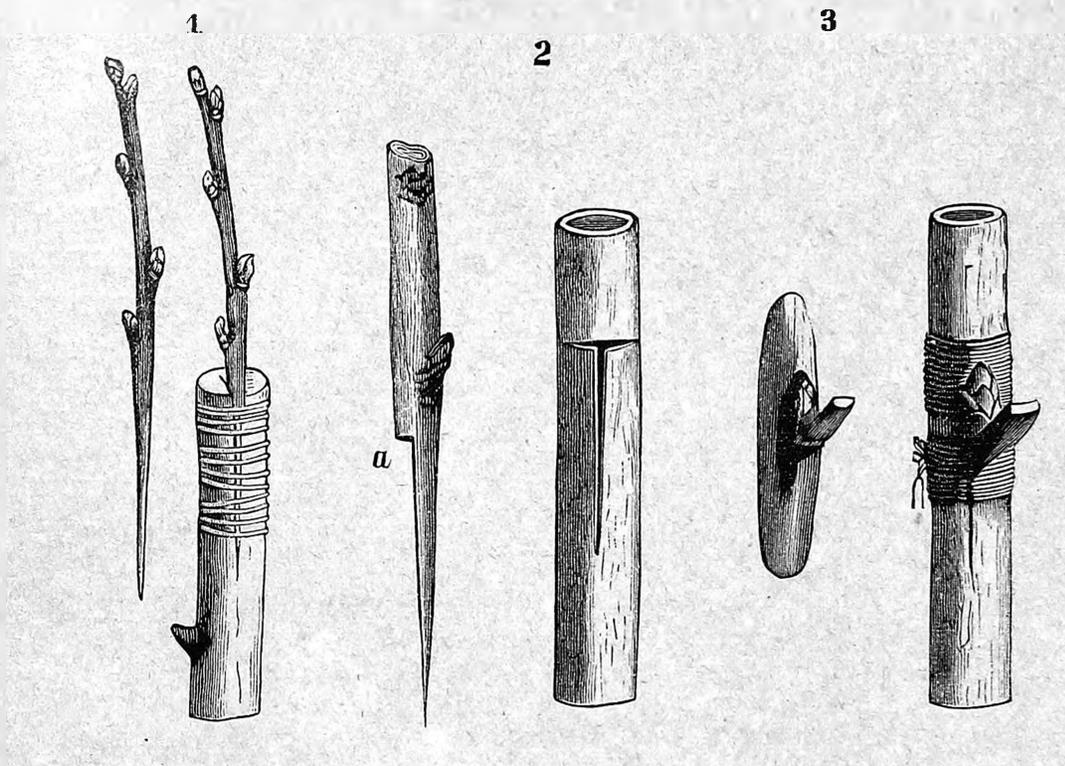
синими), красными и бѣлыми (желтыми, зеленоватыми) плодами, достигающими иногда величины куриного яйца. Черныя сливы въ сушеномъ видѣ доставляютъ извѣстный черносливъ.

Если взять сѣмя отъ какого-либо хорошаго сорта яблока, или груши, и посѣять его въ землю, то выростетъ не тотъ же хорошій сортъ, а такъ называемый дичокъ, съ мелкими и кислыми плодами, такими же, какіе даютъ дикія лѣсныя яблони и груши. Поэтому, для размноженія хорошихъ, благородныхъ сортовъ фруктовыхъ

деревьевъ приходится прибѣгать къ облагораживанію дичковъ — къ такъ называемой прививкѣ.

Есть нѣсколько способовъ прививки, изъ которыхъ чаще всего практикуются слѣдующіе три: 1) прививка въ расщепъ или прищепомъ, 2) прививка подъ кору и 3) прививка глазкомъ (или окулировка).

Прививка въ расщепъ — одинъ изъ самыхъ старинныхъ способовъ; онъ примѣняется преимущественно къ дичкамъ значительно болѣе крупнымъ (толстымъ), чѣмъ прививаемая вѣтка. Производится

Прививка.

1 — въ расщепъ; 2 — подъ кору; 3 — глазкомъ.

она слѣдующимъ образомъ: весной, передъ распусканіемъ почекъ, срѣзаютъ горизонтально верхушку дичка и дѣлаютъ на немъ расщепъ, около 1 вершка длиною; затѣмъ, срѣзанную съ благороднаго дерева вѣтку приостряютъ снизу и вставляютъ въ расщепъ, у одного изъ его краевъ, такъ, чтобы разрѣзъ коры на вѣткѣ пришелся надъ разрѣзомъ коры дичка. Если дичокъ довольно толстъ, то можно посадить на немъ двѣ вѣтки, по одной съ каждой стороны расщепа, въ противномъ же случаѣ только одну, и тогда лучше не раскалывать дичка во всю его толщину, а только до половины. Послѣ прививки, расщепъ, со вставленною въ него вѣткой, плотно обвязывается

и обмазывается садовою мазью ¹⁾, или глиняно-навознымъ тѣстомъ ²⁾, и затѣмъ плотно обвязывается тряпками.

Прививка подъ кору производится также весной, а именно въ то время, когда въ деревѣ начинается движеніе соковъ и кора легко отстаетъ отъ древесины. Срѣзаютъ горизонтально верхушку дичка, затѣмъ дѣлаютъ острымъ ножомъ вертикальный надрѣзъ коры, длиною около вершка и, отдѣливъ слегка съ обѣихъ сторонъ надрѣза кору отъ древесины, опускаютъ въ образовавшееся такимъ образомъ между корой и древесиной отверстіе, прививную вѣтку, которая предварительно должна быть срѣзана косымъ рѣзомъ сверху и приострена снизу, какъ это показано на нашемъ рисункѣ. [Если прививная вѣтка очень тонка, то приостреніе можетъ быть дѣлаемо и гладкое, безъ зарубки (а)].

Прививка глазкомъ, или окулировка, заключается въ томъ, что на дичокъ переносится только одинъ глазокъ (почка) благороднаго растенія, съ маленькимъ кусочкомъ коры. Дѣлается это такимъ образомъ: на вѣткѣ благороднаго растенія надрѣзается вокругъ глазка кора и осторожно снимается вмѣстѣ съ глазкомъ; затѣмъ на дичкѣ дѣлается надрѣзъ коры въ видѣ буквы Т, въ который, отвернувъ кору надрѣза, вставляется снятый съ благороднаго растенія щитокъ коры съ глазкомъ; послѣ того прививка плотно обвязывается мочальными лентами, при чемъ привитой глазокъ оставляется, разумѣется, наружу.

Количество и качество плодовъ, приносимыхъ фруктовыми деревьями, въ большой степени зависятъ отъ ухода за этими послѣдними. Уходъ этотъ, главнымъ образомъ, долженъ заключаться въ слѣдующемъ:

1) Ежегодно весной (а еще лучше, если также и осенью) перекапывать вокругъ деревьевъ почву на такую глубину, чтобы только не повредить корней дерева. Такое разрыхленіе почвы и удаленіе сорныхъ травъ весьма много содѣйствуютъ успѣшному развитію фруктовыхъ деревьевъ.

2) Раскладывать ежегодно, весной или осенью, на перекопанной вокругъ дерева землѣ, навозъ, или же дѣлать поливку навозной жижей. Въ послѣднемъ случаѣ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дерева слѣдуетъ выкопать 3—4 ямки, глубиною около $\frac{1}{2}$ аршина, и влить въ каждую изъ нихъ по ушату жидкости; когда удобреніе впитается въ почву, ямки нужно заравнять. Такая удобрительная поливка особенно полезна тамъ, гдѣ деревья часто страдаютъ отъ засухи.

1) 2 части бѣлаго вара и 1 часть свиного или говяжьего сала.

2) Поровну жирной глины и коровьяго помета; дѣйствуетъ не хуже садовой мази.

3) Обрѣзать ранней весной лишніе (такъ называемые «водяные») побѣги, а также и перекрещивающіяся вѣтки, которыя отъ тренія вѣтромъ другъ о друга легко могутъ получить раны, могущія послужить причиною заболѣванія дерева.

4) Снимать съ коры ствола и старыхъ сучьевъ нарастающій на нихъ мохъ и лишай, которые вредятъ дереву и должны быть удалены.

5) Для избѣжанія обламыванія сучьевъ подъ тяжестью большого количества плодовъ, заблаговременно подпирать ихъ вилообразными подпорками, подкладывая на вилку мохъ или бересту, во избѣжаніе вреднаго тренія отъ раскачиванія вѣтромъ.

6) Отъ обгладыванія зимою коры деревьевъ зайцами предохранять обвязываніемъ стволовъ на зиму соломой. Молодые деревца часто повреждаются мысатами, объѣдающими кору при основаніи деревца; для предохраненія отъ этого слѣдуетъ обвязывать нижнюю часть деревца вѣтками желтой акаціи или березы, которыхъ мыши не трогаютъ.

7) Отъ губельнаго дѣйствія на цвѣтуція деревья весеннихъ утреннихъ заморозковъ, защищать деревья окуриваніемъ. Для этого собирать хворостъ, солому и т. п. въ запасныя кучи между деревьями, и—если можно опасаться мороза—зажигать приготовленныя кучи, поддерживая огонь до восхода солнца. Распространяющійся между деревьями дымъ, окутывая ихъ, препятствуетъ охлажденію воздуха и тѣмъ спасаетъ цвѣты отъ мороза. Также хорошо покрывать ранней весной (въ мартѣ, апрѣлѣ) вокругъ деревьевъ землю, или находящійся на ней снѣгъ, соломой или сухими листьями, вслѣдствіе чего оттаиваніе земли замедляется, и деревья расцвѣтаютъ позже, когда пора утренниковъ уже миновала.

У насъ, въ Россіи, разведеніе фруктовыхъ деревьевъ сравнительно еще мало развито, за исключеніемъ лишь немногихъ мѣстностей. Въ этомъ отношеніи мы еще сильно отстали отъ Западной Европы. Тамъ, весной, куда почти не глянешь, повсюду бросаются въ глаза цвѣтуція фруктовыя деревья: маленькіе города, села и деревни иногда буквально утопаютъ въ цвѣтахъ этихъ деревьевъ. Проѣзжія дороги, усаженныя фруктовыми деревьями, превращаются въ цвѣтуція аллеи. По полямъ и лугамъ разбросаны правильными рядами, или же въ живописномъ безпорядкѣ, цвѣтуція фруктовыя деревья. Сколько красоты и сколько пользы!

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМЪ.

Идетъ-гудетъ зеленый шумъ,
Зеленый шумъ, весенній шумъ!

*
* *

Играючи, расходится
Вдругъ вѣтеръ верховой:
Качнетъ кусты ольховые,
Подниметъ пыль цвѣточную,
Какъ облако; все зелено,
И воздухъ и вода!

*
* *

Какъ молокомъ облитые,
Стоять сады вишневые,
Тихохонько шумятъ;
Пригрѣты теплымъ солнышкомъ,
Шумятъ повеселѣлые
Сосновые лѣса;
А рядомъ, новой зеленью
Лепечутъ пѣсню новую
И липа блѣднолистая,
И бѣлая березынька,
Съ зеленою косою!
Шумитъ тростинка алая,
Шумитъ высокій кленъ...
Шумятъ они по новому,
По новому, весеннему...

*
* *

Идетъ-гудетъ зеленый шумъ,
Зеленый шумъ, весенній шумъ!

Н. Некрасовъ.

ПРЕВРАЩЕНІЯ.

(По Полю-Бэру и К. Фохту).

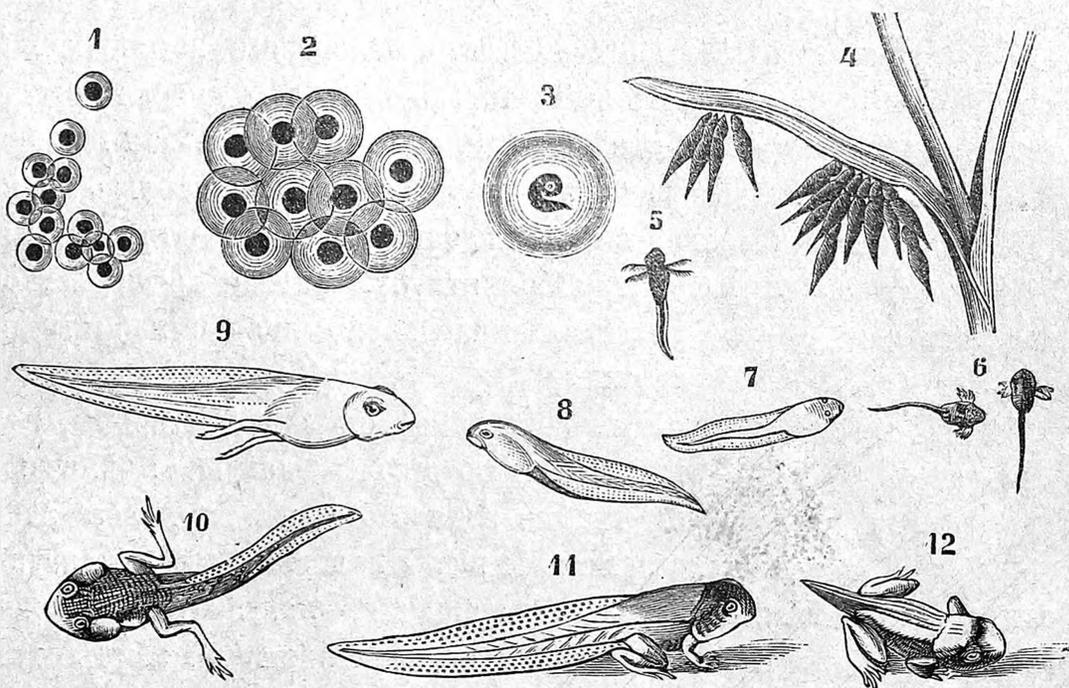
СЛИ вамъ показать маленькаго котеночка, которому всего только нѣсколько дней, то вы сейчас же скажете, что это—маленькая кошечка. Точно также вы узнаете легко не только щенка, теленка, но и маленькую, только-что вылупившуюся изъ яйца птичку. Также легко всякому узнать и маленькую ящерицу, змѣю или черепаху.

Но, вотъ вамъ, съ одной стороны, головастикъ, а съ другой—лягушка. Могли ли бы вы, не зная этого раньше, догадаться, что головастикъ вышелъ изъ яйца (икры) лягушки и самъ скоро сдѣлается такой же лягушкой? У лягушки четыре ноги, у головастика ихъ совсѣмъ нѣтъ. Лягушка живетъ на землѣ, головастикъ—въ водѣ или, вѣрнѣе, подъ водою, такъ какъ онъ—настоящее водное животное. Лягушка дышетъ легкими, а головастикъ—жабрами; лягушка ѣстъ мухъ и червей, а головастикъ—траву; у головастика длинный хвостъ, у лягушки же его нѣтъ и слѣда. Эти два животныхъ, повидимому, не имѣютъ ничего общаго между собою.

Такія переменны, которыя совершаются въ наружномъ видѣ животнаго, въ теченіе того времени, когда животное развивается, называются превращеніями (или метаморфозами). Головастикъ, вышедшій изъ яйца лягушки, очень малъ, черенъ и не имѣетъ ногъ. По обѣимъ сторонамъ его шеи развиваются двѣ маленькихъ кисточки, посредствомъ которыхъ онъ дышетъ тѣмъ воздухомъ, который находится въ водѣ. Кисточки эти—его наружныя жабры. Вскорѣ онъ ихъ теряетъ и пріобрѣтаетъ внутреннія жабры. Въ это время онъ становится величиною почти съ лѣсной орѣхъ; потомъ у него появляются заднія ноги, которыя, вырастая, прорываютъ кожу, а вслѣдъ за ними появляются и переднія лапки. Въ это время хвостъ начинаетъ уменьшаться, а внутри груди образуются легкія. Затѣмъ, мало-по-малу хвостъ исчезаетъ и передъ нами является крошечный лягушонокъ. На всѣ эти превращенія тратится нѣсколько мѣсяцевъ

времени. И странное дѣло: этотъ маленькій лягушонокъ гораздо меньше по величинѣ, чѣмъ тотъ головастикъ, изъ котораго этотъ лягушонокъ произошелъ. Это оттого, что у головастика, питающагося травой, было объемистое брюшко, лягушонокъ же питается мясной пищей.

И жаба проходитъ черезъ такія же превращенія, какъ и лягушка. Что же касается до родственныхъ лягушкамъ тритоновъ и сала-

Превращенія лягушки.

1—только что вымеченная лягушечья икра; 2—она же по прошествіи нѣкотораго времени; 3—отдѣльная икринка, съ обозначившимся уже головастикомъ; 4—только что вышедшіе изъ икры головастики; 5—12—дальнѣйшее развитіе головастика, до превращенія въ лягушенка.

мандрь, то ихъ превращенія отличаются только тѣмъ, что эти животныя не теряютъ хвоста—всю жизнь остаются хвостатыми.

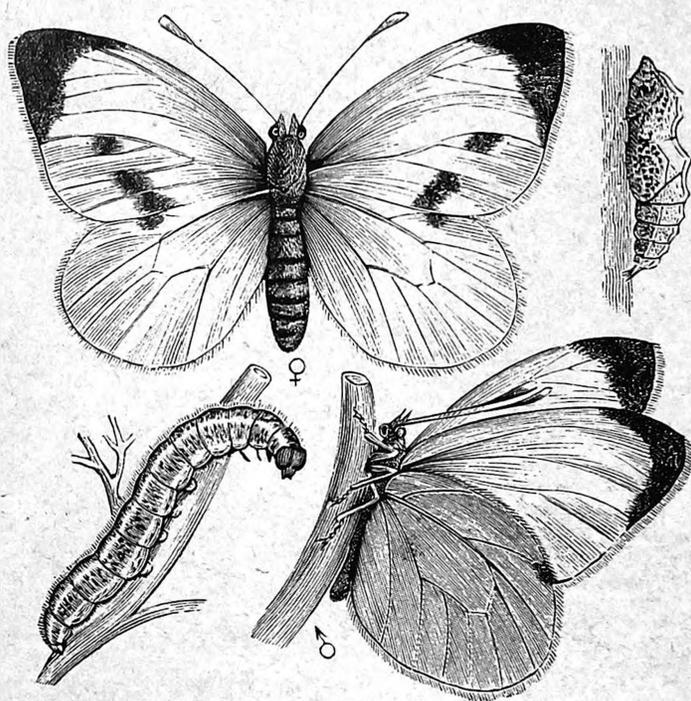
Большая часть насекомыхъ также имѣютъ превращенія. Возьмемъ, на примѣръ, бабочку. Бабочка откладываетъ яички, изъ которыхъ вылупляются маленькія личинки или гусеницы. Намъ всѣмъ извѣстно, что гусеницы имѣютъ видъ червяка, съ маленькими ножками, и что онѣ очень прожорливы, вслѣдствіе чего тѣло ихъ растетъ съ поражающею быстротою. Кожа гусеницы, не способная много растягиваться, становится для нея тѣсною, лопается и сбрасывается; гусеница одѣвается новою, болѣе просторною, кожей. Такимъ образомъ, послѣ cadaго сбрасыванія кожи, гусеница становится больше, а перемѣняетъ она свою кожу до тѣхъ поръ, пока не выростетъ до настоящей своей величины. Такое многократное сбрасываніе гусени-

цей своей кожи называется линянiемъ; говорятъ: гусеница линяетъ.

Достигнувъ своего полнаго роста, гусеница превращается въ куколку. Она замыкается отъ вишняго мiра, закрывшись твердой броней, и не принимаетъ больше никакой пищи. Куколкой она остается иногда очень долго, и хотя наружно, повидимому, не измѣняется, но внутри ея идетъ большая работа: тамъ теперь образуются всѣ тѣ органы, которые необходимы взрослому насѣкомому — бабочкѣ, такъ что при выходѣ изъ куколки ихъ придется только расправить, чтобы привести въ дѣйствiе. Когда внутри куколки все уже готово, тогда броня ея лопається и на свѣтъ Божiй появляется совершенное насѣкомое — бабочка.

Всѣ насѣкомыя, которыя, подобно бабочкамъ, вылупляются изъ яицъ личинками, и проходятъ чрезъ состоянiе неподвижныхъ куколокъ, называются насѣкомыми съ полнымъ превращенiемъ.

Возьмемъ теперь, для другого примѣра, зеленого полевого кузнечика. И тутъ опять взрослое насѣкомое кладетъ яйцо, изъ котораго вылупляется существо уже болѣе или менѣе похожее на взрослога кузнечика, но только у него нѣтъ еще крыльевъ. Это — личинка кузнечика. Она тоже выказываетъ большую прожорливость, быстро растетъ и нѣсколько разъ перемѣняетъ свою кожу. При каждомъ же сбрасыванiи кожи она становится все болѣе и болѣе похожею на взрослое насѣкомое, такъ какъ крылья начинаютъ мало-по-малу выростать. Въ началѣ нѣтъ и слѣда крыльевъ; но съ первою же перемѣною кожи (съ первымъ линянiемъ) появляются уже маленькiе ихъ зачатки, которые увеличиваются при слѣдующемъ линянiи; наконецъ, перелинявъ послѣднiй разъ, насѣкомое является съ полными крыльями — настоящимъ, совершеннымъ кузнечигомъ. Всѣхъ насѣко-

Превращенiе бабочки.

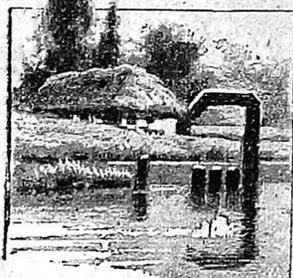
Бѣлянка-капустница, ея гусеница и куколка.

мыхъ, развивающихся подобнымъ образомъ, называютъ насѣкомыми съ неполнымъ превращеніемъ.

Совершенное насѣкомое (бабочка, кузнечикъ, жуукъ) уже не мѣняются болѣе ни во внѣшнемъ своемъ видѣ, ни въ ростѣ. Гасты и мѣняться можетъ только личинка или гусеница. Такимъ образомъ, если вамъ случится встрѣтить двухъ совершенныхъ насѣкомыхъ, которыя похожи другъ на друга и изъ которыхъ одно больше другого, то не думайте, чтобы меньшее могло вырасти и достигнуть роста большаго. Существуетъ общераспространенное мнѣніе, будто маленькая мушка есть ни что иное, какъ молодая муха, которая еще выростетъ; но это—заблужденіе: маленькая мушка всегда останется маленькой и не можетъ сдѣлаться большою мухой; она — насѣкомое совершенное, прошедшее уже чрезъ всѣ свои превращенія, и расти больше уже не можетъ.

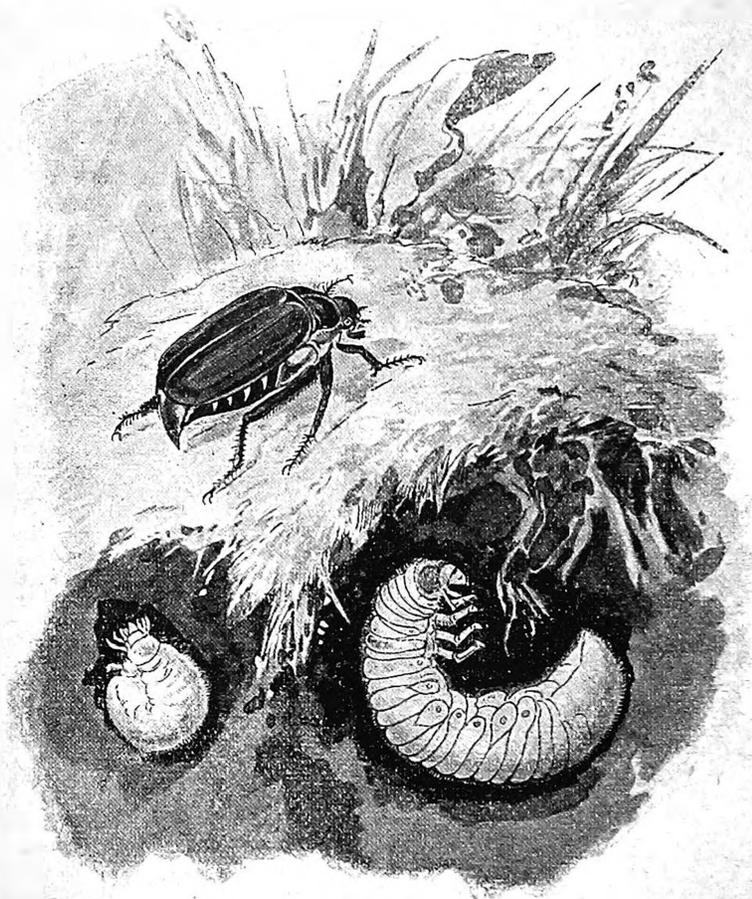
МАЙСКІЙ ЖУКЪ.

(По Н. Холодковскому).

ТОТЪ жуукъ появляется иногда уже въ концѣ апрѣля, но болѣею частію — въ маѣ, отчего и получилъ названіе майскаго. Зовутъ его также и хрущемъ. Внѣшній видъ майскаго жука, конечно, всѣмъ хорошо извѣстенъ, а потому мы и не станемъ его описывать. Майскіе жуки летаютъ обыкновенно вечеромъ, въ сумерки, съ сильнымъ жужжаніемъ, и садятся преимущественно на разныя листовныя деревья, у которыхъ объѣдаютъ листья. Больше всего нападаютъ они на отдѣльно стоящія деревья — напримѣръ, въ аллеяхъ, и предпочитаютъ молодыя деревья старымъ. Иногда, при сильномъ размноженіи майскихъ жуковъ, деревья объѣдаются почти до-гола. Леть майскаго жука продолжается обыкновенно 3 — 6 недѣль; при холодной погодѣ можетъ затянуться и на болѣе продолжительное время. Яйца свои этотъ жуукъ кладетъ въ землю, выбирая для этого мѣста съ рыхлою почвою, покрытою рѣдкою растительностью. Почвы, покрытой высокою, густою травою, или затѣненной кустарникомъ, майскій жуукъ избѣгаетъ. Вышедшія изъ яичекъ бѣловатыя личинки имѣютъ очень тонкое тѣло, большую голову и шесть длинныхъ ножекъ. Онѣ живутъ въ землѣ и въ первое время питаются преиму-

щественно гниющими растительными веществами. Съ наступленіемъ осеннихъ холодовъ, личинки уходятъ глубже въ землю и проводятъ зиму въ оцѣпенѣніи. На слѣдующую весну, когда земля нагрѣется, онѣ вновь поднимаются ближе къ поверхности земли и начинаютъ объѣдать тонкіе корешки травъ и древесныхъ растений. Къ осени личинки опять уходятъ въ глубь земли и на третье лѣто, уже сильно выросши, снова объѣдаютъ корни разныхъ растений, близъ поверхности земли. На томъ мѣстѣ, гдѣ въ землѣ хозяйничаютъ личинки майскихъ жуковъ, трава желтѣетъ и сохнетъ, какъ бы обожженная, вслѣдствіе потери своихъ корней. У молодыхъ сосенокъ, корни которыхъ обгрызаны личинкой майскаго жука, хвоя вянетъ, повисаетъ на вѣткахъ, а затѣмъ желтѣетъ и краснѣетъ,—признакъ, что деревцо окончательно погибло. Такія деревца легко выдергиваются изъ земли. Шести-семилѣтнія сосны легко гибнутъ отъ майскаго жука; даже болѣе взрослые деревья страдаютъ, лишаясь своихъ тонкихъ корней. Подобныя же поврежденія причиняютъ личинки майскаго жука и плодовымъ деревьямъ, въ садахъ, нанося этимъ нерѣдко большіе убытки плодоводамъ.

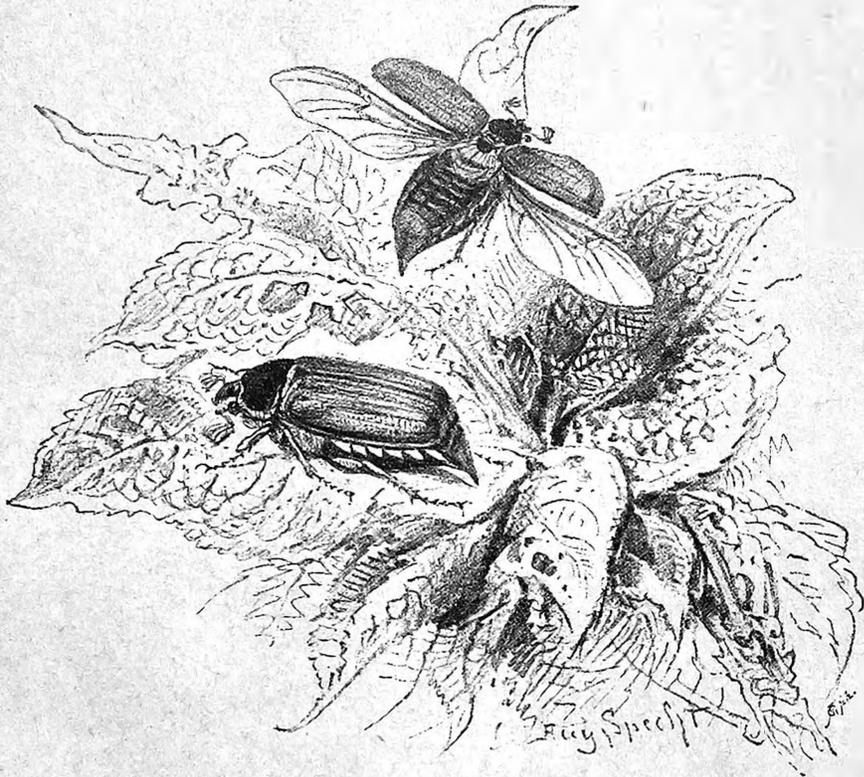

Майскій жукъ и его личинка.

Перезимовавъ еще разъ въ землѣ, личинки на четвертое лѣто достигаютъ своей полной величины и ѣдятъ уже меньше. Въ это время личинка майскаго жука имѣетъ видъ короткаго и толстаго, бѣловатаго червяка, съ большою желто-бурою гладкою головою.

Теперь она еще разъ углубляется въ землю (въ началѣ лѣта) и тамъ превращается въ куколку (окукливается). Сперва бѣлая, потомъ буроватая куколка лежитъ въ землѣ 1—2 мѣсяца, и затѣмъ изъ нея

выходить жукъ, сначала блѣдный и мягкій, но постепенно дѣлающийся темнѣе и тверже. Перезимовавъ подъ землею, жукъ, съ наступленіемъ весны, вылѣзаетъ на свѣтъ Божій, оставляя въ землѣ круглое отверстіе. Гдѣ водятся много майскихъ жуковъ, тамъ въ иные годы земля бываетъ какъ бы вся истыкана и представляетъ множество дыръ. Такимъ образомъ, развитіе майскаго жука — отъ времени кладки яйца до вылета жука — продолжается цѣлыхъ четыре года. Изъ этого понятно, почему майскіе жуки появляются въ

Майскій жукъ.

особенно большимъ количествомъ лишь черезъ три года въ четвертый.

Чтобы прокопаться изъ глубины земли на свѣтъ Божій, майскому жуку приходится немало поработать. Природа снабдила его для этого землекопными орудіями: твердый, плоскій щитокъ на головѣ, выступающій впередъ

(въ родѣ какъ козырекъ у фуражки), служитъ ему лопатой, а расширенные и снабженные шипами членики переднихъ лапъ играютъ роль грабелей; заостренный же отростокъ на заднемъ концѣ тѣла помогаетъ жуку упираться въ землю во время копанія земли головою. Какъ сильно напираетъ при этомъ жукъ, это знаетъ всякій, кому приходилось когда-либо держать майскаго жука въ зажатомъ кулакѣ. Личинка передвигается въ землѣ на манеръ дождевого червя, прокладывая себѣ путь своей твердой, плоской головой; встрѣчающуюся плотную землю она предварительно разрыхляетъ своими большими и сильными челюстями.

Какъ и у всѣхъ жуковъ, у майскаго жука крылья прикрыты сверху жесткими надкрыльями. Такъ какъ крылья длиннѣе надкрыльевъ, то жуку приходится ихъ складывать для того, чтобы они помѣстились подъ надкрыльями. Собираясь летѣть, жукъ приподни-

маетъ надкрылья и начинаетъ усиленно дышать («накачивается» воздухомъ). Дышетъ онъ чрезъ дыхательныя трубочки, которыя находятся въ бѣлыхъ треугольничкахъ, по бокамъ тѣла жука. «Накачавшись» воздухомъ, жукъ расправляетъ крылья и, приводя ихъ въ быстрое движеніе, поднимается на воздухъ. Жесткія надкрылья во время полета остаются неподвижными и высоко поднятыми кверху.

Изъ вышеописаннаго образа жизни майскаго жука видно, что онъ является весьма вреднымъ для хозяйства человѣка насѣкомымъ.

Живетъ майскій жукъ — со времени своего вылета изъ земли — всего лишь нѣсколько недѣль.

Животворящій блескъ весны
Взглянулъ на землю съ вышины;
Изъ-подъ разрыхленныхъ снѣговъ
Зеленый тронулся покровъ,
Сквозь голубыя полыньи
Вздохнули волны и струи,
И день на много сталъ длиннѣй,
И небо дальнее синѣй...
И первый виденъ мотылекъ,
И первый бѣленькій цвѣтокъ,
И полонъ первыхъ пѣсень лѣсъ,
И солнце... и «Христосъ воскресъ!»

К. Случевскій.

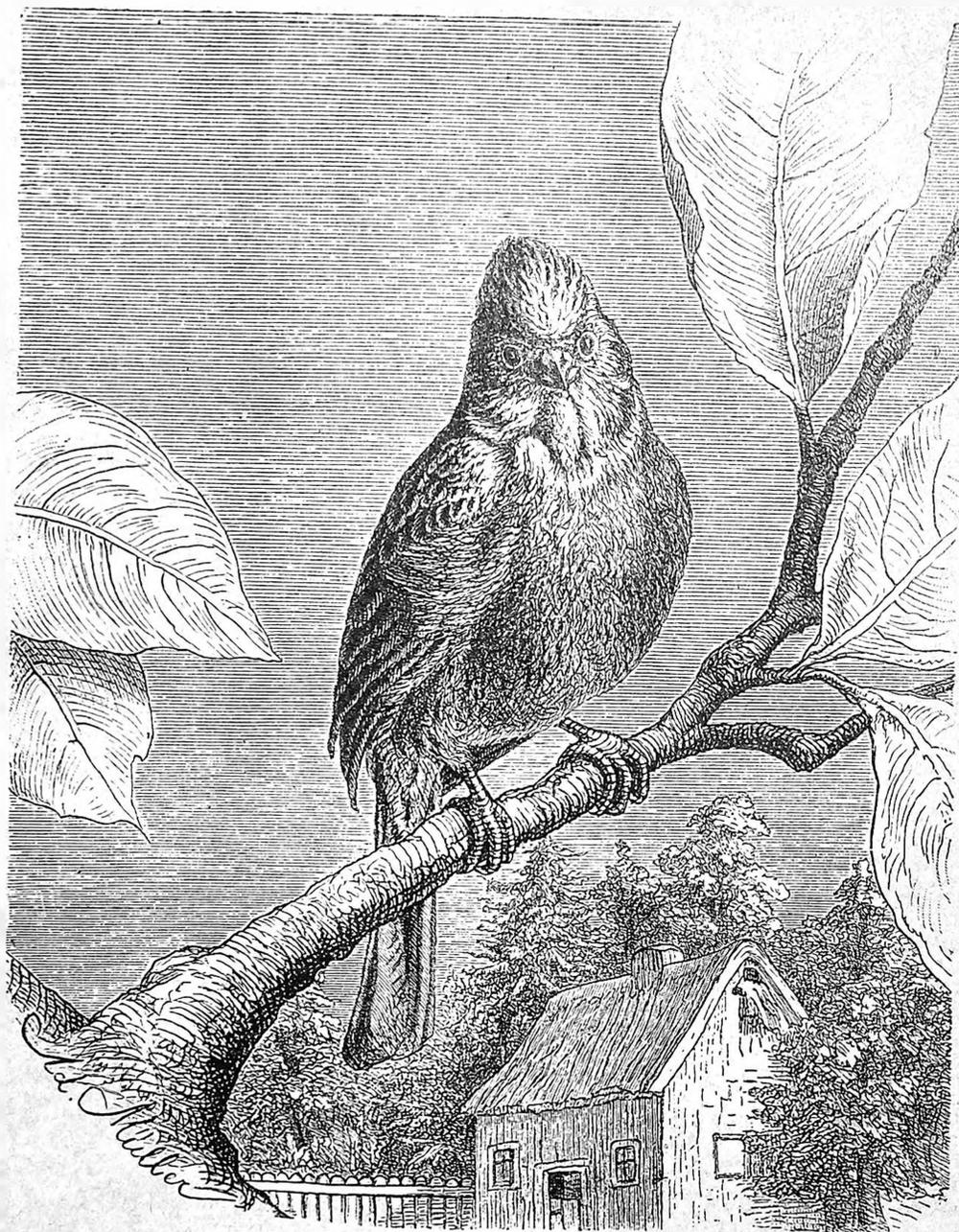
О В С Я Н К А .

ТО ЗНАКОМЪ съ желтенькой птичкой — овсяночкой (а незнакомы съ нею развѣ только постоянные жители большихъ городовъ), тотъ, — почти навѣрное можно сказать, — познакомился съ нею въ то время года, когда —

«Надъ землею воздухъ дышетъ
День отъ дня теплѣе»

и когда на дворѣ каждый день образуются, отъ быстро тающаго снѣга, все новыя и новыя лужи, изъ которыхъ такъ весело спускать воду и подгонять ее метлой въ ближайшую кана-

О в е я н к а.

ву, — когда изъ навозной кучи, набросанной около конюшни, парь «валомъ валить», а воробьи, обсыпавшіе, словно мухи, раскидистый кустъ бузины, оглушительно чирикаютъ на всякіе лады, отъ восторга, что наконецъ-то кончается несносная зима съ ея голодовками и раскрывается долго жданная «скатерть самобранная»...

Вотъ, въ такіе-то дни, любознательный и наблюдательный глазъ ребенка часто и съ любовью останавливается на желтоголовыхъ и желтогрудыхъ птичкахъ, немножко покрупнѣе воробья, которыя, то копошатся вмѣстѣ съ воробьями на навозной кучѣ, то, прыгая короткими прыжками и держа почти горизонтально свое тѣло, подби-

раютъ овсинки, оброненныя на дворѣ кучеромъ,—то, разсѣвшись по верхушкамъ березъ и сиреневыхъ кустовъ прилегающаго ко двору сада, напѣваютъ оттуда серебристымъ голоскомъ свою коротенькую пѣсенку: «синь-синь-синь-синь-синь-ссии». Эта однотонная, безире- станно повторяемая и звучащая иногда словно крошечный колокольчикъ, немудреная пѣсенка, съ ея нѣсколько грустнымъ отгѣнкомъ, глубоко западаетъ въ душу ребенка, потому что это—первая птичья пѣсня, ласкающая его слухъ послѣ продолжительнаго зимняго затишья и скучнаго сидѣнья въ душныхъ комнатахъ. Эта пѣсня какъ бы говорить ему, что теперь кончилось это скучное сидѣние и наступаетъ другая, лучшая пора—цѣлый заманчивый рядъ чудныхъ дней и недѣль, когда распустятся на деревьяхъ почки, зацвѣтетъ садъ, зазеленѣетъ поле, зашумитъ лѣсъ,—когда отовсюду зазвучатъ свѣтлыя пѣсни тысячей пернатыхъ пѣвцовъ и наполнятъ восторгомъ маленькое дѣтское сердечко...

Лишь только сойдетъ снѣгъ, овсянки разбиваются на парочки и собираются къ мѣстамъ своихъ гнѣздовій. Любимыми мѣстами, гдѣ гнѣздятся лѣтомъ эти птицы, служатъ лѣсныя опушки, небольшіе перелѣски, пригородные сады и парки, словомъ, такія мѣста, гдѣ есть деревья и кустарники, вперемежку съ полями и открытыми мѣстами. Глухого, сплошнаго лѣса овсянка не любитъ.

Гнѣздышко овсянки, довольно грубо свитое изъ сухихъ стебельковъ и листиковъ разныхъ травъ и выложенное внутри конскими волосами, помѣщается большею частію непосредственно на землѣ, среди травы. Высиживанію, продолжающемуся 13 дней, помогаетъ также и самчикъ, смѣняющій самочку на то время, когда она слетаетъ кормиться. Въ остальное время самчикъ усердно распѣваетъ свою однообразную пѣсенку, повторяя ее, съ небольшими промежутками, несчетное число разъ кряду. Во время пѣнія онъ всегда сидитъ неподвижно на самой маковкѣ дерева или куста, находящагося по близости отъ гнѣзда. Въ это время овсянка подпускаетъ къ себѣ человѣка очень близко и беспрепятственно позволяетъ себя наблюдать на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что между овсянками, какъ и между прочими пѣвчими птицами, встрѣчаются хорошіе и плохіе пѣвцы. Иногда встрѣчаются овсянки, пѣсня которыхъ—какъ было уже упомянуто выше—звучитъ почти какъ колокольчикъ. Такая пѣсня чрезвычайно мила и много содѣйствуетъ прелести лѣснаго пернатаго хора, въ тихій весенній вечеръ, когда распускается душистая березовая почка.

Птенцовъ своихъ овсянки выкармливаютъ исключительно одними только насѣкомыми, каковыми и сами преимущественно питаются въ это время.

По окончаніи вывода дѣтей, къ концу лѣта, овсянки, старые и молодыя, соединяются въ стайки, которыя, по мѣрѣ приближенія зимы, становятся все болѣе и болѣе многочисленными. Осенью эти стаи кочуютъ по пашнямъ, полямъ и огородамъ, кормясь различными сѣменами, изъ которыхъ особенно предпочитаютъ овесъ, откуда и произошло, вѣроятно, названіе этой птицы. Съ наступленіемъ зимы, когда поля и огороды покроются снѣгомъ, стаи овсянокъ приближаются къ человѣческимъ жилищамъ и съ трудомъ снискиваютъ себѣ здѣсь пропитаніе, по дворамъ, около конюшенъ и навозныхъ кучъ, нерѣдко въ сообществѣ съ воробьями, воронами и другими птицами. Зимой, стаи овсянокъ охотно держатся также по большимъ, обсаженнымъ деревьями, дорогамъ, гдѣ кормятся, выбирая непереваренныя зерна овса изъ конскаго навоза. Изъ сѣверныхъ краевъ стаи овсянокъ перемещаются, во время зимы, къ югу, — чѣмъ суровѣе зима, тѣмъ дальше, — но, съ первымъ же дыханіемъ весны спѣшатъ обратно на свою родину.

Красивую лимонно-желтую окраску головки и грудки имѣетъ только самчикъ овсянки, и то не круглый годъ, а лишь съ конца зимы и до конца лѣта, то-есть до того времени, когда происходитъ у этой птички линяніе — такъ сказать, переодѣваніе въ болѣе скромную осеннюю одежду. Осенью и зимою овсянка выглядываетъ, въ общемъ, буровато-сѣрой птичкой, съ приближеніемъ же весны, сѣрые и темные края перышекъ постепенно стираются, изнашиваются, и изъ-подъ нихъ начинаетъ, мало-по-малу, выступать наружу болѣе ярко окрашенная середина перышекъ: у самчика на головкѣ, грудкѣ, и вообще на всей нижней сторонѣ — все болѣе и болѣе выступает лимонно-желтый цвѣтъ, на спинкѣ же — красновато-бурая и черныя полосы. У самочки, къ этому времени, также выступает немного желтой окраски на головкѣ и горлышкѣ, общая же ея одежда гораздо скромнѣе — въ ней преобладаетъ буровато-сѣрый цвѣтъ.

Овсянка водится повсюду, отъ Лапландіи до Кавказа и Крыма включительно.

Несмотря на свою большую общительность, овсянка — птица далеко не миролюбивая: въ стаѣ овсянокъ происходятъ постоянныя ссоры и драки, въ особенности подъ весну.

Относительно полезности или вредности овсянки трудно сказать что-нибудь опредѣленное. Въ этомъ отношеніи ее можно считать почти безразличною, т.-е. ни особенно полезною, ни вредною. Хотя,

Конечно, слѣдуетъ зачесть ей въ немалую заслугу то, что она ожи-
вляетъ зимой нашу скудную природу и радуется насъ своей ранней
весенней пѣсенкой.

Д. Кайгородовъ.

В Е С Н А.

Уходи зима сѣдая!
Ужъ красавицы весны
Колесница золотая
Мчится съ горней вышины!

Старой спорить ли, тщедушной,
Съ ней — царицею цвѣтовъ,
Съ цѣлой арміей воздушной
Благовонныхъ вѣтерковъ!

А что шума, что гудѣнья,
Теплыхъ ливней и лучей,
И чиликанья, и пѣнья!...
Уходи себѣ скорѣй!

У нея не лукъ, не стрѣлы,
Улыбнулась лишь — и ты,
Подобравъ свой саванъ бѣлый
Попозла въ оврагъ, въ кусты!...

Да найдутъ и по оврагамъ!
Вонъ — ужъ пчель рой шумятъ,
И летитъ побѣднымъ флагомъ
Пестрыхъ бабочекъ отрядъ!

А. Майковъ.

ЗЯБЛИКЪ.

АННАЯ ВЕСНА. На поляхъ мѣстами еще бѣлѣетъ снѣгъ, — въ особенности въ лощинахъ, куда его намело зимою выше роста человѣческаго. Въ лѣсу, подъ деревьями, снѣгъ лежитъ еще почти сплошь. Ручьи уже вскрылись и разлились по лугамъ; черезъ рѣчку же еще ходятъ, хотя и съ большой опаской: ледъ порядочно уже пооснилъ, и у береговъ выступила вода. Бѣлоносые грачи уже недѣли двѣ какъ прилетѣли, — возвратились изъ своей зимней отлучки въ теплые края; досыта нассорившись и нашумѣвши въ березовой рошѣ, (изъ-за старыхъ, прошлогоднихъ гнѣздъ), они преимущественно разгуливаютъ теперь по задворкамъ, около навозныхъ кучъ, снискивая себѣ скудное пропитаніе. Уже дня три какъ появились первые жаворонки, и все еще продолжаютъ прилетать по утрамъ, разсыпая въ воздухѣ, надъ полями, свои серебристыя, веселящія душу трели.

Въ лѣсу же пока еще тихо. Правда, синицы да корольки попискиваютъ иногда довольно оживленно въ чащѣ сосновыхъ и еловыхъ вѣтвей; изрѣдка побарабаниваетъ дятель по сухому суку; пронесется временами надъ вершинами деревьевъ съ гикомъ и шумомъ стайка клестовъ, да золотоголовая овсяночка прозвонитъ на лѣсной опушкѣ свою незатѣйливую пѣсенку. Звонкихъ же, раскатистыхъ пѣсенъ, далеко разносящихся по лѣсу и оживляющихъ его особеннымъ, весеннимъ, оживленіемъ, пока еще не слышно. Дни стоятъ хотя и ясные, и довольно теплые (на солнцѣ), однако, по ночамъ еще порядочно морозить.

Но, вотъ, небо понахмурилось; съ юго-запада потянулъ теплый, влажный вѣтерокъ; заморосилъ, словно сквозь сито, мелкій дождичекъ, то оборачиваясь туманомъ, то снова накрапывая — какъ днемъ, такъ и ночью, — все одинаково. Будемъ теперь насторожѣ: въ это время, въ такіе тепло-пасмурные дни, весна приближается быстрыми шагами, и слѣшать къ намъ ея пернатые, быстрокрылые вѣстники, съ богатымъ запасомъ звонкихъ и задорныхъ пѣсенъ въ своей крошечной грудкѣ...

Утро. Дождь пересталъ моросить. Въ сыромъ, слегка туманномъ воздухѣ полная тишина и тепло. Пробежемся къ опушкѣ лѣса и присядемъ, вонъ, на томъ старомъ пнѣ...

Теперь — слушать и слушать!..

«Чи-чи, чиви-чиви, чимъ-чимъ» — доносится издали, съ поля, оживленная болтовня нѣсколькихъ десятковъ воробьевъ. Они обсыпали, словно мухи, большую кучу хвороста около гумна, одиноко стоящаго на пригоркѣ... «Тирлирлирлирлюю тирлирлирлирлююю» — летится сверху, серебромъ, пѣсня жаворонка, неподвижной точкой чернѣющаго на сѣромъ фонѣ туманныхъ облаковъ... «Чакъ-чакъ-чакъ, чакъ-чакъ» — торопливо пронеслась надъ лѣсомъ пара передовыхъ дроздовъ-рябинниковъ.

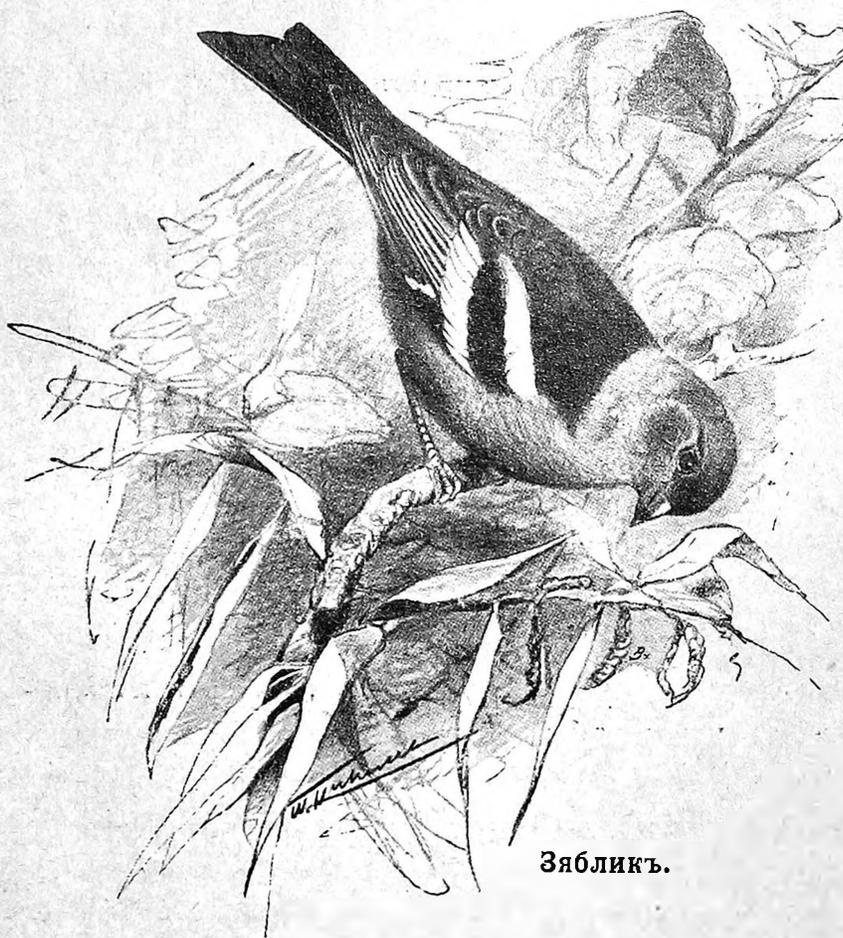
Нѣсколько минутъ полной тишины... Только по вершинамъ сосенъ и елей пролетѣлъ таинственный шопоть отъ набѣжавшаго вѣтерка...

Но чу!.. «Пинь-пинь; пинь-пинь-пинь» — раздалось неподалеку въ сторонѣ... Сердце такъ и ёкнуло: неужто онъ, долгожданный?!.. Не синица ли?.. Вѣдь, она, плутовка, иногда точь-въ-точь такъ же «пинь-кзеть»...

Нѣтъ, не синица: вонъ, на самой маковкѣ высокой ели, стоящей на опушкѣ, чернѣется птичка. «Пиньканье» доносится несомнѣнно оттуда, и птичка сидитъ неподвижно на одномъ мѣстѣ; егоза же синица ни за что не усидѣла бы такъ долго на одномъ мѣстѣ, да и на вершину она рѣдко когда забирается, и то на секунду-другую, а больше держится по нижнимъ вѣткамъ, да по кустамъ... «Пинь-пинь, пинь-пинь»... Вотъ, птичка снялась съ вершины дерева и пролетаетъ неподалеку отъ насъ, описывая въ воздухѣ широкія дуги и издавая отъ времени до времени нѣжное, негромкое «йю-йю». Теперь нѣтъ уже никакого сомнѣнія, что это — одинъ изъ передовыхъ зябликовъ. — «Здравствуй, милая птичка! Радуюсь твоему прилету!» — Вотъ ужъ и пропала — юркнула въ лѣсъ между вершинами... «Фить-фирлить-фить-фить-фють-фють-фють-фють-фють-фють-лялялялялявчию!» — громко раздалось съ той стороны, въ которой скрылась птичка, и звонко раскатилась по лѣсу звучная, задорная и красивая пѣсня зяблика-самца (жалкое подобіе которой я попытался изобразить, выше, буквами). Не пройдетъ и двухъ-трехъ дней, какъ зазвучитъ эта пѣсня повсюду въ садахъ, лѣсахъ и рощахъ, и оживитъ ихъ своими свѣтлыми, какъ лучи весенняго солнца, звуками, послѣ томительно-долгой осенней и зимней тишины...

Прилетѣли зяблики — лѣсъ ожилъ. Въ сонмѣ голосовъ пернатыхъ пѣвуновъ, наполняющихъ весной и лѣтомъ воздухъ нашихъ лѣсовъ

своими пѣснями, огромное большинство голосовъ принадлежитъ именно зябликамъ, такъ какъ зябликъ — одна изъ самыхъ многочисленныхъ и повсюду распространенныхъ пѣвчихъ птицъ. Начиная съ суровой Лапландіи и кончалъ южнымъ берегомъ Крыма и «пламенной Колхидой», почти вездѣ, гдѣ только есть деревья, можно слышать этого прекраснаго пѣвуна, можно любоваться этой красивой птичкой. Ее въ особенности хорошо можно разглядѣть ранней весной, въ

Зябликъ.

первое время послѣ прилета. Тогда деревья не одѣты еще листвою, и ничто не препятствуетъ любоваться на зяблика, сидящаго подолгу на низкомъ, еще голомъ, суку дерева и несчетное число разъ кряду повторяющаго свою веселую, коротенькую пѣсенку. (Ржаво-бурая головка, съ голубовато-пепельной шапочкой и чер-

нымъ лобикомъ; красновато-бурая спинка, переходящая къ надхвостью въ желтовато-зеленый цвѣтъ; снизу ржаво-бурый цвѣтъ горлышка постепенно переходитъ въ лиловатый цвѣтъ грудки и брюшка, задняя же часть брюшка, къ хвосту, совсѣмъ бѣлая; на зеленоватыхъ, съ чернымъ, крыльяхъ двѣ бѣлыя, широкія, поперечныя полосы — вотъ красивая пернатая одежда зяблика-самца. Госпожа «зяблица», хотя и имѣетъ сходную же окраску, но далеко не такъ красива, потому что всѣ цвѣта ея оперенія какъ бы полинялые и съ сильною подмѣсью сѣраго цвѣта, въ особенности на грудкѣ и головкѣ).

Спустя дней пять послѣ того, какъ показались единичные передовые зяблики, эти птицы появляются уже массами — большими стаями, по нѣскольку сотъ штукъ вмѣстѣ. Вначалѣ эти стаи состоятъ

исключительно изъ однихъ только самцовъ; стаи самокъ прилетаютъ днями пятью-семью позже.

Зная мѣста, на которыхъ обыкновенно любятъ останавливаться прелетныя стаи зябликовъ-самцовъ, можно каждую весну наслаждаться такимъ величественнымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ концертомъ, подобнаго которому нельзя услышать ни въ какое другое время года, кромѣ только этихъ немногихъ весеннихъ дней, въ теченіе которыхъ длится пролетъ стай зябликовъ-самцовъ. Такими мѣстами, обыкновенно, служатъ пригорки съ обработанной землей (пашня, огородъ), обращенные скатомъ на югъ и прилегающіе къ лѣсу, парку, аллеѣ — вообще, къ какой-нибудь группѣ деревьевъ. На такихъ пригоркахъ снѣгъ пропадаетъ обыкновенно гораздо раньше, чѣмъ на ровномъ полѣ, и здѣсь; на оттаявшей уже землѣ, птицы находятъ себѣ, хотя и не особенно обильный, но все-таки кое-какой кормъ изъ прошлогоднихъ сѣмянъ различныхъ сорныхъ растений; сосѣднія же деревья служатъ удобнымъ мѣстомъ для отдыха послѣ далекаго перелета. Вотъ, на такихъ-то мѣстахъ, служащихъ какъ бы станціями на перелетномъ пути нашихъ птицъ, можно наблюдать, въ дни прилета, по утрамъ (часовъ до 11—12-ти дня) громадныя стаи зябликовъ и слышать единственный въ своемъ родѣ концертъ.

Приближаясь, въ тихое утро, къ такой «станціи», почти уже за версту можно различить какой-то необычайный шумъ, который трудно съ чѣмъ-нибудь сравнить и который приводитъ въ совершеннѣйшее недоумѣніе неопытнаго человѣка. Приблизившись еще на нѣкоторое разстояніе, ухо начинаетъ различать, среди сплошного трескучаго шума, болѣе громкіе звуки, позволяющіе догадаться, что имѣешь дѣло съ огромнымъ количествомъ какихъ-то птицъ; а вскорѣ, еще приблизившись, явственно уже слышно, что весь этотъ неимоверный шумъ слагается изъ множества зябличьихъ голосовъ, пинькающихъ и распѣвающихъ свою звонкую пѣсню. Когда подойдешь еще ближе, глазамъ представляется слѣдующая картина: деревья лѣсной опушки, еще безлиственные, буквально обсыпаны множествомъ зябликовъ, изъ которыхъ каждый или пинькаетъ, или выкрикиваетъ свою пѣсенку, перелетая, отъ времени до времени, съ одного дерева на другое, или гоняясь, играючи, другъ за дружкой, при безпрестанномъ громкомъ «пиньканьи». На землѣ, на проталинѣ, кипитъ такое же множество этихъ птицъ, утоляющихъ свой голодъ; а между деревьями лѣсной опушки и проталиной, въ воздухѣ, происходитъ необычайное движеніе — слетаніе и перелетаніе многихъ десятковъ птицъ, изъ которыхъ однѣ, подкрѣпивъ свои силы на про-

талищѣ, перелетаютъ погнѣть и отдохнуть на деревья, къ своимъ распѣвающимъ сотоварищамъ, другіи же, наоборотъ, натѣшившись вволю пѣснями и играми, спускаются снова на ту же гостепріимную проталину покормиться. И это продолжается до тѣхъ поръ, пока вся шумная пернатая ватага, отдохнувъ достаточно, перекусивъ чѣмъ Богъ послалъ и натѣшившись пѣснями, не спохватится, что пора однако и честь знать, да и трогаться въ дальнѣйшій путь. Тогда, вдругъ, точно по командѣ, смолкаютъ «пѣньки» и пѣсни, прекращаются игры, и словно вихремъ снимается вся стая съ деревьевъ и съ земли кверху, на воздухъ, и, взявъ направленіе на сѣверо-востокъ, скрывается въ нѣсколько секундъ изъ глазъ наблюдателя.

Когда мнѣ впервые привелось быть свидѣтелемъ такого явленія (до того времени никогда не слыхавъ и не читавъ ни о чемъ подобномъ) — я былъ какъ очарованный! Кто знаетъ громкую и звонкую пѣсню зяблика и любовался ею вблизи, лѣтомъ, у себя въ саду, тотъ согласится со мной, что нѣсколько сотенъ такихъ пѣсень, одновременно звучащихъ на небольшомъ пространствѣ, въ виду покрытыхъ еще, мѣстами, снѣгомъ полей, должны составить дѣйствительно восхитительный и единственный въ своемъ родѣ концертъ!

Зябликъ принадлежитъ къ такимъ птицамъ, которыя очень привязываются къ одному и тому же мѣсту, и изъ года въ годъ свиваютъ свое гнѣздо на одномъ и томъ же деревѣ, и даже въ одной и той же развилкѣ, образуемой какимъ-нибудь сукомъ со стволомъ дерева. Такъ, я зналъ одного зяблика, который въ теченіе 4-хъ лѣтъ, каждую весну, въ концѣ марта, прилеталъ въ одинъ и тотъ же небольшой садикъ, расположенный между двумя жилыми домами, и свивалъ себѣ гнѣздо всегда на одной и той же развилкѣ сука. На пятый годъ этотъ зябликъ уже не явился, — вѣроятно погибъ во время прилетнаго (а, можетъ быть, и отлетнаго) путешествія; вмѣсто же его, около половины апрѣля, появился другой зябликъ, съ самочкой, и эта парочка свила себѣ гнѣздо уже на другой березѣ въ другомъ концѣ сада. Узнавалъ я моего зяблика по пѣснѣ. (Для неопытнаго уха пѣсни всѣхъ зябликовъ звучатъ на одинъ ладъ, привычное же ухо всегда легко можетъ найти разницу въ пѣснѣ того или другого зяблика. То же можно сказать и относительно пѣсень многихъ другихъ птицъ). Что же касается до самочки моего зяблика, то трудно сказать, была ли всѣ эти 4 года у него одна и та же самочка, или онѣ мѣнялись. Трудно это сказать

потому, что между зябликами, какъ и вообще между большинствомъ нашихъ пѣвчихъ птицъ, поютъ пѣсно одни только самцы, самочки же только, какъ говорится, чирикаютъ, т.-е. издаютъ короткіе звуки: призывные, которыми самочка призываетъ своего самца или дѣтей; звуки предостереженія или безпокойства, — любви и ласки, и т. п., собственно же пѣсенъ самочки (за немногими рѣдкими исключеніями) не поютъ; природа лишила ихъ этой прекрасной способности.

Гнѣздо зяблика, представляющее собою вполне мастерскую постройку, имѣетъ почти шарообразную форму и только сверху немного сфизано. Его толстыя, мягкія стѣнки, сотканныя изъ мелкаго, зеленого мха, нѣжныхъ корешковъ и былинчекъ, снаружи покрыты лишаями, взятыми съ того дерева, на которомъ помѣщается гнѣздо; такъ что, если смотрѣть на него снизу, съ земли, гнѣздо это имѣетъ поразительное сходство съ небольшимъ наростомъ, выросшемъ на деревѣ. Если гнѣздо помѣщается на березѣ, то снаружи въ него ввиваются и кусочки бѣлыхъ пленочекъ бересты, снятыхъ съ поверхности коры березы. Внутренняя полость гнѣзда имѣетъ очень мягкую постельку, состоящую изъ пуха, перышекъ и шерсти.

Помѣщается гнѣздо зяблика, обыкновенно, на высотѣ 2—3 сажень надъ поверхностью земли.

Пока длится постройка гнѣзда и высиживание самочкой яицъ, самецъ-зябликъ поетъ почти непрерывно цѣлый день и ревниво охраняетъ ближайшую окрестность гнѣзда отъ посѣщеній другихъ зябликовъ. Лишь только слышитъ онъ въблизи пѣсню своего брата, какъ тотчасъ же съ яростью бросается въ ту сторону, откуда раздалась пѣсня, и изгоняетъ непрошеннаго гостя. При этомъ, сплошь да рядомъ, дѣло оканчивается жестокой дракой между противниками. Нерѣдко можно видѣть, какъ они, разгорячившись, буквально схватываютъ другъ друга за шиворотъ и, не будучи болѣе въ состояніи свободно владѣть крыльями, кувыркомъ падаютъ, сцѣпившись, на землю, послѣ чего, вѣроятно опомнившись отъ паденія, обыкновенно разлетаются въ разныя стороны.

Птенчики выкармливаются совмѣстно обоими родителями и получаютъ въ пищу исключительно насѣкомыхъ — по преимуществу гусеницъ разныхъ бабочекъ.

По вылетѣ изъ гнѣзда, молодые зяблики довольно скоро становятся вполне самостоятельными и тогда покидаютъ своихъ родителей.

Зябликъ—птица бойкая, ловкая, умная, но задорная и драчливая; въ неволѣ, въ клѣткѣ, онъ рѣдко становится вполне ручнымъ. Гдѣ зябликовъ не обижаютъ, не отпугиваютъ, а напротивъ, бросаютъ имъ зерна или крошки хлѣба, тамъ они становятся очень добрыми и безбоязненно приближаются къ человѣку. Такъ, обѣдая, напримеръ, лѣтомъ на балконѣ или въ саду, можно настолько приручить этихъ милыхъ птичекъ, бросая имъ крошки хлѣба, что онѣ будутъ вертѣться около самаго стола и даже вскакивать на спинку стула, что мнѣ самому неоднократно случалось видѣть.

На волѣ зябликъ цѣлый день въ движеніи и нѣсколько успокаивается лишь въ самые жаркіе, полуденные часы. На сучкѣ, во время пѣнія, сидитъ стройно, вытянувшись кверху; охотно передвигается по сучку, плавными движеніями, въ боковомъ направленіи. На землѣ держится почти горизонтально и двигается впередъ весьма граціозно, короткими прыжками, почти не отдѣляясь отъ земли, при чемъ нерѣдко «пинькаетъ» или «рюмится», т.-е. издаетъ своеобразные и довольно громкіе звуки, въ родѣ «рю-рю». Впрочемъ, «рюмится» зябликъ очень часто и сидя на деревѣ. «Рюмень» это раздается преимущественно передъ ненастной погодой. Когда, послѣ ясной погоды, солнце закроется тучами и пѣтухи начнутъ кричать, возвѣщая дождь, начинаютъ «рюмится» и зяблики.

Осенью и зимой пищу зяблика составляютъ главнымъ образомъ маслянистыя, а частію и мучнистыя сѣмена различныхъ растений, подбираемая исключительно съ поверхности земли. Съ весны же и до конца лѣта, когда всѣ прошлогоднія сѣмена проросли и развились въ растенія, а новыя еще не созрѣли, зябликъ кормится исключительно насѣкомыми, которыхъ собираетъ на землѣ, снимаетъ клювомъ съ вѣтвей и листьевъ деревьевъ и даже ловитъ иногда на лету.

Вслѣдствіе такой, двоякаго рода, пищи, зябликъ, съ одной стороны, причиняетъ хозяйству человѣка нѣкоторый вредъ, а съ другой—приноситъ пользу. Вредитъ зябликъ преимущественно посѣвамъ маслянистыхъ сѣмянъ (льна, конопли и другихъ), которыя онъ подбираетъ какъ на поляхъ, такъ и на грядкахъ огородовъ и лѣсныхъ питомниковъ. Лѣсничему приходится много хлопотать надъ охраненіемъ въ своихъ питомникахъ посѣвовъ хвойныхъ сѣмянъ (сосны, ели, лиственницы, пихты) отъ непрошенныхъ гостей.

Пользу же приносятъ зяблики уничтоженіемъ на поляхъ, во время весеннихъ и осеннихъ перелетовъ, множества сѣмянъ сорныхъ рас-

тепій, а въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы — большого числа насѣкомыхъ, среди которыхъ есть не мало вредныхъ для лѣса и, въ особенности, для фруктовыхъ садовъ.

Итакъ, съ одной стороны — вредъ, съ другой — польза. Но если къ пользѣ прибавить еще значеніе этой птички, какъ украшенія и прелестнаго оживленія нашихъ садовъ, парковъ, рощъ и лѣсовъ и, слѣдовательно, какъ усладительницы подчасъ весьма несладкой жизни человѣческой, то, конечно, чашка вѣсовъ съ пользой, приносимой яблокомъ, много перетянетъ чашку съ причиняемымъ имъ же вредомъ. Отсюда, очевидно, вытекаетъ обязанность — беречь, любить и охранять эту милую птичку, простивъ ей ея невольные (хотя подчасъ, можетъ быть, и весьма досадные) грѣшки, а не преслѣдовать и истреблять, какъ это, къ сожалѣнію, дѣлаютъ нѣкоторые близорукіе (и безсердечные!) лѣсные и сельскіе хозяева...

Въ концѣ лѣта яблоки начинаютъ собираться въ небольшія стайки, которыя мало-по-малу все разрастаются, такъ что къ половинѣ сентября встрѣчаются уже стаи по нѣскольکو сотъ штукъ. Онѣ странствуютъ по полямъ, лѣсамъ и рощамъ, посѣщаютъ большіе сады, парки и аллеи, повсюду находя себѣ обильную въ это время года пищу и запасаясь силами къ предстоящему далѣкому путешествію. Въ послѣдней трети сентября стаи яблоковъ покидаютъ уже сѣверную Россію, отлетая на болѣе гостепріимный югъ.

Желтые листья хрустятъ по дорогѣ,
Дождикъ наводитъ тоску;
Всѣ перелетныя птицы въ тревогѣ.
Сидя на голомъ суку,
Яблокъ запѣлъ свою пѣсню прощальную¹⁾,
Пѣсню про сторону дальнюю:
«Какъ на чужой на сторонкѣ тепло,
«Солнышко свѣтитъ свѣтло.
«Круглый годокъ оно свѣтитъ и грѣетъ:
«Много тамъ ягодъ и зернышекъ зрѣетъ...
«Эй, поскорѣй! Отъ морозовъ и выюгъ
«Мы унесемъ на югъ
«Черезъ лѣса, черезъ дебри болотныя...
«Эй, собирайтесь, скорѣй, перелетныя!»

Зимуютъ яблоки въ южной Европѣ и сѣверной Африкѣ. Впрочемъ, единичные экземпляры нерѣдко перезимовываютъ и въ южныхъ, юго-западныхъ и даже западныхъ нашихъ губерніяхъ.

¹⁾ Осенью, сбиваясь въ отлетныя стаи, яблоки-самцы нерѣдко напѣваютъ, въ тихое ясное утро, свои пѣсенки, хотя далеко не такъ складно и громко, какъ весной, изъ родной природы.

Прибывъ на мѣста своихъ зимовій, зяблики продолжаютъ держаться тѣми же многочисленными стаями, какими покинула свою родину, ясно этимъ показывая, что они тамъ чувствуютъ себя не дома, а лишь временными, зимними гостями. Съ наступленіемъ на югѣ весны, зяблики-самцы начинаютъ потихоньку налаживать свои пѣсни, какъ бы вновь имъ обучаясь, и затѣмъ, наладивъ ихъ какъ слѣдуетъ, въ полный голосъ, снимаются со своихъ зимнихъ квартиръ и съ радостнымъ оживленіемъ летятъ на свой, хотя и далекій и не всегда привѣтливый, но все-таки милый и дорогой сердцу, родной сѣверъ.

Д. Кайгородовъ.

... И понемногу начало назадъ
Его тянуть: въ деревню, въ темный садъ,
Гдѣ липы такъ огромны, такъ тѣнисты,
И ландыши такъ дѣвственно-душисты,
Гдѣ круглыя ракиты надъ водой
Съ плотины наклонились чередой,
Гдѣ тучный дубъ растетъ надъ тучной нивой,
Гдѣ пахнетъ конопелью да крапивой...
Туда, туда, въ раздольныя поля,
Гдѣ бархатомъ чернѣется земля,
Гдѣ рожь, куда не киньте вы глазами,
Струится тихо мягкими волнами,
И падаетъ тяжелый желтый лучъ
Изъ-за прозрачныхъ, бѣлыхъ, круглыхъ тучъ.
Тамъ хорошо...

И. Тургеневъ.

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ.

Ы ИХЪ, конечно, видѣли. Можетъ быть вчера, на-дняхъ, не то прошлымъ лѣтомъ. Помните, послѣ жаркаго дня, вы пили чай на балконѣ; вечеръ былъ такъ хорошъ. Одинъ за другимъ смолкали дневные звуки. Утомнились воробьи, сороки, куры. Утомленная зноемъ длиннаго лѣтняго дня, всѣ животныя искали покоя: да, всѣ, кто работалъ, но работали далеко не всѣ: множество животныхъ цѣлый день спали въ укромныхъ уголкахъ, куда не проникаетъ свѣтъ. Зато теперь, когда солнце скрылось, когда потухла вечерняя заря и начались сумерки—эти ночные дѣятели покидаютъ свои убѣжища и одинъ за другимъ вылетаютъ и выходятъ на добычу.

Смотрите, сколько мотыльковъ, бабочекъ, жучковъ вьется около пламени свѣчи. Съ каждой минутой ихъ больше и больше. Ни одного изъ нихъ мы не видали днемъ, потому что они спали. Но... что это? Словно тѣнь какая мелькнула въ воздухѣ и... пропала. Вы какъ-будто вздрогнули даже. Вотъ она мелькнула опять. Вамъ объяснили, что это—летучая мышь, и прибавили, вѣроятно, что это—злое и противное животное, что она вдѣмляется въ волосы и кружится около тѣхъ, кто одѣтъ въ бѣлое платье. Сознаться, что съ тѣхъ поръ вы стали питать къ летучей мыши страхъ и отвращеніе. А все-таки вы не знаете ея, можетъ быть, даже и видѣли-то ее только на рисункахъ. Успокойтесь, я не осуждаю васъ за этотъ страхъ, за эту слѣпую нелюбовь къ летучей мыши; то и другое передано всѣмъ намъ по наслѣдству. Издавна люди всѣхъ странъ, гдѣ только есть летучія мыши, ихъ не любятъ; рассказываютъ про нихъ нелѣпныя басни и истребляютъ безъ пощады. А между тѣмъ, это не только безвредное, но одно изъ самыхъ полезныхъ животныхъ. Это удивительно странное существо, загадочное даже для ученаго. Летучая мышь покрыта шерстью, питаетъ своихъ дѣтокъ молокомъ;—но какъ она не похожа на другихъ млекопитающихъ! Все тѣльце ея сжато въ комочекъ; короткая, неподвижная шея увѣнчана маленькой головкой съ крохотными глазками и огромными ушами. Эти уши голая, съ узорчато-вырѣзанными краями, а внутри, около слухового прохода, сидитъ

длинный добавочный выростокъ, какого нѣтъ у прочихъ млекопитающихъ; его называютъ козелкомъ и онъ можетъ закрывать слуховое отверстіе. Заднія ножки летучей мыши короткія; пальцы ихъ то же укорочены и снабжены крючковатыми, большими когтями.

Самое замѣчательное у летучей мыши — ея переднія ноги, превращенныя въ крылья; всѣ кости ихъ вытянуты и удлинены; только большой палецъ сохранилъ свой видъ и снабженъ крючковатымъ когтемъ; остальные четыре чрезмѣрно вытянуты и безъ когтей; между каждымъ изъ нихъ, начиная со второго, протянута тонкая, растяжимая, кожаная перепонка. Такая же перепонка протянута отъ задней стороны пятого пальца и всей передней ноги до боковъ туловища и задней ноги. Между задними ножками и хвостикомъ тоже протянута перепонка. Вся эта перепонка и составляетъ крыло летучей мыши. Растянувъ перепонку и быстро махая передними ножками-крыльями, мышь несется по воздуху, дѣлаетъ бойкіе, смѣлые повороты, не хуже любой ласточки, а воробью и не тягаться съ нею въ быстротѣ и ловкости полета.

Летучая мышь можетъ летать долго и безостановочно, какъ ласточка. Устанетъ—прицѣпится задними ножками къ сучку дерева, къ крышѣ, къ забору, повиснетъ головкой внизъ; пройдетъ минута—отдышалась, снова порхнула и исчезла изъ глазъ въ сумракѣ ночи, словно привидѣніе.

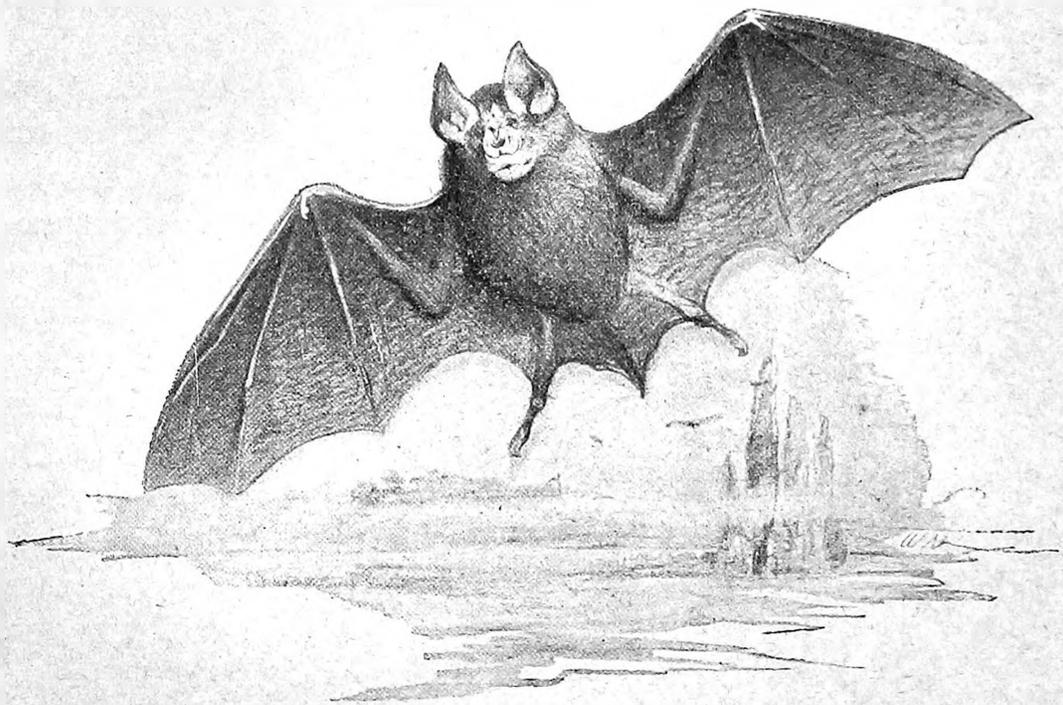
Но за тона землѣ, или вообще на твердой и ровной поверхности, это—самое жалкое существо. Она едва ползаетъ, опираясь на большой палецъ крыла и на заднія ножки. Движенія летучей мыши на землѣ до того медленны, что ее перегонитъ любая черепаха.

Подобно птицѣ, въ организмѣ летучей мыши все пожертвовано для полета по воздуху, все изуродовано. Изуродованы даже органы чувствъ. Посмотрите на любое другое млекопитающее—лошадь, собаку, корову. Подвижное ухо, свѣтлый, блестящій глазъ, мягкія подвижныя губы, широкія ноздри, — все это пропорціонально, все это придаетъ выразительность головѣ животныхъ. Какой жалкій уродъ въ сравненіи съ ними летучая мышь!

Глазки крошечныя, какъ бисеринки, безъ малѣйшаго выраженія. Короткая, тупая мордочка съ широкимъ носомъ. Ротъ почти до самыхъ ушей. А уши, уши! какой оселъ или заяцъ можетъ поравняться ушами съ летучей мышью? Словомъ, въ фізіономіи летучей мыши есть все, что можетъ оттолкнуть отъ нея, и нѣтъ ничего симпатичнаго.

Между тѣмъ, эта фізіономія выработалась не случайно и служитъ лучшимъ примѣромъ цѣлесообразныхъ приспособленій, которыхъ множество въ природѣ. Летучая мышь—дѣятель ночи. Поэтому

ея органы чувствъ приспособлены къ работѣ во тьмѣ. Глазь оказался при этомъ бесполезенъ; оттого онъ уменьшился до-мельзя. Одинъ итальянскій ученый хотѣлъ испытать зрѣніе летучихъ мышей. Наловивъ ихъ, онъ однихъ ослѣпилъ совершенно, другимъ заклеилъ глаза и пустилъ летать по комнатѣ, гдѣ въ разныхъ направленіяхъ были протянуты шнурки, нитки и другія преграды. Летучія мыши, даже совсѣмъ ослѣпленныя, ни разу не задѣли ни за что, хотя ле-

Летучая мышь (Подковонось).

тали по комнатѣ такъ же быстро, какъ на волѣ; ни одна изъ нихъ не ударила объ оконное стекло.

Чѣмъ же руководятся тутъ летучія мыши? Ихъ слуховой органъ, ухо, достигъ такого высокаго совершенства, какъ ни у какого другого животнаго. Малѣйшій звукъ, издаваемый крыльями ночной бабочки или крохотнаго жучка, летучая мышь слышитъ на десятки сажень. Ея слухъ такъ чувствителенъ, такъ тонокъ, что дневные звуки ей невыносимы. Поэтому, спрятавшись на день, летучая мышь складываетъ вѣеромъ ушную раковину, а слуховой проходъ плотно прикрываетъ козелкомъ.

Но, одного слуха недостаточно для движенія впотьмахъ. Въ ночной тишинѣ легко натолкнуться на что нибудь твердое; поэтому, бродя впотьмахъ, мы протягиваемъ руки впередъ, стараясь ими ощупать попадающіеся предметы. При быстромъ полетѣ летучей мыши, такой способъ ощупыванья для нея невозможенъ. Но, тѣмъ не ме-

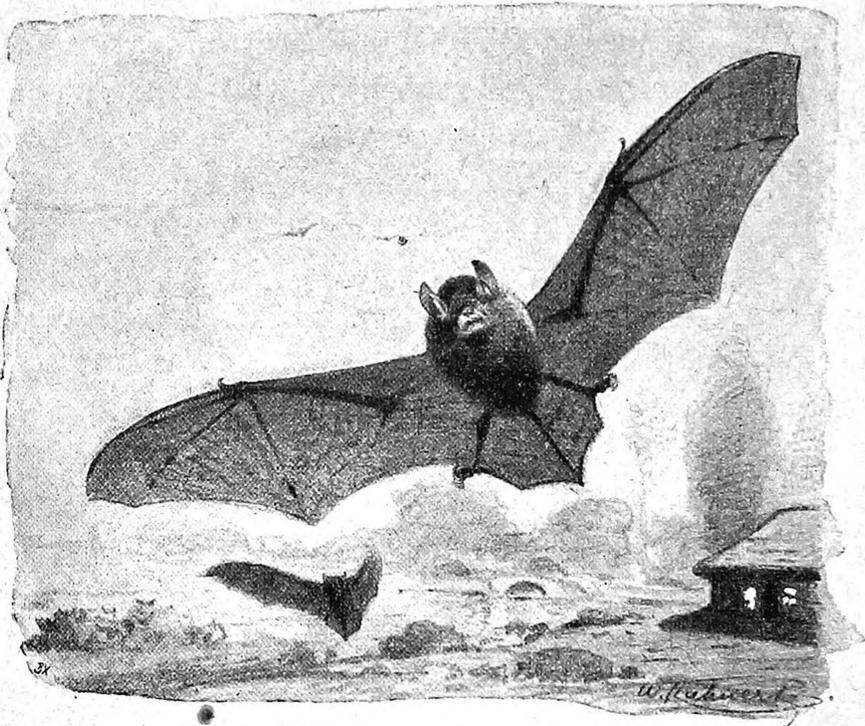
нѣе, она руководится чувствомъ осязанія, которое помогаетъ слуху. Крыло летучей мыши есть чудный, лучшій осязательный органъ. Между двумя слоями кожи крыла лежитъ тонкій пластъ, прозрачный и растяжимый, какъ резина; по немъ дивнымъ узоромъ разѣяны вѣтвистыя кровеносныя сосуды и бѣлыя, тоже вѣтвистыя, жилки — нервы. Ни одинъ микроскопъ, самый лучшій, не покажетъ намъ окончанія этихъ нервовъ въ пластахъ кожи крыла. Но, махая крыломъ по воздуху, летучая мышь осязаетъ, ощупываетъ предметы на известномъ разстоянн такъ же хорошо, какъ еслибъ мы пальцами прикоснулись къ нимъ. Это объясняется очень просто. Воздухъ отличается упругостью. При взмахѣ руки или крыла воздухъ движется свободно по направленію удара; но если на пути встрѣтитъ твердое тѣло, то отскочитъ назадъ, какъ гуттаперчевый шарикъ, и ударитъ въ руку или крыло; если есть въ нихъ чувство осязанія, то обратный ударъ воздуха легко почувствовать. Но этого мало; ударъ струи воздуха въ твердый предметъ приводитъ послѣдній въ сотрясеніе; предметъ этотъ колеблется изъ стороны въ сторону и производитъ звукъ; а звукъ, даже самый малѣйшій, легко услышать дивное ухо летучей мыши. Вотъ почему, какую бы тонкую сѣтку ни протянули въ воздухѣ, летучая мышь, летящая съ быстротой стрѣлы, не попадетъ въ нее, благодаря своему осязанію и слуху. На помощь этимъ чувствамъ есть еще у летучей мыши обоняніе. Въ южныхъ странахъ, начиная съ Крыма, Кавказа, Греціи, Италіи, живетъ цѣлая группа летучихъ мышей, называемыхъ — подковоносами. Назвали ихъ такъ потому, что надъ кончикомъ носа у нихъ есть складка кожи, похожая то на подковку, то на листъ. Эта складка кожи стоитъ вертикально и ловитъ, при полетѣ мыши, запахи и ароматы, носящіеся въ воздухѣ. Югъ богатъ плодами—сладкими, вкусными и пахучими. Запахъ этихъ плодовъ привлекаетъ насѣкомыхъ; а такъ какъ летучія мыши питаются насѣкомыми, то, конечно, руководимыя запахами, летятъ къ плодамъ, гдѣ порхаетъ ихъ добыча. На сѣверѣ пахучихъ плодовъ мало, потому и подковоносовъ у насъ не водится, а есть летучія мыши безъ листочка на носу.

Жизнь летучей мыши тоже полна странностей. Большая часть жизни ея проходитъ во снѣ. Съ наступленіемъ осени—въ сентябрѣ и даже еще въ августѣ—летучія мыши исчезаютъ и не показываются. Достоверно извѣстно, что онѣ не улетаютъ на югъ, какъ птицы. Нѣтъ; онѣ прячутся въ свои потаенныя убѣжища цѣлыми общинами; прижмутся другъ къ другу, плотно уцѣплятся задними ножками за что-нибудь, повиснутъ внизъ головой и заснутъ до будущей весны, то-есть до мая.

Весной, когда лѣсъ уже одѣнется зеленью, когда цвѣтеніе травъ въ самомъ разгарѣ, когда безчисленные насѣкомыя заснуютъ по воздуху, наполненному ароматомъ цвѣтовъ,—тогда только летучая мышь просыпается, расправляетъ крылья, и, на вечерней зарѣ, летитъ на добычу.

Всѣ сумеречныя и ночныя бабочки, жуки и другія насѣкомыя служатъ пищей летучей мыши. Ея широкій ротъ вооруженъ крѣпкими зубами, изъ которыхъ каждый снабженъ нѣсколькими острыми бугорками.

Вылетѣвъ на промыселъ, летучая мышь быстро носится вокругъ своего жилища. Ея уши настроены; козелки ихъ отогнулись впе-

Летучая мышь (Нетопырь).

редь; ея широкая пасть открыта. Горе бабочкамъ и жукамъ: летучая мышь хватаетъ ихъ направо и налево; ея зубы работаютъ безъ усталости; только крылышки и ножки жертвъ летятъ на землю. Часъ, два, три, съ небольшими отдыхами, охотится летучая мышь, пока наѣстся досыта. Количество насѣкомыхъ, съѣденныхъ ею въ каждую такую охоту, должно быть громадно. Но, наконецъ, обжора насытилась, тѣло ея отяжелѣло; полетъ сталъ тише; усталость беретъ свое, и хищница летитъ въ гнѣздо—спать, чтобы передъ утренней зарей опять поохотиться часъ-другой, а затѣмъ снова заснуть на весь длинный лѣтній день.

Какъ же не быть обжорой летучей мыши. Просыпаясь въ маѣ, она охотится все лѣто; но уже въ августѣ, при первыхъ заморозкахъ,

снова погружается въ зимній сонъ; слѣдовательно, дѣятельность мыши продолжается около трехъ мѣсяцевъ или девяноста дней; но, въ теченіе этого времени, далеко не каждый день мышь вылетаетъ на охоту. Въ дождь, въ сильный вѣтеръ, во время тумана, мышь ни за что не покинетъ своего убѣжища, такъ что изъ девяноста дней много, если она охотится пятьдесятъ. А въ эти пятьдесятъ дней ея охота продолжается отъ трехъ до пяти часовъ ежедневно. Слѣдовательно, какихъ нибудь 150—250 часовъ, или отъ 6 до 10 дней въ году, мышь ведетъ дѣятельную жизнь; остальные же 356 дней въ году она спитъ. А въ эти 6—10 дней она должна наѣсться на цѣлый годъ.

Поэтому не знаешь, чему удивляться: страшному ли аппетиту мыши, или ея способности выносить голодь; быстрому ли полету или долгому сну и покою. Въ этомъ маленькомъ уродцѣ природа соединила рѣзкія крайности, какихъ мы не встрѣтимъ ни въ одномъ животномъ, и создала полезнѣйшее существо. Между истребителями насѣкомыхъ летучая мышь занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Не будь летучихъ мышей, исчезло бы на землѣ множество полезныхъ растеній.

Разные жуки, шелкопряды, совиноголовки и множество другихъ вредныхъ насѣкомыхъ летаютъ и вообще дѣйствуютъ ночью; поэтому, дневныя насѣкомоядныя животныя ихъ не могутъ преслѣдовать; и не будь летучихъ мышей, они размножились бы въ короткое время до того, что ихъ гусеницы поѣли бы всю растительность.

Вотъ почему можно радоваться, если на чердакѣ нашего дома поселятся летучія мыши — эти полезнѣйшія изъ животныхъ, живущихъ близъ человѣка; онѣ охраняютъ наши сады, огороды, поля отъ страшныхъ враговъ, съ которыми бороться не можетъ человѣкъ.

Летучая мышь не взыскательна; она охотно поселяется въ дуплахъ деревьевъ, въ расщелинахъ каменныхъ стѣнъ, подъ крышами домовъ, въ старыхъ, заброшенныхъ пчелиныхъ ульяхъ — словомъ, вездѣ, гдѣ найдется темный, сухой и тихій уголокъ, куда не проникаетъ ни вѣтеръ, ни солнечный лучъ, гдѣ есть возможность скрыться отъ зноя и отъ мороза.

Въ такихъ уголкахъ летучія мыши живутъ цѣлыми колоніями; здѣсь онѣ размножаются и умираютъ.

У летучей мыши мало враговъ. Кошки, куницы и другіе хищники не любятъ ихъ, потому что у летучихъ мышей на крыльяхъ есть желѣзки, выдѣляющія пахучую жидкость, которая сообщаетъ ихъ тѣлу противный запахъ и вкусъ. Совѣ не словить увертливую летучую мышь. Поэтому главными врагами мыши можно считать продолжительное ненастье лѣтомъ, сильный зимній холодъ и человѣка.

Со времянь глубокой древности, человекъ сдѣлался врагомъ летучей мыши. Какъ дѣятель дня, человекъ ночью робѣетъ. Каждый звукъ, каждый крикъ, шорохъ пугаетъ его. Воображеніе дикаря избобрѣло ночныхъ духовъ—демоновъ, лѣшихъ и т. п. Летучая мышь,—по его мнѣнію,—исчадіе ада, слуга нечистой силы. Басни о вампирахъ южной Америки, высасывающихъ, будто бы, кровь у спящихъ людей и у животныхъ, укрѣпили нелюбовь и отвращеніе къ летучей мыши; ея странныя, уродливыя формы еще болѣе усилили это впечатлѣніе. И вотъ, лучшаго своего друга люди считаютъ злѣйшимъ врагомъ; залетитъ мышь въ комнату—ее навѣрно убьютъ; найдутъ ихъ гнѣздо на чердакѣ—вся колонія будетъ истреблена.

Нѣтъ. Вы теперь не сдѣлаете этого; найдя жилище летучихъ мышей, вы будете оберегать его и защитите отъ глупыхъ людей. Не правда ли? Вы подвѣсите въ вашемъ саду нарочно дупла и ящички, гдѣ могли бы пріютиться летучія мыши. Зато вашъ садъ будетъ цвѣсти и зеленѣть; ваши яблоки, груши и ягоды будутъ расти въ изобиліи, потому что ихъ бережетъ отъ ворюшекъ также летучая мышь.

О томъ, что летучая мышь не знается съ нечистой силой—и говорить не стоитъ, потому что лѣшихъ и демоновъ никто не видывалъ, а все живое на землѣ создано Творцомъ міра. Онъ надѣлилъ насъ, людей, высшимъ разумомъ для того, чтобы мы понимали Его созданія и не губили бы добрыхъ понапрасну, чтобы самимъ не сдѣлаться добычей злыхъ.

Летучихъ мышей водится въ Россіи до 20 видовъ. Онѣ встрѣчаются у насъ вездѣ, начиная съ Архангельской губерніи. Чѣмъ дальше на югъ, чѣмъ больше насѣкомыхъ, тѣмъ больше породъ мышей. Онѣ живутъ, кромѣ жилищъ человека, всюду въ лѣсахъ, около рѣкъ и озеръ, въ степяхъ и пустыняхъ, гдѣ селятся въ дуплахъ, подъ отставшей корой старыхъ деревьевъ, въ расщелинахъ скалъ, въ пещерахъ и гротахъ, даже въ норахъ, дѣлаемыхъ птицами и звѣрями. Необходимое условіе для поселенія летучей мыши — обиліе въ окрестности насѣкомыхъ.

Между нашими летучими мышами рѣзко выдѣляется — ушанъ, у котораго уши длиннѣе половины тѣла. Другіе виды мало различаются между собою. Зовутъ ихъ кожанами, нетопырями, вечерницами, летучими мышами, упырями. Особенно крупныхъ видовъ у насъ нѣтъ. Самый большой съ воробья и вершковъ 8-ми въ размахѣ крыльевъ; но есть вдвое меньше.

Въ Крыму и на Кавказѣ водятся еще два или три вида подевоносоевъ.

Не вѣтеръ бушуетъ надъ боромъ,
 Не съ горъ побѣжами ручьи —
 Морозъ-воевода дозоромъ
 Обходитъ владѣнья свои.

Глядитъ, хорошо ли мятели
 Лѣсныя тропы занесли,
 И нѣтъ ли гдѣ сломанной ели,
 И нѣтъ ли гдѣ голой земли?

Пушисты ли сосенъ вершины,
 Красивъ ли узоръ на дубахъ?
 И крѣпко ли скованы льдины
 Въ великихъ и малыхъ водахъ?

Идетъ — по деревьямъ шагаетъ,
 Трещитъ по замерзлой водѣ,
 И яркое солнце играетъ
 Въ косматой его бородѣ.

Н. Некрасовъ.

ГЛАЦИНТЪ.

Стоять не шелохнись и дубъ и береза;
 Лишь снѣгъ подъ погами скрипитъ отъ мороза,
 Лишь временно воронъ, вспорхнувъ, зашумитъ,
 И дятель дуплистую иву долбитъ.

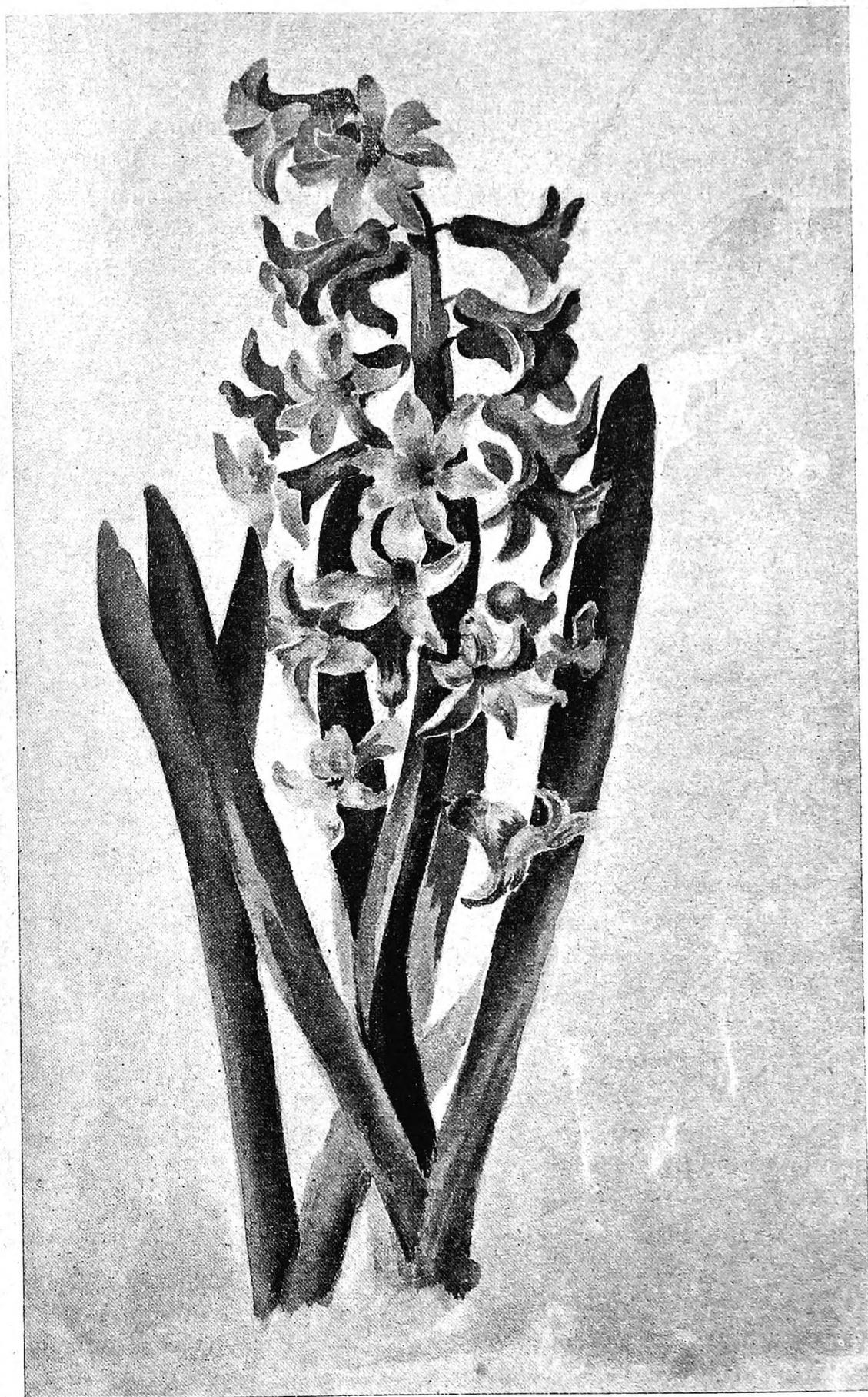
К. РЫЛѢВЪ.

ЛОХОЕ время для Зеленаго Царства — зима, и не будь комнатныхъ растений, сердце наше совсѣмъ стосковалось бы

По изумруднымъ, бархатнымъ лугамъ,
 Лазоревымъ и аленькимъ цвѣточкамъ...

Да и комнатное Зеленое Царство тоже не мало страдаетъ отъ бабушки-зимы, въ особенности у насъ, на сѣверѣ: день короткій; свѣта — столь нужнаго нашимъ зеленымъ друзьямъ — мало; въ кой-вѣки выглянетъ солнышко, да и то сквозь

Гіацинтъ.

морозный туманъ, какое-то красное, словно стыдится смотрѣть на оголенные деревья и кусты, и засыпанную снѣгомъ землю. Въ особенности, бѣда, если при этомъ еще квартира слишкомъ суха, да на дворѣ подолгу стоятъ морозы: усиленная, частая тонка печей еще болѣе иссушаетъ комнатный воздухъ, вслѣдствіе чего кончики листьевъ (преимущественно длинныхъ и узкихъ) начинаютъ сохнуть. Зимой цвѣты хорошо держатся только въ прохладныхъ и сырыхъ помѣщеніяхъ, и вотъ почему въ цвѣточныхъ магазинахъ всегда такъ сыро и прохладно.

По счастью, къ этому времени, какъ бы въ утѣшеніе, появляются въ свѣжей изумрудной зелени, нарядныя и красивыя, цвѣтущія зимой растенія: душистые гіацинты, разноцвѣтные крокусы, пестрые, пунцовые, желтые и бѣлые тюльпаны, нарциссы и, наконецъ, даже ландыши. Конечно, это не тѣ душистые ландыши, съ сочными ярко-изумрудными листьями, которыхъ вызываетъ на свѣтъ Божій, въ тѣни лѣсовъ, волшебница-весна. Это—слабенькія, едва пахнущія, блѣднолиственные созданыица; но все-таки это—ландыши. Въ то время, когда на дворѣ бушуетъ январская мятель, они являются дорогими гостями въ комнатной цвѣточной семьѣ, дорогими для сердца человѣка, любящаго Зеленое Царство.

Изъ всѣхъ этихъ милыхъ зимнихъ гостей (а вѣдь они, дѣйствительно, гости: появятся въ комнатѣ на недѣльку-другую, отцвѣтутъ и исчезнутъ), особенно прекрасны гіацинты, соединяющіе въ себѣ пріятную душистость съ красотой.

Въ гіацинтѣ все красиво: красива сочная, изумрудная, блестящая зелень узкихъ, длинныхъ, полусвернутыхъ въ видѣ желобка листьевъ, мелко-гранныхъ съ наружной поверхности (отъ крупныхъ жилокъ); еще красивѣе стройный цвѣточный султанчикъ, составленный изъ душистыхъ цвѣтковъ, имѣющихъ форму крошечной вороночки, внизу вздутой, а по верхнему краю, до половины, разрѣзанной на 6 лучей. И внутри эти цвѣточки тоже красивы; тамъ тоже есть на что полюбоваться. Надрѣжьте осторожно, вдоль, вороночку цвѣточка (острымъ кончикомъ перочиннаго ножа или иглой), разверните ее и рассмотрите хорошенько, съ увеличительнымъ стекломъ. На днѣ вы увидите крошечный зеленый графинчикъ (пестикъ, плодникъ), въ верхней своей части слегка окрашенный въ тотъ цвѣтъ, въ который окрашенъ и весь цвѣтокъ. Разрѣзавъ этотъ графинчикъ вдоль, или поперекъ, вы увидите, что онъ наполненъ крошечными блѣдно-зелеными крупинками, словно бисеринками, которыя легко можно выдавить пальцами и рассмотреть въ отдѣльности. Это — сѣмяныя яички гіацинта. Затѣмъ, повыше, въ средней

части раскрытой вороночки, находятся 6 тычинокъ, состоящихъ изъ продолговатыхъ темнубурыхъ пыльниковъ, прикрѣпленныхъ короткими нитями ко внутренней поверхности цвѣтка. Наконецъ, на самомъ днѣ, подъ плодникомъ, найдете капельку прозрачнаго, душистаго меда — нектара. (Впрочемъ, у махровыхъ гіацинтовъ, — а такіе встрѣчаются нерѣдко, — вы не найдете тычинокъ, да и плодникъ разыщете развѣ только въ зачаточномъ состояніи: здѣсь все пошло на образованіе добавочныхъ лепестковъ, образующихъ махровость цвѣтка).

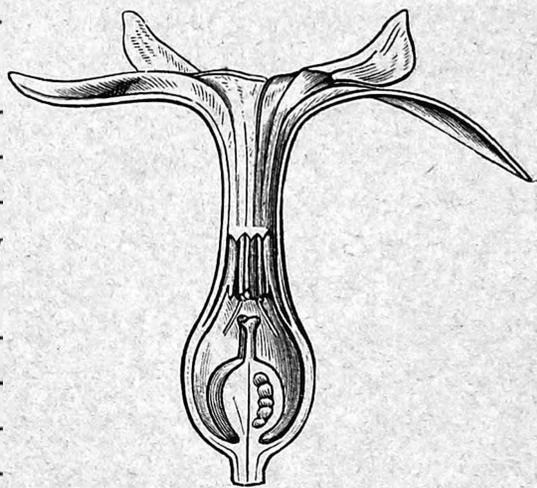
Гіацинтъ завезенъ въ Европу съ Востока. Родиной его считаютъ Персію, гдѣ онъ въ изобиліи растеть въ дикомъ состояніи.

Въ 17 и 18-мъ столѣтіи мода, даже страсть къ гіацинтамъ, развилась до такой степени, въ особенности въ Англии и Голландіи, что бывали случаи, когда за особенно рѣдкіе и любимые сорта богатые любители платили по нѣскольку тысячъ рублей за одну луковицу!

Въ настоящее время разводится огромное количество сортовъ гіацинтовъ, различающихся между собою цвѣтомъ (различныхъ оттѣнковъ — синяго, желтаго, краснаго, фіолетоваго и бѣлаго цвѣтовъ), временемъ цвѣтенія (ранніе и поздніе) и многими другими, иногда замѣтными лишь для знатока, отличіями.

Самыя лучшія гіацинтовыя луковицы привозятся къ намъ изъ Голландіи, гдѣ особенно процвѣтаетъ искусство разведенія прекрасныхъ сортовъ гіацинта. Нѣкоторые голландскіе садовники торгуютъ гіацинтовыми луковицами на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей ежегодно.

Привозятся къ намъ гіацинтовыя луковицы изъ-за границы обыкновенно осенью, въ августъ мѣсяцъ, когда ихъ и можно покупать въ сѣмянныхъ магазинахъ, по 15—20 к. за штуку, а болѣе рѣдкіе сорта — и дороже.

Продольный разрѣзъ гіацинтоваго цвѣточка (увеличено).

Для того, чтобы имѣть въ комнатахъ, къ Рождеству или къ Новому году, цвѣтушіе гіацинты, нужно поступать слѣдующимъ образомъ: посадить въ августъ или въ сентябръ въ цвѣточные горшки

со свѣжей (легкой, песчанистой) землей, по одной или по нѣсколькѣ луковицъ (смотря по величинѣ горшка и луковицъ) разныхъ сортовъ гіацинтовъ, засыпать ихъ сверху землей и поставить въ прохладное и не свѣтлое мѣсто (чуланъ, кладовую, холодныя сѣни и т. п.). Отъ времени до времени горшки надо поливать, настолько, чтобы земля въ нихъ была всегда сыроватая. Когда изъ луковицъ повыдвигнутся, на 1—1½ вершка, блѣдно-желтые ростки (у раннихъ сортовъ уже въ ноябрѣ, у позднихъ — въ декабрѣ и позже), горшки можно вносить въ теплую комнату, на окно. Отъ теплоты комнаты ростки начнутъ сильнѣе подниматься кверху, верхушки ихъ станутъ раздѣляться на отдѣльные листочки, которые по мѣрѣ роста кверху, станутъ раздвигаться въ стороны и, наконецъ, обнаружатъ скрывавшуюся до тѣхъ поръ между ними цвѣточную стрѣлку. Она усажена на верхнемъ концѣ продолговатыми, плотно прижатыми другъ къ другу бутонами будущихъ душистыхъ цвѣточковъ. Вначалѣ бутоны эти большею частію имѣютъ блѣдно-зеленоватую окраску, которая затѣмъ мало-по-малу переходитъ въ тотъ цвѣтъ, который будутъ имѣть распустившіеся цвѣты. Вскорѣ послѣ этого начинается распусканіе бутоновъ, которое идетъ снизу вверхъ, т.-е. сначала раскрываются нижніе, а затѣмъ верхніе бутоны, и въ то же время вся стрѣлка сильно вытягивается кверху. Землю въ горшкахъ, конечно, все время надо продолжать поддерживать поливкой въ сыромъ состояніи.

Хорошо покрывать посаженную луковицу, до перенесенія ея на окно, опрокинутымъ цвѣточнымъ горшкомъ, подъ которымъ и земля не такъ скоро просыхаетъ и рѣже приходится поливать, да и ростокъ лучше развивается.

Цвѣтеніе гіацинта продолжается обыкновенно около 2-хъ недѣль. Чѣмъ теплѣе и сырѣе держать цвѣтокъ, тѣмъ онъ скорѣе отцвѣтаетъ, и наоборотъ; на холодномъ, напримѣръ, подоконникѣ и при умѣренной поливкѣ цвѣтеніе продолжается дольше.

Когда гіацинтъ отцвѣтетъ, срѣжьте цвѣточный стебель (одинъ только стебель) съ завядшими цвѣтами, и оставьте стоять горшокъ съ зеленью на свѣту, у окна, пока листья не пожелтѣютъ и не завянутъ, поддерживая лишь слегка, поливкой, сырость въ землѣ. Въ этотъ промежутокъ времени гіацинтъ будетъ набирать въ себя силы для будущаго года: листья его, пользуясь теплотой комнаты и свѣтомъ отъ окна, вырабатываютъ питательныя вещества. Эти вещества, затѣмъ, спускаются по жилкамъ листьевъ внизъ, въ луковицу, гдѣ частію откладываются въ чешуяхъ луковицы, въ запасъ на будущій годъ, частію же идутъ на образованіе зачатковъ будущихъ листьевъ и цвѣточныхъ бутоновъ. Если осенью разрѣзать вдоль лу-

ковицу гіацинта, изъ которой показался уже маленькій зеленый ростокъ, то можно увидѣть, что внутри ея все уже готово — и будущіе листья, и будущіе цвѣты. Когда листья отцвѣтшаго гіацинта пожелтѣютъ и засохнутъ, тогда ихъ нужно оторвать или срѣзать вплотную къ луковицѣ. Раньше не слѣдуетъ этого дѣлать, потому что, пока листья еще зелены и не завяли, въ нихъ находятся питательныя вещества, которыя при увяданіи листьевъ мало-по-малу перемѣщаются въ луковицу; оборвавъ же листья преждевременно, вы этимъ лишите луковицу нѣкотораго количества запасныхъ веществъ, что непременно отзовется на цвѣткѣ будущаго года: онъ выйдетъ слабый и жидкій.

Что весь необходимый для гіацинта питательный матеріалъ находится въ запасѣ въ его луковицѣ, можно легко убѣдиться, посадивъ луковицу гіацинта въ сырой мохъ, чистый песокъ или даже въ чистую воду; когда наступитъ время, изъ луковицы появятся такіе же роскошные листья и цвѣты, какъ если бы она сидѣла въ самой плодородной землѣ. Для выращиванія гіацинтовыхъ луковицъ на водѣ продаются (въ цвѣточныхъ магазинахъ) особые стаканы. Чтобы такая водная культура гіацинта удалась хорошо, нужно налить стаканъ водою до самаго верха, чтобы донце луковицы сидѣло на водѣ (касалось ея) и затѣмъ держать въ прохладномъ и не свѣтломъ мѣстѣ, поступая далѣе какъ и съ горшечными гіацинтами.

Отдавая накопленный питательный матеріалъ листьямъ и цвѣтку, сама луковица въ это время сморщивается и становится мягкой; мясистыя чешуйки ея опоражниваются. Въ этомъ легко убѣдиться, вынувъ осторожно изъ горшка цвѣтушій гіацинтъ (потомъ можно его снова посадить въ землю). Въ особенности дочиства опоражниваются наружныя чешуйки луковицы; затѣмъ онѣ уже болѣе не наполняются запасными веществами, а отмираютъ и засыхаютъ, образуя ту сухую, болѣею частію лиловатую, шелуху, которая такъ легко отшелушивается съ поверхности сухой гіацинтовой луковицы. (То же самое происходитъ и съ луковицами нашего огороднаго лука, находящагося въ близкомъ родствѣ съ душистымъ гіацинтомъ).

Такимъ образомъ, слѣдовательно, луковица ежегодно теряетъ нѣсколько своихъ чешуй, отшелушивающихся съ ея поверхности; но несмотря на то, величина ея съ годами не уменьшается. Происходитъ это оттого, что внутри луковицы ежегодно образуется нѣсколько новыхъ чешуй изъ остающихся въ луковицѣ нижнихъ частей листьевъ. Принимая въ себя поступающія къ нимъ изъ надземной части листьевъ запасныя вещества, онѣ (т.-е. нижнія части листьевъ) становятся мясистыми и сочными, и превращаются такимъ образомъ въ новыя, внутреннія, чешуи луковицы.

Но, возвратимся къ нашимъ гіацинтовымъ луковицамъ, которыя мы желаемъ сберечь для будущаго года.

Удаливъ засохшіе листья, выньте луковицы изъ горшковъ, очистите ихъ отъ земли и старыхъ корней, и сохраните до будущей осени въ сухомъ мѣстѣ (на шкапу, буфетѣ). Въ концѣ августа или въ началѣ сентября пересмотрите ваши луковицы. Выбросьте всѣ тѣ, которыя окажутся дряблыми и безъ признаковъ жизни, съ остальными же поступайте опять такъ же, какъ выше было указано относительно луковицъ, купленныхъ въ магазинѣ.

(Все сказанное здѣсь относительно выращиванія и ухода за луковицами гіацинта, почти одинаково относится и до другихъ, цвѣтущихъ зимой, комнатныхъ луковичныхъ растений).

Садовники наши обыкновенно не сохраняютъ на слѣдующій годъ отцвѣтшія у нихъ луковицы, а выбрасываютъ ихъ и покупаютъ осенью новыя, свѣжія. Они говорятъ, что не стоитъ возиться со старыми луковицами, — «овчинка, моль, не стоитъ выдѣлки». Для садовниковъ-промышленниковъ оно дѣйствительно вѣрно: на второй годъ изъ луковицъ, отцвѣтшихъ въ комнатѣ или оранжереѣ (по крайней мѣрѣ у насъ, на Сѣверѣ), выходятъ цвѣты болѣею частію далеко не такіе роскошныя, какъ въ первый годъ.

Почему же, однако, второгодніе гіацинты и другіе луковичныя цвѣты выходятъ хуже первогоднихъ, т.-е. выращенныхъ изъ луковицъ, купленныхъ въ магазинѣ? А дѣло въ томъ, что магазинныя луковицы, купленныя у заграничныхъ садовниковъ, цвѣли въ прошломъ году весной, подъ открытымъ небомъ — на грядахъ садовыхъ заведеній — въ тепломъ климатѣ Западной Европы. Во время цвѣтенія и послѣ него, лѣтомъ, онѣ набирались силы для будущаго года при полномъ доступѣ солнечнаго тепла и, главное, свѣта. Второгоднія же наши луковицы цвѣли въ прошломъ году у насъ въ комнатѣ, въ короткіе зимніе дни, при очень недостаточномъ доступѣ свѣта, столь необходимаго для выработки листьями запасныхъ веществъ. Понятно, поэтому, что наши луковицы при такихъ условіяхъ выходятъ малосильными и неспособными дать полныхъ, роскошныхъ цвѣтовъ.

Гіацинту приходятся близкими родственниками: лиліи, тюльпаны, а также наши огородные лукъ и чеснокъ. Всѣ эти растения принадлежатъ къ одному обширному семейству растений — лилейныхъ.

Д. Кайгородовъ.

ВОРОБЬИ.

О ВСЕЙ Россіи, отъ Архангельска до Крыма и Кавказа включительно, водятся два вида воробьевъ: домашній и полевой. Оба эти вида довольно существенно отличаются другъ отъ друга и почти одинаково многочисленны и обыкновенны. Домашній воробей особенно многочислененъ и обыкновененъ въ городахъ, полевой же — въ деревняхъ, селахъ и пригородахъ.

Я увѣренъ, что многіе изъ моихъ читателей, прочтя эти строки, подумаютъ: «Вотъ тебѣ и разъ! Ужъ какую другую птицу, а воробья-то, казалось, я твердо зналъ, и вдругъ, извольте видѣть — полевой и домашній!..»

Да-съ, многоуважаемый читатель, хотя мнѣ и очень жаль, что я смутилъ вашу твердую увѣренность въ знаніи воробья, но тѣмъ не менѣе — «лучше поздно, чѣмъ никогда...» Мы такъ мало привыкли всматриваться въ окружающіе насъ предметы и явленія, что ходимъ какъ слѣпые и глухіе среди того богатства разнообразія и красоты, которыми окружилъ насъ Создатель міра. Не подумайте, однако, что я намѣренъ воспѣвать здѣсь красоту воробья: нѣтъ, — это только такъ, къ слову...

Умѣть различать обонхъ нашихъ воробьевъ слѣдуетъ не потому только, что это интересно и что какъ-то совѣстно образованному человѣку не умѣть различать самыхъ близкихъ къ нему птицъ, — но и потому, что это умѣніе имѣетъ также и нѣкоторое практическое значеніе. Достаточно будетъ, напримѣръ, сказать, что одинъ изъ нашихъ воробьевъ, а именно домашній, большой лакомка до ягодныхъ плодовъ и сѣмянныхъ всходовъ, другой же — полевой — почти не трогаетъ ни тѣхъ, ни другихъ.

Для того, чтобы научить отличать домашняго воробья отъ полевого и наоборотъ, я не стану вдаваться въ тонкости описанія пернатой одежды того и другого, а укажу лишь на тѣ, самыя характерныя, примѣты, по которымъ я, при самомъ бѣгломъ взглядѣ, тотчасъ же узнаю, какой воробей находится предо мною: если у моего воробья имѣется по рѣзко очерченному черному пятну на каждой

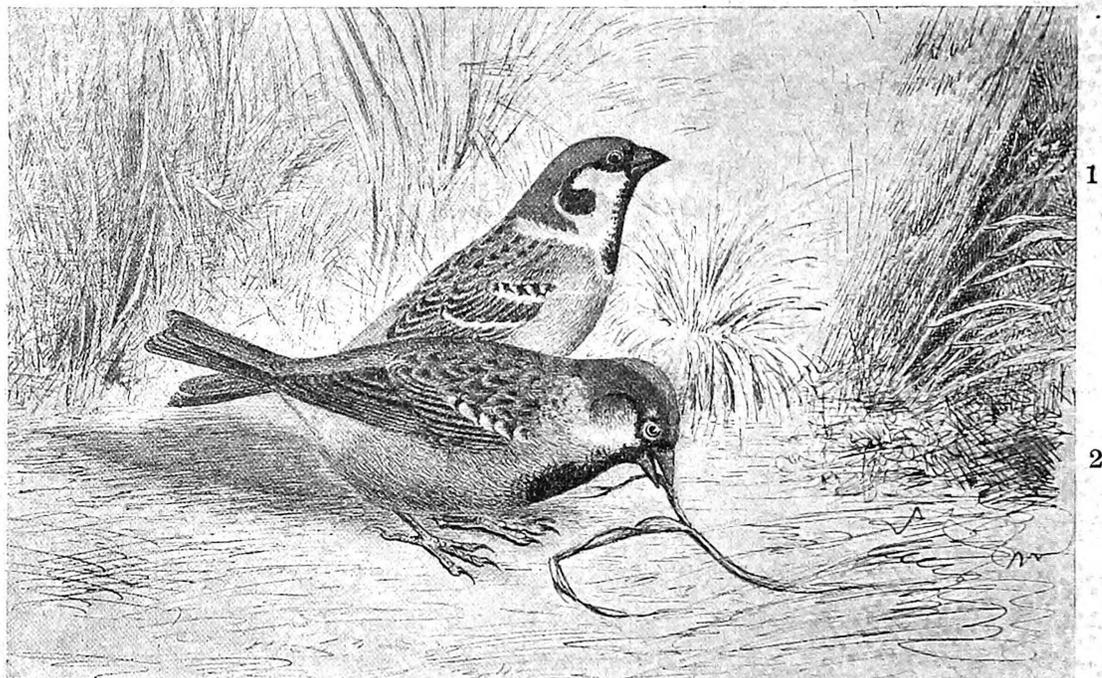
изъ бѣлыхъ щекъ и вокругъ шеи бѣлый ошейничекъ, то значить это—воробей полевой. Будетъ ли это самчикъ или самочка — трудно сказать, такъ какъ у полевого воробья самецъ и самка окрашены почти одинаково (у послѣдней только черное пятно на щекѣ нѣсколько меньшей величины). Затѣмъ, полевой воробей немного поменьше ростомъ и поскладнѣе домашняго. Вообще онъ представляетъ собою, такъ сказать, нѣсколько уменьшенное и болѣе изящное изданіе домашняго воробья-самца, съ которымъ окрашенъ очень сходно: у обоихъ тѣ же цвѣта въ опереніи (бѣлый, сѣрый, черный и коричневый), распределенные почти одинаково. Что же касается до самочки домашняго воробья, то она, въ общемъ, можно сказать, вся сѣрая, съ нѣкоторой пестриной и свѣтлой полоской черезъ глазъ (въ родѣ брови). Итакъ, слѣдовательно, если вы видите передъ собой воробья въ общемъ сѣраго, — безъ рѣзкихъ отмѣтинъ — это будетъ самочка домашняго воробья; если передъ вами пестрый воробей съ черными пятнами на бѣлыхъ щекахъ и бѣлымъ ошейникомъ, то это будетъ полевой воробей (самчикъ или самочка), если же пестрый съ гладкими бѣлыми щеками и безъ бѣлаго ошейника — то это самецъ домашняго воробья. Еще: если на крылѣ двѣ свѣтлыхъ поперечныхъ полоски — полевой воробей; если одна — домашній.

При первомъ же удобномъ случаѣ, присмотритесь и увидите, какъ просто и не трудно выучиться различать нашихъ воробьевъ, и какъ вамъ будетъ пріятно этого достигнуть. Современемъ вы найдете и другіе, болѣе мелкіе, отличительные признаки домашняго и полевого воробья (какъ, напримѣръ, буровато-сѣрую шапочку на головѣ у перваго и красно-бурую — у втораго, отчего полевого воробья иногда называютъ также и красноголовымъ). Но я не стану болѣе утомлять васъ перечисленіемъ этихъ мелкихъ признаковъ, а перейду къ описанію характера и образа жизни этихъ неразлучныхъ пернатыхъ спутниковъ человѣка. При этомъ рѣчь поведется объ обоихъ воробьяхъ совмѣстно, такъ какъ они имѣютъ слишкомъ много общаго между собою; мѣстами же, гдѣ это будетъ нужно, будемъ ихъ различать и дѣлать сравненія.

Съ незапамятныхъ временъ сопутствуя всюду человѣку и живя съ нимъ, можетъ быть, уже многія тысячелѣтія — что называется, бокъ-о-бокъ — воробей естественно долженъ былъ отразить на своемъ характерѣ вліяніе столь близкихъ отношеній къ умному, но въ то же время и весьма коварному «царю природы». Это — птица необычайно тонкаго ума, въ высшей степени наблюдательная и сообразительная. Почти ручная и домашняя — съ одной стороны, съ другой —

строгая и дикая въ такой степени, что рѣдко какую птицу такъ трудно изловить въ какія бы то ни было ловушки, какъ воробья. Недаромъ и въ пословицѣ говорится, что «старого воробья на мякишѣ не проведешь». Если же какъ-нибудь и удастся его поймать, то очень трудно приучить къ клѣткѣ и заставить примириться съ нею. Впрочемъ, молодой воробышекъ, взятый изъ гнѣзда въ то время, когда у него надъ ушами торчитъ еще пушокъ, приручается очень легко и сильно привязывается къ своему хозяину.

Также весьма характерной чертой воробья является его наглость и нахальство, соединенныя въ то же время съ необычайною осто-

Воробьи.

1—полевой; 2—домашній (самецъ).

рожностью и осмотрительностью. Нужно видѣть, напримѣръ, домашнюю воробьюху, когда она скачетъ по 'накрытому на балконѣ обѣденному столу, съ цѣлью набить себя зобъ кусочками булки, хлѣба, сыра и проч., чтобы снести все это своимъ птенчикамъ:—скачетъ, а сама глазъ не сводитъ съ человѣка, смирно сидящаго на томъ же балконѣ и слѣдящаго за нею глазами. Какой лукавый, пронизательный у нея взглядъ! Кажется, въ глазахъ у тебя читаетъ, какія такія твои намѣренія...

Весьма характерна также для воробья его чрезвычайная болтливость. Нѣтъ другой птицы, которая столько бы шумѣла, какъ воробей. Кричать, ссориться, горланить изъ-за всякой бездѣлицы—безъ

этого воробью никакъ невозможно. Даже молодые птенцы въ гнѣздѣ, и тѣ почти цѣлый день пищать, въ противоположность птенцамъ другихъ птицъ, которые въ гнѣздѣ обыкновенно держатся весьма молчаливо. Ссоры у воробьевъ особенно часты и шумны ранней весной, когда начинается разбивка зимнихъ стай на парочки и оспариваніе мѣстъ для гнѣздовья. Господи, что тутъ только творится! Шумъ, гамъ, крикъ, гоньба, штукъ по пяти-шести другъ за дружкой, драки, хватанье другъ друга за шиворотъ и проч. Иногда вся ссорящаяся на деревѣ компанія комкомъ летитъ, съ непомовѣрнымъ гамомъ, на землю, гдѣ ссора обыкновенно и оканчивается жестокой взаимной потасовкой, послѣ которой буйны разлетаются въ разныя стороны, съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣкоторое время снова затѣять ссору на другомъ мѣстѣ.

За исключеніемъ самаго крайняго сѣвера Европейской и Азіатской Россіи, воробей повсюду является птицей осѣдлой, т. е. круглый годъ держится на одномъ и томъ же мѣстѣ, предпринимая только ежедневные вылеты въ окрестныя поля, огороды, коноплянники и т. п., на ночь же всегда возвращается домой, во дворъ, на которомъ гнѣздится.

Полевой воробей болѣею частію откочевываетъ весной въ рѣчныя долины, поля, рощи, гдѣ гнѣздится въ дуплистыхъ деревьяхъ, или подъ крышами полевыхъ построекъ, гдѣ и проводитъ все лѣто и осень. Съ наступленіемъ же зимы прикочевываетъ, съ прибылыми молодыми, къ человѣческимъ жилищамъ — въ селенія, деревни, къ окраинамъ городовъ, гдѣ и держится всю зиму, прокармливаясь около человѣка. Въ большихъ городахъ полевой воробей почти не встрѣчается, за исключеніемъ только обширныхъ садовъ, гдѣ его можно иногда встрѣтить рядомъ съ домашнимъ воробьемъ. Итакъ, сельскіе и пригородные жители могутъ часто—въ особенности зимою—наблюдать совмѣстно оба вида воробьевъ, городскимъ же жителямъ приходится болѣею частію имѣть дѣло съ однимъ лишь домашнимъ воробьемъ.

Насчетъ воробьиного голоса врядъ ли нужно особенно распространяться. Кто не знаетъ этихъ неугомонныхъ «чивъ-чивъ», («живъ-живъ!») «чимъ-чимъ», «теререре» и тому подобныхъ воробьиныхъ звуковъ. Впрочемъ, и къ этимъ мало-музыкальнымъ звукамъ ухо прислушивается, даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, въ ясные февральскіе дни, когда начинающее уже пригрѣвать солнышко распускаетъ въ капли залежавшійся снѣгъ на крышахъ и въ то же время будитъ въ маленькихъ воробьиныхъ головкахъ смутныя грезы о будущемъ праздникѣ весны. Въ мартѣ же и апрѣлѣ—въ самый разгаръ

гнездованья — отъ господина воробья можно услышать даже нѣчто вроде небольшой трельки, звучащей довольно недурно и имѣющей нѣкоторое, правда весьма отдаленное, сходство съ отрывкомъ трели жаворонка, собственно же пѣнія — настоящаго, заправскаго пѣнія — у воробья не имѣется, а есть только торопливое, несуразное «чирканье» да «чимканье». У полевого воробья, соответственно его болѣе изящной внѣшности, и голосъ звучитъ нѣжнѣе — не такъ жѣстокъ и грубъ, какъ у домашняго; а призывный его звукъ — когда, на примѣръ, полевой воробей, отставшій отъ своей стаи, призываетъ ее, сидя на вершинѣ высокаго дерева — такъ этотъ звукъ даже совсѣмъ почти не имѣетъ воробьиного характера, а скорѣе похожъ на призывный крикъ щегла.

Оба воробья, какъ полевой, такъ и домашній, начинаютъ весной очень рано вить гнѣзда, когда не только еще березка не начинала зеленѣть, но и травка-то еще на припечныхъ мѣстахъ не показывалась. Гнѣздо домашняго воробья помѣщается, обыкновенно, закрыто: подъ крышей, за карнизами оконъ и домовъ, подъ отставшей обшивкой домовыхъ стѣнъ и т. п., а также въ дуплахъ деревьевъ, въ ласточкиныхъ гнѣздахъ, скворечницахъ и разныхъ другихъ укромныхъ уголкахъ, безопасныхъ отъ посѣщеній домашней кошки — злѣйшаго врага домашняго воробья. Воробьиное гнѣздо представляетъ собою, обыкновенно, грубую, неискusstную постройку — кучку разнаго натаканнаго отовсюду хлама: соломинокъ, мочалочекъ, сухихъ травинокъ, перышекъ, тряпочекъ и т. п. Среди этой кучки обмято и выкружено небольшое углубленіе, слегка выстланное перышками и конскими волосами.

Полевой воробей также помѣщаетъ свое гнѣздо всегда закрыто, по преимуществу въ древесныхъ дуплахъ. Онъ охотно гнѣздится также въ домикахъ, поставленныхъ по деревьямъ, для синиць, скворцовъ, мухоловокъ и другихъ дуплогнѣзниковъ.

Выкармливаніе птенцовъ производится почти исключительно насѣкомыми — преимущественно гусеницами бабочекъ и личинками мухъ и жуковъ. Той же самой пищей кормятся въ это время и старики.

По вылетѣ молодыхъ изъ гнѣзда, старики въ теченіе 8—10 дней держатся при нихъ, продолжая ихъ прилежно выкармливать, а затѣмъ приступаютъ ко второму выводу. За вторымъ выводомъ, почти обыкновенно, слѣдуетъ еще и третій, иногда же, на югѣ, даже и четвертый. Такимъ образомъ, пара воробьевъ производитъ въ теченіе лѣта весьма многочисленное потомство.

Молоденькіе воробышки-подлѣтки являются чрезвычайно милыми и симпатичными созданіями; можно подолгу любоваться на нихъ, въ

саду или на дворѣ, когда они выкармливаются стариками. Вотъ скачетъ большими прыжками, по усыпанной пескомъ садовой дорожкѣ, старая воробья, съ озабоченнымъ видомъ, стройно вытянувшись и высоко неся свою головку. Вокругъ нея—справа, слѣва и сзади—то прыжечкамъ, то припархивая, поспѣшаетъ, съ безпрестаннымъ «чирканьемъ», ея пухлая, желторотая дѣтвора. Едва успѣла почтенная «мамаша» ловкимъ движеніемъ поймать пролетавшаго мимо мотылька, какъ уже она атакована своими неотступными дѣтками, которыя, съ распущенными трясущимися крылышками и широко-раскрытыми желтыми ротиками, съ крикомъ осаждаютъ ее со всѣхъ сторонъ, пока злосчастный мотылекъ не исчезнетъ безвозвратно въ горлышкѣ котораго-нибудь счастливца.

Гдѣ много гнѣздится воробьевъ, тамъ, обыкновенно, молодые разныхъ гнѣздъ соединяются въ общія стайки. Разсядется такая стайка по кустамъ, вдоль садовой дорожки, подъ присмотромъ какого-нибудь стараго воробья, и чирикаетъ себѣ беззаботно и весело. Остальные же старики промышляютъ для своей дѣтвора кормъ. То и-дѣло подлетаетъ то одинъ, то другой изъ нихъ, неся въ клювѣ что-нибудь съѣстное для своихъ дѣтокъ. Старый же воробей-губернеръ находится безотлучно на своемъ дежурствѣ, и сидя на какой-нибудь выдающейся вѣткѣ, внимательнымъ глазомъ слѣдитъ по сторонамъ, чтобы во-время предупредить ввѣренныхъ его охранѣ воробьевъ объ угрожающей опасности. Завидѣвъ, на примѣръ, приближающагося ястреба онъ тотчасъ издаетъ тревожное «чрррр...» и всѣ воробьята, беззаботно чирикавшіе на вѣткахъ и прыгавшіе по дорожкамъ, стремглавъ бросаются въ чащу кустовъ, гдѣ и остаются, пока не минуетъ опасность.

Къ началу осени, когда уже кончатся всѣ хлопоты по выводу дѣтей, воробьи сбиваются въ общія, иногда весьма большія стаи, въ которыхъ и держатся всю зиму, вблизи человѣческихъ жилищъ, до наступленія весны.

Въ заключеніе намъ остается еще разсмотрѣть весьма существенный и практически-важный вопросъ: вредная птица воробей или полезная?

Если бы мнѣ пришлось на этотъ вопросъ дать отвѣтъ, что воробей—птица вредная, то больше и нечего было бы особенно распространяться, такъ какъ большинство читателей, вѣроятно, легко согласилось бы съ такимъ приговоромъ и не потребовало бы отъ меня особыхъ доказательствъ. Сказано—«воръ воробей». Всѣ и всегда его

такъ называютъ и называли; даже въ пѣсняхъ, пословицахъ и поговоркахъ его величаютъ воромъ, значитъ вѣрно, что воръ, а ужъ какой пользы ожидать отъ завѣдомаго вора. Но такъ какъ я хочу утверждать какъ разъ противное, а именно, что воробьи, какъ домашніе, такъ и полевые, хотя въ извѣстномъ смыслѣ и воры, тѣмъ не менѣе птицы полезныя, то я не могу здѣсь ограничиться парюю словъ, а долженъ нѣсколько распространиться.

— «Какъ хотите, но я съэтимъ не согласенъ» (т.-е. что воробей—воръ и туеядецъ)—говоритъ М. Н. Богдановъ, (въ своей прекрасной книжкѣ «Мірскіе Захребетники»). «Воробей—честный работникъ; онъ исправно трудится на своего хозяина; онъ приноситъ ему много пользы, и за это-то его гонять вездѣ, бранятъ воромъ и не любятъ. Виноваты ли онъ, что его труды не хотятъ цѣнить и что его вынуждаютъ воровать? Да онъ и не воруетъ, а беретъ только свое».

Разсказавъ, далѣе, что воробей дѣлаетъ въ лѣто три вывода птенцовъ и выкармливаетъ ихъ насѣкомыми, которыми и самъ въ это время питается, М. Н. Богдановъ говоритъ, что «съ апрѣля по конецъ іюля, или даже до начала августа, воробьи, волей-неволей, питаются не зернами, а гусеницами, личинками насѣкомыхъ, жучками, бабочками, мушками, улитками. Сколько они съѣдятъ ихъ сами, сколько перетаскаютъ своимъ воробьятамъ—не могъ перечестъ того и аккуратный нѣмецъ. Судите же, какъ велико количество съѣденныхъ воробьемъ насѣкомыхъ».

«Чтобъ оцѣнить пользу, которую въ теченіе весны и лѣта принесетъ намъ воробей, намъ надо посмотрѣть на наши огороды, сады луга, цвѣтники, и узнать, что тамъ дѣлается. А не то, спросимъ у огородника, отчего онъ принесъ такую свверную капусту, всю въ дырочкахъ? Кто изѣлъ ее? Отчего такой червивый горохъ? Отчего перепорчены всѣ овощи, которые онъ принесъ намъ? «Червяки,—говорить,—съѣли». Скажите же спасибо воробью. Если бы не онъ, у васъ небыло бы ни капусты, ни другихъ овощей. Онъ каждый день внимательно осматриваетъ грядки и съ утра до вечера истребляетъ всѣхъ тѣхъ воровъ, которые ѣдятъ овощи. Я знаю, вы тотчасъ вспомните обиды, причиненныя вамъ воробьемъ. Вы скажете, что вашъ огородникъ жаловался на воробьевъ. «Что ни посѣешь,—говорилъ старикъ,—все испортятъ. Какъ только выйдетъ росточекъ изъ земли, налетятъ, объѣдятъ, повыдергаютъ и сажай снова». Это правда: молодымъ росткамъ сильно достается отъ воробья (и ихъ надо прилежно оберегать отъ этого лакомки,—прибавлю отъ себя); «но, когда растеніе укоренится, распуститъ листья, тутъ воробей ужъ не тронетъ его».

Приходитъ садовникъ: «надо, — говорить, — сѣтки надѣть на вишни; воробьи одолѣли, всѣ ягоды испортятъ». Ну, а это что такое? — спросите-ка его. Вотъ вишенка не испорченная воробьемъ. Отчего на ней пятнышко? Откуда взялась гусеница внутри вишневой косточки? Въ томъ-то и дѣло. Воробей тутъ — не воръ, а охранитель нашего добра. Онъ поѣдаетъ молодые росточки главнымъ образомъ потому, что находится на нихъ насѣкомыхъ, а если онъ соблазнится вкусной ягодкой вишни, то и мы съ вами не утери́ли бы, чтобы не съѣсть ея. Зато онъ на томъ же вишневомъ деревѣ переловитъ не одну сотню жучковъ и бабочекъ, мухъ, осъ и другихъ насѣкомыхъ, которыя прокалываютъ вишневья ягоды, чтобы положить туда яички. Изъ каждаго такого яичка выйдетъ гусеница; она проточитъ вишневую косточку и начнетъ ѣсть горькое зернышко, лежащее въ ней. Ягодка захирѣетъ, не выростетъ какъ слѣдуетъ и не будетъ вкусна. Достаточно одной-двухъ бабочекъ или другихъ насѣкомыхъ, чтобы испортить ягоды на всемъ деревѣ. Вотъ полюбу́йтесь: садовникъ прикрылъ вишневое дерево сѣткой. Не достать теперь воробью сладкихъ вишенъ. Но развѣ сѣтка защититъ отъ мелкихъ бабочекъ, мухъ и жучковъ? Нѣтъ; и бережыня вишни вышли хуже не бережыныхъ: столько между ними кривобокыхъ, маленькихъ, не вкусныхъ, что хоть и не собирать ихъ, такъ въ ту же пору...» «Видите ли, какъ бы вы ни старались обвинять воробья въ воровствѣ, учиненномъ имъ въ теченіе весны и лѣта, а все-таки выйдетъ, что воровство это вамъ же полезно. И окажется на провѣрку, что не будь воробья, не пришлось бы вамъ ѣсть многихъ вкусныхъ овощей и фруктовъ».

«Началась осень, воробей полетѣлъ на конопляники и тогда онъ становится неузнаваемъ. Онъ вошелъ во вкусъ грабежа. Нѣтъ конопли — онъ летитъ на поля, гдѣ сложенъ хлѣбъ, летитъ на гумно, на молотильные тока, порхаетъ по дорогамъ, гдѣ возятъ снопы. Хлѣбное зерно стало его исключительной пищей. Въ теченіе всей осени воробей — сущій воръ; но вѣдь онъ служилъ намъ всю весну и лѣто вѣрой и правдой; не жалѣйте же нѣсколькихъ горстей зеренъ, которыя вы все равно потеряли бы при сборкѣ хлѣба: по полямъ, при перевозкѣ сноповъ по дорогамъ, при сушкѣ въ овинахъ, при молотѣбѣ, при пересыпкѣ зеренъ изъ мѣшка въ мѣшокъ. Воробей тутъ беретъ только то, что уже брошено, чего вы не можете поднять, что съѣдятъ другія птицы и звѣри...» «воробей не только не воръ, но птичка полезная и умная, которую всякій благоразумный человѣкъ долженъ оберегать».

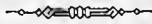
Вотъ что говоритъ нашъ извѣстный знатокъ и тонкій наблюдатель птичьяго міра, и я, на основаніи собственныхъ моихъ много-

лѣтнихъ наблюденій надъ жизнію воробьевъ, всецѣло и вполне къ нему присоединяюсь. Главное, необходимо твердо помнить, что полезная насѣкомоядная дѣятельность воробья проходитъ обыкновенно мало замѣченной. Ее знаютъ и замѣчаютъ только тѣ, кто привыкъ постоянно слѣдить за птицами—ихъ жизнію и времяпрепровожденіемъ. Когда же воробей клюетъ вишню или треплетъ колосья на снопѣ, это легко бросается въ глаза, это видятъ всѣ и начинаютъ кричать: «воръ, воръ, — вишню объѣдаетъ, хлѣбъ таскаетъ! Бейте его, стрѣляйте...»

Наконецъ, относительно полевого воробья слѣдуетъ также помнить, что онъ, — какъ уже было упомянуто выше, — почти не трогаетъ ни плодовъ, ни ростковъ, а потому и долженъ всегда быть желаннымъ гостемъ въ фруктовыхъ садахъ и на огородахъ. Если онъ занимается иногда домики, разставленные по деревьямъ для скворцовъ и другихъ дуплогдѣзниковъ, то его не слѣдуетъ оттуда выгонять.

Итакъ, въ концѣ-концовъ, оба наши воробья, — а въ особенности полевой, — приносятъ больше пользы, чѣмъ вреда, а потому ихъ должно охранять, а не преслѣдовать.

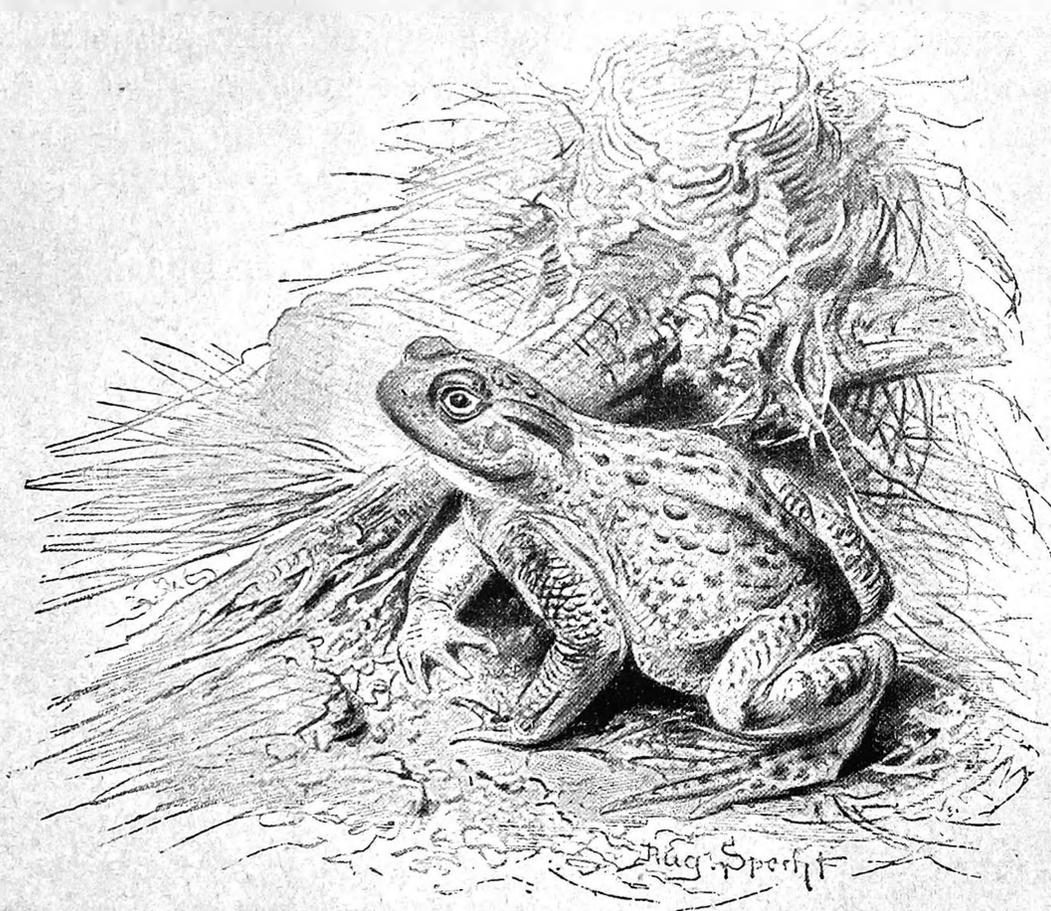
Д. Кайгородовъ.

Ж А Б А.

Одъ вечеръ, проходя по двору, часто встрѣчаешь маленькое, молчаливое, существо, безъ шума прыгающее по землѣ. Ахъ, жаба! фу, какая мерзость! Чувство глубокаго отвращенія поражаетъ въ насъ жаба своимъ видомъ, своей мокрой бородавчатой кожей, отдѣляющей ѣдкую, вонючую жидкость. Свойства этой жидкости извѣстны издавна; ей даже приписываютъ черезчуръ ядовитое свойство, поэтому и отвращеніе къ жабамъ совершенно понятно. Въ сущности же, это—животное безобидное и крайне полезное человѣку. Жаба, подобно другимъ лягушкамъ, питается насѣкомыми, ихъ личинками, червями, улитками. Она полезна особенно потому, что охотится преимущественно ночью, истребляя nocturnal насѣкомыхъ—самыхъ страшныхъ враговъ нашихъ огородовъ, полей и луговъ. Она не любитъ свѣта, ей вреденъ сухой воздухъ, а потому, съ наступленіемъ дня, она прячется въ темныя, сырыя мѣста. Будетъ ли это подполье, баня или

шалашъ огородника, или нора какого-нибудь звѣрка—ей все равно. Нѣтъ подъ рукой такого укромнаго угла, она спрячется подъ лежачій камень; а то, выроетъ себѣ норку въ землѣ и сидитъ тамъ, терпѣливо дожидаясь, когда кончится лѣтній день. Подобно другимъ лягушкамъ, на зиму жаба зарывается въ илъ или прячется въ червь, впадая въ зимнюю спячку. Весной же, какъ только сойдетъ снѣгъ, вскроются озера и пруды, стечетъ снѣговая вода въ лужи — жаба просыпается, выходитъ изъ своего убожища и отправляется въ воду метать икру. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, она снова возвращается

Ж а б а.

на сушу и принимается за свой мирный и полезный промыселъ — истребленіе насѣкомыхъ.

Запримѣтивъ насѣкомое, жаба сторожитъ его, какъ кошка, потомъ вдругъ прыгнетъ, шлепнетъ языкомъ и проглотитъ.

Языкъ этотъ—своего рода диковинка.

Онъ прикрѣпленъ во рту не заднимъ, а переднимъ концомъ, задній же конецъ свободенъ и выбрасывается жабой наружу, такъ что она шлепаетъ языкомъ насѣкомое. Добавимъ, что языкъ этотъ покрытъ липкой слюной, отчего насѣкомое пристаётъ къ нему и, такимъ образомъ, втаскивается въ ротъ жабы.

Ядъ всѣхъ нашихъ лягушекъ, жаба самая довѣрчивая и самая медленная въ движеніяхъ, поэтому враги лягушинаго рода давно бы изжили ее, если бы природа не надѣлила это животное защитой болѣе надежной, нежели острые зубы. Голова и спина жабы покрыты бугорочками, въ которыхъ сидятъ желѣзки, вырабатывающія ѣдкую ядовитую жидкость. Эта жидкость, попавъ на кожу человѣка, производитъ зудъ; а если на кожѣ есть царапки, то зудъ замѣняется жгучей болью. Если вы возьмете жабу въ руки и потомъ потрете себѣ глаза, то почувствуете тотчасъ-же острую, жгучую боль, да, кромѣ того, за это можно поплатиться воспаленіемъ вѣкъ. Но, вообще доказано, что для человѣка этотъ ядъ не особенно страшенъ. Иное дѣло, для мелкихъ животныхъ. Птицы, рыбы, лягушки, которымъ давали проглотить небольшое количество этого яда, умирали въ нѣсколько секундъ, въ сильныхъ конвульсіяхъ. Собака, разъ попробовавшая схватить жабу, уже никогда не дотронется до нея. Едва ли найдется такой хищный звѣрь, который рѣшился бы съѣсть жабу. Итакъ, острый, жгучій ядъ желѣзокъ спасаетъ жабу отъ враговъ, но только не отъ ужа, который преспокойно ѣстъ ее.

Значить, не берите только жабу въ руки — она вамъ вреда не сдѣлаетъ, даже, напротивъ, принесетъ огромную пользу, очищая овощи и ягодники отъ насѣкомыхъ и улитокъ. Жаба гораздо умнѣ ужа и легко приручается; но, вѣроятно, на это найдется мало охотниковъ; зато гораздо больше встрѣтишь такихъ людей, которые не хотятъ дать себѣ труда изучить жабу, и мастера сочинять всякія нелѣпыя басни на ея счетъ. Такъ, наприм., существуютъ двѣ басни. Одна изъ нихъ—о дождѣ изъ жабъ. Утверждаютъ, что были случаи, когда жабы валились съ неба вмѣстѣ съ каплями дождя и покрывали землю въ несчетномъ количествѣ. Смыслъ басни сей таковъ: въ сухую погоду земля растрескивается, и жабы, особенно молодыя, прячутся въ эти трещины, спасаясь отъ жары и сухости воздуха. Но лишь только хлынетъ проливной дождь, эти отшельницы выскакиваютъ изъ своихъ убожищъ и прыгаютъ по землѣ.

Другая басня заключается въ томъ, будто находили жабъ замурованными въ стѣнахъ. Не имѣя возможности ни выйти изъ своего заключенія, ни питаться, онѣ все-таки жили тамъ въ теченіе десятковъ и сотенъ лѣтъ. Точные же опыты извѣстныхъ ученыхъ показали, что жабы дѣйствительно живучи и могутъ прожить замурованными до полутора года, но никакъ не десятки и не сотни лѣтъ. Подобной живучести нечего особенно удивляться, такъ какъ семь мѣсяцевъ въ году жаба и на волѣ проводитъ въ оцѣпенѣніи, не принимая пищи.

ЖАБА «ИЧА.»

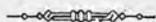
ЖЕ ГОДА ЧЕТЫРЕ, какъ я прикармливаю одну жабу, которая проторила себѣ дорожку къ нашей теплицѣ. Сидя на одномъ среднемъ мѣстѣ, она регулярно дожидается по-дачки — мучныхъ червей, всегда имѣющихся у меня для нея въ запасѣ. Препроводивъ къ себѣ въ ротъ своимъ клейкимъ языкомъ полученную порцію, она затѣмъ удаляется въ скрытый уголокъ и болѣе уже не возвращается до слѣдующаго утра. Осенью, какъ только наступитъ холода, она впадаетъ въ спячку, продолжающуюся всю зиму, и снова появляется на свѣтъ Божій, когда теплое весеннее солнышко выманитъ ее изъ ея зимняго убожища.

Я думаю, мало кто повѣритъ, если я скажу, что даже это бѣдное, всѣми презираемое созданіе можетъ проявлять, по-своему, пріятныя качества, если только съ нимъ хорошо обращаться — съ добротой и лаской. Я расскажу, какъ ведетъ себя моя «Ича», когда я представляю ее кому-нибудь изъ моихъ гостей. Неподалеку отъ нея кладутся на землю нѣсколько мучныхъ червей. Она медленно приближается къ нимъ и остается нѣкоторое время въ неподвижномъ созерцаніи, вперивъ свои золотистые глаза въ лакомую добычу. Затѣмъ подползаетъ еще ближе, устремляетъ свой неподвижный взоръ на одного изъ червей, наклоняетъ голову, — слышится слабый звукъ, какъ будто бы кто щелкнулъ слегка пальцами и — червякъ исчезъ. Это схватываніе происходитъ такъ быстро, что нѣтъ никакой возможности увидѣть языкъ животнаго, съ помощью котораго происходитъ схватываніе червяка и препровожденіе его въ ротъ. Пока жаба глотаетъ, она плотно закрываетъ свои глаза; проглотивъ, снова тотчасъ же вперяетъ взоръ въ другого червяка. И вотъ, теперь наступилъ благопріятный моментъ, когда къ ней можно осторожно приблизиться, съ тѣмъ, чтобы погладить ея бородавчатую спинку. Черезъ нѣсколько секундъ жаба приходитъ въ настоящій экстазъ отъ удовольствія: вытянувъ переднія ноги, она подставляетъ сначала одинъ бокъ, затѣмъ — другой, и, наконецъ, такъ приподнимаетъ на всѣхъ четырехъ лапахъ свое туловище, что становится совершенно, какъ говорится, на дышочки. Въ эту минуту она является невыра-

зимо смѣшиною! Удовольствіе, испытываемое Ичей, въ то время, когда ее гладятъ, такъ велико, что для нея тогда, повидимому, не существуетъ ничего на свѣтѣ, между тѣмъ, какъ въ другое время она боязливо уползаетъ при приближеніи чужого человѣка.

Однако, до сихъ поръ мнѣ не удалось еще довести дѣло до того, чтобы это доброе созданіе взяло у меня что-нибудь прямо изъ рукъ, хотя я не сомнѣваюсь, что, при помощи терпѣнія и выдержки, мнѣ, въ концѣ-концовъ, удастся таки этого достигнуть.

Элиза Брайтвинъ.

СИНИЦЫ.

Опять дожди, опять туманы,
И листопадъ, и голый лѣсъ,
И потемнѣвшія поляны,
И низкій, сѣрый сводъ небесь.

С. АКСАКОВЪ.

ВЪ ТУМАННЫЕ осенніе дни, когда вся природа какъ бы съеживается, въ ожиданіи скораго прихода суровой гостьи — бабушки-зимы, и когда даже въ самое беззаботное сердце прокрадывается какое-то тоскливое чувство, звонкій свистъ синицы, раздавшійся въ опустѣломъ саду, дѣйствуетъ на тоскующую душу словно яркій лучъ солнца, прорвавшій густую пелену тумана...

Осенній туманный день и синица — неразлучные спутники. По крайней мѣрѣ, въ моемъ представленіи они всегда тѣсно связаны между собою. Еще въ дѣтствѣ, какъ сейчасъ помню, выскочишь, бывало, въ одной курточкѣ, утромъ, передъ отправленіемъ въ школу, на незадѣланный еще на зиму балконъ: сыро, туманно, неуютно. Съ неопавшихъ еще, потемнѣвшихъ листьевъ сирени, словно облитыхъ водой, падаютъ на землю крупныя капли. Почернѣвшія отъ мороза, точно ошпаренныя, георгины печально свѣшиваютъ свои листья и неуспѣвшія еще доцвѣсти желтыя и пунцовыя головки... Тоскливо такъ сдѣлается на душѣ: впереди зима, и такая длинная-длинная, что и конца ей, кажется, не предвидится (въ дѣтствѣ, вѣдь, время такъ тянется!)... Вдругъ изъ

куста сирени раздастся веселое «пинь, пинь, пинь» — «цици-вю, цинци-вю, цинци-вю!» — сердце такъ и встрепенется!... Тутъ и сама она, шустрая, живая синичка, перепрыгиваетъ съ вѣтки на вѣтку... Вѣчно бодрая, непосѣдливая, бойко вызваниваетъ стальнымъ своимъ голоскомъ, на разные лады, словно хочетъ сказать:

«Въ мѣрѣ, что ни дѣйся,
Смертный все надѣйся,
Солнце не однажды съизнова взойдетъ,
Послѣ непогоды ярче день блеснетъ».

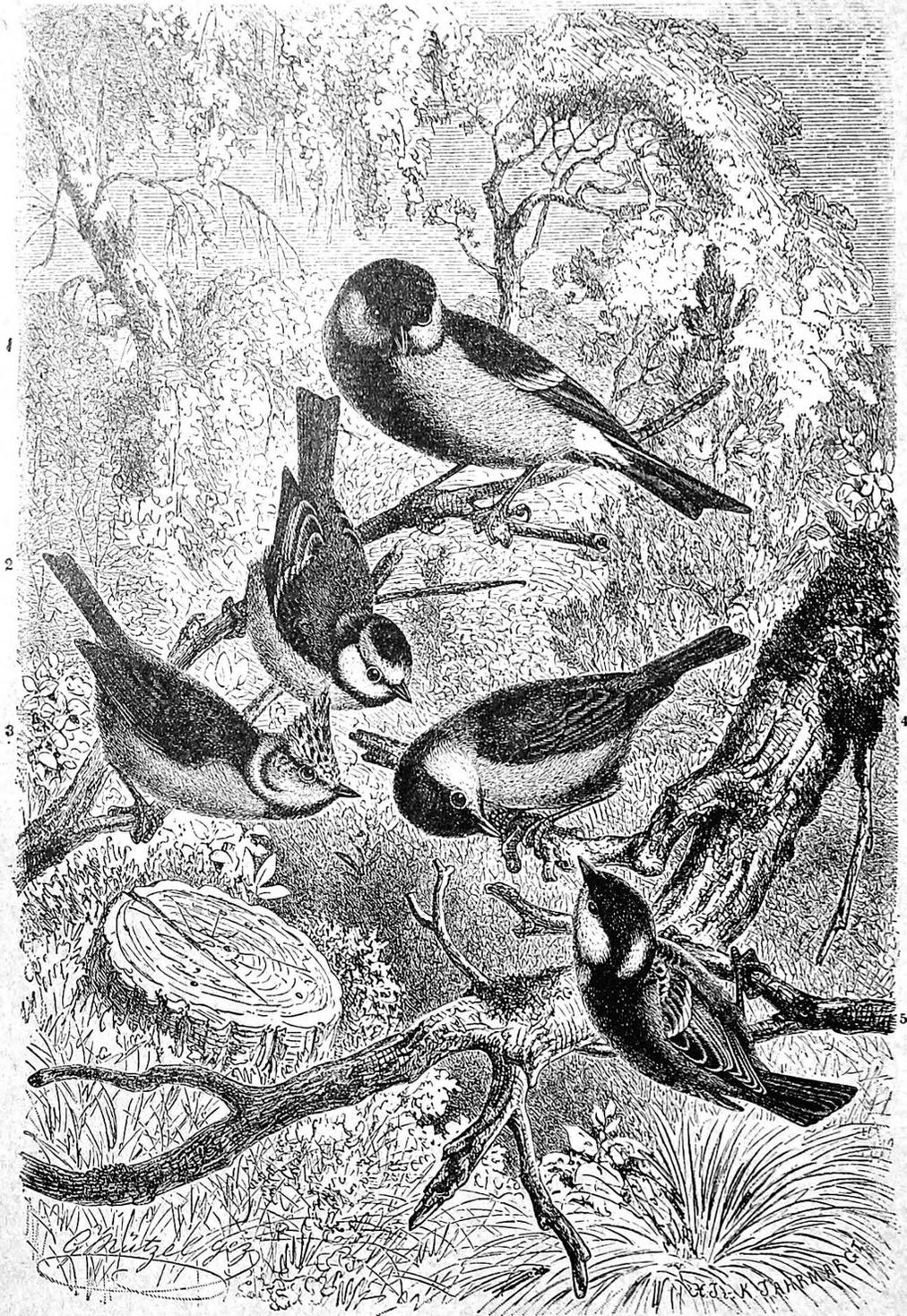
«Цинци-фюютъ, цинци-фюютъ» — стоитъ ли горевать, пока здоровъ и есть что кушать; да и гореваньемъ вѣдь горю не поможешь; и не вѣкъ вѣдь будутъ осень да зима:

«Тѣмъ еще утѣшнѣй
Будетъ праздникъ вешній;
Вновь мѣръ будетъ скоро солнышкомъ согрѣтъ,
Радужно раскрашенъ, зеленью одѣтъ».

Постоишь такъ, бывало, на балконѣ, слушаешь синичку, и легко станеть на душѣ, и въ школу какъ-то веселѣе бѣжится...

Всѣ синицы — маленькія, бойкія, умныя, ловкія, смѣлыя и вѣчно дѣятельныя птички. Онѣ великолѣпные гимнасты и акробаты: лазать, кувиркаться, висѣть внизъ головой, уцѣпившись за тонкій кончикъ вѣтки, — синицы великія мастерицы, и притомъ мастерицы положительно неутомимыя: съ утра до вечера, ни минутки не передыхая, перелетаютъ, перепархиваютъ онѣ съ дерева на дерево, съ вѣтки на вѣтку, все обшаривая и осматривая, заглядывая въ каждую трещинку, въ каждое углубленіе на деревѣ, внимательно обслѣдывая каждую вѣточку, каждый укромный уголокъ и безпрестанно долбя, то тутъ, то тамъ, своимъ крѣпкимъ, короткимъ клювомъ. Тамъ пряталась мушка, здѣсь притаился подъ кусочкомъ коры жучокъ, тутъ кучечкой, словно бисеринки, сложены и прилѣплены къ корѣ лички бабочки — все это годится для синицы, все это ей лакомый кусочекъ.

Для всѣхъ гимнастическихъ штукъ, которыя съ такимъ мастерствомъ продѣлываютъ синицы, превосходнымъ орудіемъ служатъ ихъ сильныя ножки, снабженныя очень острыми и круто-изогнутыми когтями. Кому случалось брать въ руки синицу, тотъ навѣрное испытывалъ на себѣ остроту когтей и силу клюва этой птички: такъ вцѣпится въ палецъ и защипнетъ, что на одной ножкѣ поплясать за-

С и н и ц ы.

1—большая; 2—лазуревка; 3—гренадерка; 4—пухлякъ; 5—московка.

ставить! Недаромъ гласитъ пословица: «мала птичка синичка, да ноготокъ востёръ».

По части летанія синицы не особенно большія искусницы. Полетъ ихъ не твердый—какъ бы порхающій, всегда короткими ду-

гами, то вверхъ, то внизъ—и производится, видимо, съ нѣкоторымъ усиленіемъ. Это потому, что крылья у нихъ короткія, какъ бы обрубленныя. Поэтому-то синицы и не любятъ открытаго поля, а всегда, при своихъ передвиженіяхъ, стараются придерживаться лѣсовъ, аллей и садовъ. Большая часть нашихъ синицъ птицы чисто лѣсныя; жизнь ихъ тѣсно связана съ деревьями.

На поверхность земли синицы спускаются неохотно и передвигаются по ней не особенно ловко, вслѣдствіе круто-изогнутыхъ длинныхъ когтей.

Синицы попадаютъ намъ на глаза больше осенью, потому что въ это время онѣ приближаются къ человѣческимъ жилищамъ. Лѣто же онѣ проводятъ въ лѣсахъ и, частію, въ большихъ паркахъ, гдѣ вьютъ гнѣзда и выводятъ дѣтей. Мѣстомъ для гнѣздъ синицы выбираютъ преимущественно дупла старыхъ деревьевъ, въ которыхъ и устраиваютъ колыбельку для будущихъ своихъ дѣтокъ, — изъ тонкихъ, сухихъ стебельковъ и корешковъ разныхъ травъ; внутренняя же поверхность этой колыбельки выстилается шерстью, волосами, перьями, пухомъ и тому подобными веществами. Нѣкоторыя синицы выдалбливаютъ себѣ помѣщеніе для гнѣзда въ гнилыхъ древесныхъ стволахъ, а также пользуются и старыми дятловыми гнѣздами. Иногда гнѣзда помѣщаются въ углубленіяхъ и трещинахъ старыхъ каменныхъ стѣнъ.

Синицы-самочки кладутъ большое количество яицъ: отъ 6 до 14 и даже до 17-ти. Высиживаютъ, большею частію, самецъ и самочка попеременно, или же, если одна только самочка занимается высиживаніемъ, то самчикъ приноситъ ей въ это время кормъ. Нерѣдко синицы выводятъ птенцовъ по два раза въ лѣто.

Осенью, когда подрастутъ птенцы, синицы оставляютъ мѣста своихъ гнѣздовій и начинаютъ вести кочевую жизнь, собираясь при этомъ обыкновенно въ стайки, въ которыхъ нерѣдко перемѣшиваются разные виды синицъ. Къ такимъ стайкамъ часто присосѣживаются и другія небольшія птички, родственныя синицамъ, или ведущія сходный съ ними образъ жизни. Иногда, такая смѣшанная стайка избираетъ своимъ предводителемъ какого-нибудь дятла — все равно, хочетъ онъ или не хочетъ — и слѣдуетъ повсюду за нимъ, держась всей компаніей вмѣстѣ и въ то же время въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ дружки. Лазая и прыгая, ссорясь и играя, распѣвая и работая безъ усталости, весело кочуетъ такая пестрая компанія по своей области. Иногда, гуляя осенью въ лѣсу, вдругъ, среди присущей осеннему времени лѣсной тишины, видишь себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ членами подобной веселой пернатой

компани: пищать, трещать, «цицикають» на всѣ лады, перепархиваютъ съ дерева на дерево, долбятъ клювами, и черезъ нѣсколько минутъ снова все тихо, только вѣтерокъ шушукаетъ съ пожелтѣвшей осинкой...

Такимъ-то образомъ, двигаясь стайка за стайкой, обшариваютъ синицы наши лѣса, сады и рощи, очищая и освобождая ихъ отъ множества мелкихъ, но тѣмъ не менѣе очень вредныхъ и опасныхъ для деревьевъ враговъ.

Наши лѣсные синицы не отлетаютъ на зиму въ теплыя страны; онѣ только кочуютъ, облетая, въ теченіе осени и зимы болъшую или меньшую область, разыскивая себѣ дневное пропитаніе, состоящее, главнымъ образомъ, изъ насѣкомыхъ, ихъ куколокъ, личинокъ и яичекъ, а также, частію, и изъ зеренъ и сѣмянъ разныхъ растений.

Твердую зерновую скорлупу синицы разбиваютъ своимъ клювомъ, зажавъ зерно между лапками, и затѣмъ выклевываютъ изъ него мякоть. Точно также поступаютъ онѣ съ коконами и куколками бабочекъ и другихъ насѣкомыхъ.

Почти всѣ синицы—болъшія охотницы до мяса и сала. Гдѣ вывѣшено на воздухѣ для провяливанія мясо, окорокъ или сало, тамъ осенью и зимой, почти всегда можно встрѣтить синицу, прилетающую лакомиться этими, столь вкусными для нея, вещами, при чемъ она нерѣдко попадаетъ въ разставленную для нея ловушку.

Всѣ вообще синицы — болъшія задиры, и насколько онѣ трусливы передъ сильнымъ врагомъ — на примѣръ, передъ ястребомъ, при приближеніи котораго приходятъ въ неописанный ужасъ и совершенно теряютъ голову — настолько дерзки и задорны относительно другихъ маленькихъ птичекъ.

Синицы принадлежатъ къ числу самыхъ полезныхъ нашихъ птицъ, и именно полезныхъ для нашихъ лѣсовъ, садовъ и парковъ. Для примѣра расскажу здѣсь слѣдующій случай:

«Однажды въ саду одного помѣщика появилось множество гусеницъ очень вредной бабочки — непарнаго шелкопряда — поѣвшихъ всю листву на деревьяхъ сада, такъ что среди лѣта деревья стали совершенно голыми. Къ осени всѣ сучья и стволы деревьевъ были облѣплены яичками этой бабочки. Попытка снять эти яички при помощи человѣческихъ рукъ вскорѣ была оставлена, въ виду полной ея безуспѣшности, и хозяинъ сада уже приготовился видѣть гибель своихъ лучшихъ деревьевъ. Между тѣмъ, подъ конецъ осени, садъ начали посѣщать ежедневно стайки синицъ. Количество яичекъ,

отложенныхъ бабочками на деревьяхъ, стало замѣтно уменьшаться. Весной слѣдующаго года, 20 паръ синицъ свили себѣ въ этомъ саду гнѣзда, и гусеничная напасть значительно ослабѣла, а спустя еще годъ, маленькая пернатая полиція такъ очистила деревья, что хозяинъ сада имѣлъ уже удовольствіе видѣть свои деревья въ теченіе всего лѣта стоящими въ прекрасной зелени».

Наши синицы являются тѣмъ болѣе полезными охранительницами нашихъ лѣсовъ и садовъ, что онѣ проводятъ у насъ круглый годъ — зиму и лѣто, тогда какъ большинство остальныхъ нашихъ насѣкомоядныхъ птицъ прилетаетъ къ намъ только на лѣто и, слѣдовательно, проявляетъ свою полезную дѣятельность всего только въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Хотя синицы и встрѣчаются почти повсюду, но далеко не въ такомъ количествѣ, въ какомъ можно было бы ожидать, судя по ихъ большой плодовитости. Конечно, хищныя птицы наносятъ имъ нѣкоторый изъяснъ, хотя синицы, проводя свою жизнь преимущественно подъ покровомъ древесныхъ вѣтвей, менѣе другихъ птицъ подвержены опасности попасть подъ острые когти хищника. Но, главными врагами нашихъ милыхъ птичекъ являются, съ одной стороны, птица сойка, а съ другой — суровая зима. Сойка большая любительница разорять птичьи гнѣзда и лакомиться находящимися въ нихъ яйцами и птенцами; бѣднымъ синичкамъ также не мало отъ нея достается. Что же касается до зимы, то она не столько пагубна синицамъ своими морозами, сколько снѣгами и, главнымъ образомъ, инеемъ. Отъ большой стужи, синицъ прекрасно защищаетъ ихъ пушистое опереніе, являющееся превосходной теплой шубкой для нашихъ птичекъ. Гораздо опаснѣе для нихъ снѣгъ и иней, покрывающіе толстымъ слоемъ вѣтви деревьевъ и лишающіе синицъ возможности, иногда по нѣскольку дней кряду, отыскивать себѣ необходимое пропитаніе. Въ такіе злосчастные для синицъ дни, много гибнетъ этихъ птичекъ отъ голодной смерти; и это какъ разъ въ тѣ самые дни, когда мы любуемся зимнимъ убранствомъ лѣса: разукрашенными инеемъ или запушенными снѣгомъ деревьями. Будьте милосердны въ такіе дни къ синичкамъ: вывѣшивайте для нихъ, въ вашемъ садикѣ, кусочки сала, продѣтые на ниточку; однимъ небольшимъ кусочкомъ можетъ пропитаться цѣлая семья синицъ въ теченіе недѣли.

Хотя каждый видъ синицъ обладаетъ своимъ особымъ голосомъ, по которому знающій человекъ еще издали можетъ отличить одинъ видъ отъ другого, но всѣмъ видамъ синицъ, безъ исключенія, при-

судь общій, характерный звукъ, необыкновенно тонкій и чистый, словно металлическій, стальной: «си-си-си», или «ци-ци-ци», по которому мало-мальски развитое ухо сейчасъ узнаетъ синицу. Собственно пѣсенъ — раскатыстыхъ, переливчатыхъ, какъ, на примѣръ, у зяблика или жаворонка — у синицъ почти нѣтъ.

Д. Кайгородовъ.

П О Л Е.

Раскинулось поле волнистою тканью
И съ небомъ слилось темносинею гранью.
И въ небѣ прозрачномъ, щитомъ золотымъ,
Блестящее солнце сіяетъ надъ нимъ.
Какъ по морю, вѣтеръ по нивамъ гуляетъ
И бѣлымъ туманомъ холмы одѣваетъ,
О чемъ-то украдкой съ травой говоритъ
И смѣло во ржи золотистой шумитъ.
Одинъ я... и сердцу, и думамъ — свобода...
Здѣсь мать моя, другъ и наставникъ — природа.
И кажется жизнь мнѣ свѣтлѣй впереди,
Когда къ своей мощной, широкой груди
Она, какъ младенца, меня допускаетъ
И часть своей силы мнѣ въ душу вливаетъ.

И. Никитинъ.

ПѢСНЯ ПАХАРЯ.

Распашу я рано
Полосу родную,
Распашу, посѣю
И забороную!

Надо мною пѣсней
Пташечка залъется.
И никто, какъ пахарь
Дню не улыбнется.

Всходы яровые
Солнышко пригрѣетъ,
И цвѣты и травку
Вырастить-взлелѣетъ.

Весело тогда мнѣ
Выходить съ косою,
Иль съ серпомъ зубчатымъ,
Встать надъ полосою;

Накошу я сѣна,
Намечу стогами,
Соберу колосья
Полными снопами;

Смолочу, провѣю
Да сгребу лопатой...
Вотъ я и счастливый,
Вотъ я и богатый!

С. Дрожжинъ.

БЕЗМОЛВНЫЕ СТРАННИКИ.

(По А. Нечаеву).

АННЕЮ весной проѣзжалъ я по одному изъ глухихъ уѣздовъ Псковской губерніи. Кругомъ тянулись необозримыя поля. Свѣжевспаханная земля не успѣла еще одѣться зеленью и безъ счета валялись на ней сѣрые булыжники. И чѣмъ дальше я ѣхалъ, тѣмъ больше попадалось этихъ камней. Они были всюду: въ рывинахъ, на склонахъ холмовъ, на межахъ, на самой дорогѣ, въ лѣсу... Я бывалъ потомъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи и не разъ встрѣчалъ такіе же булыжники. Каждый разъ, когда теперь попадаетъ въ мои руки этотъ невзрачный камень, мнѣ невольно припоминается картина весенней пашни, и также невольно задумываюсь я надъ судьбою булыжника. Я знаю, что не всегда лежалъ онъ на поляхъ Россіи... Много превратностей судьбы претерпѣлъ онъ на своемъ вѣку, и вся длинная исторія его кажется мнѣ какою-то волшебною сказкой...

Родина булыжника — Финляндія, маленькая, непривѣтная и угрюмая страна. Лежитъ она на голомъ бесплодномъ камнѣ: густые лѣса покрываютъ ее, и изъ зелени ихъ, тутъ и тамъ, выдвигаются огромныя каменныя глыбы, одѣтыя только мохомъ. Среди камней и лѣсовъ зеркаломъ сверкаютъ множество большихъ и малыхъ озеръ. Красноватый камень, на которомъ лежитъ Финляндія — гранитъ. Въ огромномъ количествѣ выламывается онъ здѣсь и развозится по всей Россіи. Колонны Исаакіевскаго собора въ Петербургѣ, Александровская колонна и гранитная набережная Невы сдѣланы изъ камня, добытаго изъ финляндскихъ каменоломенъ.

По сосѣдству съ Финляндіей лежатъ Швеція и Норвегія. Эти скандинавскія страны покрыты каменными глыбами, еще болѣе дикими и величественными. Между ними также раскинулось множество озеръ. На бурномъ Ладожскомъ озерѣ лежатъ угрюмые острова — Валаамъ и Коневецъ. Голый камень, а на немъ густой лѣсъ и цвѣтушія поля, воздѣланныя монахами — вотъ вся природа Валаама. Изъ этихъ-то мѣстъ и заползли къ намъ булыжники, безъ счета и числа покрывающіе наши поля...

Давнымъ давно переживала Европа страшное время. Подобно далекимъ странамъ угрюмаго сѣвера, она была окутана вѣчнымъ ледянымъ покровомъ. На мѣстѣ нынѣшнихъ цвѣтущихъ луговъ и зеленыхъ нивъ разстилалась безконечная снѣжная пустыня. Равнины Россіи были одѣты въ плотный ледяной саванъ. Милліонами огней искрился онъ подѣ лучами негрѣющаго солнца. Блѣдное и нѣмое небо разстилалось надъ мертвою пустыней. Изъ подѣ снѣга торчали обледенѣлыя скалы. Все было мертво кругомъ, — ни растеній, ни животныхъ. Только на самомъ южномъ краю молчаливыхъ ледяныхъ равнинъ несмѣло ютилась жизнь — цвѣли растенія, бѣгали звѣри, летали птицы...

Пушистыми хлопьями падалъ снѣгъ на вершины финляндскихъ и скандинавскихъ горъ. Онъ одѣвалъ ихъ мягкой серебристой пеленой и понемногу смерзался въ плотную ледяную массу. Изъ года въ годъ росла эта ледяная масса и медленно сползала къ подножію горъ. Съ страшной силой давилъ двигающійся ледъ на каменные склоны горъ, чертилъ, царапалъ, шлифовалъ и полировалъ ихъ. Встрѣчая на пути гранитныя скалы, онъ ломалъ ихъ и увлекалъ за собою. Во всѣ стороны отъ скандинавскихъ горъ разбѣгались величественныя ледяныя рѣки — ледники; онѣ покрывали почти всю сѣверную и среднюю Россію. Милліоны каменныхъ обломковъ уносились этими ледниками съ горныхъ хребтовъ къ ихъ подножію. Съ силою терлись они другъ о друга, угловатые края ихъ сглаживались и камни получали округлую форму. Подѣ огромнымъ давленіемъ льда, многія изъ нихъ растирались въ мелкій песокъ и илистую глину. Точно какіе-то великаны сказочнаго царства, ползли гранитныя глыбы на ледяныхъ саняхъ, ползли въ разные концы Европы, чтобы остаться тамъ на многіе вѣка...

Года шли за годами, столѣтія пробѣгали за столѣтіями. Ледяной покровъ, скывавшій Россію, сталъ исчезать — отодвигаться къ сѣверу... Проглянула земля, появилась трава, кустарники, деревья, прилетѣли издалека птицы, забрели звѣри, и закипѣла разнообразная жизнь. Глина и песокъ, принесенныя ледникомъ, толстыми пластами покрыли всю сѣверную и среднюю Россію. Погребенные въ нихъ обломки скандинавскихъ и финляндскихъ горъ — валуны и булыжники — были вымыты проточною водою. И по сію пору лежатъ они на нашихъ поляхъ, лугахъ и въ лѣсахъ. Люди собираютъ ихъ и везутъ въ города. Тамъ мостятъ ими улицы, а болѣе крупныя (булыги) употребляютъ и на постройку домовъ. На берегу рѣки Волхова, близъ города Старой Ладого, стоитъ старая крѣпость, построенная въ XI вѣкѣ. Вся она сложена изъ булыжника.

Мѣстами песокъ, глина, щебень и валуны нагромождены въ видѣ невысокихъ живописныхъ холмовъ. Длинными рядами тянутся они иногда на нѣсколько верстъ. Наши Валдайскія горы цѣликомъ состоятъ изъ песку, глины и обломковъ финляндскихъ каменныхъ породъ. Небольшія озера, выступающія тутъ и тамъ среди зелени тѣсовъ, придаютъ чарующую прелесть этимъ древнимъ наносамъ исчезнувшаго ледника.

Возьмите любой булыжникъ, разбейте его ломомъ или молоткомъ и рассмотрите свѣжій изломъ. Вы увидите, что этотъ камень—смѣсь слипшихся между собою крупныхъ и мелкихъ зеренъ. Одни изъ нихъ — красныя, кирпичнаго цвѣта и даже бѣлыя; это — полевой шпатъ; рядомъ видны черныя крупинки, блестящія, какъ зеркало, мягкія—если ихъ царапать ногтемъ или ножомъ; это — слюда; наконецъ, вы находите зерна молочно-бѣлыя, или совсѣмъ прозрачныя, какъ стекло; это—кварцъ. Прогуляйтесь теперь вдоль гранитной набережной Невы (конечно, если вы живете въ Петербургѣ). Въ камнѣ, ее одѣвающимъ, вы найдете тѣ же зерна кварца, слюды и полевого шпата; разница будетъ лишь въ величинѣ зеренъ. Но зато и среди булыжниковъ вы можете найти совсѣмъ такіе же крупнозернистые образцы, какъ гранитъ невской набережной или колоннъ Исаакіевского собора. Отсюда вы видите, что булыжникъ и въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ похожъ на каменные глыбы Финляндіи.

Почти вся сѣверная и средняя Россія усѣяна булыжниками разныхъ размѣровъ. Одни изъ нихъ—съ горошину, другіе—съ цѣлый домъ. На островѣ Коневцѣ (на Ладожскомъ озерѣ), знаменитомъ своимъ монастыремъ, испоконъ вѣковъ лежалъ громаднѣйшій камень. Онъ былъ такъ великъ, что пригодился для фундамента церкви, которая вся цѣликомъ и поставлена на немъ. Подножіе бронзовой статуи Петра, украшающей Сенатскую площадь въ Петербургѣ—тоже огромный булыжникъ (валунъ). Съ незапамятныхъ временъ онъ лежалъ близъ селенія Лахты (около Петербурга), углубившись болѣе чѣмъ на двѣ сажени въ землю. Онъ вѣсилъ около ста тысячъ пудовъ. И такихъ огромныхъ булыжниковъ не мало разбросано по лицу земли русской. Всѣ они—пришельцы съ далекихъ горъ Финляндіи и Скандинавіи,—скитальцы, не помнящіе родства. Никто изъ людей не былъ свидѣтелемъ ихъ волшебнаго путешествія, и даже въ преданіяхъ глубокой старины не осталось воспоминаній о томъ страшномъ времени, когда половина Европы мертвымъ сномъ спала, окутанная ледянымъ одѣяломъ. Но природа сумѣла записать исторію булыжника, а человекъ прочиталъ ея дивныя письма. Разсматривая булыжникъ, поднятый съ поля, вы часто замѣтите въ немъ царапины и

штрихи. Ученые дѣлали много наблюдений надъ движущимся льдомъ и замѣтили, какъ онъ переноситъ и царапаетъ каменные глыбы; они поняли, что и булыжникъ занесенъ къ намъ исчезнувшими ледяными рѣками, занесенъ съ горъ далекой Скандинавіи и Финляндіи.

ЧТО ТАКОЕ ПОЧВА И КАКЪ ОНА ПРОИЗОШЛА.

(По В. Котельникову).

О ЧВОЙ или пахатной землей, а также растительнымъ слоемъ, называютъ тотъ верхній слой земли, которой пашется при обработкѣ поля и въ которомъ полевые и луговые растенія распространяютъ свои корни. Подъ этимъ слоемъ лежитъ подпочва, называемая также мертвой землей. На пномъ полѣ подпочва совершенно похожа на почву и отличается отъ нея только цвѣтомъ: обыкновенно подпочва нѣсколько свѣтлѣе почвы. На пномъ же полѣ подпочва разнится отъ почвы: напримѣръ, подпочва глинистая, а почва песчаная, или наоборотъ.

Почвы не вездѣ одинаковы; нерѣдко на поляхъ одной и той же мѣстности можно встрѣтить разныя почвы: то песчаную, то глинистую или другія. Тѣмъ болѣе разнятся почвы отдѣльныхъ частей уѣзда, губерніи и болѣе отдаленныхъ одна отъ другой мѣстностей нашего обширнаго отечества. Всякій знаетъ, что на различныхъ поляхъ не одинаково хорошо родятся разныя растенія: картофель, напримѣръ, не такъ хорошо родится на тяжелой глинистой почвѣ, какъ на болѣе легкой песчанистой; ленъ, напротивъ, не родится хорошо на песчаной почвѣ; яровая рожь (ярица) любитъ песчанистую почву, пшеница—глинистую.

Если хорошенько присмотрѣться къ взятой щепоткѣ почвы или, какъ обыкновенно говорится, къ щепоткѣ земли, то можно замѣтить, что въ этой щепоткѣ есть и пыль (очень мелкія частицы) и болѣе крупныя кусочки—камешки, песчинки, корешки и т. п.

Если взять немного почвы, высушить ее хорошенько на печкѣ, потомъ истереть слегка и просѣять сначала черезъ рѣшето, а то, что пройдетъ черезъ рѣшето, просѣять черезъ частое сито, то можно раздѣлить почву на крупныя и мелкія части: на рѣшетѣ останутся кусочки корней, камешки и крупныя песчинки; на частомъ ситѣ останутся болѣе мелкія, но все еще довольно крупныя песчинки, камешки и корешки растеній, а просѣется черезъ сито самая тонкая пыль. Если дѣлать такое испытаніе съ разными почвами, то можно замѣтить, что однѣ почвы даютъ больше крупныхъ частицъ, другія—больше мелкихъ (мелкозема).

Еще лучше испытывать почвы такъ: взять горсть или двѣ почвы, разболтать ее хорошенько съ водою въ жидкую болтушку, въ стеклянномъ стаканѣ, помѣшивая палочкой, а затѣмъ поставить стаканъ съ болтушкой спокойно отстояться. Если смотрѣть при этомъ черезъ стѣнку стакана, то можно замѣтить слѣдующее: какъ только перестанемъ размѣшивать въ стаканѣ, тотчасъ же на дно стакана начинаютъ падать крупныя частицы—песчинки и камешки; а когда стаканъ немного постоитъ спокойно, то начнутъ осѣдать и мелкія частицы песка. затѣмъ глинистыя частицы, наконецъ самыя тонкія илистыя частицы, съ кусочками корешковъ и другихъ остатковъ растеній. Глядя съ боку стакана на осадокъ, который уляжется на днѣ, послѣ того, какъ стаканъ постоитъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ спокойно, увидимъ, что на самомъ днѣ стакана лежитъ слой камешковъ и крупныхъ песчинокъ, сѣроватаго или желтовато-краснаго цвѣта; кверху надъ этимъ слоемъ частицы мельче и мельче, и чѣмъ выше онѣ лежатъ, тѣмъ цвѣтъ ихъ темнѣе и темнѣе. Разныя почвы даютъ разной толщины нижній слой, состоящій изъ крупныхъ частицъ. Песчанистыя и, особенно, крупно-песчанистыя, даютъ наиболѣе толстый нижній слой; глинистыя и иловыя почвы, наоборотъ, даютъ нижній слой тонкій, а верхній толстый.

Эти испытанія показываютъ, что почвы состоятъ изъ частицъ, разной величины и разнаго качества: въ почвахъ есть и болѣе или менѣе крупныя камешки и песчинки, и мелкія глинистыя и песчанистыя частицы—мелкозема, а также остатки растеній и, наконецъ, поземистыя частицы или перегнойныя—сгнившіе остатки растеній.

Откуда же взялись эти камешки, песчинки, глинистыя и другія частицы почвъ; какъ образовались почвы?

Кому случалось видѣть большіе камни, каменные глыбы, иногда даже очень большой величины, поросшія мхомъ или травой и мелкимъ кустарникомъ, тотъ легко пойметъ, прочитавъ ниже слѣдующее объясненіе, какъ могли образоваться наши почвы, состоящія,—какъ

мы видѣли,—изъ мелкихъ камешковъ, мелкозема и растительныхъ остатковъ. Нужно знать, что почвы, какими мы ихъ видимъ теперь, образовались въ теченіе тысячелѣтій,—и поговорка, что «капля по каплѣ точитъ камень», — имѣетъ важный смыслъ. И въ настоящее время, въ гористыхъ каменистыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, на Уралѣ, въ Финляндіи, въ Крыму, на Кавказѣ, можно наблюдать постепенное разрушеніе каменныхъ глыбъ, образующихъ горы этихъ мѣстностей. Ученые люди дознались, что и теперешнія наши почвы также произошли изъ каменныхъ горъ, бывшихъ въ незапамятныя времена на мѣстахъ, нынѣ нами обитаемыхъ, — произошли путемъ разрушенія камней, составлявшихъ эти горы. Какъ могло это произойти, станетъ понятно изъ слѣдующаго. Хотя мы привыкли считать камни такими прочными и твердыми, что имъ ничего не можетъ сдѣлаться отъ времени, однако это не такъ. Съ теченіемъ времени камень на воздухѣ и подъ дождями можетъ разрушаться, раскалываться, рассыпаться. Если обыкновенные камни, изъ которыхъ состоятъ горы въ теченіе дня нагрѣваются солнцемъ, а въ теченіе ночи охлаждаются, то на нихъ мало-по-малу появятся трещинки; трещинки эти будутъ все увеличиваться и увеличиваться; если въ эти трещинки попадетъ дождевая вода, да замерзнетъ зимой, то трещинки еще больше увеличатся. Вотъ эти-то трещинки и составляютъ начало разрушенія камня. Кромѣ того, обыкновенные камни, послужившіе для образованія почвъ, состоятъ изъ разныхъ веществъ, изъ которыхъ нѣкоторые, хотя и съ трудомъ, но мало-по-малу растворяются въ дождевой водѣ. Вотъ эти-то растворимыя части камней вымываются дождями, а черезъ это связь между частицами камня ослабляется; этому вымыванію особенно помогаютъ трещинки въ камняхъ, о которыхъ выше сказано.

Отъ этихъ, и нѣкоторыхъ другихъ причинъ, камень можетъ настолько разрушаться, разрыхляться, хотя бы только съ поверхности, что на немъ уже есть гдѣ прикрѣпиться и расти такимъ растеніямъ, какъ мхи, лишай и проч. Иногда на такихъ камняхъ можно видѣть, вмѣстѣ со мхами и лишаями, даже травку, а то и кустикъ или деревцо. Растенія эти, во-первыхъ, своими корнями могутъ нѣсколько долбить камень, а кромѣ того, умирая и сгнивая, они оставляютъ на камнѣ поземистыя, перегнойныя частицы или вещества, которыя вмѣстѣ съ дождевой водой еще больше могутъ развѣдать камень, чѣмъ одна только дождевая вода. На мѣстѣ умершихъ растеній вырастаютъ новыя, которыя въ свою очередь умираютъ, оставляя поземь. Такъ-то мало-по-малу и накапливаются на камнѣ остатки растеній, а въ то же время и самъ камень все больше разрыхляется, разрушается сверху,

и такимъ способомъ образуется почва, въ которой уже можно найти какъ кусочки того самаго камня, изъ котораго она произошла, такъ и всѣ другія части, тоже происшедшія изъ камня, но развѣдиченныя песчинки, глинистыя, известковыя частицы, а сверхъ того и растительные остатки—перегной и проч.

Но если такъ образовалась почва, какъ выше объяснено, то подъ ея слоемъ долженъ бы лежать камень — подпочва должна бы быть каменная. Такъ дѣйствительно и есть въ странахъ гористыхъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дождевая вода не могла уносить съ каменныхъ глыбъ мелкія частицы накопляющейся почвы: въ этихъ мѣстахъ подъ почвою дѣйствительно и бываетъ камень, то-есть каменная глыбы или материкъ, изъ которыхъ произошла почва, и такая почва называется коренной почвой. Въ странахъ же низменныхъ, какъ напримѣръ въ большей части Русскаго государства, почвы лежатъ не на каменномъ материкѣ, а на измельченной землѣ—подпочвѣ, которая и сама произошла отъ разрушенія огромныхъ каменныхъ глыбъ различнаго состава.

Мы сказали, что коренныя почвы, лежащія на каменныхъ глыбахъ могли образоваться только тамъ, гдѣ дождевыя воды не могли уносить съ этихъ глыбъ частицы накопленной почвы. Если же это могло быть, то происходило вотъ что: по мѣрѣ того, какъ камень вывѣтривался, разрушался на мелкіе камешки, песчинки, глинистыя частицы и проч., — вода смывала отдѣляющіяся частицы и уносила ихъ въ долины, рѣки и въ моря. Эти частицы, когда попадали въ тихую воду, осаждались на дно и мало-по-малу образовали цѣлые слои наносовъ, иногда въ нѣсколько сажень толщины, подобно тому какъ и теперь можно замѣтить осажденіе песчаныхъ и илистыхъ наносовъ послѣ весеннихъ разливовъ рѣкъ, вблизи береговъ, въ тихихъ заводяхъ, затонахъ,—и теперь въ моряхъ происходятъ такія же осажденія. Въ глубокой же древности, моря покрывали и нынѣшнюю русскую землю и земли, на которыхъ живутъ другіе народы. Потомъ дно этихъ морей во многихъ мѣстахъ стало обнажаться—и явилась суша. Какъ только дно морей стало обсыхать и обвѣтриваться на воздухъ, такъ тотчасъ на обсохшихъ мѣстахъ начали появляться растенія, которыя, отживъ свой срокъ, умирали, сгнивали и смѣшивались съ верхнимъ слоемъ осадка, накопившагося на днѣ бывшаго моря и происшедшаго отъ разрушенія камней. Происшедшій такимъ образомъ верхній слой и сталъ почвой. Такія почвы, образовавшіяся скопленіемъ частицъ на днѣ моря, называются наносными, въ отличіе отъ коренныхъ. Почвы нашей родины большей частію наносныя. Значитъ, какъ коренныя, такъ и наносныя почвы произошли отъ разрушенія кам-

ней или горно-каменныхъ глыбъ и поэтому-то заключаютъ въ себѣ какъ кусочки камней разной величины, иногда довольно значительной, такъ и мелкія частицы — песоць, глину, известь, которыя представляютъ собою мелкоземъ почвы.

ЧЕРВЯКЪ-ПАХАРЬ.

ТО ЭТО за червякъ-пахарь? Развѣ существуютъ такіе черви? Да, существуютъ: это тотъ самый дождевой червякъ, котораго обыкновенно считаютъ презрѣнной, недостойной вниманія тварью, пригодною только для приманки рыбы на удочку. А между тѣмъ этотъ ничтожный червякъ оказывается на самомъ дѣлѣ важнымъ помощникомъ своей матери-земли.

Кто могъ бы подумать, что дождевой червякъ оказываетъ услугу растеніямъ, что онъ разрыхляетъ, вспахиваетъ и унавоживаетъ землю, — что онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ образованіи чернозема?

Посмотримъ же, какъ продѣлываетъ все это земляной червякъ. Прежде всего познакомимся съ его образомъ жизни, иначе мы не поймемъ всей сложной работы червяка-пахаря.

Дождевые черви живутъ обыкновенно во влажной землѣ, ведутъ подземное существованіе, и только ночью, или въ дождливую погоду, выползаютъ массами изъ своихъ жилищъ за добычею. На пищу они не разборчивы: ѣдятъ и сухіе, и сгнившіе листья, а также съ наименьшимъ удовольствіемъ питаются и разными животными остатками. Впрочемъ, нѣкоторое предпочтеніе дождевые черви отдаютъ сгнившимъ растительнымъ остаткамъ, и если не находятъ ихъ на поверхности земли, то сами готовятъ себѣ пищу, унося въ свою нору сухіе или свѣжіе листья, траву и т. п. Нерѣдко черви уносятъ въ свои норки и другіе предметы: перья, полоски бумаги, маленькіе камешки, — словомъ, всякую всячину. Въ этой работѣ они обнаруживаютъ замѣчательную сообразительность: дождевой червякъ никогда не хватается предметъ безразлично съ той или другой стороны, — онъ беретъ его всегда съ того конца, съ котораго предметъ можетъ легче войти въ отверстіе норки. Напримѣръ, если листъ растенія у вершины острѣе, нежели у основанія, — червякъ тащитъ его

за вершину; если же основаніе острѣе—тащить за основаніе. Можно замѣнить листья растенія маленькими трехугольными отрѣзками бумаги, и результаты получатся тѣ же самые. Червякъ почти никогда не ошибается, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ несомнѣнно требуется немалая сообразительность, чтобы узнать, въ какомъ положеніи предметъ всего легче можетъ войти въ отверстіе норки. Вотъ, хотя бы, на примѣръ, съ иглами (хвоей) сосны, которыя, какъ извѣстно, всегда соединены попарно — подъ острымъ угломъ, виллообразно. Очевидно, что такая «вилочка» легче пройдетъ въ узкое отверстіе своимъ основаніемъ, чѣмъ развилкомъ; оказывается, что дождевой червякъ хорошо это понимаетъ и всегда именно такъ и протаскиваетъ ее въ свою норку.

Судите сами, поэтому, насколько справедливо общераспространенное мнѣніе о ничтожествѣ дождевого червя. Такая «ничтожная тварь» — и вдругъ обнаруживаетъ такую сообразительность!

Но, быть можетъ, вы еще больше убѣдитесь въ его сообразительности, если узнаете съ какою цѣлью дождевые червяки уносятъ въ свои норки различные не съѣдобные предметы, какъ на примѣръ, камешки и прочее. Они дѣлаютъ это для того, чтобы закрыть входъ въ свое жилище. Также и листья втаскиваются червями въ норки не только для ѣды, но и для того, чтобы плотнѣе задѣлать наружное отверстіе и тѣмъ защитить свое жилище отъ внѣшняго холоднаго воздуха. Вообще, дождевые черви весьма чувствительны къ холоду и всячески стараются защититься отъ него. Они плотно выстилаютъ внутреннія стѣнки подземныхъ ходовъ своего жилища съ тѣмъ, чтобы предохранить себя отъ прикосновенія съ холодною почвою. Зимой же, укрываясь отъ сильнаго холода, или въ знойное лѣто — отъ чрезмѣрной засухи, черви не только уходятъ въ самую глубину своего жилища, но и тщательно забиваютъ всѣ ходы мелкими камешками.

Заботясь о себѣ, стараясь, по мѣрѣ силъ, измѣнить окружающую среду согласно требованіямъ своего существованія, дождевые черви измѣняютъ ее, вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ другомъ отношеніи. Здѣсь прежде всего необходимо обратить вниманіе на тотъ замѣчательный способъ, который употребляется ими для того, чтобы проникнуть въ почву. Если почва мягкая, они пробуравливаютъ ее своимъ переднимъ (головнымъ) концомъ, быстро вращая его, на манеръ сверла. Если же почва твердая, то они поступаютъ совсѣмъ иначе, а именно — начинаютъ глотать землю и, по мѣрѣ того какъ ее глотаютъ, проникаютъ въ почву; при этомъ, поглощаемыя частицы земли постепенно протискиваются по всему кишечному каналу червя и высту-

падаютъ съ противоположнаго конца его тѣла, въ формѣ шнуровидныхъ, землистыхъ образованій. Такъ именно образуются тѣ многочисленные округлыя черныя землистыя кучечки, которыя часто можно видѣть по утрамъ, послѣ сырой ночи, на крѣпко-утоптаныхъ садовыхъ дорожкахъ.

Этимъ способомъ дождевые черви могутъ проникнуть въ почву на значительную глубину, хотя они, конечно, при этомъ подвигаются впередъ весьма медленно. Вы поймете, конечно, что съ каждымъ подобнымъ передвиженіемъ дождевыхъ червей въ глубь почвы, поглощенные землистыя частицы перемѣщаются въ обратномъ направленіи, то есть снизу вверхъ. Мало того, проходя чрезъ кишечный каналъ дождевыхъ червей, земля перетирается, дробится, размельчается, и извергаясь въ такомъ видѣ наружу, пріобрѣтаетъ всѣ свойства хорошо взрыхленной, пахатной земли. Если вы возьмете теперь въ расчетъ громадное повсемѣстное распространеніе дождевыхъ червей и примите во вниманіе, что всѣ они изо дня въ день безустанно, дружно работаютъ, прокладывая себѣ подземные ходы, то поймете, какое огромное количество земли проходитъ чрезъ тѣло этихъ «ничтожныхъ созданій» и извергается ими на поверхность. Достаточно немногихъ лѣтъ, чтобы весь верхній слой пахатной земли оказался прошедшимъ чрезъ тѣло дождевыхъ червей.

Такимъ-то вотъ манеромъ пахарь-червякъ изъ года въ годъ обрабатываетъ почву, выворачивая, подобно плугу, нижніе слои ея наверхъ, гдѣ они размываются дождями и легко уносятся водою, съ болѣе возвышенныхъ мѣстностей въ болѣе низменные. Здѣсь, эти изверженія червей осѣдаютъ и кладутъ начало образованію новыхъ наслоеній чернозема. Такимъ образомъ, поверхность почвы низкой мѣстности все болѣе и болѣе покрывается новымъ нарастающимъ пластомъ, который, въ концѣ-концовъ, можетъ совершенно измѣнить видъ страны. Различные предметы, даже развалины древнихъ построекъ, раньше находившіяся на поверхности земли, будутъ покрыты, погребены, постепенно возрастающими наслоеніями землистыхъ изверженій червей. И дѣйствительно, многія доисторическія древности, различные остатки средневѣковыхъ построекъ, нерѣдко находятъ погребенными подъ землистыми изверженіями червей. Эти памятники древности, если бы они оставались открытыми на поверхности земли, легко могли бы разрушиться, вслѣдствіе вывѣтриванія, дѣйствія дождевой воды и другихъ случайностей. Но они сохранились, благодаря тому, что были покрыты изверженіями червей. Вы видите, что въ этомъ случаѣ дождевой червякъ, эта «ничтожная тварь», является хранителемъ и оберегателемъ древнѣйшихъ памят-

никовъ человѣка. Кто знаетъ, сколько бы погибло безслѣдно произведеній древняго искусства, еслибы не услуга дождевыхъ червяковъ.

Такова замѣчательная дѣятельность червяка-пахаря по части переконки земли, ея переработки и перемѣщенія ея частицъ изъ нижнихъ слоевъ почвы на поверхность. Благодаря этой дѣятельности, верхніе слои земли никогда не застаиваются, а напротивъ, безпрерывно обновляются, безпрерывно вспахиваются, что приноситъ большую пользу растеніямъ: нижніе слои земли становятся доступными дѣйствию воздуха; рыхлая земля легко пропитывается водою и вбираетъ въ себя газы, необходимые для питанія растеній; корни въ обработанной червями почвѣ развиваются гораздо лучше, а сѣмена находятъ въ ней наиболѣе выгодныя условія для прорастанія.

Но и это еще не все: дождевые черви не только вспахиваютъ почву, но и удабриваютъ ее: они уносятъ въ свои подземные ходы кусочки костей погибшихъ животныхъ, твердыя части насекомыхъ, опавшіе листья, вѣтки и т. п. Всѣ эти вещества въ землѣ перегниваютъ и доставляютъ растеніямъ прекрасный пищевой матерьялъ, вмѣсто того, чтобы бесполезно оставаться на поверхности земли.

Итакъ, вы поймете теперь, что хотя плугъ составляетъ древнѣйшее и драгоцѣннѣйшее изобрѣтеніе человѣка, однако, много ранѣе такого изобрѣтенія, земля регулярно вспахивалась и продолжаетъ вспахиваться и понынѣ — червякомъ-пахаремъ. Вотъ вамъ живой примѣръ того, какое глубокое вліяніе, какія глубокія измѣненія можетъ произвести во внѣшнемъ мірѣ «ничтожная тварь!» Вы видите, что эта тварь не ничтожная; вы видите, что она играетъ громадную роль въ исторіи земли.

Эльте (Л. Поповъ).

ГРАЧЪ.

ОСТОМЪ съ ворону, только покоренастѣе, грачъ еще издали отличается отъ нея своимъ сплошь чернымъ цвѣтомъ; вблизи же, черныя перья грача играютъ очень красивымъ темно-фіолетовымъ отливомъ. Но самымъ замѣтнымъ и характернымъ отличіемъ взрослого грача отъ остальныхъ членовъ «черной семьи» является его, — какъ обыкновенно говорятъ, — бѣлый «носъ». Въ сущности же у грача бѣль вовсе не носъ (или, правильнѣе, клювъ), а кожа, покрывающая переднюю часть головы этой птицы; самый же клювъ грача такой же черный, какъ и у прочихъ его черныхъ родственниковъ¹⁾). Не слѣдуетъ, однако, думать, что грачъ появляется уже на свѣтъ «бѣлоносымъ»: у молодого грача передняя часть головы покрыта черными перышками, такъ что бѣлаго мѣста совсѣмъ не видать; только современемъ, отъ частаго всовыванія клюва глубоко въ землю, въ поискахъ за разными червями, перышки эти стираются и обнажается бѣловатая кожа, которая затѣмъ и остается таковою уже навсегда.

Водится грачъ по всей Россіи—отъ крайняго сѣвера до крайняго юга. Повсюду, гдѣ только водятся эти птицы, онѣ держатся тѣсно сплотившись въ стаи, иногда очень большія; стаями же онѣ и гнѣздятся, образуя такъ называемыя грачиныя колоніи или грачевники. Вотъ почему грачей можно встрѣтить не во всякой мѣстности, и не вездѣ грачъ является обыкновенной птицей: гдѣ есть грачиная колонія, тамъ, на нѣсколько верстъ въ округѣ, безпрестанно, весной и лѣтомъ, попадаютъ на глаза эти птицы; въ другихъ же мѣстностяхъ—одного и того же, напримѣръ, уѣзда, гдѣ нѣтъ грачевниковъ, тамъ и грачей лѣтомъ почти не видно, а только весной и осенью, во время большихъ перелетовъ этихъ птицъ.

Въ одномъ грачевникѣ можно насчитать иногда до нѣсколькихъ сотъ гнѣздъ, помѣщающихся такъ близко одно отъ другого, что нерѣдко на одномъ деревѣ ихъ находится до двадцати штукъ, и даже болѣе. Любимыми мѣстами грачиныхъ колоній являются небольшія

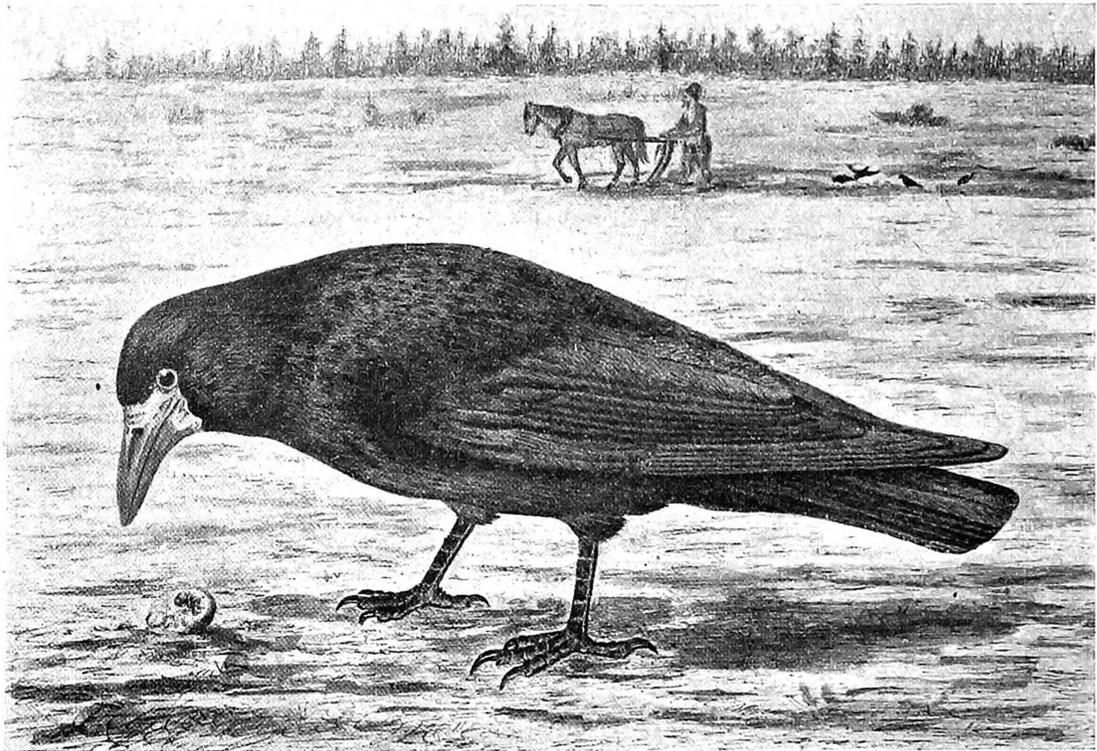
¹⁾ Воронъ, ворона, галка и сорока.

рощи, съ высокими, старыми деревьями, или вообще какія бы то ни было группы старыхъ деревьевъ, окруженныя пахатыми полями, лугами и огородами. Разъ облюбовавъ себѣ мѣсто для гнѣздовья, стая грачей изъ года въ годъ прилетаетъ на него гнѣздиться, и выжить ее съ такого насиженнаго мѣста очень и очень трудно.

Почти повсюду въ Россіи грачъ является птицей перелетной, то есть улетающей на зиму на югъ, а весной снова возвращающейся обратно. Исключеніе составляютъ только нѣкоторыя мѣстности южной Россіи, въ которыхъ грачъ находитъ для себя подходящія условія къ существованію и въ зимнее время. Очень далеко на югъ эти птицы не забираются во время перелетовъ. Такъ, сѣверные грачи останавливаются въ небольшомъ числѣ на зимовку нерѣдко уже въ Кіевской и другихъ южныхъ губерніяхъ; тамошніе же, мѣстные, грачи въ то же время отодвигаются дальше на югъ. Даже изъ Крыма, въ суровыя зимы, эти птицы отлетаютъ къ югу.

Возвращаются къ намъ грачи, можно сказать, съ первымъ дыханіемъ весны. Грачъ—самая первая наша весенняя, прилетная птица. Въ средней Россіи эти птицы появляются обыкновенно къ 4-му марта—дню св. Герасима, прозваннаго поэтому Грачевникомъ: «Герасимъ-Грачевникъ грачей пригналъ»,—говоритъ русскій народъ. Почти тотчасъ же по прилетѣ начинается починка старыхъ гнѣздъ и постройка новыхъ, причемъ никогда дѣло не обходится безъ ссоры: въ одномъ мѣстѣ парочка грачей захватила чужое гнѣздо и храбро защищается отъ нападеній прежнихъ его владѣльцевъ; въ другомъ—у зазѣвавшихся строителей въ нѣсколько минутъ растаскали по прутку совсѣмъ было уже готовое гнѣздо, къ великой досадѣ и огорченію поздно это замѣтившихъ хозяевъ; въ третьемъ—нѣсколько паръ грачей оспариваютъ другъ у друга хорошенъкое мѣстечко для новаго гнѣзда, и проч., и проч., въ такомъ родѣ. Разумѣется, всѣ эти споры и ссоры сопровождаются крикомъ, шумомъ и гамомъ, съ самаго ранняго утра до поздняго вечера. Нѣсколько только успокоивается грачиная колонія лишь къ серединѣ апрѣля, когда въ гнѣзда уже положено по 4—5 яицъ, и грачихи садятся на высиживаніе. По вылупленіи изъ яицъ птенцовъ, на грачевникѣ снова поднимается шумъ-гамъ, еще болѣе сильный, чѣмъ прежде, потому что молодые грачата желаютъ кушать и выражаютъ это свое желаніе весьма разнообразнымъ, но далеко не музыкальнымъ крикомъ. (Старый грачъ кричитъ «каррь!», а также «крга!», или «грра!», откуда и произошло звукоподражательное названіе грачъ. Карканье или, вѣрнѣе, граканье грача звучитъ гораздо короче, басоватѣе и спокойнѣе, чѣмъ у вороны, которая при карканьи всегда надсѣдается и повторяетъ его торопливо по нѣсколькx разъ кряду).

Но вылетѣ молодыхъ грачатъ изъ гнѣзда, вся колонія отира-
вается ежегодно, съ самаго ранняго утра, на окрестныя поля, гдѣ
и проводитъ весь день; при этомъ, въ сообществѣ грачей часто можно
встрѣтить галокъ, скворцовъ и, рѣже, воронъ. Осенью грачи сби-
ваются въ громадныя стаи и отлетаютъ,—какъ было уже сказано,—на
югъ. Чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ многочисленнѣе становятся стаи,
вслѣдствіе примыканія одной стаи къ другой. (Охотясь, однажды, въ
октабрѣ мѣсяцѣ въ Царствѣ Польскомъ, мнѣ привелось быть сви-

Г р а ч ъ .

дѣтелемъ пролета настолько громадной стаи грачей, что въ то время,
какъ начало стаи почти уже скрывалось за горизонтомъ, конецъ ея
только что еще показывался съ противоположной стороны небосклона;
при этомъ птицы летѣли весьма густо, такъ что казалось, будто че-
резъ все небо была перекинута узкой полосой черная сѣтка, дви-
гавшаяся съ сѣвера на югъ).

Грачъ, подобно всѣмъ прочимъ членамъ «черной семьи», питается
всякаго рода пищей, но только онъ гораздо менѣе склоненъ къ пищѣ
мясной, чѣмъ прочіе его родственники вороньяго рода. На падаля
онъ идетъ только лишь въ крайнемъ случаѣ. Особенно, повидимому,
лакомъ грачъ на молоденькіе всходы и ростки разныхъ хлѣбныхъ и
бобовыхъ растений. Любитъ онъ также лакомиться и молодыми стручъ-
ями полевого гороха, причемъ, впрочемъ, придерживается больше

кораниъ поля, не забираясь далеко въ середину. Также и сочные фрукты не совсѣмъ застрахованы отъ грача. Во всѣхъ этихъ случаяхъ грачъ приноситъ намъ нѣкоторый вредъ, и сельскіе хозяева имѣютъ основаніе быть въ претензіи на эту птицу и поставить ей кое-что въ вину. Также и гриздышко съ птенцами, подобно прочимъ своимъ родственникамъ, пожалуй, не прочь онъ иногда разорить, въ особенности если оно ему подвернется, такъ сказать, на голодный зубокъ.

Но все это, и многое другое, въ чемъ еще можетъ быть повиненъ передъ нами грачъ, можетъ и должно быть ему прощено за другія его, и очень важныя, заслуги, и именно: бродя весну, все лѣто и большую часть осени многочисленными стаями по полямъ и лугамъ, грачъ уничтожаетъ несмѣтное количество разной мелкой твари, и въ томъ числѣ множество вредной, каковы, напримѣръ, улитки, разные черви, жуки, гусеницы, личинки и куколки насѣкомыхъ, мыши и т. п. Множество всякихъ червей и личинокъ поѣдаетъ онъ, бродя стаями за плугомъ пахаря и подбирая этихъ тварей, вывороченныхъ плугомъ или сохой на свѣтъ Божій, вмѣстѣ съ глыбами земли. Въ особенности много попадаетъ ему здѣсь на зубокъ столь вредныхъ для всякаго растенія, жирныхъ, бѣлыхъ личинокъ майскаго жука. Также и самихъ майскихъ жуковъ (хрущей) уничтожаетъ грачъ во множествѣ, открывъ ихъ гдѣ-нибудь на деревьяхъ, гдѣ они занимались поѣданіемъ листы. Спустившись на такія деревья, стая грачей оберетъ съ нихъ жуковъ до послѣдняго. При этомъ птицы раздѣляютъ между собою работу такимъ образомъ, что, въ то время, какъ одна часть стаи работаетъ наверху, на вѣткахъ деревьевъ, другая уничтожаетъ жуковъ внизу, подбирая съ земли то, что падаетъ на нее сверху, отъ сотрясенія птицами вѣтвей. Мы уже видѣли, что у грача образуется «бѣлый носъ» отъ частаго ковырянія въ землѣ, въ поискахъ за червями. Онъ совываетъ свой клювъ очень глубоко въ землю и подолгу иногда въ ней копается, выслѣживая какого-нибудь червя въ его подземномъ ходѣ. Это обстоятельство, подмѣченное нашимъ крестьяниномъ, подало поводъ къ тому, что крестьяне говорятъ, будто на пашнѣ «грачъ на носъ садится...» И тѣмъ значительнѣе польза, приносимая грачемъ, какъ сельскому, такъ и лѣсному хозяину, что эта птица дѣйствуетъ всегда скопомъ—большимъ числомъ, сотенными и даже тысячными стаями. Мнѣ случилось видѣть, въ подмосковныхъ краяхъ, такія несмѣтныя стаи грачей (вмѣстѣ съ воронами и галками) на свѣже-вспаханныхъ поляхъ, что буквально, какъ говорится, камню негдѣ было упасть; и эти птицы часами оставались тамъ на одномъ мѣстѣ. Можно себѣ пред-

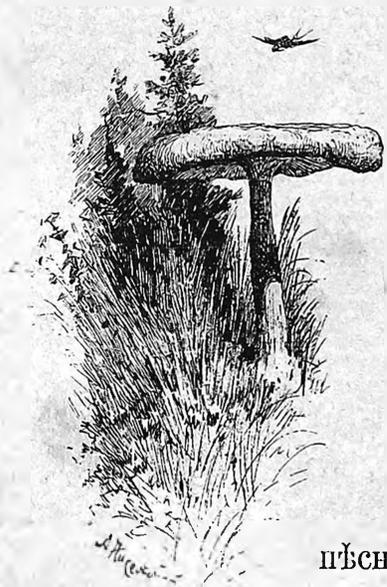
ставить, какую «очистку» производили онѣ на пашнѣ; да и пометъ ихъ тутъ же оставался, а вѣдь это стоитъ хорошаго навоза! Такимъ образомъ, въ концѣ-концовъ, грачь хотя и причиняетъ намъ нѣкоторый вредъ, но пользы приноситъ несравненно больше, чѣмъ вреда, а потому и долженъ быть причтенъ, какъ птица полезная, къ числу нашихъ друзей, а не враговъ.

Д. Кайгородовъ.

ПОЛЕВОЙ ЖАВОРОНОКЪ.

На солнцѣ темный лѣсъ зардѣлъ,
Въ долини паръ бѣдетъ тонкій
И пѣсню раннюю запѣлъ
Въ лазури жаворонокъ звонкій.
Онъ голосисто, съ вышины,
Поетъ, на солнышкѣ сверкая:
«Весна идетъ къ намъ молодая!
«Я здѣсь пою приходъ весны.
«Здѣсь такъ легко мнѣ, такъ радушно,
«Такъ безпредѣльно, такъ воздушно,
«Весь Божій миръ здѣсь вижу я
«И славить Бога пѣснь моя!»

В. Жуковский.

КАКЪ ПЕРЕВОДИТЬ поэтъ на понятную для насъ рѣчь серебристо-переливчатую пѣсню воздушнаго пѣвца полей.

«Я здѣсь пою приходъ весны»...

какъ это прекрасно и вѣрно сказано! Дѣйствительно, это она — «могущественная волшебница» вложила въ крошечную душу пернатого пѣвца свѣтлые звуки прекрасной пѣсни и выслала его впередъ возвѣстить о своемъ приближеніи... Всѣмъ эта пѣснь радостна; всѣмъ мила пѣсня жаворонка; всѣ любятъ этого пернатого вѣстника, — любятъ, нерѣдко, даже не зная его, а лишь по наслышкѣ... А между тѣмъ съ нимъ такъ не трудно познакомиться. Стоитъ только выйти, въ весеннее утро, или въ тихій весенній вечеръ на поле, и немножко прислушаться: со всѣхъ сторонъ станутъ долетать до слуха переливчатая пѣсни воздушныхъ пѣвцовъ — жаворонковъ. Одни кончаютъ, другіе

начинаютъ. Иногда кажется, словно весь воздухъ поетъ—такъ наполняютъ его своими пѣснями десятки одновременно поющихъ жаворонковъ. Всмотритесь попристальнѣе въ вышину, по направлению къ ближайшей пѣснѣ, и вы навѣрное вскорѣ откроете, какъ бы висящую въ воздухѣ и слегка колеблющуюся, темную точку. Идѣйте вѣсколькото терпѣнія и послѣдите за этой точкой: черезъ нѣсколько минутъ она начнетъ медленно опускаться. Пѣсня слышится все яснѣе и громче—единственная въ своемъ родѣ пѣсня: свѣтлая, серебристая, непрерывно переливающаяся на всевозможные лады, поющая безъ передышки и остановки въ теченіе многихъ и многихъ минутъ кряду. Видимо, пѣвецъ самъ безгранично наслаждается своей пѣсней и словно не можетъ съ нею разстаться... Но, наконецъ, нужно же маленькому существу перевести духъ и дать нѣкоторый отдыхъ крылышкамъ; и вотъ, пѣсня сразу обрывается, крылышки складываются, и птичка словно камень падаетъ, слегка въ косомъ направленіи, на землю. Въ послѣдній моментъ паденія, крылышки снова раскрываются, дѣлаютъ нѣсколько взмаховъ и, пропорхнувъ нѣкоторое разстояніе надъ самой поверхностью земли, жаворонокъ садится на землю, нерѣдко всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ, или отъ того мѣста, съ котораго онъ незадолго передъ тѣмъ поднялся, съ пѣсней, на воздухъ. Такимъ образомъ и разсмотрѣть вблизи жаворонка также не трудно. Это небольшая, но и не очень маленькая птичка (по крупнѣе воробья) съ весьма скромной окраской. Въ общемъ, съ нѣкотораго разстоянія, она представляется буровато-сѣрой, съ небольшой пестриной. На ножкахъ у жаворонка, на заднемъ пальцѣ, ноготь вытянутъ въ длинный, острый, почти прямой, шпорецъ, а не согнутъ крючкомъ, какъ у многихъ другихъ птицъ. На переднихъ пальцахъ ногти очень короткіе и слабо согнутые. Благодаря такому устройству ногтей, жаворонку очень удобно бѣгать по землѣ, но зато неудобно садиться на деревья, такъ какъ трудно держаться на вѣткѣ. Вотъ почему вы никогда не увидите жаворонка сидящимъ на деревѣ.

Отъ самага крайняго сѣвера до Крыма и Кавказа, вездѣ, гдѣ только есть равнины съ обработанными полями, водится и полевой жаворонокъ.

Едва природа начнетъ пробуждаться изъ своего зимняго оцѣпенія, едва зачернѣютъ на поляхъ первыя проталинки—начинается и прилетъ жаворонковъ, проводившихъ зиму въ болѣе гостепріимныхъ южныхъ странахъ. Съ пѣснями возвращаются птички на свою родину и спускаются на проталины, гдѣ находятъ для себя кормъ—зерна и сѣмена разныхъ прошлогоднихъ травъ.

Весело встречать весной первых жаворонков. Выйдешь утром на поле, остановишься и превратишься весь в слух — не донесется ли откуда-нибудь трель долгожданого, дорогого гостя... Вдали, надь многолюдным городом, стоит гулъ оть тысячъ экипажныхъ колесъ. Отъ времени до времени слышатся далекіе свистки желѣзной дороги... На ближнемъ огороѣ галдитъ немилосердно стая воробьевъ... «Крукъ, крукъ» — медленно протянула надъ головой пара вороновъ, слегка свистя крыльями. На вершинѣ молодой березки, при дорогѣ, потихоньку налаживаетъ свою короткую пѣсенку желтоголовая овсяночка...

На нѣсколько секундъ водворяется тишина, и только вѣтерокъ шумитъ по ушамъ. Поворачиваешься къ нему бокомъ — такъ меньше шумитъ... Чу! никакъ тамъ, вдали... словно будто съ того края поля донесся отрывокъ трели... Такъ сердце и ёкнуло! Устремляешь въ ту сторону весь свой слухъ...

Полевой жаворонокъ.

«Гал-ка, гал-ка, карръ, карръ...» — цѣлая стая воронья съ шумомъ проносится надъ головой... Слава Богу, пролетѣла... и въ наступившей снова тишинѣ теперь уже ясно слышится приближающаяся пѣсня: «тирлирлирлирлююю-тирлирлирлююю» — разливается по влажному весеннему воздуху широкая пѣсня, и въ то же самое время вдругъ надъ самой головой зазвучала другая такая же пѣсня — громкая, свѣжая, серебряная... И рука невольно поднимается къ шляпѣ, глаза любовно слѣдятъ за плавно пролетающимъ вверху пѣвцомъ, а губы сами собою нашептываютъ привѣтствіе: «здравствуй, милая, хорошая, долгожданая птичка!»...

И какъ вдругъ все переменялось вокругъ! Словно стали это и не тѣ поля, и не тѣ деревья, и не тотъ воздухъ: словно все это было нѣсколько минутъ тому назадъ мертво, безжизненно, а теперь

вдругъ ожило, одухотворилось. Быль будень и вдругъ сталъ праздникъ. На душѣ просвѣтлѣло, на сердцѣ повеселѣло, и бодро спѣшишь домой, — легко несутъ ноги, — спѣшишь подѣлиться съ близкими сердцу радостною вѣстью: «жаворонки прилетѣли!»...

Да, много прекрасныхъ минутъ дарить природа тому, кто подходитъ къ ней съ открытымъ сердцемъ и раскрытыми глазами и ушами...

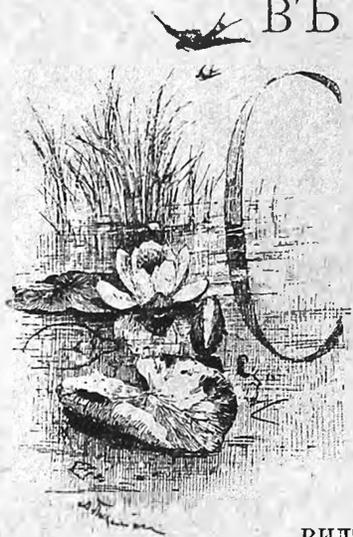
Вскорѣ по прилетѣ, соединившись въ парочки, жаворонки приступаютъ къ гнѣздованью. Гнѣздо устраивается обыкновенно на землѣ (въ бороздахъ, между кочками, въ травѣ) изъ соломинокъ, тонкихъ корешковъ, сухой травы, и выстилается внутри лошадиными волосами. Птенчики выкармливаются насѣкомыми; они скоро подрастаютъ и оставляютъ гнѣздо раньше, чѣмъ выучатся летать, — какъ только окрѣпнутъ на ногахъ. Во все время вывода птенцовъ, жаворонокъ-самецъ прилежно поетъ, при чемъ весною и въ началѣ лѣта пѣсни его раздаются почти весь день, отъ зари и до зари, впоследствии же онъ поетъ преимущественно по утрамъ и вечерамъ. Съ Петрова дня пѣніе жаворонка начинаетъ замѣтно ослабѣвать, а около половины іюля и вовсе прекращается. Впрочемъ, въ тихіе, ясные и теплые дни первыхъ чиселъ сентября—въ такъ называемое «бабье лѣто»—когда наступаетъ пора отлета на югъ, нерѣдко снова можно услышать поющего надъ полемъ жаворонка. Но эти осеннія прощальныя пѣсни уже далеко не то, что весеннія!

Отлетъ жаворонокъ идетъ весьма медленно. Онъ длится обыкновенно почти весь сентябрь и значительную часть октября. Эти птицы не забираются слишкомъ далеко на югъ: конечными пунктами зимняго странствованія нашихъ жаворонокъ служатъ южныя окраины Европы. За море они не улетаютъ.

Весной, осенью и зимой жаворонокъ кормится различными мучнистыми сѣменами, преимущественно отъ разныхъ сорныхъ травъ (маслянистыя сѣмена, какъ на примѣръ, конопляное и льняное, беретъ неохотно); лѣтомъ же пищу его составляютъ различныя насѣкомыя (преимущественно гусеницы и личинки), такъ какъ сѣмянъ, въ это время года не достать: прошлогоднія прикончились, а свѣжія еще не созрѣли.

Несмотря на многочисленныхъ враговъ (кошки, лисицы, ласки, хищныя птицы и друг.), численность жаворонокъ, въ противоположность многимъ другимъ птицамъ, съ годами не уменьшается, а увеличивается, такъ какъ съ каждымъ годомъ увеличивается площадь воздѣлываемыхъ полей, составляющихъ мѣсто обитанія этихъ птицъ. И этому, конечно, можно только радоваться, такъ какъ, помимо до-

ВЪ КОЛОСИСТОЙ РЖИ.

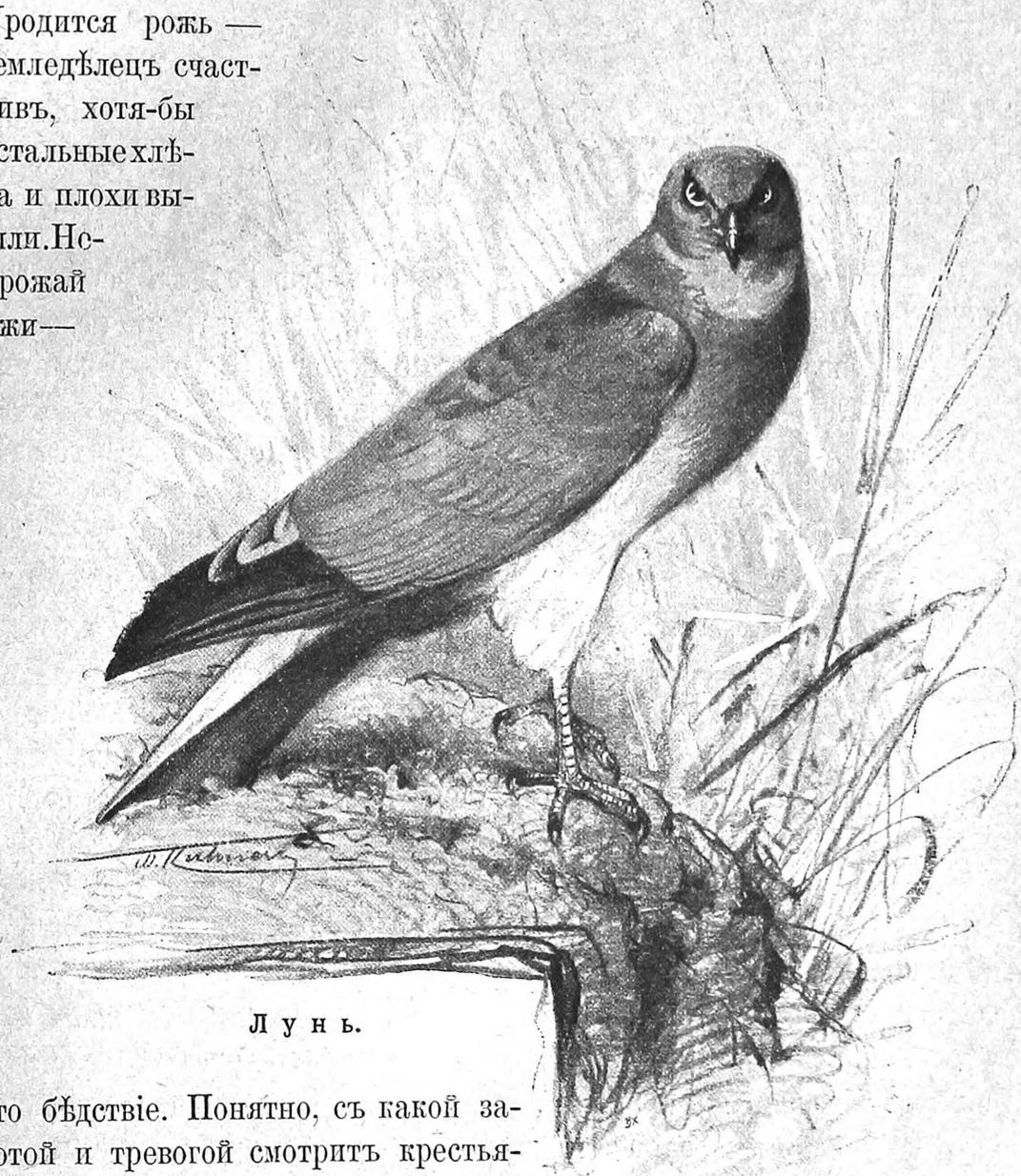

ЖАЛИ рожь. Сложили снопы: то какъ полѣнницу дровъ — скирдами, то круглыми снопами, то крестами. Въ каждой мѣстности складываютъ хлѣбъ на свой ладъ. Иной разъ нужно ему доспѣть — ну, и кладутъ такъ, чтобы колосъ былъ наружу. Большею же частію прячутъ колосъ внутрь, чтобы предохранить его отъ дождя. Но какъ-бы ни была сложена рожь, а жнитва страшно измѣняетъ

видъ поля и его животный міръ. Нѣсколько дней назадъ, тишина царствовала въ полѣ: шумѣли только колосья, волновалась поверхность спѣлой ржи, словно море, отъ каждаго вѣтерка. Въ этомъ шопотѣ колосьевъ, въ этомъ движеніи волнъ на поверхности поля было что-то усыпляющее, наводящее дремоту. Лишь не многія птички нарушали эту тишину. Взовьется жаворонокъ, выпорхнетъ перепелъ и опять нырнуть въ волны хлѣбнаго моря. Даже ласточки, и тѣ рѣдко носятся надъ спѣлымъ колосомъ. Только одинъ неизмѣнный смотритель поля, сѣдой лунь, плаваетъ въ воздухѣ надъ самой поверхностью ржи, осматривая тщательно каждый загонъ, каждую десятину. И невольно подумаешь: эхъ, какая пустота въ полѣ! то-ли дѣло въ лѣсу! Сколько тамъ жизни, какой шумъ, сколько различныхъ животныхъ; а здѣсь—тишь и больше ничего. Жатва какъ-будто оживляетъ поле. Лишь только сожнутъ хлѣбъ—тишина нарушается сразу: много птицъ слетается сюда изъ сосѣднихъ лѣсовъ и селеній; однѣ копы хлѣба чернѣютъ отъ галокъ, на другихъ сидятъ парами и стайками голуби. Тутъ увидишь и уличнаго голубя, и лѣснаго клинтуха, и крупнаго бѣлокрылаго витютеня, и воркотунью горлицу; всѣ они прилетѣли пирь пировать, готовый хлѣбъ воровать. Снуютъ по жнивѣ и порхаютъ надъ нею жаворонки; даже ворона, и та явилась попробовать свѣжей ржи. И этотъ пиръ идетъ цѣлый день, да еще ночи прихватитъ; улетятъ вечеромъ галки, голуби, вороны, а на мѣсто ихъ явятся другіе ворішки. Съ наступленіемъ сумерокъ слышится въ воздухѣ свистъ, и какія-то темныя фигуры быстро несутся стаями въ поле. Это дикія утки летятъ на кормежку, на жнивье.

Плакать-бы надо земледѣльцу отъ этихъ воровъ; но, странное дѣло, и не слыхалъ я, чтобъ жаловались на нихъ. А вѣдь рожь — насущный хлѣбъ русскаго народа, черный ржаной хлѣбъ — стародавняя, коренная пища настоящаго русака; ни мясо, ни рыба, хлѣбъ не замѣнять этой привычной русакъ не можетъ обойтись. Поэтому ржаное поле занимаетъ самое видное мѣсто въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ.

Уродится рожь — земледѣлецъ счастливъ, хотя-бы остальные хлѣба и плохи вышли. Неурожай ржи —

Л у н ь.

это бѣдствіе. Понятно, съ какой заботой и тревогой смотритъ крестьянинъ на ржаное поле, какъ зорко слѣдитъ онъ за всѣмъ, что можетъ повредить ржи. Почему-же онъ такъ равнодушно смотритъ на галокъ, голубей и другихъ грабителей, которые усѣяли ржаныя копны? Потому, что это — не воры, а просто гости, гуляки, отъ которыхъ и вреда-то нѣтъ. Клюютъ они больше оставшіяся на землѣ зерна, ко-

торья, стало быть, человѣку не впрокъ. Правда, поточать они и колосья въ снопахъ, но много ли? Сущіе пустяки!

Есть враги поля болѣе важные, безусловно вредные, такіе, что съ ними и сладу нѣтъ. Сотни, тысячи десятинъ ржи и другихъ хлѣбовъ пстребляютъ они въ нѣсколько дней, разрушая всѣ надежды хлѣбопашца. Это—не голуби, не галки; это—ничтожныя по величинѣ, незамѣтные глазу, но страшные бичи хлѣбопашества. Цѣлыя мѣстности опустошаютъ они, а борьба съ ними человѣка до сихъ поръ безуспѣшна. Причина этого безсилія кроется отчасти въ незнаніи враговъ.

Давайте, прослѣдимъ жизнь ржаного поля и присмотримся къ его обитателямъ.

Какъ-разъ около 1-го августа, на всей Руси сѣютъ рожь. Это время коренного сѣва. Черными, сѣрыми, желтоватыми полосами выдаются среди другихъ хлѣбовъ озимые посѣвы. Ничего-то на нихъ нѣтъ: ни звѣрка, ни жучка, ни птички, ни бабочки.

Пройдетъ нѣсколько дней, и какъ щеткой зеленой покроются эти черныя пашни. То вышла молодая озимь.

Время идетъ, покосили яровые хлѣба, подергали горохъ, наметали по загонамъ цѣлые ометы гречи. Осень идетъ своимъ чередомъ. Все блекнетъ, желтѣетъ, закраснѣлись листья на осинахъ, а озимь, наперекоръ осени, все зеленѣетъ да зеленѣетъ.

Вотъ и на озимяхъ появились живыя существа: пролетное стадо дикихъ гусей соблазнилось ихъ зеленью; опустились гуси на озимь и щиплютъ ее съ удовольствіемъ. Да и не одни гуси. Вонъ, посмотрите, цѣлая стайка, штукъ въ 300, красивыхъ птицъ, также опустилась на озимь и съ веселымъ крикомъ принялась щипать ее. Это—ржанки или сивки, или такъ называемыя, озимыя куры,—птицы изъ куличьяго рода. Живутъ онѣ на дальнемъ сѣверѣ и гнѣздятся на холодныхъ тундрахъ. Теперь, отъ голода и холода, пустились онѣ въ дальній путь, въ южныя страны. Не даромъ русскій человѣкъ назвалъ ихъ озимыми курами и ржанками. Во время перелета, онѣ долго гостятъ въ средней и южной Россіи, кормясь на озимяхъ. Сивками-же ихъ назвали потому, что верхняя сторона ихъ—сиваго цвѣта, съ черными и золотистыми пятнышками. Съ каждымъ днемъ гостей на озимяхъ прибываетъ. Сюда слетаются покормиться дрофы, стрепеты, казарки и другія птицы.

Но что-же это такое? Вдругъ озимые всходы начали желтѣть, словно варомъ ихъ обварило; и странно, одинъ кустикъ пожелтѣетъ,

а сосѣдніе попережнему зелены. Если хотите узнать причину, выкопайте осторожно пожелтѣвшій кустикъ съ корнями. Еще осторожноѣ, надъ тарелкой, отряхните землю съ корней. Смотрите: червячокъ уцѣпился крѣпко за корень. Это личинка жука — одинъ изъ страшнѣйшихъ враговъ ржи. Онъ истребляетъ осенью цѣлые загоны ржи.

Осенніе утренники дѣлаются все сильнѣе и сильнѣе. На озимь начинаютъ выгонять гусей и домашнюю скотину, овецъ, коровъ, лошадей. Корни озимей настолько укрѣплены морозомъ, что не выдернуть ихъ скотинѣ, а зеленая озимь составляетъ превосходный кормъ.

Наступила зима, покрыла поля снѣгомъ, улетѣли сивки, дрофы, стрепеты; перестали гонять скотъ въ поля.

Не думаете ли вы, что теперь опустѣло озимое поле? Посмотримъ. Съ вечера шелъ снѣжокъ до самой полуночи; по утру образовалось то, что называютъ охотники — *пороша*. Глазамъ больно отъ ослѣпительной бѣлизны снѣга. Но что-же это за пятна на немъ? Озимое поле словно узоромъ покрыто; кой-гдѣ снѣжокъ разрытъ до зеленыхъ озимей, до самой земли. Разсмотримъ эти узоры. Одни пятна имѣютъ форму лапокъ птицъ, другіе — лапокъ звѣрей. Пойдемте по какому-нибудь слѣду. Вотъ здѣсь ходилъ заяцъ-русакъ; онъ не зря забрелъ сюда. Побродивъ по озими, оглядѣвшись кругомъ въ темнотѣ ночи, онъ разгребъ снѣжокъ и поѣлъ озимей, поѣлъ въ одномъ, въ другомъ, въ третьемъ мѣстѣ, наѣлся досыта и отправился спать въ какое-нибудь укромное мѣсто.

Проснулись по утру куропаточки, ночевавшія въ уремѣ рѣки, отряхнулись, переключнулись и полетѣли дружной стайкой на озимое поле, именно на тѣ мѣста, гдѣ разрытъ снѣгъ русакомъ. Такъ очень часто одно животное помогаетъ кормиться другому. Безъ помощи русака не разрытъ-бы куропаткамъ снѣжокъ, не наѣсться-бы сладкихъ озимей. Поэтому знайте, что гдѣ зимой есть русаки, тамъ могутъ быть и куропатки, а гдѣ есть куропатки, тамъ навѣрное есть русакъ.

Но не одни русаки и куропатки посѣщаютъ озимое поле зимой. Подъ снѣжнымъ покровомъ прокопаютъ галлерей различныя полевки и мыши, которыя тоже кормятся озимью.

Наступитъ весна. Еще не успѣетъ зазеленѣть озимь молодыми всходами, какъ на нее явятся снова гости: тѣ-же ржанки, жаворонки, чибисы, грачи, чайки, словомъ, все, что ббольшей частію кормится не самой озимью, а личинками насѣкомыхъ, которыя выползаютъ погрѣться на солнышкѣ.

Въ началѣ мая, ржаное поле населяется прилетѣвшими перепелками. Пѣніе жаворонковъ, крики перепеловъ придаютъ особую пре-

лесть этому зеленому ковру. Вотъ явились смотрители поля — сивые лунц, полезнѣйшія изъ хищныхъ птицъ, которыя водятся у насъ. Цѣлый день лунц занятъ тѣмъ, что летаетъ надъ хлѣбами, отыскивая мышей и полевокъ, и истребляетъ ихъ въ страшномъ количествѣ. А это очень важно. Не будь луней, полевки и мыши поѣдали-бы весь хлѣбъ дочиستا и земледѣліе было-бы невозможно. Приютившись зимой въ озимяхъ, полевки и мыши, съ наступленіемъ весны, устраниваютъ себѣ здѣсь гнѣзда и мечутъ въ нихъ дѣтенышей. Мечутъ ихъ не разъ, а пять, шесть разъ въ теченіе лѣта. Мышиное населеніе умножается въ страшныхъ размѣрахъ и если-бы не лунц, въ полѣ не осталось-бы ни одного колоса. Но справедливость требуетъ сказать, что и кромѣ луней у насъ много друзей, которые занимаются истребленіемъ мышей. Къ сожалѣнію, мы также зовемъ ихъ врагами и истребляемъ при всякомъ удобномъ случаѣ.

Все лѣто, дни и ночи, особенно ночи, рыщетъ по хлѣбамъ ласочка, отыскивая свою любимую пищу — мышей и полевокъ. Тихо крадется по бороздамъ, обнюхивая кругомъ. Толстая полевка, сытая, отѣвѣвшая на даровомъ хлѣбѣ, вышла изъ норки съ цѣлымъ десяткомъ своихъ дѣтенышей, наѣлась и улеглась подъ листочкомъ понѣжиться на солнышкѣ. Откуда ни возьмись, ласочка скакнула и ухватила за шиворотъ воровку.

Кромѣ ласочки, въ колосистой ржи хозяйничаютъ горностай, хорекъ, куторы или землеройки. Частенько встрѣтишь тамъ и колючаго ежа. Порой заглянетъ сюда, и даже нерѣдко, кумушка-лисица. Угрюмому волку тоже хорошо во ржи. Здѣсь онъ прячется отъ человѣка, отсюда ему удобно высматривать стадо и подстергать, когда уснетъ безпечный пастухъ съ его лѣнливыми собаками. Въ колосистую рожь тащатъ волки овцу, добытую въ этомъ стадѣ. Вотъ сколько хищниковъ насчитали мы во ржи. Но не всѣ они таскаютъ овецъ, не всѣмъ служатъ приманкой мыши. Очевидно, тутъ есть еще не одна лакомая добыча. Да, въ колосистой ржи живутъ и плодятся русаки. Здѣсь выкапываютъ свои норы хомяки, овражки или суслики. Здѣсь гнѣздятся перепелы, жаворонки, коростели, иногда сѣрыя куропатки и дупеля. Высокая, густая рожь — это, въ своемъ родѣ, лѣсъ. Здѣсь живутъ птицы и звѣри, но не для того, чтобы наѣсться: многіе изъ нихъ и въ ротъ не возьмутъ ржаного зернышка; имъ нуженъ приютъ для отдыха; имъ во ржи удобно подкарауливать свою добычу.

Трудно слѣдить за жизнью обитателей ржаного поля. Для этого надо большое терпѣніе. Иной разъ спрячешься въ рожь, просидишь неподвижно часа два, три — и ничего не увидишь. Зато порой на-

ткнешься на такія сцены изъ жизни животныхъ, о какихъ не писано ни въ одной книгѣ.

Солнце давно уже сѣло, потухаетъ короткая лѣтняя зорька, какія-то тѣни рѣютъ надъ полемъ. Это совы и полуночники (козодои) вылетѣли на добычу. Полуночники явились изъ лѣсу поохотиться за хрущами и другими жуками, которые летаютъ надъ полемъ. Болотная сова прилетѣла смѣнить луня, уставшаго отъ дневной работы. Она цѣлую ночь будетъ ловить мышей и полевокъ, пока не проснется господинъ луня. Трудна ихъ работа. Мыши и полевки увертливы: надо много ловкости, чтобы словить ихъ въ высокой ржи. Цѣлый день дремлетъ русакъ гдѣ-нибудь на межѣ, подъ кусточкомъ, наконецъ, приподнялся со своего логовища, потянулся, почистилъ мордочку, всталъ на дыбки, повелъ длинными ушами, послушалъ и отправился въ рожь поужинать.

Гдѣ зайцевъ много, тамъ они протопчутъ дорожки въ полѣ, проходя каждый день на знакомыя мѣста покормиться. Но и тутъ отъ бѣды не спасешься: порой наткнется на такую дорожку кума-лисынька, понюхаетъ заячьи слѣдочки, прогуляется по дорожкѣ, подумаетъ, сообразитъ, да и заляжетъ въ сторонкѣ. Вотъ идетъ жирный русакъ, то одинъ колосъ погложетъ, то другой; выждетъ его лисынька, бросится однимъ скачкомъ, придушитъ и поужинаетъ.

Но всего не перескажешь, что дѣлается во ржи. Надо самому видѣть, и не только этихъ крупныхъ звѣрей, но и птичекъ. Одни изъ нихъ—наши друзья, другіе—враги, но враги не страшные. Во ржи живетъ множество такихъ мелкихъ существъ, которыя страшнѣе всякихъ полевокъ, сусликовъ и хомяковъ. Надъ ними-то и надо наблюдать намъ, чтобы охранить сколько-нибудь поле.

Но, повторяю, ихъ такъ много, что нельзя и перечислить.

Когда весной рожь выгоняетъ колѣнчатый стебель, надъ полемъ снуютъ въ безчисленномъ количествѣ крошечныя мушки, которыхъ почему-то называютъ гессенскими. Быстрокрылыя ласточки, въ это время взапуски носятся надъ хлѣбами, ловя гессенскихъ мухъ. Эти мушки наносятъ страшный вредъ ржи. Сами онѣ не ѣдятъ хлѣба.

Жуки-кузьки, на хлѣбныхъ колосьяхъ.

но проколютъ молодой стебель около сустава и положить туда яичекъ. Изъ каждаго яичка выйдетъ червячокъ, который начнетъ сосать сладкій сокъ, заключающійся въ стеблѣ, отчего тотъ сохнетъ и умираетъ. Когда начнетъ наливаться зерно, на ржаныхъ колосьяхъ появляется во множествѣ маленькій, красивый жучокъ, котораго прозвали на югѣ Россіи кузькой. Онъ любитъ вкусный сокъ молодого зерна и кушаетъ его до отвалу, а потомъ спустится на землю и положить туда свои яички, изъ которыхъ выведутся прожорливыя гусеницы. Вотъ два страшнѣйшіе врага ржи. Съ ними уже не первый годъ воюютъ, особенно на югѣ Россіи, земледѣльцы, но безуспѣшно, потому что жизнь ихъ до сихъ поръ мало извѣстна, а не зная врага, трудно бороться съ нимъ. Перечислять другихъ насѣкомыхъ, обитающихъ въ полѣ, мы теперь не будемъ; замѣтимъ только, что и стебель и колосъ, и листья—все служитъ пищей различнымъ насѣкомымъ и ихъ гусеницамъ, и если бы ихъ никто не трогалъ, то, конечно, отъ хлѣбнаго поля ничего бы не осталось въ теченіе лѣта. Однако, хлѣба спѣютъ, ихъ жнутъ и вымолачиваютъ массу зерна, стало быть, кромѣ человѣка, есть у поля и другіе друзья, которые берегутъ его. А такихъ друзей не мало. Насѣкомоядные звѣрки, куторы, ежи, кроты, летучія мыши, насѣкомоядныя птицы, жабы, множество насѣкомоядныхъ насѣкомыхъ—вотъ эти друзья, которыхъ мы и знать не хотимъ, тогда какъ они-то и спасаютъ наши посѣвы отъ истребленія ихъ кузьками, гессенскими мухами и тому подобными ворishками.

Буду доволенъ, если вы, прочитавъ эти строки, убѣдитесь, что въ колосистой ржи идетъ живая кипучая дѣятельность, частію на пользу, частію во вредъ человѣку,—если убѣдитесь, что въ русскомъ полѣ найдется много интереснаго для наблюдателя, и если сознаете, что этими наблюденіями можно принести пользу земледѣльцу, а слѣдовательно, и самому себѣ, потому что каждый изъ насъ ѣстъ черный ржаной хлѣбъ.

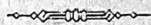
М. Богдановъ.

НИВА.

По нивѣ прохожу я узкою межей,
 Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.
 Куда ни оглянусь—повсюду рожь густая!
 Иду—съ трудомъ ее руками разбирая.

Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной,
И колютъ мнѣ лицо... Иду я, наклоняясь,
Какъ будто бы отъ пчель тревожныхъ отбиваясь,
Когда, перескочивъ чрезъ пвовый плетень,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.
О, Божья благодать!.. о, какъ прилечь отрадно
Въ тѣни высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полныя, колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой...

А. Майковъ.

ВАСИЛЕКЪ.

На нивѣ рожь колыхается
Юльскимъ вѣтеркомъ,
И тихій шопотъ слышится
Колосевъ съ василькомъ...

ЭКАЯ тропинка во ржи—не правда ли, вѣдь это прелесть?!.. Я въ дѣтствѣ страстно любилъ такія тропинки: идешь бывало, а рожь, выше твоей головы, съ обѣихъ сторонъ тебѣ кланяется и лазоревые васильки ласково улыбаются, къ себѣ манятъ... Сорвешь одинъ, другой, третій—около тропинки,—четвертый, пятый, шестой заманили уже въ самую рожь, которая такъ и подмываетъ прилечь. Ляжешь—и встать не хочется... Въ тѣни колосевъ прохладно, шелестъ ихъ навѣваетъ грезы. глаза ласкаетъ небесная лазурь...

Вдругъ, крикнетъ чуть не подъ ухомъ перепелъ, такъ что даже вздрогнешь. Затѣмъ, начинаешь пристально всматриваться въ ту сторону, откуда донесся звукъ, стараясь отыскать глазами пестраго крикуна. Но, конечно, напрасно: быстроногая чуткая птица успѣла замѣтить непрошеннаго гостя и выкрикиваетъ свое «пигъ-подать» уже за нѣсколько десятковъ шаговъ...

Опять все тихо... только шелестятъ наливающимися колосья, да съ лазурной высоты доносится серебристая, въ душу западающая трель жаворонка...

Хорошо, чудо какъ хорошо!..

Вдругъ мимо прошмыгнулъ мышенокъ... Вскочишь какъ угорѣлый, а потомъ и совѣстно станеть: какого, подумаешь, звѣря испугался!

Однако, мышенокъ явился очень кстати: изъ сырой лощины потянуло холодкомъ. Солнышко собирается на покой. Незамѣтно пролетѣло время... Наберешь поскорѣе побольше васильковъ, да и пустишься бѣгомъ домой, усыпая оброненными цвѣтками милую тропинку во ржи...

Съ тѣхъ поръ прошло много, много лѣтъ...

Передо мной стоитъ букетъ первыхъ васильковъ. Онъ вызвалъ въ моей душѣ дорогія воспоминанія... Я съ наслажденіемъ вдыхаю свѣжій, слегка миндальный запахъ лазоревыхъ цвѣтовъ и не могу на нихъ налюбоваться!

Теперь они привлекаютъ меня еще болѣе, чѣмъ въ дѣтствѣ. Ребенкомъ я любовался красивымъ, ласкающимъ глаза цвѣткомъ, теперь же, любуясь попрежнему общимъ видомъ василька, я, кромѣ того, восхищаюсь и всѣми его прелестными подробностями. Прежде, держа василекъ въ рукахъ, я видѣлъ въ немъ, конечно, одинъ только цвѣтокъ, теперь же я вижу въ одномъ цвѣткѣ василька цѣлый букетъ прелестныхъ цвѣточковъ, собранныхъ въ изящномъ портъ-букетикѣ...

Но, прежде чѣмъ читать дальше, прошу васъ, читатель, раздобыть себѣ нѣсколько васильковъ (ихъ можно найти цвѣтущими съ половины іюня почти до конца августа,—даже послѣ того, какъ рожь уже убрана, — по межамъ и канавкамъ); захватите также лупу или увеличительное стекло, и давайте любоваться вмѣстѣ. [На случай невозможности достать цвѣтущій василекъ, прилагаю при семъ рисунокъ, который, конечно, далеко не въ состояніи замѣнить живого цвѣтка].

Посмотрите, что за прелесть эти небесно-голубыя зубчатаяя вороночки, составляющія главную, бросающуюся въ глаза красоту василька! Какъ красиво вырѣзаны ихъ зубчики, какъ изящны ихъ мелкія складочки и какъ мило смотрятъ эти вороночки во всѣ стороны, образуя изъ себя маленькій восхитительный вѣночекъ! Каждая такая зубчатая вороночка есть отдѣльный цвѣточекъ, въ чемъ вы легко убѣдитесь, осторожно расщипавъ одинъ василекъ. На узкомъ нижнемъ концѣ такого воронкообразнаго цвѣточка вы найдете не вполнѣ развитую завязь (безъ сѣмяннаго яичка, окруженную довольно длин-

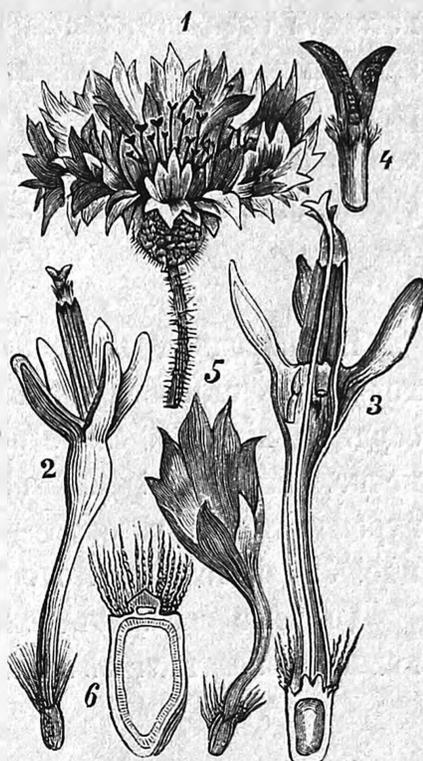
ными серебристо-шелковистыми волосками—такъ называемымъ хохолкомъ. У этихъ краевыхъ воронкообразныхъ цвѣточковъ василька нѣтъ органовъ размноженія; вы не найдете въ нихъ ни пестика, ни тычинокъ, почему они и неспособны приносить сѣмена. Это—цвѣты безплодные, пустоцвѣты, служащіе лишь какъ украшеніе, для приманки насѣкомыхъ.

Теперь, направьте увеличительное стекло на середину василька, и, я увѣренъ, вы долго будете любоваться...

Не правда ли, какъ хорошо? Какъ ни красивы краевыя зубчатая вороночки, но эти срединные цвѣточки еще красивѣе.

Отдѣлите осторожно, булавкой или иголкой, одинъ такой срединный цвѣточекъ, наколите его на остріе булавки, и поворачивая во всѣ стороны, рассмотрите хорошенько. Вы здѣсь увидите довольно длинную серебристую трубочку, на нижнемъ концѣ которой находится желтоватая завязь, увѣнчанная хохолкомъ изъ серебристо-шелковистыхъ волосковъ. Верхній конецъ трубочки переходитъ въ красивое граненое вздутіе, блѣдно-фіолетоваго цвѣта, раздѣляющееся по верхнему краю на 5 узенькихъ и довольно длинныхъ лепестковъ, при основаніи—фіолетовыхъ, а на концахъ—ярко-голубыхъ, съ постепеннымъ переходомъ отъ фіолетоваго цвѣта къ голубому. Эта трубочка со вздутіемъ и лепестками составляетъ вѣнчикъ срединнаго цвѣточка василька. Внутри этого трубочкообразнаго вѣнчика находится нѣжный фіолетовый пестикъ. Верхняя его часть, крючкомъ выдвигающаяся изъ середины вѣнчика, плотно охвачена темно-фіолетовой трубочкой сросшихся между собою пяти тычинокъ. На концѣ пестика, у вполне распустившагося цвѣточка, ясно видно двураздѣльное рыльце.

Такихъ срединныхъ плодоносныхъ цвѣточковъ почти вдвое больше, чѣмъ безплодныхъ краевыхъ, хотя они, въ совокупности, занимаютъ гораздо меньше мѣста въ сложномъ цвѣткѣ василька, чѣмъ голубыя вороночки.

Василекъ.

- 1.—Сложный цвѣтокъ василька; 2.—срединный (трубчатый) цвѣточекъ; 3.—онъ же въ разрѣзѣ; 4.—увеличенное рыльце трубчататаго цвѣточка; 5.—краевой (воронкообразный) цвѣточекъ; 6.—сѣмя съ хохолкомъ, въ разрѣзѣ. (2—6 увеличены).

Всѣ эти отдѣльные цвѣточки, бесплодные и плодоносные, составляющіе въ своей совокупности одинъ такъ называемый цвѣтокъ василька, собраны въ одномъ общемъ портъ-букетикѣ, или,—какъ говорятъ ботаники,—образуютъ соцвѣтіе, заключенное въ одной общей обверткѣ.

Разсмотрите также въ увеличительное стекло и этотъ портъ-букетикъ. Онъ тоже красивъ. Лучше всего, если вы возьмете для этого только-что начинающій распускаться бутонъ василька, изъ вершинки котораго едва показалась голубенькая точка. Такой бутончикъ съ зелеными чешуйчатыми листочками обвертокъ, отороченными серебристо-бурой бахромой и къ вершинкѣ бутона принимающими фіолетовую окраску, чрезвычайно изященъ и напоминаетъ своимъ видомъ крошечный ананасикъ или артишокъ.

Въ народной медицинѣ васильковая вода употребляется для примочки отъ слабости глазъ. Отваръ изъ васильковъ пьютъ также отъ сердцебіенія. Но, самое обширное употребленіе васильковъ это, конечно, на вѣнки! Свѣжій вѣнокъ изъ васильковъ на красивой бѣлокурой дѣтской головкѣ — можетъ ли быть что-нибудь восхитительнѣе! Жаль только, что онъ такъ скоро увядаетъ...

Голубые васильки, голубые глазки ребенка, голубое небо — ими можно любоваться вѣчно...

У нашего василька имѣется очень обширная родня, въ числѣ которой есть не мало очень извѣстныхъ и даже знаменитыхъ растений: извѣстный подсолнечникъ, родомъ изъ жаркихъ странъ Америки; ромашка — извѣстное лѣкарственное растеніе; извѣстный ранневесенній желтый цвѣтокъ—мать-и-мачиха; еще болѣе извѣстный желтый одуванчикъ, съ отцвѣтшихъ головокъ котораго такъ весело одувать пушистыя сѣмена; салатъ, листья котораго употребляются въ пищу; цикорій съ голубыми цвѣтами, жженые корни котораго подмѣшиваютъ въ кофе; артишокъ, цвѣточные бутоны котораго употребляются въ пищу; колючій чертополохъ, георгины, астры, маргаритки, ноготки, бархатцы, скабіозы и многіе другіе цвѣты нашихъ полей, садовъ и цвѣтниковъ — всѣ они имѣютъ, какъ и василекъ, цвѣты сложные, состоящіе изъ многихъ мелкихъ цвѣточковъ, собранныхъ въ одной общей обверткѣ; всѣ они являются членами обширной и важной для человѣка семьи сложноцвѣтныхъ растений.

Д. Кайгородовъ.

Отцвѣтаетъ сирень у меня подѣ окномъ
 Осыпаются кисти душистыя..!
 Ужъ пахнуло, повѣяло лѣтнимъ тепломъ,
 Гуще зелень березъ, солнце знойнымъ лучомъ
 Золотитъ ихъ стволы серебристыя.

Скоро лѣто придетъ и опять уберетъ
 Васильками всю ниву зеленую;
 Скоро жимолость въ нашемъ саду зацвѣтетъ
 И опять незабудками сплошь зарастетъ
 Мшистый берегъ надъ рѣчкой студеною...

К. Р.

ГОЛОСЪ ПРИРОДЫ.

Что за раздолье широкое лѣтомъ!
 Все, что таилось невѣдомо гдѣ,
 Вызвано къ солнцу живительнымъ свѣтомъ.
 Радость, движенье и звуки вездѣ.
 Сколько и жизнью и пѣсень родится:
 Всякая мошка — туда-же поѣтъ;
 Всякій червякъ незамѣтный — и тотъ
 День весь хлопочетъ: ползетъ, шевелится.
 Глазь не охватитъ широкихъ равнинъ,
 Гдѣ золотой наливается колосъ;
 Звонкій кузнечикъ, земли гражданинъ,
 Тоже имѣетъ свободный тамъ голосъ.
 Пѣснями полонъ нескошенный лугъ,
 Роца поѣтъ, наклоняся гибко,
 Вѣтви о чемъ-то зашепчутся вдругъ...
 Тамъ на водѣ расширяется кругъ —
 Весело плещется рѣзвая рыбка.
 Слышите? Скачетъ лѣсной водопадъ;
 Ласточки съ радостнымъ крикомъ несутся;
 Ржанье коня и бляеніе стадъ
 Вечеромъ въ звучной дали раздаются.
 Всѣ голоса точно слплись въ одинъ;
 Радостный міръ такъ глубоко спокоенъ,
 И отъ земли до небесныхъ вершинъ,
 Словно волшебная арфа настроенъ...

А. Н. Яхонтовъ.

СКРОМНЫЕ БЛАГОДѢТЕЛИ.

СЕЛЬСКИХЪ ЖИТЕЛЕЙ большая суета; у деревенскихъ ребятишекъ большой праздникъ: наступилъ сѣнокосъ. Травка приспѣла, подошли Петровки. Старики и старухи, молодцы и молодухи, парни и красныя дѣвицы, мальчуганы и дѣвчата, всѣ, со своими Гнѣдками, Сивками, Рыжками, Буланками, а также съ непремѣнными и неизбѣжными Жучками, Валетками и Барбосками, — всѣ и вся валомъ вывалили на покосъ. Длинные шеренги косцовъ въ цвѣтныхъ ситцевыхъ рубахахъ; равномерныя взвизги десятковъ косъ, подкашивающихъ сочную траву; жесткіе отрывистые звуки точильнаго бруска о лезвіе косы; веселыя пѣсни бабъ, ворошачихъ граблями сѣно, скрипъ телѣгъ, подъ тяжестью наваленнаго на нихъ свѣжаго сѣна; фырганье Гнѣдокъ и Буланокъ; визгъ и звонкій смѣхъ ребятишекъ, барахтающихся въ копнахъ сѣна, или потѣшающихся, какъ

«...Жучка удалая
Въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ,
То взлетая, то ныряя,
Скачетъ, лая впопыхахъ...»

А среди всего этого и надъ всѣмъ этимъ — аромать, и аромать сладкій душистый, единственный въ своемъ родѣ, всѣмъ милый — аромать свѣжаго, недавно скошеннаго сѣна.

Пойдемте и мы съ вами, читатель, на покосъ, гдѣ складываютъ свои буйныя головушки тысячи луговыхъ пестрыхъ цвѣточковъ, гдѣ склоняются къ матери-землѣ подрѣзанныя острой косою «травки-муравки шелковья». Пойдемте туда, гдѣ ряды скошенной травы пролежали уже нѣсколько времени на солнцѣ и начали вянуть...

Вотъ мы и у цѣли. Присядемте на кочку — тутъ такъ чудесно пахнетъ душистымъ свѣжимъ сѣномъ — и возьмемъ нѣсколько горстей накошенной травы: которая горсть окажется наиболѣе душистой, положимъ ее къ себѣ на колѣни, а остальные бросимъ назадъ, въ

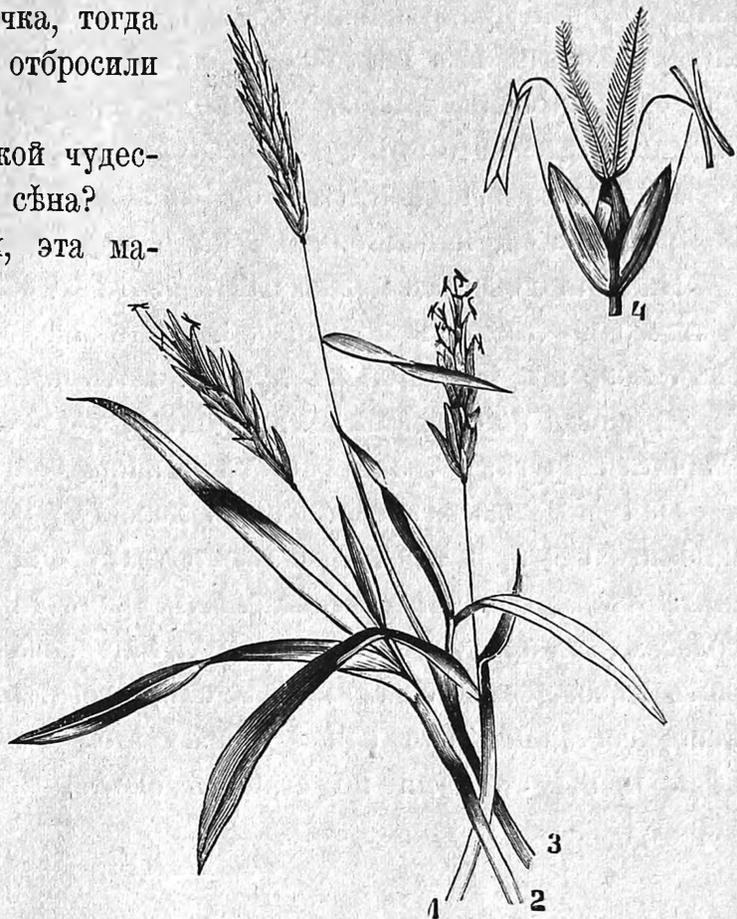
ряды. Теперь, давайте разбирать лежащую у нас на колѣнях траву, — травку за травкой. Все, что не похоже на приложенный здѣсь рисунокъ, берите-вы, а что похоже на него — буду брать я и откладывать въ сторону, въ одно мѣсто...

Ну, вотъ мы и разобрались. Понюхайте теперь сначала вашъ пучокъ, а потомъ мой... Что же это вы такъ долго не можете оторваться отъ моего пучка, тогда какъ свой давно уже отбросили въ сторону?..

Не правда ли, какой чудесный аромат свѣжаго сѣна?

Да, это она самая, эта маленькая, неказистая травка, виновница душистости сѣна, — душистости, веселящей сердце стариковъ и молодыхъ въ пору сѣнокоса. Это — она, скромная травка — пахучій колосокъ (или благовонная трава), не обращающая на себя вниманія при жизни и всѣхъ привлекающая къ себѣ послѣ своей смерти. Пока эта травка живетъ, она не издаетъ никакого запаха, становится же душистою лишь съ той минуты, когда начинаетъ вянуть.

Всмотритесь въ нее хорошенько: она едва достигаетъ одного фута высоты, имѣетъ длинные узенькіе листья, а на концѣ своего стебелька — маленькій колосокъ, похожій на миниатюрный колосъ ржи. Присмотрѣвшись внимательно къ пахучему колоску, выбранному изъ накошеннаго сѣна, попробуйте затѣмъ разыскать его на лугу, среди нескошенной еще травы. Разъ вы научитесь распознавать его среди разныхъ другихъ травъ, образующихъ зеленый коверъ нашихъ луговъ — знаніе это будетъ доставлять вамъ большое удовольствіе: за-

Пахучій колосокъ.

1 и 2.—верхушки стебельковъ съ цвѣтущими колосками; 3.—отцвѣтшій колосокъ; 4.—отдѣльный цвѣтокъ изъ колоска (увеличено).

хотите вы, гуляя, надушить носовой платокъ — сорвите нѣсколько стебельковъ пахучаго колоска и суньте въ карманъ: черезъ 15—20 минутъ платокъ вашъ будетъ пропитанъ такими духами, какихъ вы не найдете ни въ одномъ парфюмерномъ магазинѣ.

Цвѣтетъ пахучій колосокъ въ маѣ мѣсяцѣ. Въ это время изъ колосковъ этой травы выдвигаются во всѣ стороны продолговатые пыльники, которые прикрѣплены серединкой къ тоненькимъ нитямъ. Пыльники выходятъ изъ цвѣточковъ вмѣстѣ съ длинными рыльцами плодничковъ, имѣющими видъ узенькихъ серебристыхъ перышковъ. Изъ каждаго отдѣльнаго цвѣточка, совокупность которыхъ составляетъ цвѣточный колосокъ, выдвигаются по два такихъ рыльца и по двѣ тычинки съ пыльниками, наполненными плодотворной пылью.

Пахучій колосокъ можно найти почти на всякомъ хорошемъ лугу, а также на лѣсныхъ полянахъ и прогалинахъ. Онъ только не любитъ мокрыхъ, болотистыхъ луговъ. Вотъ почему сѣно съ такихъ луговъ никогда не бываетъ такъ душисто, какъ съ луговъ, на которыхъ въ числѣ другихъ травъ растетъ и наша благовонная трава.

Пахучій колосокъ составляетъ хорошую кормовую траву для домашняго скота, и тамъ, гдѣ сѣютъ траву для сѣна, нерѣдко подмѣшиваютъ къ сѣменамъ высѣваемыхъ травъ также и сѣмена пахучаго колоска (ихъ продаютъ въ сѣмянныхъ магазинахъ). Впрочемъ,—по словамъ нѣкоторыхъ сельскихъ хозяевъ,—рогатый скотъ неохотно ѣстъ сѣно, состоящее изъ одной только этой травы. Да и не мудрено: вѣдь и мы съ вами не станемъ охотно ѣсть чистую ваниль или корицу!

Пахучій колосокъ,—какъ было уже сказано,—принадлежитъ къ семейству злаковъ. Это—одно изъ обширнѣйшихъ, распространеннѣйшихъ и полезнѣйшихъ для человѣка семействъ Зеленаго Царства. Хотя злаки произрастаютъ почти на всемъ земномъ шарѣ, но наибольшаго распространенія они достигаютъ въ странахъ съ умѣреннымъ климатомъ. Это, главнымъ образомъ, они образуютъ зеленый коверъ, которымъ покрыты наши луга, съ ранней весны до поздней осени, и доставляютъ намъ наибольшую часть того громаднаго количества сѣна, которымъ кормится домашній скотъ. Уже принимая во вниманіе одно это послѣднее обстоятельство, т.-е. кормовое значеніе злаковъ для нашего скота, справедливо было бы назвать ихъ нашими «скромными благодѣтелями»: скромными потому, что они не бросаются въ глаза, не кричатъ о себѣ красотой своихъ цвѣтовъ (да многіе ли и знаютъ, что у злаковъ тоже есть цвѣты?), а благодѣ-

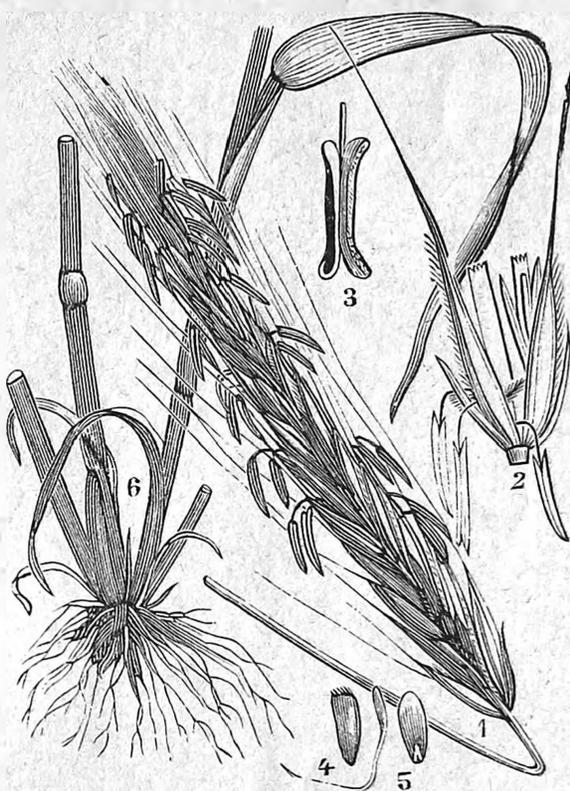
телями потому, что они даютъ здоровый и сытный кормъ нашему домашнему скоту, о необходимости котораго для людей, конечно, нѣтъ надобности здѣсь распространяться. А что злаки по всей справедливости могутъ быть названы «благодѣтелями»—съ этимъ вы тотчасъ же со мною согласитесь, если я скажу вамъ, что рожь, пшеница, ячмень, овесъ, просо, рисъ и кукуруза, составляющіе главную пищу, по крайней мѣрѣ, трехъ четвертей всего населенія земного шара—также злаки.

Рожь воздѣлывается людьми уже съ очень давнихъ временъ. Родиной ея считаютъ юго-востокъ Европы и сосѣднія съ нимъ страны Азіи, хотя досихъ поръ кажется еще не удалось найти дикой ржи.

Воздѣлывается рожь двоякаго рода: озимая, которую сѣютъ осенью (цвѣтетъ въ началѣ лѣта), и яровая, которую сѣютъ ранней весной (цвѣтетъ въ серединѣ лѣта). Озимая рожь вырѣвается раньше, чѣмъ яровая. Ее воздѣлываютъ преимущественно въ сѣверныхъ странахъ, короткое лѣто которыхъ не доставляетъ достаточнаго количества теплоты, необходимой для вырѣванія яровой ржи.

Кромѣ всѣмъ извѣстнаго чернаго хлѣба, рожь доставляетъ еще прекрасную солому, столь необходимую для нашего хозяйства. Много ржаного зерна идетъ также на винокуренные заводы, для приготовленія изъ него хлѣбнаго вина. Кромѣ громаднаго потребленія ржаного зерна внутри Россіи, его вывозятъ отъ насъ ежегодно въ большомъ количествѣ за границу.

Попадающіеся на колосьяхъ ржи извѣстные черные «рожки» (спорынья) представляютъ болѣзненное явленіе, вызываемое однимъ крошечнымъ грибомъ, который очень ядовитъ. Смолотые вмѣстѣ съ зернами, рожки придаютъ ржаной мукѣ спневатую окраску и сооб-

Р о ж ь.

1.—цвѣтушій колосъ; 2.—отдѣльный колосокъ (въ цвѣту); 3.—пыльникъ; 4 и 5.—зерно; 6.—стебель.

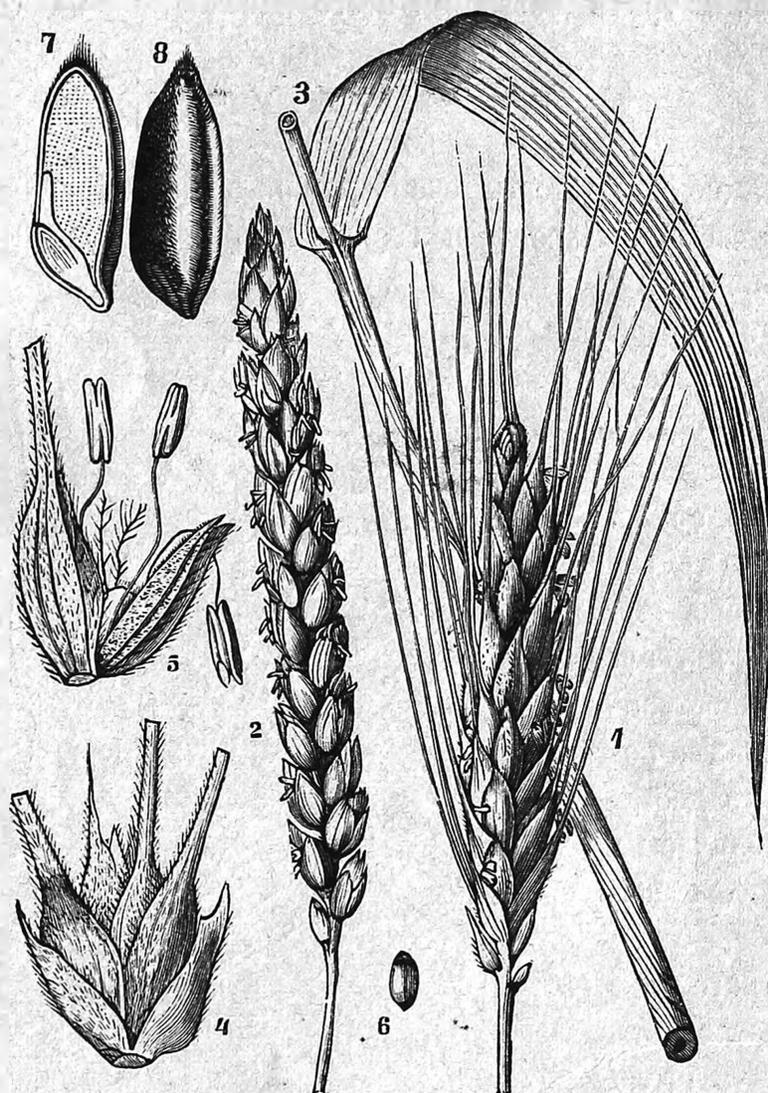
щаютъ ей ядовитыя свойства. Продолжительное употребленіе ржаного хлѣба, содержащаго значительную примѣсь рожковъ, вызываетъ у людей болѣзненные припадки, которые нерѣдко оканчиваются смертью. У больного обнаруживается ломота и судорожное подергиваніе пальцевъ на рукахъ и ногахъ, головная боль, шумъ въ ушахъ, потеря аппетита, и пострадавшій умираетъ въ сильныхъ конвульсіяхъ. Эта

болѣзнь особенно бываетъ распространена среди сельскаго населенія въ голодные годы, когда хлѣбныя зерна плохо очищаются и потому содержатъ значительную примѣсь рожковъ.

Пшеница, вѣроятнымъ отечествомъ которой считаютъ Месопотамію и Малую Азію, начала воздѣлываться человекомъ гораздо раньше, чѣмъ рожь; искусственное разведеніе ея началось еще во время доисторической древности. За 2700 лѣтъ до Рождества Христова это хлѣбное растеніе воздѣлывалось уже на поляхъ Китая, Палестины и Египта.

Въ древнихъ египетскихъ гробницахъ, гдѣ хоронились муміи, были найдены зерна пшеницы.

Пшеница, какъ главное хлѣбное растеніе, воздѣлывается почти на всемъ земномъ шарѣ. Ею засѣяны громадныя пространства полей въ Европѣ, Азіи и Америкѣ, а также и въ южномъ полушаріи. Зерна пшеницы доставляютъ превосходную муку, изъ которой печется нашъ

Пшеница.

1.—колосъ съ остями; 2.—колосъ безъ остей (оба въ цвѣту); 3.—стебель съ листомъ; 4.—колосокъ; 5.—тоже, въ цвѣту; 7 и 8.—зерно, цѣльное и въ продольномъ разрѣзѣ (увеличено).

бѣлый хлѣбъ, а также выдѣлывается крахмалъ и манная крупа. Изъ Россіи ежегодно вывозится очень много пшеничнаго зерна за границу.

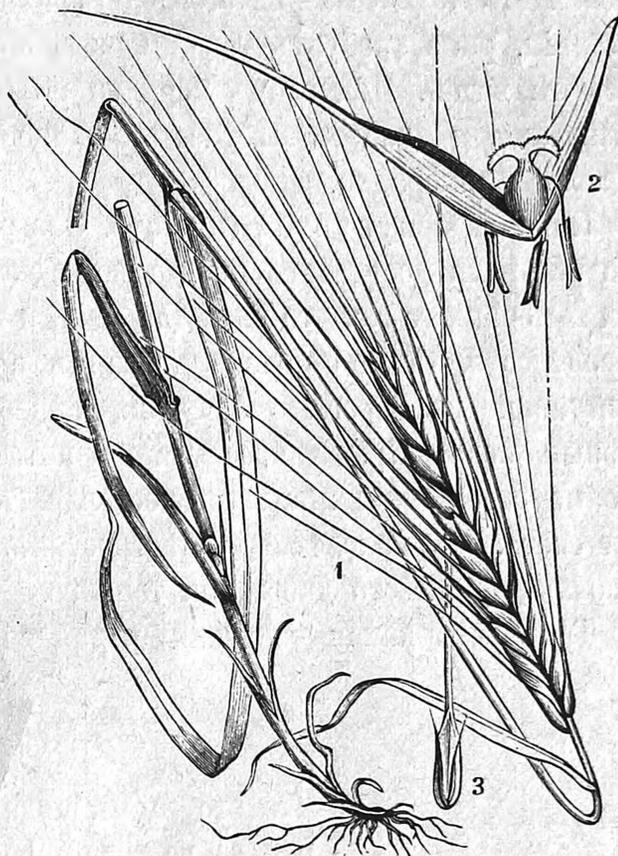
Ячмень (или жито) былъ также уже извѣстенъ древнимъ народамъ. Онъ разводится, какъ хлѣбное растеніе, преимущественно въ сѣверныхъ странахъ Европы. Въ умѣренныхъ странахъ его сѣютъ главнымъ образомъ ради солода — для пивоваренія. Зерна ячменя заставляютъ, посредствомъ тепла и влаги, прорасти, затѣмъ ихъ сушатъ и получаютъ такимъ образомъ солодъ, изъ котораго варятъ пиво. Изъ зеренъ ячменя готовится также извѣстная перловая крупа.

Овесъ разводится преимущественно въ умѣренныхъ и холодныхъ странахъ (до 65° сѣв. широты). На хлѣбъ овсяная мука мало употребляется, но изъ нея готовятъ другія здоровыя и питательныя кушанья. Изъ зеренъ овса готовятъ также крупу, идущую въ пищу. Древніе европейцы готовили изъ него хлѣбъ (что, впрочемъ, и въ настоящее время дѣлается кое-гдѣ на сѣверѣ); но, въ послѣдствіи, когда стали воздѣлывать бо-

лѣе питательныя хлѣбныя злаки, эти послѣдніе значительно вытѣснили разведеніе овса, какъ хлѣбнаго растенія. Теперь овесъ сѣется преимущественно на кормъ для лошадей. Есть также сорта овса, которые сѣютъ для полученія травы на сѣно.

Просо. Родной его считаютъ Египетъ и Аравію. Воздѣлывалось оно въ Китаѣ еще за 2000 слишкомъ лѣтъ до Р. Х. Въ настоящее время просо воздѣлывается преимущественно въ средней и южной Европѣ. Зерна его употребляются въ пищу подъ названіемъ пшена.

Рисъ родомъ изъ южной Азіи воздѣлывается во всѣхъ тропическихъ странахъ, а больше всего въ южной и восточной Азіи. Сѣ-

Ячмень.

1.—колосъ (уменьш.); 2.—отдѣльный цвѣточекъ изъ колоса; 3.—зерно съ остью.

верной границей произрастанія риса можно считать 40° сѣв. широты. Это растеніе было извѣстно людямъ еще въ самой глубокой древности, и въ настоящее время занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ хлѣбныхъ растеній, такъ какъ имъ питается почти половина всего населенія земного шара. Есть народы, которые употребляютъ въ пищу почти исключительно одинъ только рисъ, какъ, на примѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Индостана. Въ пищу рисъ употребляется только къ вареномъ видѣ, на печеніе же хлѣба не годится. Много риса идетъ также на приготовленіе крахмала. Для успѣшнаго произрастанія, рисъ требуетъ такой почвы, которая по временамъ заливалась бы водой. При этомъ нерѣдко бываетъ, что вода застаивается, загниваетъ и дѣлаетъ мѣстность крайне нездоровою, поражающею болотныя лихорадки.

Наконецъ, кукуруза (маисъ). Она родомъ изъ Южной Америки, гдѣ ростъ ея достигаетъ иногда до трехъ сажень высоты. Кукуруза для Америки то же, что рисъ для Азіи, и воздѣлывается тамъ, по всей вѣроятности, также съ очень древнихъ временъ. Первые европейцы, приставшіе къ берегамъ Америки, нашли тамъ уже повсюду кукурузныя поля. Кромѣ чрезвычайно питательныхъ зеренъ, кукуруза своими стеблями и листьями доставляетъ также прекрасный кормъ для скота. Въ малолѣсныхъ мѣстностяхъ, сухіе стебли кукурузы употребляются, вмѣсто дровъ, на топливо.

Такъ вотъ какая «знатная» родня у нашего пахучаго колоска!

Д. Кайгородовъ.

Что это за пташечка,
 Что за голосистая!
 Что у ней за пѣсенка,
 Да что за пріятная!...
 Заря занимается, —
 Она просыпается,
 До позднего вечера,
 До глухой полуночи,
 Умолку не знаючи —
 Весело порхаячи,
 Поетъ распѣваячи, —
 Меня потѣшаячи!
 И мнѣ не соскучиться,
 И мнѣ не наслушаться!

Н. Цыгановъ

ПТИЧКА.

Вчера я растворилъ темницу
 Воздушной плѣнницы моей:
 Я рощамъ возвратилъ пѣвицу,
 Я возвратилъ свободу ей.

Она исчезла, утопая
 Въ сѣяньи голубого дня,
 И такъ запѣла, улетаю,
 Какъ бы молилась за меня.

Ө. Туманскій.

ЧТО ТАКОЕ ПТИЦА?

АМЪ, вѣроятно, не разъ приводилось, по той или другой причинѣ, заспживаться дома, и послѣ долгаго затворничества, васъ навѣрное сильнѣе тянуло изъ дому, туда, въ зеленые лѣса и степи, въ широкія поля, на красные берега рѣкъ и озеръ, туда, гдѣ все живетъ вольною жизнью.

Тамъ хорошо, въ этихъ изумрудныхъ лугахъ, въ этихъ дремучихъ лѣсахъ и золотистыхъ поляхъ. Безчисленное множество разнообразнѣйшихъ животныхъ невольно обращаютъ на себя вниманіе: одни—своими странными формами; другія—обычаями, привычками; третьи—яркими красками своего наряда; четвертыя—криками, пѣснями. Сначала голова идетъ кругомъ; не знаешь, за кого прежде взяться, кѣмъ увлечься; но потомъ, мало-по-малу, когда освоишься съ этимъ движущимся міромъ животныхъ, больше всего заинтересуютъ птицы. Это случалось со мной, и я увѣренъ, что то-же случится и съ вами. Да оно и понятно; покрытыя пестрыми, блестящими перышками, вѣчно веселыя, довольныя, суетливыя, одаренныя дивными способностями летать по воздуху и пѣть веселыя пѣсни—птицы со-

ставляютъ украшеніе природы. Безъ птицъ казались-бы пустынными лѣса и степи. Уничтожьте птицъ—исчезнетъ та дивная музыка природы, которая доставляетъ намъ столько удовольствія. Я вовсе не намѣренъ расхваливать птицу для того, чтобы вы ее полюбили: вы и безъ того ее любите. Я самъ слышалъ не разъ, какъ вы говорили: «Ахъ, милая птичка!» «Ахъ, вольная пташечка!» Мало того, вы завидовали ей и тоже не разъ говорили: «Ахъ, если-бы я былъ птицей—я полетѣлъ-бы высоко, высоко, пронесся бы съ быстротой ласточки, чтобы взглянуть на чудныя, сказочныя страны, о которыхъ пишутъ въ книжкахъ!»

Да, крыльямъ птицъ издавна завидуетъ человѣкъ. Со времени глубокой древности людей занимаетъ мысль о томъ, какъ-бы сдѣлаться птицами, какъ-бы придѣлать себѣ крылья и летать по воздуху. Вы знаете, конечно, что мысль эта отчасти уже осуществилась. Сто лѣтъ назадъ человѣкъ въ первый разъ поднялся на воздушномъ шарѣ. Въ эти сто лѣтъ много людей трудилось надъ улучшеніемъ воздушнаго шара. Искусство воздухоплаванія дошло уже до того, что люди самые обыкновенные, даже робкіе, рѣшаются нынче подниматься на воздушномъ шарѣ. Однако, воздушный шаръ все-таки не крылья птицы. Онъ не можетъ итти даже въ сравненіе съ ними. Человѣкъ не въ состояніи управлять самымъ лучшимъ шаромъ съ такой ловкостью, какъ какой-нибудь двухнедѣльный цыпленокъ управляетъ своими крылышками.

Между тѣмъ, какъ просто устроено это крыло. На косточкахъ передней конечности птицы, соответствующей нашей рукѣ, находится рядъ перьевъ, которыя и составляютъ крыло. Ихъ всего отъ двадцати до тридцати; они длиннѣе другихъ перьевъ тѣла. Сидятъ они на косточкахъ крѣпко и не гнутся въ сторону. Развернетъ птица крылья, взмахнетъ ими разъ, другой—поднимется съ земли и полетитъ. Какъ это просто! Казалось-бы, сдѣлать только придѣлать къ нашимъ рукамъ искусственныя большія перья,—взмахнуть-бы ими и полетѣть за птицей. Правда, были такіе чудаки, которые придѣлывали себѣ крылья; но имъ и на полвершка не удавалось подняться отъ земли. Тогда они прибѣгали къ хитрости. Влѣзали на какое-нибудь высокое мѣсто, распускали крылья, размахивали ими и бросались внизъ; однако, всѣ эти попытки кончались очень плачевно: переломомъ рукъ или ногъ, а не то и просто смертью. Увы! лучше-бы было, если-бы эти бѣдняки узнали сначала секретъ птичьяго полета.

Я расскажу вамъ этотъ секретъ именно для того, чтобы вы не дѣлали себѣ крыльевъ и не пускались летать по-птичьему. Секретъ

очень простъ. Сдѣлайте слѣдующій опытъ: зайдите въ кухню и возьмите какую-нибудь птицу, которую оцципала, но еще не выпотрошила кухарка. Отрѣжьте ей крыло такъ, чтобы перерѣзать косточку, идущую отъ плеча; вставьте въ перерѣзанное раньше горло птицы стеклянную трубочку; положите птицу въ воду; дуньте сильнѣе въ стеклянную трубочку и смотрите: изъ перерѣзанной косточки крыла начали булькать въ воду пузырьки воздуха. Какъ только вы перестанете дуть, перестанутъ появляться и пузырьки. Очевидно, что воздухъ изъ дыхательнаго горла птицы легко проходитъ въ кость крыла. Если осторожно разрѣзать брюшко птицы, то черезъ этотъ разрѣзъ можно увидѣть въ полости ея тѣла желудокъ, печень и другіе внутренніе органы, а между ними мѣшки съ тонкими, прозрачными стѣнками, наполненные воздухомъ. Вотъ тутъ-то и сидитъ секретъ птичьяго полета. Вся внутренняя полость тѣла птицы снабжена такими мѣшками; они занимаютъ всѣ пустыя мѣста между другими органами. Эти мѣшки, при помощи трубочекъ, сообщаются съ легкими; кромѣ того, отъ нихъ идутъ трубочки, которыя входятъ во внутреннія полости большихъ костей крыльевъ, ногъ и головы. Въ этихъ костяхъ вовсе нѣтъ жира, называемаго костнымъ мозгомъ, который мы такъ любимъ высасывать изъ костей млекопитающихъ.

Воздухъ, вдыхаемый птицей, проходитъ въ горло, оттуда въ легкія, изъ легкихъ-же въ воздушные мѣшки, а изъ нихъ—въ пустыя кости крыльевъ и ногъ. Вотъ почему, когда вы вдунули воздухъ въ горло мертвой птицы, онъ сталъ булькать въ воду изъ отрѣзаннаго конца плечевой кости.

Поэтому, все тѣло птицы наполнено воздухомъ; чѣмъ больше надуется птица, тѣмъ легче сдѣлается ея тѣло, такъ что она безъ труда можетъ двигаться по воздуху на своихъ крыльяхъ.

Вотъ вамъ и весь секретъ птичьяго полета. Вотъ почему человекъ не можетъ летать. Какъ-бы хитро онъ ни прилаживалъ себѣ крылья, онъ не можетъ наполнить свое тѣло воздухомъ.

Кромѣ воздушныхъ мѣшковъ, для облегченія полета служатъ всѣ перья, покрывающія тѣло птицы. Вы, конечно, знаете, что когда стараются доказать легковѣсность какого-нибудь предмета, то говорятъ: «онъ легокъ, какъ пухъ», потому что, дѣйствительно, пухъ и перо легки до чрезвычайности. Покрывая тѣло птицы, перья и пухъ увеличиваютъ его объемъ и, въ то-же время, уменьшаютъ вѣсъ. Сверхъ того: перья защищаютъ птицу отъ жара и холода. Перья имѣютъ у птицъ очень причудливыя формы и самую разнообразную окраску. Поэтому-то перьямъ птицъ всегда изумлялся и завидовалъ человекъ. Дикари Америки, Африки и Австраліи, эти несчастныя

существа, не умѣющія ни ткать, ни обрабатывать металловъ, увлекаются красотой птицы; они стараются подражать ей и дѣлаютъ себѣ украшенія изъ птичьихъ перьевъ. Это самый первобытный рядъ человѣка.

Да неужели и вы не любовались перьями птицы? Неужели вы не собирали эти блестящія перышки? Неужели вы никогда не втыкали ихъ въ свою шляпу или шапочку? Неужели вы не заглядывались на эти прекрасные переливы цвѣтовъ птичьихъ перьевъ, съ которыми могутъ сравниться только крылья бабочекъ да цвѣта радуги? Итакъ, когда васъ спросятъ, что такое птица, — скажите, что это—чудное существо, покрытое перьями и наполненное воздухомъ; скажите, что это—дочь воздуха, которая движется съ изумительной быстротой въ воздушномъ океанѣ, окутывающемъ всю землю.

Но я обманулъ васъ. Птица такое же дѣтище земли, какъ и мы съ вами. Земля для нея нужна, какъ и для насъ. На какой бы страшной высотѣ ни летала птица въ воздушной синевѣ, взоръ ея неизмѣнно прикованъ къ землѣ.

Видали ли вы, какъ въ ясное лѣтнее утро громадный орелъ паритъ въ вышинѣ? Широкими кругами поднимается онъ все выше и выше. Слѣдите за нимъ. Лягьте на спину на зеленой лужайкѣ и смотрите. Вотъ тамъ, далеко, по синему небу плывутъ бѣлыя облачка; орелъ поднялся уже до нихъ; взвился еще выше, выше; вотъ его едва видно. Это уже не громадная птица, а какая-то темная точка на лазури небесъ. Какая страшная высота! Вѣдь, онъ выше насъ верстъ на пять. Знаете ли, зачѣмъ онъ летаетъ тамъ? Просто-на-просто, онъ голоденъ и ему нужно высмотрѣть какого-нибудь зайчика или ягненка, которые копошатся въ травѣ.

Но не одна добыча привязываетъ птицу къ землѣ. На землѣ птица ищетъ отдыха. На землѣ или на растеніяхъ, покрывающихъ ее, птица устраиваетъ свой домъ. На землѣ самая быстролетная птица проводитъ свое дѣтство. Скажу вамъ больше: никто такъ крѣпко не привязанъ къ родной землѣ, какъ птица. Никто такъ не тоскуетъ по своей родинѣ, какъ она, которой человѣкъ такъ завидуетъ за ея свободу—летѣть куда хочетъ.

Самая жизнь птицы полна глубокаго интереса для людей.

Многія особенности птичьей жизни невольно привлекаютъ къ себѣ вниманіе. Возьмемъ, на примѣръ, хоть ихъ гнѣзда. Сколько вкуса, сколько искусства въ постройкѣ этихъ гнѣздъ. Какъ много любви проявляетъ стичка къ своимъ птенчикамъ. Какъ старательно она отыскиваетъ и носитъ имъ кормъ. Сколько геройства проявляетъ она

при защитѣ своихъ дѣтей отъ страшныхъ враговъ, съ которыми ей не подѣ силу тягаться.

А развѣ не занимали васъ тѣ удивительныя воздушныя странствованія, которыя птицы предпринимаютъ весной и осенью?

Кто былъ нашимъ первымъ учителемъ музыки? Кто познакомилъ насъ съ этими чудными переливами звуковъ, которыми полна природа? Все та же птица.

Итакъ, вы видите сами, что птица—одно изъ тѣхъ живыхъ существъ, которыя играютъ особенную, выдающуюся роль въ нашей жизни. Въ птицѣ дивное сочетаніе такихъ свойствъ, какимъ не обладаютъ другія животныя. Вотъ почему во всѣ времена человѣкъ изучалъ и любилъ птицу. И не даромъ, потому что птицы всегда приносили человѣку пользу и удовольствіе. Трудно перечислить все то, чѣмъ обязаны мы птицѣ. Для этого надо самому изучить ее; а это такъ просто и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ пріятно и полезно.

М. Богдановъ.

СКВОРЕЦЪ.

«Сѣдой Морозъ въ одеждѣ снѣжной,
Съ блестящей льдистою броней,
Вступаетъ въ бой съ привѣтной, нѣжной
И ароматною весной.

Онъ вѣтромъ, вьюгою, снѣгами
Веснѣ преграждаетъ путь,
А та, въ отвѣтъ ему, цвѣтами
Бросаетъ въ старческую грудь...»

Е. Кони.

ТО ЭТОТЪ БОЙ, повидимому столь неравный, окончится полною побѣдою весны, въ томъ ни одну минуту не сомнѣвается нашъ милый скворушка, сидящій на вѣткѣ дерева близъ своей скворчницы. Иначе онъ не рѣшился бы покинуть гостепріимныя южныя страны, въ которыхъ короталъ время, пока у насъ трещали морозы. Что за бѣда, если и придется немножко позябнуть и раздругой не особенно сытно пообѣдать, все-таки онъ твердо знаетъ, что, въ концѣ-концовъ, «сѣдой Морозъ» сложитъ свои «льдистые» доспѣхи къ ногамъ «привѣтной, нѣжной» красавицы-весны и скажетъ —

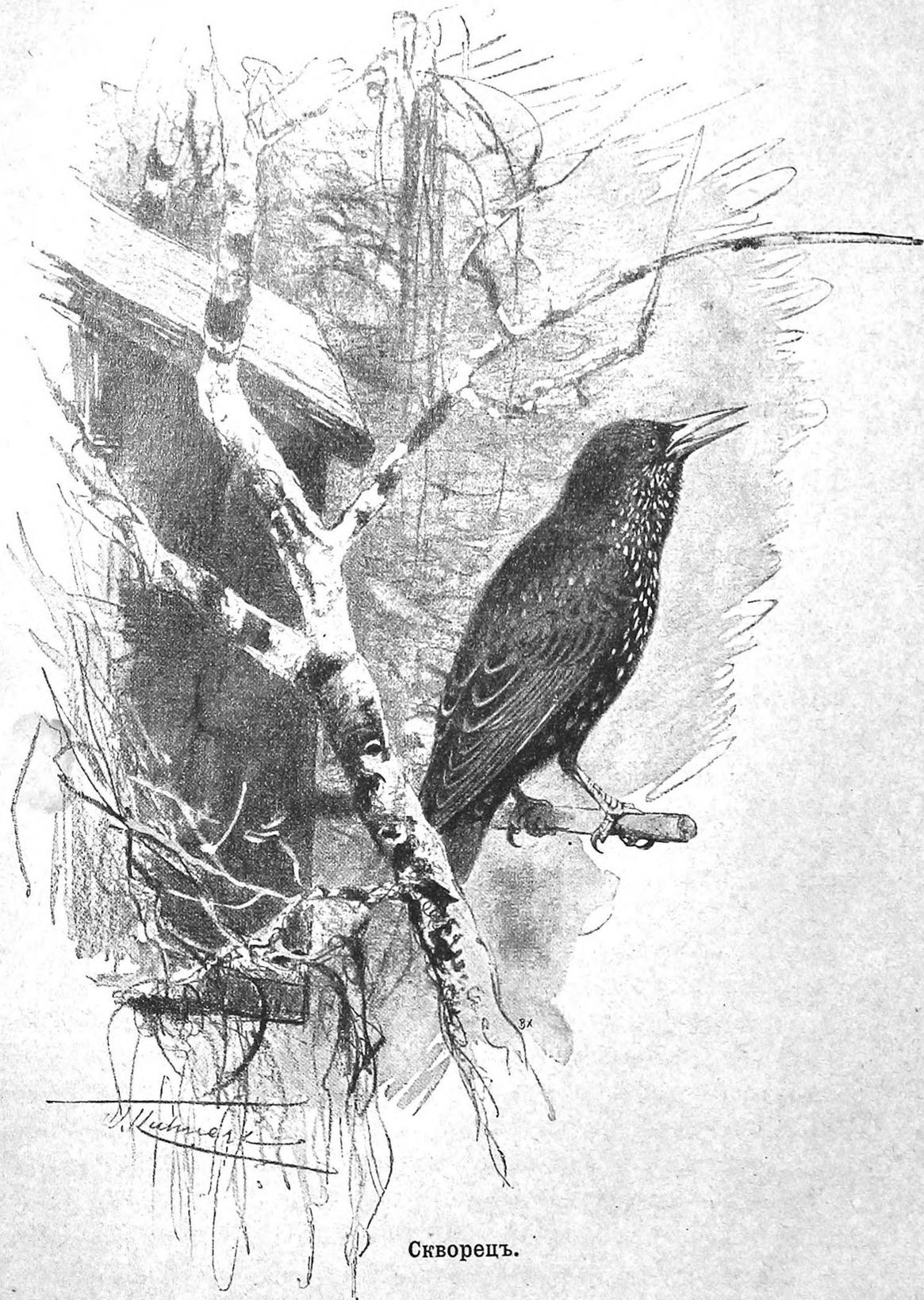
«... тая въ рѣчкахъ снѣжныхъ водахъ:

Ты побѣдила! Ты прекрасна!

Иди-жь и царствуй въ свой чередъ...»

Вотъ и сейчасъ: только-что прелетѣлъ сильный вихрь съ круной и снѣгомъ, какъ нашъ скворушка, встряхнувшись и приведа въ порядокъ свои растрепавшіяся отъ вѣтра перышки, снова распѣваетъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, свои пѣсни. Впрочемъ, слово «пѣсни» будетъ здѣсь, пожалуй, не совсѣмъ умѣстно: это, скорѣе, какая-то веселая, беззаботная болтовня, трескотня и верещаніе, въ перемежку съ протяжными свистами и разными подражательными, подчасъ весьма красивыми, звуками. И какъ ретиво и весело распѣваются эти пѣсни! Горлышко раздувается пузыремъ; клювъ раскрывается такъ широко, что въ него можно, пожалуй, всунуть цѣлый орѣхъ; крылышки свѣшиваются, и пѣвецъ безпрестанно ими подергиваетъ и трепещетъ словно замирая отъ музыкальнаго наслажденія, каковое, повидимому, доставляетъ уморительному пѣвцу его смѣшная и безтолковая пѣсня. Впрочемъ, эта пѣсня, хотя смѣшная и безтолковая, но слушается съ большимъ удовольствіемъ,—въ особенности ранней весной, когда кромѣ жаворонковъ въ полѣ, да желтоголовыхъ овсяночекъ съ ихъ неза-тѣйливой пѣсенкой, другихъ пѣвцуновъ налицо еще не имѣется.

Однако, я говорю о скворцѣ такъ, какъ будто эта птица всѣмъ хорошо извѣстна; между тѣмъ, вѣроятно, найдется не мало читателей, знающихъ скворца только по наслышкѣ. Поэтому, нужно нѣсколько остановиться на его наружности. Самчикъ весной окрашенъ въ черный цвѣтъ, съ фіолетовымъ и зеленымъ металлическимъ отливомъ, особенно яркимъ и красивымъ на груди; клювъ желтый, ноги буровато-красныя. Осенью, послѣ линянія, всѣ новыя перышки имѣютъ бѣлые кончики, и тогда скворецъ является пестрымъ. Клювъ къ осени изъ желтаго становится чернымъ, затѣмъ въ теченіе зимы постепенно желтѣетъ, отъ основанія къ концу, и къ маю мѣсяцу становится снова лимонно-желтымъ. Въ то же время постепенно пропадаютъ (обтираются) бѣлые кончики перышекъ, и скворецъ изъ пестраго становится мало-по-малу чернымъ. Самочка совсѣмъ черною никогда не бываетъ, а всегда пестровата, потому что кончики ея перышекъ всегда остаются болѣе или менѣе бѣлыми; клювъ у нея блѣдно-желтый. Молодые скворчата, до первой линьки (происходящей въ концѣ лѣта) имѣютъ сѣровато-бурое опереніе—на горлышкѣ слегка бѣловатое—и черный клювъ; перелинявши, осенью, они становятся такими же пестрыми, какъ и старые скворцы.

Скворецъ.

Водится скворецъ по всей Россіи — отъ Лапландіи до Крыма и Кавказа. Почти повсюду онъ весьма многочисленъ и обыкновененъ, и повсюду является птицей перелетной: отлетаетъ на зиму на югъ, весною же однимъ изъ первыхъ возвращается обратно на свою родину родной природы.

дину (въ средней Россіи передовые скворцы появляются обыкновенно въ первой половинѣ марта).

Первыхъ прилетныхъ скворцовъ можно видѣть сидящими, небольшими стайками, рядышкомъ, на полевыхъ сараяхъ, на крестахъ сельскихъ церквей, на отдѣльно стоящихъ въ полѣ деревьяхъ и тому подобныхъ выдающихся мѣстахъ. Пролетныя стаи (т.-е. тѣ, которыя направляются дальше къ сѣверу) летятъ всегда высоко, быстро и кучно, прилетныя же (которыя будутъ гнѣздиться у насъ), напротивъ, летятъ низко, кружатся и наконецъ опускаются. Самочки появляются обыкновенно 10—12 днями позже самцовъ, отдѣльными стаями.

Въ первое время по прилетѣ (весь мартъ и начало апрѣля) скворцы мало держатся около скворечницъ (или вообще мѣсть своихъ гнѣздовій), а больше проводятъ время на поляхъ, лугахъ рѣчныхъ долинъ, огородахъ, гдѣ на проталинахъ снискиваютъ себѣ, въ это время еще весьма скудное, пропитаніе. Если же проталинъ еще мало (послѣ очень снѣжныхъ зимъ, то скворцы кормятся по навознымъ кучамъ и дорогамъ, отыскивая въ навозѣ червей и уцѣлѣвшія зерна.

Около середины апрѣля начинаются хлопоты по устройству гнѣзда, мѣстомъ для котораго служатъ дуплистыя старыя деревья—въ лѣсахъ, рощахъ, садахъ и паркахъ, а также разбросанныя одиночно по полямъ и лугамъ. Или же для этого служатъ нарочно устраиваемыя для скворцовъ жилища—скворечницы. Скворецъ—птица въ высшей степени полезная (о чемъ подробнѣе рѣчь будетъ еще впереди). Народъ давно уже это подмѣтилъ,—въ особенности огородники. Поэтому, во многихъ мѣстностяхъ можно видѣть—по селамъ, деревнямъ и пригородамъ—прилаженные на деревьяхъ, а то и просто на воткнутыхъ въ землю длинныхъ шестахъ, «домики» для скворечныхъ гнѣздъ. Къ сожалѣнію, далеко не вездѣ существуетъ этотъ прекрасный и заслуживающій самаго широкаго распространенія обычай—ставить скворечницы. Смастерить же скворечницу дѣло весьма простое: взять нѣсколько досчечекъ, сколотить изъ нихъ ящичекъ въ 11—12 вершк. высотой и 4¹/₂ вершк. шириною въ обѣ стороны (въ квадратномъ сѣченіи), продѣлать, отступя на 2 вершка отъ верха, лѣтку—круглое отверстіе въ 2 дюйма (1¹/₄ вершка) въ поперечникѣ,—вотъ скворечница и готова. вмѣсто досчатого ящичка можетъ служить также выдолбленный отрубокъ дерева (дуплянка) соответствующихъ размѣровъ, съ наколочеными донышкомъ и крышкою. Подъ леткой можно воткнуть палочку, которая будетъ служить жердочкой для сидѣнія. Ящичекъ (или отрубокъ) долженъ быть

непремѣнно глубокой (не менѣе 11 вершк.) для того, чтобы кошка, запустивъ лапу въ летку, не могла достать птенцовъ или сидящую на гнѣздѣ скворчиху. Въ особенности летка не должна быть слишкомъ широкою, чтобы въ нее не могли забираться разные охотники до скворечныхъ яицъ и птенцовъ (вордны, сороки, сойки, бѣлки); старшій, опытный скворецъ и гнѣздится не станетъ въ такой скворечнѣ. Переузить летку настолько, что скворецъ не въ состояніи будетъ въ нее пролѣзть, самую собою разумѣется, также не годится. Въ видахъ безопасности гнѣзда отъ непрошенныхъ гостей, иногда дѣлаютъ въ скворечницѣ, на половинѣ ея высоты, поперечную перегородку, съ круглымъ отверстіемъ въ серединѣ. Привязывать скворечницу къ дереву (или шесту) слѣдуетъ возможно выше: и дальше видно—скворцы скорѣе найдутъ—да и отъ кошекъ безопаснѣе. Кромѣ того, летку слѣдуетъ оборачивать на полдень—къ югу, а не на сѣверъ, чего также птицы не любятъ. Если скворечница ставится не на деревѣ, а на шестѣ, то къ верхнему концу его нужно привязать вѣтвистую хворостину, на которой скворецъ будетъ распѣвать свои пѣсни, въ то время какъ скворчиха будетъ сидѣть на гнѣздѣ.

Привязывать скворечницу надо прочно, надежно, чтобы ее не сбросило вѣтромъ. Скворецъ—птица очень умная, внимательно осматриваетъ свое будущее жилище со всѣхъ сторонъ, прежде чѣмъ въ немъ поселится, и чуть что не ладно—броситъ, и скворечница будетъ пустовать. Расскажу по этому поводу случай, бывшій со мною: задумали мы съ братомъ поставить въ садикѣ, на высокой березѣ, надъ самымъ балкономъ нашего дома, скворечницу, сдѣланную прекрасно, по всѣмъ правиламъ. Постановка была поручена кучеру. На другой же день мы имѣли радость замѣтить, что пара скворцовъ усердно стала таскать въ нашу скворечницу разные былиночки, мочалочки, соломенки, перышки и т. н. матерьялы для гнѣзда. Работа скворцовъ продолжалась два дня, съ утра до вечера, при чемъ самчикъ находилъ все-таки еще время услаждать нашъ слухъ своимъ веселымъ, болтливымъ пѣснями. На третій день скворцы исчезли; на четвертый—также не показывались, и мы съ братомъ, весьма огорченные тѣмъ, что скворцы бросили нашу скворечницу, ломали себѣ головы надъ вопросомъ—что могло бы имъ въ ней не понравиться? Дня черезъ два или три загадка разъяснилась: выйдя утромъ, послѣ бурной ночи, въ нашъ садикъ, мы нашли скворечницу лежащею на землѣ. Кучеръ, которому поручено было привязать «домикъ» къ дереву, взялъ, недолго думая, первую попавшуюся веревку, да ею и привязалъ, а веревка-то оказалась гнилою.

Умныя птицы, очевидно, замѣтили неблагонадежность прикрѣвленія скворечницы и не пожелали подвергать риску себя и свое потомство.

Если желательно привлечь къ данному мѣсту большое количество скворцовъ, то, вмѣсто постановки большого числа стѣбельныхъ скворечницъ—что будетъ слишкомъ хлопотливо—можно устроить, такъ сказать, семейныя скворечницы: укрѣпить подъ свѣсомъ крыши одинъ длинный ящикъ съ нѣсколькими лѣтками, при чемъ даже нѣтъ надобности раздѣлять гнѣзда между собою перегородками.

Около 1-го мая въ гнѣздѣ скворца находятся уже обыкновенно 6—7 гладкихъ (безъ крапинъ) свѣтло-голубыхъ яичекъ, а къ 15—20 мая—уже и молодые скворчата. Эти послѣдніе скоро подрастаютъ и къ началу іюня обыкновенно уже вылетаютъ изъ гнѣзда.

По окончаніи гнѣздовыхъ дѣлъ, скворцы соединяются, семья съ семьей, въ громадныя, нерѣдко многотысячныя, стаи, въ которыхъ и держатся до самаго отлета, летая и кормясь, преимущественно по лугамъ рѣчныхъ долинъ. Цѣлыми тучами носятся тогда скворцы, днемъ—по лугамъ и выгонамъ, на ночь же сбиваются въ прибрежныя камыши и тальники (ивняки) разсѣвшись по которымъ, провожаютъ день неимовѣрнымъ шумомъ и гамомъ (словно обозъ въ сотню саней скрипитъ по морозному снѣгу) и успокаиваются лишь съ наступленіемъ темноты. Стаи скворцовъ особенно охотно посѣщаютъ выгоны, гдѣ пасется домашній скотъ, съ котораго (въ особенности съ овецъ) эти птицы прилежно обираютъ всякихъ насѣкомыхъ.

Передъ наступленіемъ поры отлета (приходящейся въ сѣверной и средней Россіи, обыкновенно, на первыя числа сентября) старики иногда возвращаются на нѣсколько дней къ своимъ гнѣздовьямъ, распѣваютъ здѣсь свои пѣсни, какъ бы прощаясь съ родными мѣстами, и затѣмъ исчезаютъ до весны. Стая за стаей снимаются скворцы съ полей и луговъ своей родины и направляются на югъ—въ теплыя, хотя и не особенно далекія страны. Въ своихъ странствованіяхъ они не залетаютъ далѣе сѣверной Африки, большинство же скворцовъ проводятъ зиму на южныхъ полуостровахъ Европы (въ Испаніи, Италиі, Греціи), при чемъ, въ противоположность большинству остальныхъ пѣвчихъ птицъ, распѣваютъ свои пѣсни и на зимнихъ квартирахъ. Тамъ они продолжаютъ вести такой же образъ жизни, какой вели и у насъ осенью: кочуютъ стаями по лугамъ рѣчныхъ долинъ, болѣею частію въ сообществѣ дроздовъ и воронъ.

Выше было уже упомянуто, что скворецъ—птица очень полезная. Приносимая имъ польза заключается въ уничтоженіи громаднаго количества гусеницъ, личинокъ, бабочекъ, жуковъ, червей и саранчи,

а главное—множества улитокъ и вообще всякаго рода слизняковъ, до которыхъ скворецъ особенно лакомъ. Одинъ нѣмецкій ученый, большой любитель скворцовъ и знатокъ ихъ образа жизни, на основаніи многолѣтнихъ наблюденій надъ этими птицами, высчиталъ, что одна семья скворцовъ (2 старика и 5 птенцовъ) сѣждаетъ каждый день болѣе 360-ти большихъ жирныхъ улитокъ. Какое же, слѣдовательно, громадное количество улитокъ уничтожается всѣми скворцами данной мѣстности, въ теченіе всего времени вывода дѣтей! Огородники хорошо знаютъ, какой вредъ причиняютъ овощамъ улитки, а потому и заботятся о привлеченіи къ своимъ огородамъ злѣйшихъ враговъ этихъ вредныхъ животныхъ—скворцовъ, для чего и выставляютъ скворечницы. Также и столь вредныхъ майскихъ жуковъ и ихъ жирныхъ личинокъ во множествѣ уничтожаютъ скворцы, равно какъ и жуковъ-долгоносиковъ (слониковъ), изъ которыхъ многіе принадлежатъ къ числу весьма вредныхъ для лѣса насѣкомыхъ.

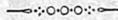
Правда, лакомые до сочныхъ ягодъ, скворцы причиняютъ нѣкоторый вредъ вишневымъ садамъ, а виноградникамъ нерѣдко наносятъ даже весьма серьезный изъяснъ; но та чрезвычайная польза, которую приносятъ скворцы уничтоженіемъ вредныхъ тварей, сторицею покрываетъ ущербъ, иногда причиняемый намъ этой птицей. За границей образованные владѣльцы виноградныхъ садовъ давно уже перестали преслѣдовать скворца за причиняемый имъ изъяснъ зрѣлому винограду, потому что, съ другой стороны, убѣдились въ той громадной, хотя и не столь бросающейся въ глаза, пользѣ, которую приносятъ тотъ же скворецъ, уничтожая въ ихъ виноградникахъ очень вредную виноградную улитку. Впрочемъ, бываютъ случаи, когда скворцы такими несмѣтными стаями нападаютъ на виноградники (напр. въ Закавказьи), что волей-неволей приходится браться за ружья.

Скворца часто держатъ въ комнатѣ, какъ чрезвычайно забавную и веселую птицу. Взятый молодымъ пѣзъ гнѣзда, скворчикъ быстро становится совершенно ручнымъ и доставляетъ много потѣхи и удовольствія хозяину. Скворецъ легко выучивается разнымъ штукамъ и фокусамъ, перенимаетъ голоса и пѣсни другихъ комнатныхъ птицъ, выучивается насвистывать разныя мелодіи и пѣсенки и, наконецъ, даже—говорить. И на волѣ скворецъ также перенимаетъ и влетаетъ въ свои пѣсни разныя посторонніе звуки, — преимущественно голоса другихъ птицъ. Такъ, нерѣдко можно слышать среди пѣсни вольнаго скворца, какъ бы отдаленный свистъ иволги, флейтовые переливы пѣночки, сладкозвучную строфу чечевицы, пиньканье зяблика и проч. Однажды мнѣ случилось слышать, на волѣ, скворца, замѣ-

чательно подражавшаго, среди своей болтовни и трескотни, водонойному свисту кучера, весеннему крику утокъ, гоняемыхъ по водѣ селезнемъ, ржанію жеребенка и голосамъ какихъ-то мнѣ незнакомыхъ птицъ, слышанныхъ этимъ скворцомъ, вѣроятно, на далекомъ югѣ, во время пребыванія на зимнихъ квартирахъ.

Извѣстно не мало примѣровъ замѣчательныхъ говоруновъ между скворцами. Мнѣ лично привелось видѣть только одного говорящаго скворца, находившагося у одного изъ моихъ знакомыхъ. Скворецъ этотъ говорилъ слѣдующія слова и фразы: «Миша» (его такъ звали), «Мишечка, Мишуша, Мишурочка, душечка. Здравствуй Сашечка. Прощай Мишуша. Миша, спой пѣсенку». Послѣ этихъ послѣднихъ словъ онъ всегда начиналъ насвистывать «Чирика», — первое колѣно правильно и отчетливо, но на второмъ болѣею частію сбивался и переходилъ на слова: «Миша, Мишечка, спой пѣсенку», и снова начиналъ насвистывать «Чирика». Все это производилось скороговоркой и чрезвычайно забавно.

Д. Кайгородовъ.

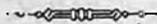

Ты любишь, птичка, лѣсъ и поле,
И я люблю ихъ! Но куда —
Скажи — ты спрячешься, бѣдняжка,
Когда настанутъ холода?

— «Я полечу въ края иные,
Гдѣ вѣчно зелены луга,
И къ вамъ вернусь, когда растаютъ
Подъ вешнимъ солнышкомъ снѣга».

А какъ собьешься ты съ дороги,
Да и замерзнешь гдѣ-нибудь?
— «Не бойся, другъ мой! вольной птичкѣ
Господь указываетъ путь!»

А. Плещеевъ.

ОСЕННИЙ ПЕРЕЛЕТЪ ПТИЦЪ.

АЖДЫЙ годъ, лишь только появятся первые признаки осени, большая часть птицъ, населявшихъ лѣтомъ наши сады, поля и лѣса, отправляются въ путь. Семьи собираются въ стаи. Бродятъ эти стаи какъ будто безъ толку: то вдругъ увидишь стайку малиновокъ на лугу, гдѣ имъ и быть не надо, то встрѣтишь стайку какихъ-нибудь степныхъ птичекъ на полянѣ, среди обширнаго лѣса. А въ садахъ, въ огородахъ, въ виноградникахъ также каждый день сюрпризы. Вотъ когда раздолье птицеловамъ: только выбери мѣсто съ толкомъ, да знай свое дѣло. И какихъ, какихъ птицъ не наловятъ они за осень! Кромѣ своихъ мѣстныхъ птицъ, птицеловъ наловить теперь такихъ диковинныхъ птицъ, какихъ не найдешь на тысячи верстъ кругомъ. Коротко сказать, во Франціи попадаются осенью птицы, живущія только въ нашей далекой Сибири; въ Англии не разъ ловили американскихъ птицъ.

Что-же это такое? Словно осенью наступаетъ въ жизни птицы какая-то неурядица, какая-то непостижимая страсть къ бочеванью? И несутся сибирскія птицы во Францію, а американскія—въ Европу. Да, каждую осень передъ нашими глазами совершаются въ птичьемъ мірѣ великія передвиженія. Издавна они обращали на себя вниманіе ученыхъ, но лишь въ послѣднее время удалось разгадать ихъ.

Я расскажу вамъ теперь, какъ совершается этотъ перелетъ птицъ, куда и зачѣмъ онѣ улетаютъ, а вы займитесь наблюдениемъ надъ перелетами въ томъ мѣстѣ, гдѣ живете. Со временемъ вы придумаете, можетъ быть, какъ облегчить для бѣдныхъ птичекъ тяжелый и длинный путь—и кто знаетъ—можетъ быть, сэкономите многія тысячи ихъ отъ гибели.

За ягодами, за грибами и за разными другими лѣтными потѣхами мы не замѣтили, какъ постепенно смолкали веселыя птичьи пѣсни. Лѣса и рощи, поля и степи еще не пусты, еще много тамъ птицы; но теперь онѣ только щебечутъ и суетятся, словно разучились пѣть.

Многія даже попрятались. На что развеселая баба-кукушка, а и то куда-то скрылась; соловья и въ поминѣ нѣтъ: да и мало-ли кого не досчитаешься. А между тѣмъ, всѣ эти птицы тутъ еще, у насъ. Онѣ исполнили свое дѣло, вывели дѣтокъ, воспитали ихъ, кто какъ умѣлъ, осталось только самимъ перелинять: перышки поизносились, надо сбросить съ себя старое платье и замѣнить его новымъ, свѣжимъ и болѣе теплымъ. Вотъ этимъ-то и занимаются птицы въ серединѣ лѣта. Старыя перышки, одно за другимъ, начинаютъ выпадать, птичкѣ нездоровится, она дѣлается нервной, боязливой и прячется отъ всѣхъ въ чащѣ травы и въ листьяхъ. Она чувствуетъ свою слабость и боится выдать себя не только пѣснями, но даже и крикомъ.

Линяніе птицъ—чрезвычайно интересное явленіе. Словно по волшебству, въ какія-нибудь двѣ-три недѣли, всѣ старыя перья съ птички спадаютъ, а вмѣсто нихъ вырастаетъ новый пушистый, перьяной нарядъ. У многихъ птицъ этотъ новый нарядъ окрашенъ совершенно иначе, нежели весенній. Послѣдній иногда отличается роскошью красокъ, бьющихъ въ глаза; осеннее же платье скромное: тусклое, буренькое или сѣренькое. Можно подумать, что птицамъ удобнѣ зимой ходить въ скромномъ платьѣ. И дѣйствительно, такъ. Весной и лѣтомъ зеленые листья деревьевъ и травъ даютъ надежный пріютъ птичкѣ, какъ-бы она не была ярко окрашена. Безчисленные цвѣты, еще болѣе яркіе, чѣмъ ея перья, пестрятъ зелень луговъ и лѣсовъ. Юркнула птичка подъ кустъ или листочекъ, прикрылась цвѣткомъ и обманула хищника.

Иное дѣло осенью. Побурѣютъ и прилягутъ травы, пожелтѣетъ и осыплется листъ съ деревьевъ; голо въ степи и въ лѣсу. Не найти пріюта пестрому франту, а у враговъ его глазъ зорокъ. Понятно, чѣмъ скромнѣе осенній нарядъ, чѣмъ больше онъ подходитъ къ желтому листу, къ бурой отавѣ, къ цвѣту почвы, тѣмъ выгоднѣе птицѣ. Вотъ и причина перемѣны наряда. Неправда ли, какъ это разумно? Одѣвшись въ осеннее платье, птички дѣлаются бодрѣе, и суетливѣе. Линяніе ужасно ослабляетъ птицъ, а когда оно кончится, въ нихъ пробуждается такой аппетитъ, какъ послѣ выздоровленія отъ болѣзни. И вотъ, для того, чтобы найти пищу, имъ приходится работать безъ усталости; но,—какъ мы уже сказали,—осенью защита изъ листьевъ и травы постепенно исчезаетъ, такъ что птичкамъ надо также позаботиться и о своей безопасности. Враги ихъ не дремлютъ; у нихъ тоже проснулся осенній аппетитъ. По этой причинѣ, тѣ птицы, которыя жили весной особнякомъ, ссорились другъ съ другомъ, теперь встрѣчаются какъ друзья; старыя и малыя одинаково чувствуютъ потреб-

ность жить обществомъ. И вотъ онѣ собираются въ стайки. Сойдутся двѣ—и словно уговорятся промышлять вмѣстѣ; къ нимъ примкнетъ третья, встрѣчная, за нею четвертая, пятая, такъ что десятки превращаются въ сотни, а сотни—въ тысячи. Диву даешься, откуда взялись эти тысячныя стада. Словно полки солдатъ на маневрахъ, стройно движутся эти стада по лѣсамъ и полямъ, по лугамъ и равнинамъ. Вспугнешь стаю—поднимается одна, другая, третья птичка или разомъ всѣ, и полетятъ сомкнутымъ строемъ, куда одна, туда и всѣ. Эти полеты особенно поражаютъ у нѣкоторыхъ породъ птицъ. Кто не видалъ, какъ летятъ журавли стройнымъ треугольникомъ, какъ летятъ гуси угломъ въ голубой вышинѣ? Раздался выстрѣлъ: дробь, конечно, не достала до нихъ, но журавлиный полкъ, все-таки разстроился, журавли въ испугѣ заметались въ разныя стороны, сбились въ кучу и начали подниматься на кругахъ кверху. Громкое курлыканье обличаетъ ихъ безпокойство. И вотъ они поднялись высоко, высоко. Вожаки убѣдились, что опасность миновала; въ воздухѣ рѣзко раздается ихъ крикъ: это они приглашаютъ товарищей къ порядку. Стая начинается строиться въ треугольникъ; журавли одинъ за другимъ занимаютъ свои мѣста, а впереди треугольника снова тотъ-же опытный старый журавль. И полетѣлъ журавлиный батальонъ своей дорогой; безъ шума, безъ лишняго крика двигается онъ въ воздухѣ. Должно быть, и впрямь на тропу попалъ: вотъ уже его еле видно, а вмѣсто него, съ сѣвера появляются новые батальоны, которые летятъ по тому-же направленію. Ну, и пусть ихъ летятъ, куда хотятъ, а мы разумаемъ, зачѣмъ собираются стаи птицъ къ осени, передъ отлетомъ. Неужели у нихъ, въ самомъ дѣлѣ, есть полки и батальоны съ командирами? Неужели перелетъ птицъ, въ самомъ дѣлѣ, военный походъ? Нѣтъ, птицы войнъ не ведутъ; не для войны собираются эти воздушныя полки. Имъ не съ кѣмъ воевать. Это—странники, гонимые невзгодой изъ родной стороны, они толпами улетають на далекую чужбину.

Когда птичка занята отыскиваніемъ пищи, она не видитъ, что дѣлается кругомъ, и врагу легко подрастѣться къ ней. Если же соберутся двѣ, три или нѣсколько птичекъ, то пока однѣ ищутъ кормъ, другія сторожатъ ихъ. Понятно, что при такомъ раздѣленіи труда гораздо легче уберечься отъ опасности. Это самый простой обращекъ взаимной помощи, который мы встрѣчаемъ и у птицъ, и у многихъ другихъ животныхъ. Вотъ для чего онѣ и собираются въ стада. Но, кромѣ того, есть и еще одна цѣль.

Осенью, съ каждымъ днемъ пища все убываетъ. Голодныя стаи птицъ бродятъ съ утра до ночи, отыскивая себѣ кормъ. Въ концѣ-

концовъ, имъ пришлось бы умереть съ голоду; но не дожидаясь этой ужасной минуты, онѣ покидаютъ родину и летятъ въ другія страны. Въ каждой стаѣ есть нѣсколько опытныхъ, старыхъ птицъ, которыя уже не разъ улетаю зимовать. Онѣ-то и становятся вожаками. Припомните, какъ насѣдка водить своихъ цыплятъ, какъ кличетъ она ихъ, найдя кормъ, какъ предупреждаетъ объ опасности. Такую же обязанность несутъ и вожаки. Они ведутъ летящую стаю по знакомымъ имъ дорогамъ. По ихъ командѣ стая опускается въ известномъ мѣстѣ на кормежку, въ другомъ—на водопой, въ третьемъ—на ночлегъ. Устанетъ вожакъ на полетѣ—его замѣняетъ другой, другого—третій. Точно также и на станціяхъ: пока птички заняты отыскиваніемъ корма, вожаки стоятъ поочередно на сторожѣ, оберегая остальныхъ.

Есть мѣста, излюбленные птицами, гдѣ онѣ останавливаются и живутъ по нѣскольку дней, покуда ихъ не прогонитъ непогода. Напротивъ, иногда рядомъ есть другія мѣста, гдѣ ни за что не останавливается стая.

Это известно каждому охотнику, каждому хорошему птицелову; а объясняется это очень просто. Вожаки не зря останавливаютъ стаю въ томъ или другомъ мѣстѣ: они узнали еще въ молодости отъ своихъ вожаковъ-отцовъ выгоды даннаго мѣста, его кормовыя богатства, и это передается изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Очевидно, у птицъ также существуютъ преданія, память о давно прошедшемъ. Да иначе и быть не можетъ.

Представьте себѣ, что, птицы, собравшись въ стаю, при первомъ морозѣ, при первомъ снѣгѣ покинули бы свою мѣстность и полетѣли бы куда-нибудь зря. Большая часть изъ нихъ, если не всѣ, непременно бы погибли отъ голода и холода. Повторяясь изъ года-въ-годъ, такое явленіе привело бы птичій міръ къ совершенному уничтоженію. Къ счастью, на дѣлѣ этого нѣтъ.

Мы видѣли у птицъ образованіе стай съ цѣлью взаимной помощи; мы видѣли, что эти стаи поступаютъ подъ команду вожаковъ, старыхъ опытныхъ птицъ, летавшихъ уже не разъ зимовать подъ начальствомъ своихъ отцовъ и дѣдовъ. Руководясь собственнымъ опытомъ и дѣдовскимъ преданіемъ, вожаки ведутъ стаи по известнымъ мѣстамъ, обильнымъ кормомъ и, наконецъ, приводятъ ихъ въ такія мѣста, гдѣ онѣ могутъ прокормиться цѣлую зиму, до слѣдующей весны.

Первыми пускаются въ путь насѣкомоядныя, которыя питаются избранной пищей; таковы, на примѣръ, щурки, охотящіяся за пчелами. Рано также пускаются въ путь кукушки и другія птицы, питающіяся гусеницами насѣкомыхъ. За ними слѣдуютъ соловьи, ва-

рякушки, горихвостки, славки, камышевки, пѣночки и другія насѣкомоядныя птички. Всѣ онѣ летятъ по вечернимъ и утреннимъ зарямъ маленькими стайками, перебираясь изъ лѣска въ лѣсокъ, гдѣ спрячутся на день для отдыха и кормежки. Въ это же самое время звенко раздаются по берегамъ рѣкъ, озеръ и болотъ крики куликовъ, чаекъ и утокъ, которые съ шумомъ кочуютъ по Россіи, словно цыгане. Позднѣе улетаютъ скворцы, дрозды, плисочки, журавли, гуси, утки и дѣлыя толпы зерноядныхъ птицъ. Однѣ летятъ днемъ, съ шумомъ и крикомъ, другія, крадучись, по вечерамъ и по ночамъ. Для однѣхъ дорогами служатъ рѣки; путь другихъ лежитъ по водораздѣламъ рѣчнымъ, по широкимъ полямъ и степямъ; третьи—колесятъ по равнинамъ, выбирая мѣстности лѣсистыя, потому что перебраться черезъ степь или черезъ широкое поле имъ такъ же трудно, какъ черезъ море.

Во время осенняго перелета особенно оживляются берега рѣкъ, прудовъ и озеръ, степные сады и балки, обросшіе лѣсомъ. Какой-нибудь садикъ, заброшенный въ балку среди безлѣсныхъ степей Новороссіи, кишитъ въ это время различными птицами, какихъ не увидишь въ немъ въ теченіе всего лѣта. Стайки соловьевъ, варакушекъ, пѣночекъ появляются въ саду, чтобы отдохнуть, покормиться и улѣтѣть дальше. Отлетѣвшія стаи смѣняются десятками другихъ.

Перенесемъ мысленно на устье Волги. Вотъ гдѣ поистинѣ птичье царство. Лѣтомъ здѣсь такъ много птицъ, что, поднимаясь отъ выстрѣла, онѣ затемняютъ солнце. Представьте себѣ, что тутъ дѣлается осенью, когда къ мѣстнымъ обывателямъ подлетятъ еще сѣверные гости. Крики птицъ заглушаютъ человѣческіе голоса, такъ что вы не услышите вашего товарища, ежели онъ будетъ въ ста шагахъ отъ васъ. Какихъ птицъ тутъ нѣтъ! Стаи бѣлоснѣжныхъ лебедей, утокъ, гусей, нырковъ покрываютъ всѣ озера и притоки рѣки. Между ними чинно плаваютъ стада пеликановъ, ныряютъ черные бакланы. Надъ поверхностью воды рѣютъ разныя чайки и мартышки. Берега усѣяны пестрыми группами журавлей, колницъ, куликовъ, цапель, короваекъ. Все это наперерывъ ловить рыбу, съ крикомъ, шумомъ, драками. Дунетъ сѣверный вѣтеръ, хлынетъ дождь съ изморозью—и вся эта пестрая толпа птицъ съ шумомъ поднимается на воздухъ, разобьется на стаи, по породамъ, и полетитъ вдоль каспійскаго берега на югъ. Однѣ заторопятся, поднимутся раньше, другія собираются не спѣша; однѣ построятся правильными линіями, углами,

треугольниками, другія полетятъ безпорядочною, сомкнутой стаей, третьи—разсыпнымъ строемъ.

День и ночь, во время перелета, на западномъ берегу Каспій шумъ и крики летящихъ стай нарушаютъ тишину осенняго воздуха, беспокоятъ жителей городовъ и невольно вызываютъ на охоту. Но какая это охота,—это, просто, бойня. Да и что охотиться, когда усталыхъ птицъ можно бить палками и хватать руками.

Но не однѣ только названныя птицы собираются на берега Каспій. Изъ бѣльшей части западной Сибири, съ Уральскихъ горъ, изъ Печорскаго края, со всего Поволжья летятъ сюда всѣ мелкія пѣвчія птицы. Однѣ изъ нихъ черезъ Каспій направляются въ Персію, другія—на Кавказъ. Безчисленные виноградники вдоль Терека и Кубани переполняются перелетными птицами, которыя гостятъ и отдыхаютъ здѣсь послѣ труднаго перелета по степямъ. Отдохнувъ, стайки пускаются въ дальнѣйшій путь. Дорогами имъ служатъ горныя ущелья Кавказа. Поднявшись по нимъ, онѣ сразу перелетаютъ черезъ вѣчные ледники Кавказа и быстро опускаются въ привѣтливныя, веселыя долины Кахетин и Грузіи. Погостивъ здѣсь, однѣ улетають дальше на югъ, въ Арменію, другія остаются тутъ зимовать.

Все это самыя счастливыя изъ нашихъ птицъ. Каспійская птичья дорога, также какъ и Кавказъ, самая удобная, самая безопасная для перелета. Не то ждетъ птичекъ, направившихся черезъ Крымъ. Имъ предстоитъ опасный тяжелый путь черезъ Черное море, гдѣ осенью свирѣпствуютъ страшныя бури. Палубы судовъ и пароходовъ, во время штормовъ, иногда сплошь покрываются бѣдными путниками, которые, завидѣвъ огонь, собирають послѣднія силы и летятъ туда, доврѣчиво отдаваясь въ руки человѣка. Много птицъ ежегодно погибаетъ въ волнахъ Чернаго моря; много ихъ разбивается, по ночамъ, о толстыя стекла маячныхъ фонарей, такъ какъ птицы летятъ на огонь маяковъ, какъ мотылекъ на свѣчку. Много другихъ, достигшихъ случайно береговъ Сиріи, ловятся руками мѣстныхъ жителей. Особенно достается отъ нихъ перепеламъ и коростелямъ. Еще немного дальше на Западъ, по берегу Чернаго моря, движется тоже птичья армія изъ средней и западной Россіи. Перелетѣвъ Дунай, онѣ тянутся черезъ Болгарію и Балканы въ Грецію, а оттуда въ Египетъ. Изъ этой птичьей колонны много гибнетъ птицъ въ Греціи и Средиземномъ морѣ, доставляя даровую пищу грекамъ и жителямъ острововъ Архипелага. Но все-таки участь этой арміи еще не очень горька. Много птицъ ея, достигнувъ страны фараоновъ, отдохнутъ и перезимуютъ безбѣдно на берегахъ Нила.

А вотъ кому достается—это птицамъ сѣверо-западной Россіи, Скандинавіи, Германіи, которыя держать свой путь на благословенную Италію. Нѣтъ такихъ истребителей птицъ въ цѣлой Европѣ, какъ итальянцы. Лѣнивые, безпечные итальянцы большей частью употребляютъ растительную пищу. Мясо въ ихъ странѣ дорого, а потому осенью они, какъ дикіе звѣри, накидываются на перелетныхъ птицъ. Въ темную ночь, осыпавъ сѣтями кусты, итальянцы зажигаютъ факелы, берутъ въ руки трещетки и начинаютъ безпощадно истреблять усталыхъ, голодныхъ птицъ, искавшихъ приюта въ кустахъ и на деревьяхъ, въ травѣ и на жнивѣ. Тутъ никому нѣтъ пощады: ни жирному перепелу, ни соловью, ни кукушкѣ, ни крошечной шѣночкѣ, ни дроздамъ, ни скворцамъ: всякое птичье мясо прекрасно переварить желудокъ лѣнтяя-лазарони. Итальянцы рѣшительно не хотятъ знать, какой вредъ они наносятъ своимъ сѣвернымъ сосѣдямъ, хозяйство которыхъ охраняли эти птицы. Эта жестокая бойня ведется изстари. Граждане великой Римской Имперіи почти двѣ тысячи лѣтъ назадъ упражнялись въ такой безчестной охотѣ. У богатыхъ римлянъ были особыя помѣщенія, гдѣ они тысячами держали и откармливали дроздовъ, скворцовъ, коростелей. Исторія говоритъ о Лукуллѣ, прославившемся своими пирами, на которыхъ, между изысканнѣйшими кушаньями, подавались соловьиные языки. Какое утонченное и глупое варварство! Кто повѣритъ, чтобы соловьиный языкъ могъ быть особенно вкусенъ. Понятно, что подобное нелѣпое блюдо приготавливалось изъ желанія блеснуть своимъ богатствомъ.

Теперь итальянцы—одинъ изъ бѣднѣйшихъ народовъ Европы, и соловьиныхъ языковъ они, конечно, не ѣдятъ, но варварское истребленіе птицъ продолжается въ Италіи своимъ чередомъ.

Мы съ гордостью можемъ сказать, что нигдѣ въ Россіи нѣтъ такой истребительной охоты, какъ итальянская. Вотъ почему берега Каспія, лѣса и долины Кавказа кишатъ безчисленнымъ множествомъ птицъ, которыя мирно проводятъ здѣсь зиму.

Правда, и у насъ перелетъ птицъ не обходится безъ громадныхъ жертвъ: пропасть ихъ гибнетъ отъ голоду, когда послѣ дождей вдругъ ударитъ морозъ. Много также птицъ разбивается во время ночныхъ бурь о телеграфныя проволоки; много истребляютъ ихъ разныя хищники, летя за ними по пятамъ на зимовье. Птицеловствомъ же у насъ занимаются такъ мало, что иной ястребъ уничтожитъ больше птичекъ, чѣмъ поймаетъ ихъ птицеловы цѣлаго города.

М. Богдановъ.

Ужь летять твои сестрицы
 Къ намъ изъ-за моря сюда:
 Жди-же, жди весны царицы,
 Теплои ночи и гнѣзда.
 Я пущу тебя на волю;
 Но, послушай: заведешь
 Ты мнѣ пѣсенку, что полю
 И своимъ лѣсамъ поешь?
 Знаешь, ту, что полюбили
 Волны, звѣзды и цвѣты,
 А задумали—сложили
 Ночи вешня, да ты.

Л. Мей.

Есть въ осени первоначальной
 Короткая, но дивная пора:
 Весь день стоитъ какъ бы хрустальный
 И лучезарны вечера.
 Гдѣ бодрый серпъ гулялъ и падалъ колосъ,
 Теперь ужъ пусто все—просторъ вездѣ;
 Лишь паутины тонкѣй волосъ
 Блеститъ на празднои бороздѣ.
 Пустѣетъ воздухъ, птицъ не слышно болѣ;
 Но далеко еще до первыхъ зимнихъ бурь,
 И льется чистая и теплая лазурь
 На отдыхающее поле.

А. Тютчевъ.

АИСТЪ.

(По М. Мензбиру).

АИСТЪ—большая, красивая птица, бѣлаго цвѣта, съ черными крыльями, краснымъ клювомъ и красными же ногами. У насъ, въ Россіи, онъ водится только въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, изъ которыхъ улетаетъ на зиму въ Африку.

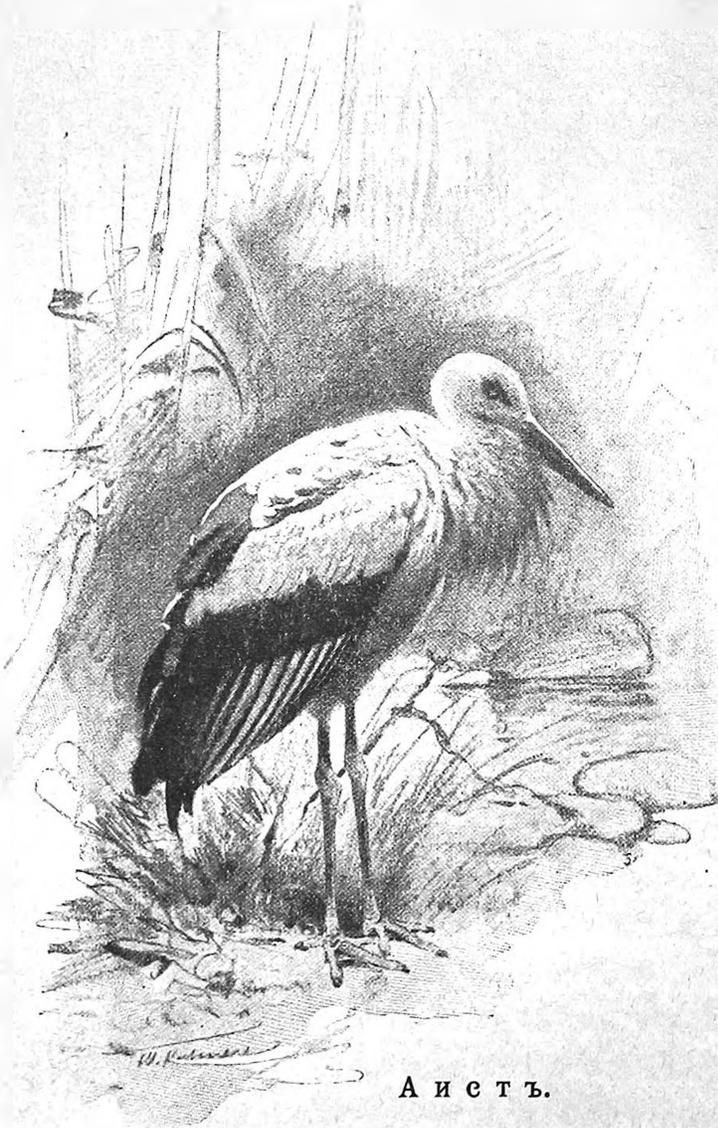
Аистъ, какъ и ласточка, прижился къ человѣку, со стороны котораго встрѣчаетъ любовь, вниманіе и заботы. И хотя аистъ, безъ сомнѣнія, стоитъ всѣхъ этихъ попеченій человѣка, однако надо признать, что попеченіе объ этой птицѣ происходитъ не столько отъ сознанія той пользы, которую она приноситъ, сколько отъ укоренившагося въ народѣ повѣрья, что аистъ «приноситъ счастье».

Возвратившись весною на родину, парочка аистовъ прежде всего осматриваетъ свое старое гнѣздо, которое устриваетъ либо на крышѣ дома, либо на сломанной верхушкѣ высокаго дерева. Обыкновенно зима не проходитъ безслѣдно для громоздкаго гнѣзда, построеннаго изъ сучьевъ и высланнаго изнутри шерстью, сухой травой, перьями и другимъ мягкимъ матерьяломъ; аистамъ приходится сдѣлать въ немъ не мало починковъ и поправокъ. Оттого гнѣздо этихъ птицъ со временемъ принимаетъ очень большіе размѣры, достигая иногда въ поперечникѣ чуть не до одной сажени.

Аистъ очень прожорливъ и неразборчивъ на ѣду. Лягушки, змѣи, ящерицы, мыши и другіе мелкіе звѣрки, птички, улитки и насѣкомыя поѣдаются имъ въ огромномъ количествѣ. Чтобы наѣсться досыта, аистъ принимается за охоту съ ранняго утра. Однако, какъ бы онъ ни былъ голоденъ, въ его движеніяхъ никогда нельзя замѣтить торопливости или суетливости: спокойно прохаживаясь по лугу, полю, болоту, онъ хватается добычу какъ бы мимоходомъ, и пойманныхъ змѣй обыкновенно подбрасываетъ нѣсколько разъ кверху, прежде чѣмъ проглотить. Большіе, широко разставленные пальцы, съ перепонками въ углахъ, даютъ аисту полную возможность ходить

даже въ очень топкихъ мѣстахъ, а сильныя ноги безъ устаны выдерживаютъ такую ходьбу въ теченіе многихъ часовъ. Наконецъ, сильный клювъ аиста, съ острыми краями, облегчаетъ схватываніе и удержаніе добычи. Насытившись, аистъ любитъ подоить отдыхать, стоя на одной ногѣ на краю гнѣзда, на крышѣ или на деревѣ.

Аистиха кладетъ отъ 3 до 5 яицъ, бѣлаго цвѣта, и насиживаетъ ихъ около мѣсяца, при чемъ или чередуется съ самцомъ, или высиживаетъ одна, а самецъ охраняетъ и кормитъ ее. Птенцы требуютъ много корма и родителямъ стоитъ большихъ трудовъ накормить ихъ, тѣмъ болѣе, что они не оставляютъ дѣтей однихъ, безъ присмотра, и улетаютъ съ гнѣзда за кормомъ, по очереди. Лишь черезъ два мѣсяца по вылупленіи изъ яйца, молодые подростаютъ настолько, что могутъ уже сами добывать себѣ кормъ.

А и с т ь .

Иногда аисты гнѣздятся также и колоніями, на рядомъ стоящихъ деревьяхъ, въ концѣ же лѣта очень часто образуютъ большія стада (иногда тысячныя) для совмѣстныхъ охотъ. Особенно часто собираются они для истребленія саранчи, при чемъ обнаруживаютъ большую смѣтливость. Если саранча занимаетъ сравнительно небольшой участокъ, аисты окружаютъ его и систематически истребляютъ ту саранчу, которая хочетъ выйти за предѣлы ихъ кольца. Вмѣстѣ съ тѣмъ, кольцо день ото дня суживается и черезъ нѣкоторое время дѣло обыкновенно оканчивается полнымъ истребленіемъ саранчи.

Вслѣдствіе особенности устройства горла, аисты не имѣютъ голоса и замѣняютъ этотъ недостатокъ щелканьемъ клюва.

Летаетъ аистъ хорошо и часто паритъ, распластавъ крылья. Во время полета онъ не вытягиваетъ свою шею, какъ это дѣлаетъ цапля, а напротивъ, вытягиваетъ ее, такъ же, какъ вытягиваетъ назадъ и свои длинныя ноги, которыми управляетъ на полетѣ, какъ рулемъ (вмѣсто хвоста, который у него очень коротокъ).

Истребленіемъ саранчи, мышей, ядовитыхъ змѣй и многихъ другихъ вредныхъ тварей, аистъ оказываетъ намъ большія услуги и является одною изъ полезнѣйшихъ нашихъ птицъ.

У Т Р О.

Звѣзды меркнуть и гаснуть. Въ огнѣ облака.
 Бѣлый паръ по лугамъ разстилается.
 По зеркальной водѣ, по кудрямъ лозника
 Отъ зари алый свѣтъ разливается.
 Дремлетъ чуткій камышъ. Тишь — безлюдье воеругъ.
 Чуть примѣтна тропинка росистая.
 Кустъ задѣнешь плечомъ, — на лицо тебѣ вдругъ
 Съ листьевъ брызнетъ роса серебристая.
 Потянулъ вѣтерокъ, — воду морщить, рябитъ.
 Понеслись утки съ шумомъ и скрылися.
 Далеко, далеко колокольчикъ звенить.
 Рыбаки въ шалапѣ пробудилися,
 Сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ...
 А востокъ все горитъ разгорается.
 Птички солнышка ждуть, птички пѣсни поютъ,
 И стоитъ себѣ лѣсъ, улыбается.
 Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашенъ блеститъ,
 За морями ночлегъ свой покинуло;
 На поля, на луга, на макушки раки
 Золотыми потоками хлынуло.

И. Никитинъ.

У Ж Ъ.

(По М. Богданову).

ЖЪ—САМАЯ обыкновенная наша змѣя, однако, рѣдко когда попадаетъ намъ на глаза: онъ знаетъ, что встрѣча съ человѣкомъ грозитъ ему бѣдой. Пройдите всю Русь изъ конца въ конецъ: навѣрное, всюду вы услышите, что ужъ страшно ядовитъ, что укушеніе его опаснѣе гадюкина. Во многихъ мѣстностяхъ народъ глубоко убѣжденъ, что если укуситъ ужъ, одно спасеніе—кинуться скорѣе въ рѣку. Конечно, это—чистѣйшая басня.

Ужъ не только не ядовитъ, но даже и укуситъ-то не можетъ. Зубы его такъ мелки, что онъ не въ состояніи даже оцарапать пипи кожу человѣка. А терпитъ онъ напраслину за свою злючку кузину-гадюку. Если вы пересилите свое отвращеніе къ змѣиной фигурѣ ужа и познакомитесь съ нимъ поближе, то, можетъ быть, ваше мнѣніе о немъ совсѣмъ измѣнится. Но я отнюдь не намѣренъ защищать ужа. Я вообще не люблю змѣй.

Называя ужа безвреднымъ для человѣка, я не думаю утверждать, что въ немъ нѣтъ змѣиныхъ качествъ: злости, глупости и хищности. Ознакомимся немножко съ его жизнью и дѣятельностью. Ужъ водится почти по всей Европейской Россіи, въ лѣсныхъ и степныхъ мѣстахъ, но всюду онъ любитъ жить по берегамъ рѣкъ, прудовъ и озеръ, на болотистыхъ лугахъ, по огородамъ, а изрѣдка и въ самыхъ селеніяхъ. Около человѣка онъ поселяется рѣдко, потому только, что очень боится его, хотя житейскія выгоды и привлекаютъ его къ человѣческому жилищу. Здѣсь ему сытно и тепло. Ужъ любитъ мелкую живность: мышей, птенцовъ маленькихъ птичекъ, которыя гнѣздятся на землѣ, а пуще всего лягушекъ и жабъ. Мышей на нашихъ дворахъ не оберешься. Въ садахъ и огородахъ, по берегамъ рѣкъ, лягушекъ и жабъ множество, но мыши и жабы не могли бы привлечь ужа въ жилище человѣка: его, большей частію, влечетъ сюда тепло. Забравшись во дворъ, ужъ поселяется обыкновенно подъ поломъ конюшенъ и хлѣвовъ, около навозныхъ кучъ. Навозъ, какъ

известно, въ самое холодное время сохраняетъ теплоту: вотъ это-та теплота и привлекаетъ ужа.

Подобно всѣмъ змѣямъ, у ужа кровь холодная, поэтому, съ наступленіемъ осеннихъ морозовъ, чтобы не замерзнуть, онъ прячется

У ж ъ .

въ норы различныхъ звѣрковъ, заползаетъ въ дупла и подъ коренья деревьевъ, зарывается въ гниющіе, опавшіе листья. Но, русскій морозъ шутить не любитъ и губитъ ежегодно безчисленное множество ужей. Чтобы спасти себя, ужъ старается забраться на зиму въ такое мѣсто, гдѣ его не достанетъ морозъ: въ стога сѣна, въ копны хлѣба.

въ овины, въ навозныя кучи. Заботясь о себѣ, ужъ заботится также и о своемъ потомствѣ, поэтому весной онъ кладетъ свои яйца (отъ 15 до 30 шт.) въ кучу гнѣющихъ листьевъ или зарываетъ ихъ въ навозъ.

Яйца ужа формой своей очень похожи на голубиныя, но только у нихъ нѣтъ скорлупы. Ужъ кладетъ ихъ, обыкновенно, въ іюль или въ началѣ августа въ навозъ или въ гнѣющіе листья, для того, чтобы теплота навоза и листьевъ помогла развиваться въ нихъ зародышамъ—маленькимъ, красивымъ ужаткамъ. Недѣли черезъ три, ужатки развиваются въ яйцѣ совершенно, подобно цыплятамъ, прорываютъ упругую бѣлую оболочку, замѣнявшую скорлупу, выползаютъ изъ навоза и отправляются отыскивать себѣ пищу.

Новорожденный ужонокъ—бойкая и красивая змѣйка, около четверти аршина длины; какъ только онъ обсохнетъ, въ какой-нибудь часъ, полтора, его мягкій покровъ сдѣлается такимъ же упругимъ, какъ и у стараго. Первая забота ушонка—спрятаться хорошенько въ травѣ. Это, вѣдь, сирота; это не глупый галчонокъ или воробье-нокъ, которому отецъ и мать цѣлые дни таскаютъ пищу. Здѣсь не то. Снесетъ ужъ свои яйца, зароетъ ихъ въ навозъ—и кончены всѣ его заботы.

Бѣдный ужонокъ и въ глаза не видитъ ни отца, ни матери. Прошелъ день, другой послѣ того, какъ онъ выползъ изъ яйца, голодъ даетъ себя знать, а гдѣ искать пищу, какая это пища, какъ ее добыть—того никто не скажетъ ушонку. Самъ ищи, самъ догадывайся кого можно съѣсть. Вотъ ползаетъ онъ въ густой травѣ, хватается все, что движется, все живое. Сообразите сами, сколько онъ потерпитъ неудачъ. Схвативъ жертву не по силамъ—подавился, а то и головой поплатился; и вотъ изъ многочисленнаго потомства ужа въ иной годъ не остается ничего, всѣ пропадутъ. Да, кромѣ того, на ужиное мясо тоже вѣдь есть охотники. Въ зеленой муравѣ луговъ бродитъ колючій ежъ, самый страшный бичъ и истребитель змѣй. Молодымъ ушонкомъ не побрезгуютъ также ни ласочка, ни хорець. Посухимъ тополямъ, въ лугахъ сидятъ канючки—толстыя, неповоротливыя хищныя птицы, для которыхъ змѣиное мясо—первое лакомство. Да всѣхъ враговъ и не перечтешь. Надо подивиться, какъ еще водятся у насъужи. Но, чѣмъ дивиться, лучше прослѣдить, какъ поживаетъ ужъ.

Лишь только начнетъ падать листь съ деревьевъ, ужъ забирается на зимовку. Мы говорили куда. Но вотъ зима приходитъ къ концу. Тѣужи, которые спрятались половчѣе въ теплыя, укромныя мѣста и которыхъ не сгубилъ морозъ, съ наступленіемъ весны, въ апрѣлѣ.

просыпаются и вылѣзаютъ наружу. Полусонныя насѣкомыя, улитки, выползшія погрѣться на солнцѣ, доставляютъ ужю обильную пищу. Отогрѣлся на вешнемъ солнцѣ ужъ, собрался съ силами, и вотъ кожица на его губахъ лопается, а затѣмъ эта кожа отстаетъ отъ всего тѣла. Ужъ обвивается около какого-нибудь деревца или колышка и начинаетъ, въ буквальномъ смыслѣ, изъ кожи лѣзть. Дѣйствительно, старая кожа остается тутъ только въ видѣ полупрозрачнаго чехла, имѣющаго форму ужа, а самъ ужъ далеко. Дѣло въ томъ, что ужъ, какъ и другія животныя, линяетъ. Но линяніе это своеобразно. Подъ старой, отжившей кожицей вырастаетъ молодая, а когда она выростетъ совсѣмъ, старая кожа лопается на губахъ, и черезъ это отверстіе ужъ вылѣзаетъ, какъ изъ чехла. Молодая кожа блеститъ яркими красками, отлиываетъ глянцемъ, словомъ, ужъ помолодѣлъ. Движенія его быстры, аппетитъ послѣ зимняго сна хорошъ, и онъ отправляется на промыселъ. Онъ проползъ лугомъ, попробовалъ словить жучка, бабочку—не удалось: вѣдь они тоже весной ловки и увертливы, въ нихъ тоже играетъ жизнь, разогрѣтая вешнимъ солнцемъ. Ужъ не унываетъ. Онъ знаетъ, гдѣ его добыча.

Быстро, безъ шума скользнуть онъ къ берегу пруда или болота. На самомъ берегу и въ водѣ—всюду раздаются задорные крики; это квакаютъ толстыя, большія зеленыя лягушки. Имъ вторятъ травяныя лягушки. Заунывно урчатъ жабы. Лягушечій концертъ въ полномъ разгарѣ. Вотъ на свѣсившихся вѣткахъ тростника солидно урчитъ старая лягушка. Увлеченная пѣснями товарокъ, она совершенно забыла о врагахъ. А изъ чащи зеленой береговой травы уже высунулась блестящая черная головка, съ желтыми пятнышками на затылкѣ. Глаза ея неподвижны, зато раздвоенный языкъ безпрестанно высовывается изъ полукрытаго рта. Схватилъ голодный ужъ лягушку за заднія ноги и началъ ее проглатывать. Лягушка вдвое толще его, но онъ не подавится: ротъ его растягивается безъ труда. Проглотивъ лягушку, ужъ съ большимъ трудомъ, тихо и медленно переползаетъ въ чащу травы и засыпаетъ глубокимъ сномъ. Теперь онъ безпомощенъ и беззащитенъ; теперь онъ, въ свою очередь, становится добычей всякаго хищника, который любитъ ужиное мясо. Не ранѣе, какъ дня черезъ два, черезъ три, лягушка переварится въ желудкѣ ужа, и онъ снова отправится на охоту.

Такъ проходитъ все лѣто, да и вся жизнь ужа. Поселясь въ нашихъ домахъ случайно, онъ не можетъ намъ сдѣлать прямо вреда,—т. е. укусить, ужалить. Онъ словитъ нѣсколько мышей за лѣто, чѣмъ окажетъ намъ услугу, но зато съѣстъ также нѣсколько десятковъ лягушекъ и жабъ, которыя намъ безусловно полезны. Поэтому, ни

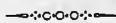
вреднымъ, ни полезнымъ ужа назвать нельзя, и ежели онъ селится около насъ, то хлопотать объ этомъ не стоитъ. Я бы прогналъ его, что не составитъ большого труда; но, съ другой стороны, если ужа не преслѣдуютъ, онъ скоро привыкаетъ къ человѣку, дѣлается смѣливе и даетъ возможность познакомиться съ нимъ, узнать многое изъ жизни того класса уродовъ, скрытныхъ и злыхъ, которыхъ называютъ змѣями.

Гораздо вреднѣе ужъ въ другой средѣ. Если у васъ есть прудъ, озеро, или сажалка, гдѣ вы разводите рыбу, предупреждаю васъ, берегитесь ужа. Онъ отлично ныряетъ и плаваетъ, онъ можетъ проводить цѣлые дни въ водѣ. Горе вашей рыбѣ. Онъ въ водѣ быстрѣе щуки, ловчѣе выдры. Если повадился ужъ въ вашу сажалку—много молодыхъ карасиковъ и другихъ рыбокъ вы не досчитаетесь тамъ.

Сами виноваты. Вы привыкли думать, что ужъ—ядовитый кусака, вы наслушались много басенъ о немъ, а, въ сущности, ужа-то и не знали. Я вамъ напомню эти басни.

Говорятъ, напримѣръ, что ужъ сосетъ молоко у коровъ. Вѣдь это—сущій вздоръ, и никто этого доподлинно никогда не видалъ. Мы теперь знаемъ, почему ужъ держится около хлѣбовъ. Ему нужна не корова, а теплый навозъ, куда онъ приютитъ свои яйца. Станутъ убирать этотъ навозъ, чтобъ вывезти его въ поле, попадутся на лопату яйца ужа—ну, и цѣлое происшествіе. Мигомъ облетитъ деревню вѣсть, что нашли пѣтушиныя яйца. Соберутся деревенскія кумушки и начнутъ судить и тужить. Дѣло въ томъ, что не только у насъ, но и за границей: у нѣмцевъ, французовъ, темный народъ убѣжденъ, что передъ крупной бѣдой или общественнымъ несчастьемъ пѣтухи несутъ яйца, которыя зарываютъ въ навозъ, и что изъ этихъ яицъ выводятся змѣи.

Эта суетвѣрная басня, можетъ быть, многія тысячи лѣтъ передавалась изъ поколѣнія въ поколѣніе; никто не давалъ себѣ труда узнать, чьи это яйца, а за находку ихъ немало пѣтуховъ поплатилось своими головами.

Люблю я подъ вечеръ, тропинкою лѣсною,
Спуститься къ берегу зеленому рѣки
И тамъ, расположась подъ ивою густою,
Смотрѣть, какъ неводъ свой закинутъ рыбаки;
Какъ солнце золотитъ прощальными лучами
И избы за рѣкой, и пашни, и лѣса...

А теплый вѣтерокъ, межъ тѣмъ, шумя листами,
 Едва-едва мои взвѣваетъ волоса,
 И ласково лицо мое цѣлуетъ пва,
 Нагнувъ ко мнѣ свои серебристые листы...
 О, какъ мнѣ хорошо!...

А. Плещеевъ.

Надъ землею воздухъ дышетъ
 День отъ дня теплѣе;
 Стали утромъ зорьки ярче,
 На небѣ свѣтлѣе.

Берега крутые роетъ,
 Разлилась широко...
 Плескъ и шумъ воды бурливой
 Слышенъ издалека.

Всходитъ солнце надъ землею
 Съ каждымъ днемъ все выше,
 И весь день, кружась, воркують
 Голуби на крышѣ.

Въ небо тучка набѣжала,
 Мелкій дождикъ сѣтеъ...
 Въ полѣ травка показалась,
 Поле зеленѣтеъ.

Вотъ и верба нарядилась
 Въ бѣлыя сережки,
 И у хатъ играютъ дѣти,—
 Веселятся крошки.

На брединникѣ, на пвахъ
 Развернулись почки,
 И глядятъ, какъ золотые,
 Свѣтлые листочки.

Рады солнечному свѣту,
 Рады дѣти волѣ,
 И теперь ихъ въ душевной хатѣ
 Не удержишь болѣ.

Вотъ и лѣсъ одѣлся, пѣсни
 Птичекъ зазвенѣли,
 Надъ травой цвѣтовъ головки
 Ярко запестрѣли.

Вотъ и ледъ на рѣчкѣ треснулъ,
 Рѣчка зашумѣла
 И съ себя зимы оковы
 Сбрасываетъ смѣло;

Хороша весна-царица,
 Въ плащъ цвѣтной одѣта!
 Много въ воздухѣ разлито
 И тепла и свѣта.

И. Суриковъ.

В Е Р Б А.

«Другіе рѣзали вѣтви отъ дерева
и постилали по дорогѣ».

[ЕВ. ОТЪ МАРКА, ГЛ. 11 (8)].

МЫ, въ воспоминаніе священнаго событія Входа Господня въ Іерусалимъ, встрѣчаемъ въ храмѣ Божіемъ этотъ праздникъ съ вѣтвями въ рукахъ—съ нарѣзанными вѣтвями вербы. Почему именно съ вѣтвями вербы, а не другого какого-нибудь дерева или кустарника? А потому, что къ тому дню года, въ который празднуется день Входа въ Іерусалимъ, только одна верба успѣваетъ уже пробудиться отъ зимняго сна—распускаетъ свои почки на вѣткахъ, всѣ же остальные деревья и кусты въ это время стоятъ еще въ своемъ зимнемъ видѣ.

Распускаетъ верба къ «вербной» субботѣ только свои цвѣточныя почки; тѣ же почки, въ которыхъ скрыты будущіе молодые листики, распускаются гораздо позже—черезъ мѣсяць, а то и больше. Теперь, въ Вербную субботу, эти листовыя почечки едва лишь примѣтны на вѣткахъ вербы—такія онѣ маленькія и придавленные къ вѣткѣ. Распустившіяся, или, вѣрнѣе, полураспустившіяся, цвѣточныя почки вербы и являются тѣми серебристыми пушистыми «барашками», которые составляютъ милое украшеніе вербныхъ вѣтокъ. До полного распусканія этихъ почекъ, то есть до ихъ цвѣтенія, пройдетъ тоже еще не одна недѣля. Теперь эти «барашки»—еще только набухшія почки, освободившіяся отъ своей кожистой непромокаемой покрывки, которая защищала ихъ отъ осенней и зимней непогоды. Отъ пригрѣва мартовскаго солнышка, почка набухла, покрывка лопнула, въ видѣ колпачка сползла со скользкаго шелковистаго «барашка» и упала на землю. Въ ней, т.-е. въ покрывкѣ, теперь уже больше надобности нѣтъ. Въ иные годы, когда долго держится теплая осень, случается, что покровныя колпачки съ вербовыхъ цвѣточныхъ почекъ спадаютъ еще въ ноябрѣ, и тогда верба зимуетъ съ «барашками» на вѣткахъ.

Если принесенную въ комнату вербу поставить въ какую-нибудь посудину (лучше всего въ бутылку) съ водой и держать въ сыромъ прохладномъ мѣстѣ, то «барашки» на вѣткахъ будутъ продолжать расти — станутъ расширяться, вытягиваться и черезъ нѣсколько дней могутъ уже зацвѣсти. (Въ сухомъ мѣстѣ «барашки» расти не могутъ, сохнутъ и опадаютъ отъ вѣтокъ).

Передъ тѣмъ какъ «барашку» зацвѣтаетъ, изъ-подъ его пушистой шубки отовсюду начинаютъ показываться какъ бы крошечныя желтыя зернышки, иногда слегка зарумяненные: «барашекъ» начинаетъ желтѣть. Еще немного времени спустя, можно хорошо увидѣть, что весь «барашекъ» составленъ изъ множества маленькихъ лапчечекъ, отороченныхъ серебристыми волосками, и что желтыя «зернышки» выходятъ изъ-подъ каждой такой лапочки попарно. Каждое зернышко сидитъ на концѣ тоненькой бѣлой ниточки. Каждая такая пара ниточекъ съ «зернышками», вмѣстѣ со своей пушистой лапчочкой, составляютъ

одинъ цвѣточекъ вербы. Такимъ образомъ, каждый «барашекъ» вербовой вѣтки составленъ изъ множества крошечныхъ цвѣточковъ, тѣсно прижавшихся другъ къ другѣ. Пушистыя же ла-

Ива (верба).

a—вѣтка съ листьями; *b*—часть вѣтки съ цвѣтущимъ плодниковымъ барашкомъ; *c*—часть вѣтки съ цвѣтущими цвѣтневыми барашками.

почки этихъ цвѣточковъ, всѣ вмѣстѣ, составляли ту серебристую шубку «барашка», которая, вмѣстѣ съ непромокаемымъ колпачкомъ-покрышкой, защищала зимою цвѣточки вербы отъ стужи и непогоды. Цвѣточки эти дремали всю долгую зиму, скрытые глубоко подъ теплою шубкой «барашка».

Вскорѣ послѣ того, какъ «барашекъ» вербы пожелтѣетъ, выдвинувшіяся изъ подъ его пушистыхъ лапчечекъ желтыя «зернышки» начинаютъ растрескиваться и выпускать изъ себя желтый порошокъ. Порошокъ этотъ липкій: онъ не осыпается если встряхнуть вѣтку, но пристаеетъ къ пальцамъ и ко всему, что дотрогивается до цвѣтущаго «барашка». Вотъ, въ это-то время, къ вербѣ цвѣтущей на волѣ—въ лѣсу или на полѣ—начинаютъ слетаться пчелы: онѣ спѣшатъ къ ней за первымъ медомъ и первой обножкой. Набравши меду и полныя лапки цвѣточнаго порошку, въ желтыхъ «штанишкахъ», съ первымъ взяткомъ, радостно летятъ онѣ обратно въ свой родной улей. Изъ этого цвѣточнаго порошка, или цвѣтени, — какъ его обыкновенно называютъ, — пчелки будутъ готовить въ ульѣ кашницу съ медомъ—такъ называемую хлѣбину—для выкармливанія своихъ дѣтокъ (червь). Весело въ это время около вербы. Цѣлый день гулъ стоитъ надъ нею отъ множества пчелъ, къ которымъ присосѣживаются также неуклюжіе шмели и желтобрюхія осы. И бабочекъ, первыхъ весеннихъ, почти всегда можно тутъ-же встрѣтить. Онѣ также летятъ на вербу—сососать свѣжаго медку, который крошечными капельками выдѣляется каждымъ цвѣточкомъ цвѣтущаго «барашка».

Однако, верба не даромъ угощаетъ слетающихся къ ней гостей. Услуга за услугу. Въ чемъ-же состоитъ та услуга, которую оказываютъ вербѣ всѣ эти пчелки, бабочки, осы и шмели? А вотъ въ чемъ.

Тамъ, гдѣ растетъ много вербы, можно видѣть, во время ея цвѣта, что на однихъ кустахъ, всѣ цвѣтущіе «барашки» желтые—скажемъ «порошковые», цвѣтневые, на другихъ же — они всѣ сѣровато-зеленые и поменьше величиной. Если разсмотрѣть поближе такой сѣровато-зеленый «барашекъ», оказывается, что онъ весь составленъ какъ бы изъ крошечныхъ зелененькихъ бутылочекъ съ вытянутымъ узкимъ горлышкомъ, а на концѣ горлышка—головка, раздѣленная на двое. При каждой такой «бутылочкѣ» находится по такой-же пушистой лапкѣ, какую мы видѣли и при каждомъ отдѣльномъ цвѣточкѣ порошковаго «барашка». Всѣ эти «бутылочки», съ ихъ пушистыми лапками—тоже цвѣточки вербы, но только цвѣточки иного рода—плодниковые: въ нихъ зарождаются сѣмена вербы. Вотъ, для того-

то, чтобы въ этихъ цвѣточкахъ-бутылочкахъ зародились сѣмена, и нужна услуга пчелъ, бабочекъ и другихъ насѣкомыхъ. Дѣло въ томъ, что сѣмена въ этихъ цвѣточкахъ тогда только могутъ зародиться, когда на головки цвѣтчиковъ-бутылочекъ попадетъ тотъ желтый порошокъ, который образуется на порошковыхъ «барашкахъ» и который собирается пчелами какъ обножка. Такъ какъ «барашки» съ плодниковыми цвѣтами тоже выдѣляютъ изъ себя медъ, то пчелы и другія насѣкомыя, перелетая, въ поискахъ за медомъ, съ одной цвѣтущей вербы на другую, присаживаются то на цвѣтневой «барашекъ», то на плодниковой. Вымазавшись липкимъ порошкомъ на одной вербѣ, онѣ переносятъ его (на лапкахъ, крылышкахъ, волосяной грудкѣ и проч.) на другую, гдѣ, ползая по цвѣтущему барашку, оставляютъ часть этого порошка на головкахъ «бутылочекъ», къ которымъ этотъ порошокъ и прилипаетъ. Когда это произошло, тогда въ «бутылочкахъ» начинаютъ завязываться сѣмена, которыя, если погода держится теплая, скоро и созрѣваютъ: недѣли черезъ двѣ-три. Когда сѣмена созрѣютъ, «бутылочка» засыхаетъ, растрескивается на двое и выпускаетъ изъ себя пушистыя сѣмяна, которыя въ видѣ бѣлаго пуха разносятся вѣтромъ въ разныя стороны.

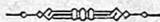
Нерѣдко, вѣтки вербы, поставленныя въ воду, выпускаютъ изъ себя зеленые листочки и корешки. Такую вѣтку съ корешками можно посадить въ землю — въ саду или на огородѣ: тамъ она примется и выростетъ деревцомъ или кустикомъ.

У вербы есть большая родня среди нашихъ деревьевъ и кустарниковъ. Лоза, ветла, ракета, молокита, бредина, верболозь, ломашникъ, красноталь, черноталь, бѣлоталь — все это разные родичи вербы, которыхъ садовники и лѣсничіе соединяютъ подъ однимъ общимъ названіемъ — ивы. Нашу «церковную» вербу называютъ также шелюгой и красноталомъ — по красному цвѣту коры ея вѣтокъ. Впрочемъ, въ сельскихъ церквахъ «вербой» бывають вѣтки отъ разныхъ породъ ивъ, лишь бы только на нихъ находились серебристыя «барашки». Ивы растутъ повсюду: по пескамъ, покосамъ, болотамъ, лѣсамъ, по берегамъ рѣкъ, озеръ и прудовъ — разные породы по разнымъ излюбленнымъ ими мѣстамъ. Онѣ приносятъ намъ много разной пользы. Такъ, сушеная и измельченная ивовая кора во множествѣ употребляется нашими кожевниками, при обработкѣ (продубливаніи, дубленіи) кожи — на сапожный и разный другой кожевенный товаръ. Въ Петербургѣ, на кожевенныхъ заводахъ, за пудъ сухого ивового корья платятъ 60 и 80 копеекъ, а то бываетъ и

дороже. Много идетъ тонкихъ и гибкихъ ивовыхъ прутьевъ на разные плетенныя издѣлія — корзины и проч. Въ малолѣсныхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ дорогъ хорошей строевой лѣсы, нерѣдко можно встрѣтить избы, срубленныя изъ ивовыхъ бревенъ — изъ породъ ивы вырастающихъ крупными деревьями; таковы, на примѣръ, ветла, бредина и нѣкоторыя другія. И много еще разной другой пользы приносятъ ивы въ хозяйствѣ русскаго народа.

Произрастая повсемѣстно на обширномъ пространствѣ нашего отечества, ива-ивушка хорошо знакома русскому народу и народъ ее любитъ: любитъ онъ «вербу», красующуюся своими серебристыми барашками, при зажженныхъ восковыхъ свѣчахъ, въ Вербную субботу; любитъ онъ и зеленое деревцо-ивушку и зеленый «раkitовый кусточекъ», поминаетъ о нихъ въ сказкахъ и поетъ про нихъ въ своихъ пѣсняхъ.

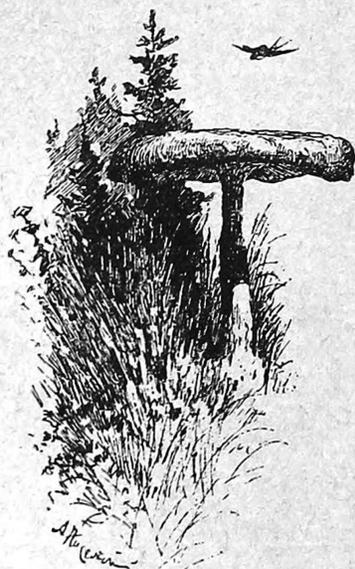
Д. Кайгородовъ.

БѢЛАЯ ТРЯСОГУЗКА.

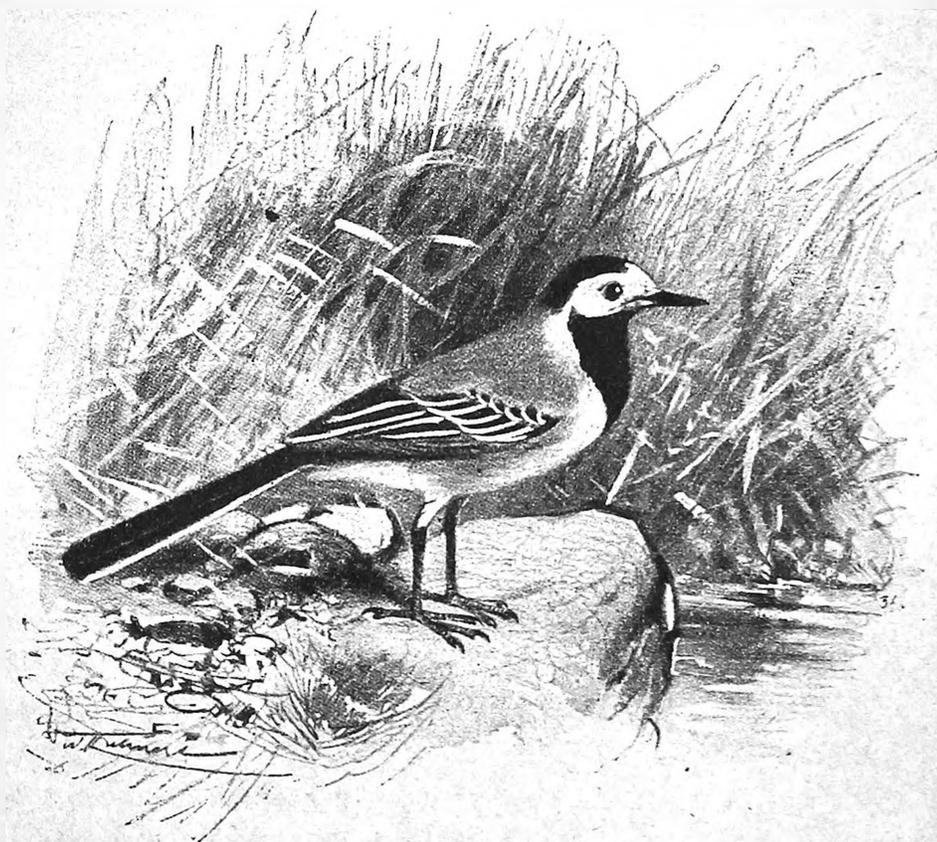
Еще въ поляхъ бѣлѣтъ снѣгъ,
А воды ужъ весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный берегъ,
Бѣгутъ и блещутъ, и гласятъ...
Онѣ гласятъ во всѣ концы:
«Весна идетъ, весна идетъ,
«Мы молодой весны гонцы;
«Она насъ выслала впередъ.
Весна идетъ, весна идетъ!
И тихихъ, теплыхъ, майскихъ дней
Румяный, свѣтлый хороводъ
Толпится весело за ней!»

Ө. Тютчевъ.

КАКЪ «ГЛАСЯТЪ» шумно-бѣгущія вешнія воды, а имъ радостно вторитъ, своимъ серебристымъ голоскомъ, маленькая, милая птичка — трясогузка. Она всего лишь нѣсколько дней какъ прилетѣла изъ теплыхъ странъ, гдѣ проводила нашу зиму, и теперь весело «цизикаетъ», сидя на пригрѣтой солнцемъ дровяной полѣнницѣ, стоящей, въ ожиданіи сплава, на берегу вздутой вешними водами рѣчки. (Большія рѣчки еще не вскрылись, но прилетѣвшія трясогузки скоро «перебьютъ ледъ своими трясучими длинными хвостиками», — какъ говоритъ народъ, шутя, — про трясогузку). Вотъ, наша птичка вспорхнула, сдѣлала

искусный, крутой поворотъ въ воздухѣ и снова сѣла на прежнее мѣсто, неистово замахавъ при этомъ вверхъ и внизъ своимъ хвостикомъ. «Ци-зи, ци-зю!» — раздалось опять весело съ полѣнницы: должно быть очень вкусно оказалась только что пойманная большая блестящая муха, изъ тѣхъ, которыя всегда появляются ранней весной на солнечной сторонѣ деревянныхъ домовъ, заборовъ и дровяныхъ полѣнницъ. А вонъ, тамъ, на узкой песчаной полоскѣ берега,

Бѣлая трясогузка.

у самой воды, бѣгаетъ другая трясогузочка: она гоняется за мошкой, «танцующей» въ воздухѣ надъ мокрымъ пескомъ. Какія быстрыя, порывистыя и вмѣстѣ съ тѣмъ граціозныя движенія! Съ какой неизвѣрной быстротой перебираетъ она, на бѣгу, своими ножками, вытянувши горизонтально свой хвостикъ и головку; но чуть остановилась — тотчасъ же подобралась и успленно замахала хвостикомъ. Она прѣдка отвѣчаетъ отрывистымъ, громкимъ «ци-зи» или «ци-зю» своему супругу, охотящемуся за мухами, на дровяной полѣнницѣ.

Наружность трясогузки, конечно, извѣстна, всякому. Взгляните на помѣщенную здѣсь картиночку: вы тотчасъ же, конечно, скажете, что много разъ видѣли эту хорошенькую птичку, и преимущественно встрѣчали ее близъ воды, по берегамъ ручьевъ и рѣкъ, которые и составляютъ любимое ея мѣстопребываніе. Госпожа трясогузочка мало

отличается, по наружному виду, отъ своего супруга, съ которымъ окрашена почти одинаково—въ пестрый бѣло-черно-сѣрый нарядъ; только черный нагрудничекъ у нея нѣсколько меньшей величины, чѣмъ у самчика.

Бѣлая трясогузка—одна изъ самыхъ распространенныхъ и многочисленныхъ нашихъ птицъ. Она гнѣздится по всей Россіи, отъ Лапландіи до Кавказа и Крыма, и повсюду является одной изъ самыхъ обыкновенныхъ и общепзвѣстныхъ птичекъ. На зиму улетаетъ, стайками, на югъ, до внутреннихъ странъ Африки и южной Азии, хотя впрочемъ, нѣкоторые единичные экземпляры перезимовываютъ перѣдко и въ южной Европѣ.

Характеръ у трясогузки необыкновенно живой и подвижный. Она сидитъ спокойно и не машетъ хвостикомъ только въ то время, когда поетъ свою, хотя и весьма простенькую и малозвучную, но чрезвычайно оживленную и веселую пѣсенку. Впрочемъ, пѣсенка эта поется также, перѣдко, и во время полета при бѣготнѣ въ погоню за насѣкомыми, составляющими ея исключительную пищу.

Одною изъ отличительныхъ чертъ характера трясогузки является непримиримая вражда къ хищнымъ птицамъ, которыхъ она преслѣдуетъ съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ и смѣлостью. Завидя пролетающаго невдалекѣ ястреба, трясогузка сейчасъ же бросается вслѣдъ за нимъ и начинаетъ отчаянно «цизикать». На ея крикъ быстро слетаются трясогузки со всей окрестности, и всѣ, съ шумомъ и гамомъ, гоняются за ненавистнымъ хищникомъ, пока не прогонятъ его достаточно далеко отъ той области, которую считаютъ своею. Очень часто, въ такой погонѣ, къ трясогузкамъ присоединяются ласточки и другія птицы.

Гнѣздятся трясогузки преимущественно въ рѣчныхъ долинахъ, въ трещинахъ береговъ, на перекладинахъ подъ мостами, въ мельничныхъ плотинахъ, въ дровяныхъ полѣнницахъ, въ дуплахъ береговыхъ пнъ и т. п. Высиживаетъ птенцовъ одна самочка, выкармливанію же помогаетъ и самчикъ; обѣ птички выказываютъ при этомъ горячую и поистинѣ трогательную любовь къ своимъ дѣткамъ. Извѣстны случаи, когда парочка бѣлыхъ трясогузокъ, свивъ гнѣздо въ стоящей у берега баркѣ или въ другомъ какомъ-либо рѣчномъ суднѣ, не покидала своихъ птенцовъ даже и тогда, когда судно это отправлялось въ плаваніе по рѣкѣ.

Подъ осень трясогузки собираются въ стайки и начинаютъ вести кочевую жпзнь: по полямъ, заливному лугамъ, огородамъ, забираясь на ночь въ древесную чащу или въ береговые камыши рѣкъ и озеръ. Къ однимъ стайкамъ постепенно пристають другія и, наконецъ, съ

наступленіемъ осеннихъ заморозковъ, эти милыя, столь оживляющія нашу сѣверную природу, птички покидаютъ насъ—до наступленія того времени, когда снова зашумятъ вешнія воды...

Такъ какъ трясогузка питается исключительно только насѣкомыми и ихъ личинками, то поэтому она является безусловно полезной птицей.

Д. Кайгородовъ.

Лѣсъ и поле зеленѣютъ;
Звукъ рожка гудитъ надъ паствой;
Солнце свѣтитъ, улыбаясь,—
Май, красавецъ юный, здравствуй.

Г. Гейне (Мейснеръ).

...Новая пѣсня изъ рощи несется,
Смѣлостью звуковъ блистаетъ
И перекатными трелями льется—
То соловей распѣваетъ.

Н. Щербина.

Лазурнымъ зеркаломъ стоятъ недвижно воды.
Притихла, вся въ слезахъ, густая сѣнь вѣтвей,
И только пѣснею, царь пѣсни, соловей,
Привѣтствуетъ зарю, великій свѣточъ Бога,
Побѣдно блещущій съ лазурнаго чертога.

В. Величко.

СОЛОВЕЙ.

Давно уже жаворонки разливаютъ серебристые потоки своихъ пѣсенъ надъ полями и нивами. Давно уже сады и рощи оживлены звонкими раскатами пѣсенъ яблниковъ. Давно уже лѣсъ оглашается звучными строфами пѣвчаго дрозда, поющаго подъ сопровожденіемъ цѣлаго хора разноголосыхъ пѣвуновъ, прилетѣвшихъ въ свитѣ таинственной царницы—красавицы-весны. Но, до сихъ поръ все еще чего-то недоставало: не было главнаго «капельмейстера», лишь съ

появленіемъ котораго раздастся настоящій, величественный и великодушный гимнъ «богинѣ Веснѣ».

И вотъ онъ явился—этотъ «канцельмейстеръ»: явилась маленькая сѣренькая птичка, съ большими умными черными глазами,— явился соловей! Явился онъ, по обыкновенію, ночью, и тотчасъ же

«Щелкнулъ, свистнулъ, разсыпался,
Разошелся по воздуху
Серебристыми звеньями,
Загремѣлъ перекатами,
Застоналъ перекликами,
Разлился звонкимъ голосомъ
По всему по поднебесью.
Его слушала, зарумянившись
Подъ фатой своей, браной золотомъ,
Съ неба синяго, заря майская»...¹⁾

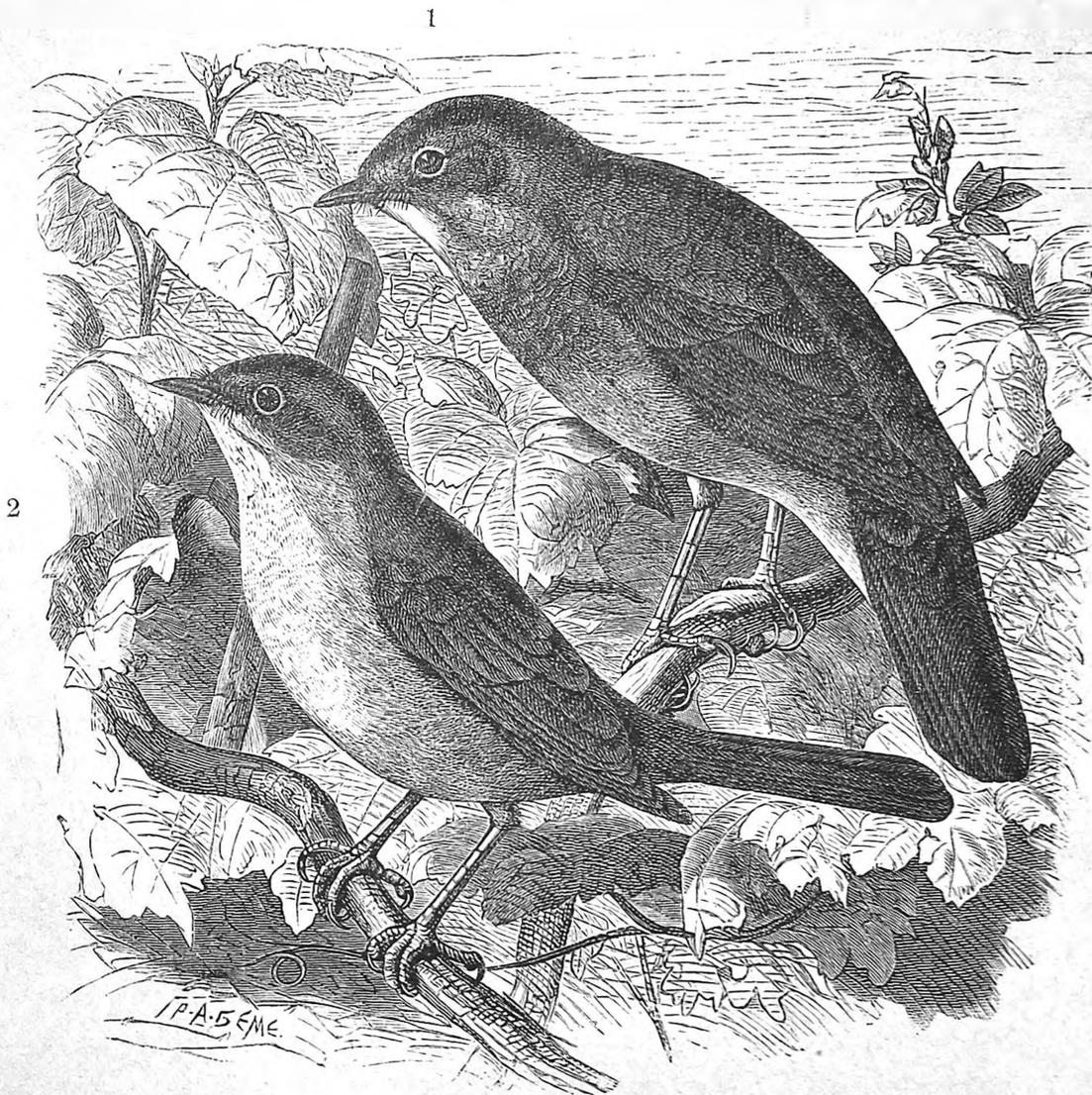
По народной примѣтѣ, «соловей начинаетъ пѣть, когда можетъ напиться воды съ березоваго листка» (т.-е. когда у березы листъ настолько развернется изъ почки, что на немъ можетъ умѣститься капля росы), что обыкновенно бываетъ въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая. Сначала прилетаютъ самцы, а спустя дней 5—6 и самочки. Въ первое время по прилетѣ соловьи поютъ преимущественно по ночамъ, днемъ же лишь изрѣдка пасвистываютъ небольшіе кусочки изъ своихъ пѣсенъ. Не будучи вовсе ночной птицей, соловей превращается на это время въ ночного пѣвца, въ виду того, чтобы пѣсней своей извѣщать и приманивать летящихъ по ночамъ самочекъ (во время весенняго прилета и осенняго отлета соловьи летятъ только по ночамъ). Когда же начнетъ витье гнѣздъ, тогда пѣсни поются больше днемъ, а также по утреннимъ и вечернимъ зорямъ. Впрочемъ, нѣкоторые соловьи такъ и остаются преимущественно ночными пѣвцами, и это болѣею частію бываютъ лучшіе мастера пѣнія.

Самый разгаръ соловьиного пѣнія приходится на время витья гнѣздъ и кладки яицъ. Время это совпадаетъ у насъ съ цвѣтеніемъ черемухи, ландыша и сирени. Съ отцвѣтаніемъ сирени ослабѣваетъ и соловьиная пѣсня, а къ серединѣ іюня и вовсе умолкаетъ. Прекрасный пѣвецъ замолкъ, и мы не услышимъ его болѣе—до слѣдующей весны!

Любимыми мѣстами пребыванія соловьевъ являются поросшія ивовыми и другими кустами долины рѣкъ, полевые болота и вообще всякаго рода кустарники, вблизи проточной или даже стоячей воды,

¹⁾ Д. Минаевъ.

а также большіе сады и парки. Только въ этихъ послѣднихъ, для того чтобы въ нихъ держались соловьи, должны быть глухіе, запущенные и поросшіе кустами (въ особенности крыжовникомъ и смородиной) уголки, въ которыхъ не убирается опавшая, прошлогодняя листва: подъ прикрытіемъ кустовъ, соловей безопасно будетъ вить свое гнѣздо на землѣ или не высоко надъ нею; въ прошлогодней

С о л о в ъ и.

1.—обыкновенный; 2.—западный.

же листвѣ будетъ копошиться, разыскивая въ ней свой кормъ, состоящій изъ различнаго рода червей, гусеницъ, личинокъ, небольшихъ жучковъ и другихъ насѣкомыхъ. Осенью соловьи охотно ѣдятъ также и разныя ягоды, въ особенности черную бузину.

По землѣ соловей прыгаетъ на манеръ дрозда—большими энергичными скачками. При этомъ, послѣ каждыхъ трехъ-четырехъ прыжковъ, обыкновенно, останавливается и, граціозно выпрямившись и

вздернувъ свой довольно длинный хвостикъ высоко надъ крыльями, оглядывается вокругъ,—совсѣмъ такъ, какъ это дѣлаютъ дрозды, которымъ соловей приходится весьма близкимъ родственникомъ.

Во время пѣнія соловей сидитъ бѣльшею частію не высоко (на деревѣ или кустѣ), всегда насупившись, какъ бы сторбившись, свѣсивъ крылышки, и позволяетъ обыкновенно, подойти къ себѣ довольно близко. Вообще, соловей—птица довѣрчивая и не струсая, а потому легко идетъ во всякія западни и ловушки.

Гнѣздо соловья не представляетъ собою особенно искусной постройки. Снаружи оно состоитъ, обыкновенно, изъ сухихъ прошлогоднихъ листьевъ, внутри же—изъ тонкихъ, сухихъ травокъ и былинчекъ. Птенчики выкармливаются гусеницами, личинками и червячками. Въ концѣ іюня молодые соловушки уже вылетаютъ изъ гнѣзда, — въ сѣроватомъ опереніи, съ бурыми крапинками; старики же вскорѣ послѣ этого начинаютъ линять, — мѣняютъ старыя поизносившіяся перья на новыя.

Въ концѣ августа соловьи отлетаютъ на югъ. Сначала все собираются, перелетаютъ по кустамъ одинъ къ другому, какъ бы переговариваясь тихимъ «такъ-такъ», потомъ вдругъ оставляютъ обитавшую ими мѣстность. Трогаются въ путь всегда вечеромъ, когда стемнѣетъ, и летятъ небольшими стайками — въ два-три семейства. Улетаютъ они далеко — въ тропическія страны. Лѣтомъ соловей водится, за исключеніемъ крайняго сѣвера, во всей Россіи, — повсюду, гдѣ только есть подходящія для него мѣста. Онъ гнѣздится также въ Крыму и на Кавказѣ.

Пѣніе соловья, конечно, извѣстно каждому. Нужно только замѣтить, что между соловьями, рядомъ съ первоклассными пѣвунами, бываютъ и весьма посредственные. Плохіе пѣвуны — это бѣльшею частію соловьи молодые, еще не успѣвшіе перенять у стариковъ ихъ мастерство. Также и по мѣстностямъ есть различія въ пѣніи этихъ птицъ: въ однихъ мѣстахъ держатся все хорошіе пѣвцы (конечно, не считая начинающихъ молодыхъ), въ другихъ же — знатокъ соловьиного пѣнія забракуетъ всѣхъ поющихъ соловьевъ. Выражаясь словами птичника, «иной дѣльно поетъ, съ толкомъ, и колѣна хороши, и складъ есть, а иного и слушать досадно: огородникъ — кричитъ зря. Ни складу, ни ладу, только мѣшаетъ хорошаго слушать». По мнѣнію птичниковъ, превосходные пѣвцы водятся именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ птица держится свободно въ большомъ количествѣ, не пугана, не вылавливается, потому что одинъ хорошій соловей нѣсколькихъ «ставитъ на хорошую пѣсню». Лѣтъ 20—30 тому назадъ особенно славились курскіе соловьи, за которыхъ любители

плачивали до 2,000 рублей за штуку. Въ настоящее время предпочитают соловьи кievскіе; 100—200 рублей за хорошаго пѣвца— и въ нынѣшнее время не рѣдкость. А какіе бываютъ любители и знатоки соловьевъ, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа одного птицелова:

«Помнится, въ барскомъ лѣсу крыль я соловьевъ. Пришелъ ночью: темно, зги не видно; мѣсто было замѣчено. По дорогѣ кое-какъ прошелъ, а какъ своротилъ въ сторону, къ осиннику,—саженяхъ въ трехъ отъ дороги нужно сѣсть,—все лицо изодралъ сучьями. Ночь была теплая, тихая. Не шелохнетъ нигдѣ; только сучья шелкали по лѣсу въ разныхъ мѣстахъ. Изрѣдка что-то шарахалось, да вдали камышевка всю ночь пѣла. Потомъ варакушки послышались съ болота и разные голоса: этакъ переключкою, то тутъ, то тамъ. Къ утру, чуть только забрезжилось невдалекѣ, слышу, дроздъ началъ: тихо этакъ свистъ даль и запѣлъ—едва разобрать можно. Потомъ, словно словами, закричалъ сильно: «приди-кумъ», «приди-кумъ», такъ и выговариваетъ; раза три повторилъ это, да какъ филиюкнетъ по лѣсу-то—ну, просто цѣловать надо птицу. Тутъ, слышу, сзади фррру, и полѣвѣе фррру, фю...ить, и подальше фю...ить, тид, тид, тид, тид, тид. Здорово сдѣлалъ: кажется, каждое слово-то у него въ землю уходитъ на три аршина. Потомъ какъ шаркнетъ дробями—такъ это по лѣсу-то заговорило, Господи Боже мой! потомъ какъ пуканье сдѣлалъ, фу-ты! отчетливость какая. И что онъ тутъ дѣлалъ—уму помраченье. Двѣнадцать колѣнъ у него было, и одно къ одному, ни одной помарки. Пѣсня была высокая, не было у него этой бабьей томности, а сила и торжественность этакая: ниць упадешь передъ нимъ. Ахнулъ онъ, помнится, раскатомъ, такъ лѣс-то, кажется, дрогнулъ отъ силы. Началъ обыкновенно, потомъ выше и такъ просыпалъ, что себѣ не вѣришь, птица ли это дѣлаетъ? И тутъ же, раскатъ еще не стихъ по лѣсу, длинно пустилъ стукотней, потомъ сдвоилъ этакъ раза четыре свистомъ и сильно сдѣлалъ га-га-га... Этакой чудный былъ соловей...». Соловья этого разсказчику удалось поймать:

«Четыре года жилъ у меня этотъ соловей и забыть я его не могу. Бывало, запоетъ — по всей улицѣ сосѣди окна отворяютъ. И что ни возьми у него, любое колѣно чисто, отчетливо, и вся пѣсня истинно нотная: постановка колѣнъ, стройность — рѣдкая. Конечно, какъ на кого: иной цѣнитъ нѣжность, а иной силу и чистоту. Въ томъ и другомъ случаѣ главное дѣло—складъ пѣсни. Хорошій соловей поетъ съ толкомъ, у него пѣсня, помимо достоинства колѣнъ, имѣетъ складъ. Послѣ сильнаго колѣна поставитъ легкое, нѣжное, потомъ пойдетъ переставлять колѣна въ среднихъ нотахъ, примѣрно

кыканье, дудки, свисты и проч., потомъ двумя колѣнами повисить, шаркнетъ — и опять умилишь до слезъ. Чѣмъ полнѣе пѣсня, тѣмъ лучше; только рѣдкій многоколѣнный соловей безъ помарки — мажеть, что называется: ставить въ пѣснѣ пискливо-скрипящія колѣна. Въ колѣнахъ цѣнится чистота исполненія и нѣжность, въ пѣснѣ — полнота и складъ».

Я позволилъ себѣ сдѣлать эту выписку въ виду того, что, прочтя внимательно характеристику мастерского соловьиного пѣнія и ознакомившись съ тѣми требованіями, которыя ставятся знатокомъ-любителемъ хорошему соловью, читателю будетъ легче опѣнить пѣніе того или другого соловья, что представляетъ большой интересъ и доставляетъ много удовольствія. Совсѣмъ другое дѣло, слушаешь ли соловья просто такъ, чтобы только слушать, или вникаешь въ его пѣсню и умѣешь ее разбирать.

Въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ птицевѣдцовъ встрѣчаются попытки изобразить словами пѣсни нѣкоторыхъ, особенно мастерски пѣвшихъ, соловьевъ. Конечно, эти жалкія звукоподражанія, изображенныя буквами, ничего не говорятъ для человѣка непосвященнаго, но для любителя-знатока соловьиного пѣнія они являются весьма интересными и понятными, и онъ легко возстановляетъ по нимъ, какъ музыкантъ по нотамъ, тѣ звуки, которые имѣлъ въ виду изобразить записывавшій пѣсню. Для того, чтобы дать читателю понятіе о такого рода записяхъ, я приведу здѣсь записанную мною пѣсню одного прекраснаго соловья, гнѣздившагося въ паркѣ Лѣснаго института.

Фи-гчуррръ, фи-гчуррръ, вадъ-вадъ-вадъ-вадъ-вадъ-цип (очень эффектно и рѣдко).

Тю-лить, тю-лить, тю-лить.

Клю-клю-клю-клю.

Юу-лить, юу-лить (затѣмъ то же три раза, съ повышеніемъ на нѣсколько тоновъ).

Ци-фи, ци-фи, ци-фи.

Пью, пью, пью.

Ци-фи, ци-фи, чо-чо-чочочочочочочовить!

Ципитювить, тю-вить, тю-вить (последніе два могучимъ посвистомъ).

Юу-лить, чочочотрррррррръ (въ концѣ «помарка»).

Пи, пи, пи, пи, клю-клю-клю (превосходно!).

Чричи-чу, чричи-чу, чричи-чу.

Ци-вить (тихо), клюи (громко), клюи (очень громко).

Послѣ этихъ 12 колѣнъ пѣсня повторялась, при чемъ колѣна нерѣдко переставлялись въ иномъ порядкѣ.

На югѣ и юго-западѣ Россіи, рядомъ съ нашимъ обыкновеннымъ соловьемъ, водится и другой, такъ называемый западный соловей. Онъ немножко поменьше нашего соловья и рыжеватѣе цвѣтомъ. Въ пѣснѣ эти два соловья разнятся весьма значительно другъ отъ друга: пѣсня обыкновеннаго соловья отличается большею мощностью, торжественностью, звучностью; она болѣе членораздѣльна и колѣна въ ней болѣе разграничены. Въ пѣснѣ же западнаго соловья болѣе нѣжности, закругленности, слитности, но меньше звучности и силы.

Д. Кайгородовъ.

ЦАПЛЯ.

ЛИННОНОГАЯ и длинноклювая цапля всѣмъ, конечно, извѣстна, хотя бы только по имени. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашего отечества ее зовутъ также чаплей, чапурой или чепурой. Всѣ эти названія произошли отъ слова цапать или чапать, что значитъ: быстро хватать (цапнуть что нибудь). И дѣйствительно, такое названіе очень подходитъ къ этой птицѣ: стоитъ она, напримѣръ, на берегу рѣки или озера—стоитъ, какъ истуканъ, втянувъ голову между плечами—не шелохнется, чтобы не спугнуть приближающуюся добычу. Вдругъ, какъ цапнетъ что-то изъ воды,—смотришь, а у нея въ клювъ рыба или лягушка барахтается. И такъ часами: стоитъ у воды и цапаетъ; вотъ за это ее и прозвали чаплей. А разъ цапнувъ добычу, цапля ее не упуститъ: клювъ у нея на краяхъ очень острый, а къ концу даже съ зазубринами. Поймавъ рыбу, цапля глотаеъ ее всегда съ головы, чтобы плавники (нерѣдко колючіе) не мѣшали заглатыванію.

У насъ, въ Россіи, водится много разныхъ цапель. Самая обыкновенная изъ нихъ, водящаяся почти повсемѣстно въ Россіи—цапля сѣрая. Тѣломъ она величиною съ небольшую индюшку, но, благодаря длиннымъ ногамъ и шеѣ, является очень рослой птицей. Общее ея опереніе сверху сѣрое, снизу бѣлое; голова украшена двумя или тремя длинными черными перьями, свѣшивающимися назадъ въ видѣ косицъ; также и грудь ея украшена длинными бѣловатыми перьями,

Цапля сѣрая.

свѣшивающимися отъ зоба. На полетѣ цаплю не трудно узнать по ея манерѣ держать голову: она втягиваетъ свою голову между плечъ (а не вытягиваетъ шею впередъ, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, журавль и аистъ).

Цапля принадлежитъ къ числу птицъ перелетныхъ, то есть такихъ, которыя отлетаютъ на зиму въ болѣе теплыя страны. Такъ какъ она кормится около воды, то и не можетъ зимовать въ странахъ, гдѣ воды замерзаютъ. Весною она возвращается къ намъ (въ среднюю и сѣверную Россію) довольно рано — въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля, когда мѣстами лежитъ еще снѣгъ.

Гнѣздится цапля, подобно грачамъ, большими обществами (колоніями), на высокихъ деревьяхъ. Такъ какъ она кормится преимущественно рыбой и рыбой же выкармливаетъ своихъ птенцовъ, то поэтому на мѣстахъ гнѣздовій этой птицы — напримѣръ въ какой нибудь старой рощѣ или запущенномъ старомъ саду — обыкновенно господствуетъ необычайное зловоніе, отъ тухлой рыбы, остатки которой во множествѣ валяются на землѣ, подъ гнѣздами. Кромѣ рыбы, цапля кормится также лягушками, ящерицами, мышами и другими мелкими звѣрьками. Длинные и широко-растопыренные пальцы ногъ позволяютъ ей бродить по очень топкимъ мѣстамъ; благодаря же своимъ высокимъ ногамъ, опереннымъ только на самомъ верху, она можетъ и заходить довольно глубоко въ воду, во время своихъ охотъ за рыбами и лягушками. Вылетаетъ цапля на свою охоту преимущественно по утреннимъ и вечернимъ зорямъ. Чаще всего случается наталкиваться на нее рыболовамъ, при утреннемъ туманѣ. Въ ясную же погоду подойти близко къ цаплѣ очень трудно, такъ какъ птица она очень осторожная: завидѣвъ человѣка еще издали, тотчасъ улетаетъ. Къ раненой цаплѣ, — а также и къ сидящей въ кѣлетѣ, — подходить надо осторожно, такъ какъ она наровитъ клюнуть въ глазъ подошедшаго человѣка.

Молодую цаплю легко выкормить рыбой и лягушками; но ее нельзя держать во дворѣ съ другими птицами, потому что она безъ стѣсненія ловитъ и съѣдаетъ цыплятъ и утятъ.

Д. Кайгородовъ.

КОРОМЫСЛО

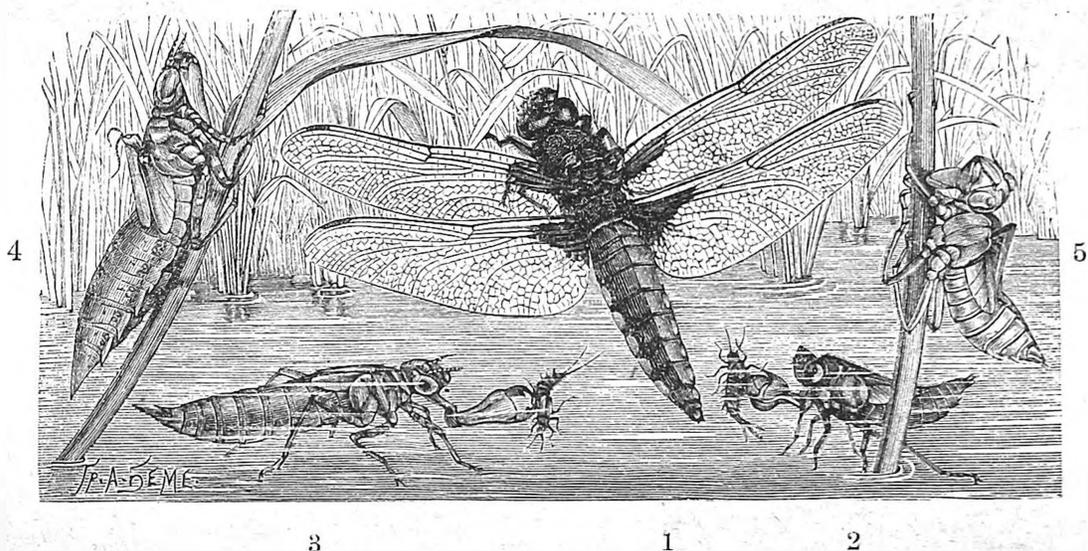

ОБОРЯ объ интересныхъ для акваріума насѣкомыхъ, нельзя не упомянуть о тѣхъ изъ нихъ, которыя живутъ въ водѣ только въ недоразвитомъ состояніи, т.-е. въ видѣ личинки. Изъ такихъ, прежде всего, надо сказать о коромыслѣ—самой крупной изъ нашихъ стрекозъ. Стрекоза эта несетъ свои лички въ водѣ, помѣщая ихъ на дно или же прикрѣпляя къ растеніямъ. Изъ яичекъ черезъ нѣсколько времени выходятъ личинки, живущія въ водѣ около года и которыхъ можно най-

ти почти въ каждомъ прудѣ, болотѣ или большой лѣсной лужѣ. Личинка коромысла ужасно уродлива, мало сказать уродлива—даже страшна. Съ толстымъ туловищемъ, большими глазами, громадной головой, скрывающей подъ собою особый хватательный органъ, имѣющій видъ клешни съ двумя острыми крючками,—сидитъ личинка въ илѣ и выжидаетъ, чтобы приблизилось какое-нибудь слабое насѣкомое. Тогда быстро, какъ молнія, вытягиваетъ она свой клешнеобразный органъ, схватываетъ имъ свою жертву и, впившись въ нее клещами, приближаетъ къ своимъ ужаснымъ челюстямъ и съ жадностью поѣдаетъ. Съѣвъ свою добычу, она снова зарывается на полвну въ илъ или же прячется подъ листьями и выжидаетъ тамъ новую жертву. Открыто преслѣдовать свою добычу она не въ состояніи, такъ какъ слишкомъ для этого тяжела и неповоротлива. А если и ловитъ иногда добычу на ходу, то двигается тогда потихоньку—словно кошка подкрадывается къ птичкѣ—и потомъ вдругъ, въ то время, когда добыча менѣе всего предполагаетъ себя въ опасности, вытягиваетъ свою клешневидную «лапу» (или маску, какъ ее называютъ) и схватываетъ. Личинки коромысла такъ жадны и прожорливы, что поѣдаютъ все: мелкихъ рыбокъ, насѣкомыхъ, а въ случаѣ голода не щадятъ даже и себѣ подобныхъ.

Другой, не менѣе оригинальной, чертой этой личинки служитъ ея способъ дыханія. Набравъ въ свой желудокъ, снабженный множественнымъ дыхательныхъ трубочекъ, воды, она держитъ ее въ себѣ до

тѣхъ поръ, пока изъ нея не будетъ поглощенъ весь воздухъ; когда же весь запасъ воздуха истощится, выталкиваетъ изъ себя воду и притомъ съ такою силой, что отъ толчка сама перемѣняетъ мѣсто. То же самое бываетъ съ ней, если дотронуться до нея въ то время, когда она ползетъ по дну. Мгновенно она тогда сгибается, вода, заключающаяся въ желудкѣ, выкидывается назадъ, а сама личинка—подобно пушкѣ, откатывающейся назадъ послѣ выстрѣла—подбрасывается впередъ. Этотъ способъ выбрасыванія воды служитъ иногда личинкѣ, въ случаѣ опасности, также и способомъ передвиженія, ко-

1 — плоская стрекоза; 2 — ея личинка съ добычей, пойманной клещами маски; 3 — личинка коромысла, тоже съ пойманной добычей; 4 и 5 — пустыя шкурки, изъ которыхъ уже вылетѣли стрекозы.

торое въ такомъ случаѣ совершается какъ бы скачкомъ. Самое набраніе воды въ желудокъ совершается довольно быстро, такъ какъ для этого личинкѣ стоитъ только расширить находящіяся на концѣ ея брюшка остроконечныя лопасти.

Не менѣе интересенъ переходъ этого насѣкомаго изъ водяного, такъ сказать, состоянія, въ воздушное. Когда наступаетъ это важное для нея время перерожденія, личинка вылѣзаетъ изъ воды по стеблю какого-нибудь выходящаго изъ воды растенія и остается неподвижною. Событіе это обыкновенно совершается въ одинъ изъ жаркихъ солнечныхъ дней. Солнце своими горячими лучами псушаетъ оболочку личинки, оболочка эта трескается, и изъ нея, какъ изъ отвратительнаго гнилого савана, вылѣзаетъ совершенно развитое красивое насѣкомое, съ радужно-блестящими глазами и кружевными крылышками. Но насѣкомое пока еще не совсѣмъ окрѣпло: всѣ его части тѣла пока еще крайне нѣжны, мягки, а крылышки еще сматы, какъ

какое-нибудь газовое платье, только сейчас вынутое из чемодана. Для того, чтобы оно вполне окрепло, надо опять-таки содействие благотворительных солнечных лучей. И вот, солнце грѣет и сушитъ нѣжные покровы. Тѣло наполняется воздухомъ, крылышки распрямляются, распяливаются, отвердѣваютъ, и стрекоза — въ полномъ своемъ блескѣ — улетаетъ. Теперь она уже животное воздушное и будетъ проводить свою жизнь преимущественно въ летаніи и ловлѣ, на лету, подобно ласточкамъ, разныхъ летающихъ въ воздухѣ насекомыхъ. Изъ хищницы водяной она стала теперь хищницей воздушной.

Н. Золотницкій.

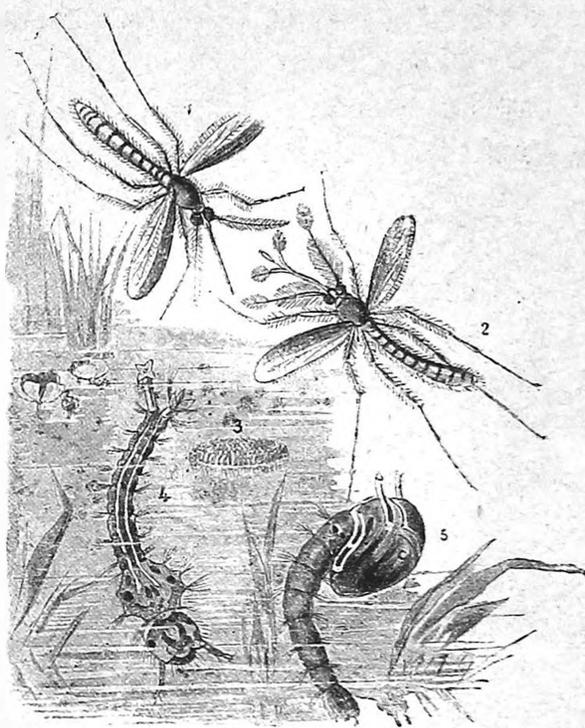
КОМАРЪ.

БЫКНОВЕННЫЙ кусающійся (правильнѣе — колющійся) комаръ проводитъ часть своей жизни въ водѣ, въ которой развивается и живетъ его личинка. Чтобы наблюдать развитіе этой личинки, а также и не менѣе интересную кладку яичекъ самого

комара, лучше всего поступать слѣдующимъ образомъ.

Наловивъ по возможности больше комаровъ, пустить ихъ на акваріумъ — подъ кисейный или марлевый колпакъ, чтобы они не могли разлетѣться. Тогда комары, найдя воду, не заставятъ себя долго ждать, и не пройдетъ, быть можетъ, одного дня, какъ начнутъ класть яички. Кладка эта крайне своеобразна: комаръ не просто мечетъ яички въ воду, но, опустившись на выдающейся изъ воды травинкѣ и скрестивъ заднія ноги, спускаетъ осторожно по нимъ въ воду свои яички, одно за другимъ. Спуская яички, комаръ старается держать ихъ по возможности въ вертикальномъ положеніи (яички эти имѣютъ форму бутылочекъ) и прикладываетъ одно къ другому. Вскорѣ они образуютъ массу, достаточно плотную, чтобы плавать на водѣ, образуя нѣчто въ родѣ небольшого плотика или крошечнаго плавающего сота (пчелинаго). Два дня спустя, изъ яичекъ выходятъ маленькія сѣренькія червячки-личинки, живущія съ этихъ поръ въ водѣ, которую покинуть не раньше, какъ по превращеніи своемъ въ комара.

Личинки эти имѣютъ тѣло довольно тонкое, удлиненное, расширяющееся отъ хвоста къ головѣ. Онѣ очень пугливы и при малѣйшемъ движеніи воды, скачками расплываются во всѣ стороны, изгибая свое тѣло червеобразно, то въ одну, то въ другую сторону. Для проведенія къ дыхательнымъ органамъ воздуха, у личинки имѣется особая трубочка, близъ задняго конца тѣла, отверстіе которой она и старается постоянно держать внѣ воды. Поэтому личинки комара и держатся всегда у поверхности воды, какъ бы вися внизъ головой и опускаясь на дно только въ случаѣ испуга или голода. Питаются эти личинки преимущественно частицами гниющихъ растений, чѣмъ способствуютъ даже къ очищенію воды. Вслѣдствіе этого имъ, конечно, привольнѣе жить не въ чистой, проточной водѣ, а въ водѣ, содержащей по возможности больше гниющихъ растительныхъ веществъ—въ болотной или стоячей. Въ такомъ состояніи личинки остаются не долго—не болѣе двухъ или трехъ недѣль, въ продолженіе которыхъ мѣняются три или четыре раза свою оболочку (линяютъ). Первые три раза онѣ просто сбрасываютъ съ себя кожу, какъ старое платье, которое становится имъ тѣснымъ, по мѣрѣ того, какъ онѣ растутъ.

Обыкновенный комаръ.

1—самка; 2—самецъ 3—яички; 4—личинка; 5—куколка. (Все увеличено).

Послѣ четвертаго же линянія личинки принимаютъ совершенно новую форму—превращаются въ куколку. Тѣло ихъ тогда укорачивается, голова округляется, пригибается къ брюшку и получаетъ какъ бы пару рожекъ, торчащихъ кверху. Эти рожки-трубочки служатъ куколкѣ для дыханія и замѣняютъ собою дыхательную трубочку, бывшую прежде у личинки при заднемъ концѣ ея тѣла. Превратившись въ куколку, комаръ уже болѣе ничего не ѣстъ, а только тяжело плаваетъ близъ поверхности воды, стараясь держать голову кверху. Будучи потревоженъ, онъ опускается порывистыми движеніями внизъ, но уже не такъ проворно, какъ это дѣлаетъ личинка.

Въ состояніи куколки комаръ остается не болѣе 8 или 10 дней, а затѣмъ готовится къ переходу въ совершенное насекомое—

крылатого комара. Переходъ этотъ, это превращеніе водяного жителя въ воздушнаго, необычайно интересно, и нельзя достаточно надивиться той ловкости. тѣмъ чудесамъ равновѣсія, къ которымъ приходится прибѣгать этому маленькому насѣкомому, чтобы выйти цѣлымъ и невредимымъ изъ этого, столь опаснаго для него шага. «Взгляните на эту куколку, всплывающую на поверхность и лежащую почти неподвижно—все показываетъ въ ней, что она готовится покинуть свое сырое обиталище. Дѣйствительно, вскорѣ она начинаетъ бухнуть, кожа лопається на спинѣ и на свѣтъ появляется бурая спинка комара. Потихоньку, потихоньку освобождается онъ изъ своей оболочки,—словно его выпираетъ изъ нея какая-то невидимая сила; мало-по-малу выдвигается сначала грудь, затѣмъ голова съ двумя бахромчатыми усиками, затѣмъ ножки... Но вотъ наступаетъ самая опасная минута, минута, когда нарождающееся насѣкомое находится, такъ сказать, между жизнью и смертью. Насѣкомое, погибшее бы неминуемо за минуту передъ тѣмъ, если бы его вынули изъ воды, теперь ничего такъ не боится, ничего такъ не страшится, какъ этой же самой воды: если оно только упадетъ въ нее—всему конецъ! Одного дуновенія вѣтерка, одного неловкаго движенія достаточно, чтобы потопить это нѣжное созданіе. И вотъ, невольно начинаешь страдать, томиться за него, начинаешь интересовываться насѣкомымъ, котораго бы въ другое время безжалостно раздавилъ... Вскорѣ комаръ стоитъ подобно мачтѣ среди легкаго челна, раскачиваемаго бурнымъ вѣтромъ, такъ что только дивишься, какъ онъ можетъ сохранить подобное неустойчивое равновѣсіе; тѣмъ болѣе, что его влажные еще крылышки плотно прилегаютъ къ тѣлу и не даютъ ему возможности ими воспользоваться. Но вотъ комаръ освобождается окончательно отъ своего чехла, расправляетъ крылышки и—улетаетъ. Съ этой минуты онъ перестаетъ уже быть вашимъ другомъ и ищетъ только случая, какъ бы насосаться вашей кровью.» Впрочемъ, кушаетъ (или, правильнѣе, колетъ) только самка комара, самецъ же является существомъ совершенно безобиднымъ. Отъ самки онъ отличается пушистыми усиками.

Вылетъ комаровъ изъ куколки легко можно наблюдать весною (въ апрѣлѣ, маѣ), у себя въ комнатѣ, даже не имѣя аквариума. Для этого стоитъ только зачерпнуть, банкой или стаканомъ, воды изъ стоячей канавы или большой лужи, гдѣ кипятъ личинки и куколочки комаровъ. Принеся домой и выливъ воду на тарелку, недолго придется ждать этого интереснаго явленія—вылета комаровъ изъ куколокъ.

РУЧЕЙНИКЪ.

(Метла, веснянка).

ЛИЧИНКА этого насѣкомаго замѣчательна постройкой особыхъ чехольчиковъ (футляровъ), въ которыхъ она живетъ. Чехлики эти дѣлаются то изъ песчинокъ, то изъ ловко скрѣпленныхъ между собою кусочковъ дерева, то изъ мелкихъ раковинокъ-кружачковъ (при чемъ обитатели этихъ раковинъ бываютъ часто еще живы), то изъ полусгнившихъ, плотно связанныхъ между собою листьевъ, словомъ — изъ всевозможнаго подходящаго матерьяла, какой только окажется въ водѣ. Связывается же все это особой клейкой паутиной, которую выпускаетъ личинка изъ своей нижней губы. Чехольчикъ свой личинка дѣлаетъ съ цѣлью защитить свое мягкое нѣжное брюшко (въ случаѣ опасности она влѣзаетъ въ него даже совсѣмъ съ головой).

Личинка ручейника имѣетъ видъ небольшой зеленоватой гусеницы, болѣе темной въ передней своей части (отъ головы до задней пары ногъ). На брюшкѣ у нея находятся пучечки бѣлыхъ нитей, которыя служатъ для дыханія. Чехоль свой она таскаетъ при помощи двухъ острыхъ крючковъ, имѣющихся у нея на концѣ тѣла; передвигается же она по дну, или по водянымъ растеніямъ, посредствомъ своихъ шести ножекъ.

Очень интересно наблюдать, какъ строитъ личинка ручейника свой домикъ-чехольчикъ. Для этого, поймавъ такую личинку (съ чехольчикомъ), надо прежде всего постараться выгнать ее изъ жилища, что дѣлается слѣдующимъ образомъ: берутъ иголку или булавку, и тупымъ концомъ осторожно давятъ со стороны хвоста насѣкомаго; тогда обезпокоенная личинка начинаетъ мало-по-малу выдвигаться изъ своего чехла и выходитъ наконецъ совсѣмъ наружу. Этимъ временемъ нужно воспользоваться и спрятать покинутый чехоль (если его оставить, то личинка, опомнившись, снова въ него заберется). Оставленная безъ покрова и почувствовавъ себя совсѣмъ беззащитной

(тѣло вѣдь у нея очень нѣжное), личинка начинаетъ въ ужасѣ искать всюду свой чехоль и, не найдя его, немедленно принимается за постройку новаго. Положимъ, что мы имѣемъ дѣло съ породой ручейника, дѣлающей свои чехольчики, обыкновенно, изъ крупныхъ песчинокъ; тогда она поступаетъ такъ:

Прогулявшись по дну и найдя удобное для себя мѣстечко, личинка беретъ двѣ или три крупныхъ песчинки и связываетъ ихъ надъ собою въ видѣ дуги, помощью выдѣляемыхъ ею клейкихъ паутинныхъ нитей. Затѣмъ помещаетъ надъ ними и прикрѣпляетъ слѣдующую песчинку; къ этой песчинкѣ — еще песчинку, и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока весь чехоль не будетъ окон-

Ручейники, съ ихъ личинками и чехликами.

ченъ, при чемъ, во время постройки, она суетливо двигается и вращается внутри его. Когда чехоль совсѣмъ готовъ снаружи, тогда личинка выстилаетъ его внутреннюю поверхность нѣжною шелковистою тканью (изъ такихъ же нитей, какими она склеивала частицы своего чехла). Такая постройка продолжается обыкновенно часовъ 6—7, смотря, конечно, по матерьялу и легкости его добыванія.

Но, вотъ наступаетъ время превращенія въ куколку. Личинка прикрѣпляетъ свой домикъ къ камню или водяному растенію, втягиваетъ

головку въ чехоль, задѣлываетъ оба его конца—или шелковистыми нитями, на подобіе рѣшетки или рѣшета, или же, если чехоль былъ изъ песчинокъ, то крупными плоскими песчинками—и остается въ такомъ положеніи въ продолженіе долгаго времени. Когда наступитъ время вылетѣть изъ куколки совершенному насѣкомому, тогда куколка вылѣзаетъ изъ чехла и начинаетъ плавать по водѣ на спинѣ, до тѣхъ поръ, пока не отыщетъ сухого, удобнаго для вылета мѣстечка. Тутъ она переворачивается, расправляетъ свои члены и надувается какъ пузырь: кожа на спинѣ лопається и крылатое насѣкомое, покнувъ свою старую оболочку, улетаетъ.

Вылетѣвшій ручейникъ похожъ на крупную моль или небольшую ночную бабочку,—въ особенности когда, въ спокойномъ состояніи, крылья у него сложены кровелькой. Цвѣтъ крыльевъ и всего тѣла ручейниковъ бываетъ большею частію невзрачный, сѣровато-бурый.

Личинки ручейниковъ водятся во всѣхъ свѣтлыхъ ручейкахъ и чистыхъ болотныхъ лужахъ, на днѣ которыхъ ихъ часто можно видѣть ползающими со своими чехликами—точно живыя двигающіяся палочки. Ловить ихъ не представляется большихъ затрудненій. Кормятся онѣ преимущественно упавшими въ воду листьями, а также и водяными растеніями.

Н. Золотницкій.

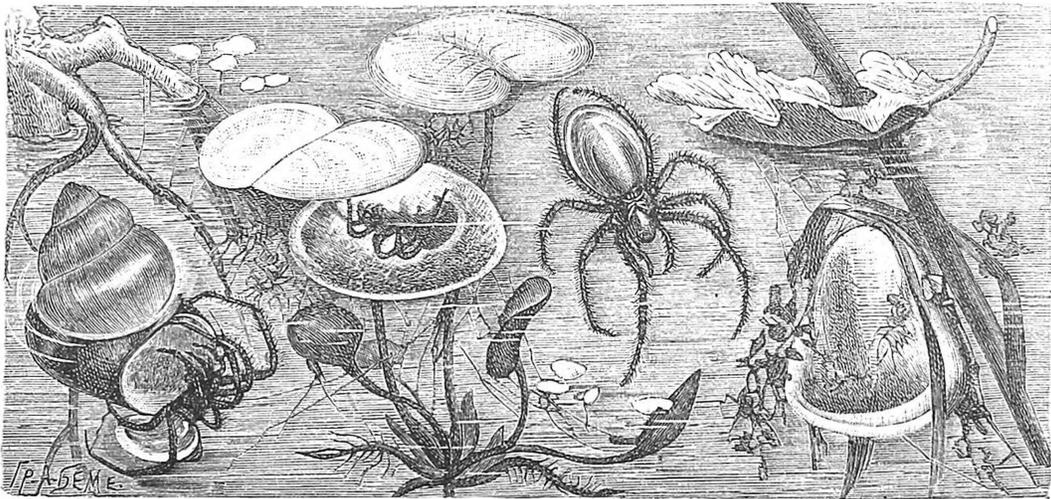
ВОДЯНОЙ ПАУКЪ.

(Воднянка).

ПАУКЪ этотъ, въ общемъ похожій на обыкновеннаго домашняго паука, является чрезвычайно интереснымъ водянымъ животнымъ. Тѣло его покрыто мягкимъ бархатистымъ пушкомъ, который не смачивается водой; благодаря этому, при погруженіи паука въ воду, тѣло его покрывается воздухомъ, какъ серебряной мантией, придающей ему видъ блестящаго ртутнаго шарика. Такой серебрястой «мантией» обладаютъ даже самые крошечные, только что народившіеся водяные пауки. Слой этого воздуха, крѣпко удерживаемый бархатистымъ пушкомъ тѣла, отдѣляетъ кожу паука отъ воды и, по-

добно лаку, предохраняетъ ее отъ сырости. Если видишь водяного паука безъ этой серебряной воздушной одежды, то можно навѣрное сказать, что онъ боленъ. Однако, постоянно жить въ водѣ этотъ паукъ не можетъ, такъ какъ органы его дыханія требуютъ обновленія воздуха; выставлять же брюшко на поверхность воды каждую минуту — какъ это дѣлаютъ многія водяныя насѣкомыя — для него слишкомъ утомительно! Поэтому, пользуясь знаніемъ нѣкоторыхъ физическихъ законовъ, которымъ его научила мать-природа, водяной паукъ устраиваетъ себѣ подъ водою воздушный замокъ, въ которомъ, подобно сказочнымъ спренамъ и нимфамъ, можетъ жить и въ удобствѣ и въ

Водяной паукъ (воднянка) и его воздушныя жилища.

полной безопасности. Замѣчательную эту постройку паукъ производитъ слѣдующимъ образомъ:

Прежде всего онъ старается набрать какъ можно больше воздуха. Для этого онъ всплываетъ на поверхность, выставляетъ изъ воды заднюю часть своего брюшка, и затѣмъ быстро опускается въ воду. Этимъ способомъ онъ захватываетъ съ поверхности пузырекъ воздуха, который тотчасъ же подкладываетъ подъ листъ водяного растенія. Тамъ онъ его прикрѣпляетъ при помощи паутиннаго матерьяла, выдѣляемаго изъ паутинныхъ бородавокъ, находящихся — какъ и у прочихъ пауковъ — на концѣ брюшка. Затѣмъ снова добываетъ, тѣмъ же манеромъ, еще пузырекъ воздуха, который присоединяетъ къ первому, и такъ продолжаетъ работать до тѣхъ поръ, пока маленькій водолазный колоколь, съ отверстіемъ внизу, не достигнетъ величины небольшого грецкаго орѣха. По мѣрѣ постройки колокола, къ нему прикрѣпляются различныя нити, которыя должны дать ему надлежащую прочность, между тѣмъ, какъ другія нити, протянутыя во всѣхъ направленіяхъ передъ входомъ въ воздушный колоколь, слу-

жать для ловли подплывающей добычи. Если добыча долго не нападается, то паукъ отправляется самъ разыскивать ее въ водѣ. Поймавъ добычу, водяной паукъ взбирается съ нею на первый попавшійся стебелекъ и поѣдаетъ ее на воздухѣ, или же забирается для этого въ свой колоколь. Плаваетъ онъ всегда кверху брюшкомъ, довольно неуклюже перебирая въ водѣ своими длинными ногами. Посаженный въ акваріумъ, или просто банку съ водой, въ которой плаваютъ нѣсколько водяныхъ растений, водяной паукъ бѣльшею частію не замедлитъ приняться за постройку своего воздушнаго «зѣмка».

Доставать этихъ пауковъ можно во всѣхъ болотныхъ лужахъ, а также и въ прудахъ, берега которыхъ заросли водяными травами. Осенью ихъ надо искать въ пустыхъ раковинахъ водяныхъ улитокъ (катушекъ прудовиковъ), куда они забираются на зимовку.

Н. Золотницкій.

ЛАСТОЧКИ.

Мой садъ съ каждымъ днемъ увядаетъ;
Память онъ, поломанъ и пустъ,
Хоть пышно еще доцвѣтаетъ
Настурцій въ немъ огненный кустъ...

Мнѣ грустно! меня раздражаетъ
И солнца осенняго блескъ,
И листь, что съ березы спадаетъ,
И позднихъ кузнечиковъ трескъ.

Взгляну-ль по привычкѣ подъ крышу —
Пустое гнѣздо надъ окномъ;
Въ немъ ласточекъ рѣчи не слышу;
Солома обвѣтрплась въ немъ...

А помню я, какъ хлопотали
Двѣ ласточки, строя его!
Какъ прутки глиной скрѣпляли,
И пуху таскали въ него!

Какъ весель былъ трудъ ихъ, какъ ловокъ!
Какъ любо имъ было, когда

Пять маленькихъ, быстрыхъ головокъ
Выглядывать стали съ гнѣзда!

И цѣлый-то день говоруньи,
Какъ дѣти, вели разговоръ...
Потомъ полетѣли, летуньи!
Я мало ихъ видѣлъ съ тѣхъ поръ!

И вотъ ихъ гнѣздо одиноко!
Онѣ ужъ въ иной сторонѣ —
Далеко, далеко, далеко...
О, еслибы крылья и мнѣ!

А. Майковъ.

Когда настанетъ вечеръ ясный,
Люблю на берегу пруда
Смотрѣть, какъ гаснетъ день прекрасный
И загорается звѣзда;
Какъ ласточка, неуловимо
По лону волнъ скользя крыломъ,
Несется быстро-быстро мимо
И исчезаетъ... Смутнымъ сномъ
Тогда душа полна бываетъ;
Ей какъ-то грустно и легко,
Воспоминанье увлекаетъ
Ее куда-то далеко...

И. Огаревъ.

ЛАСТОЧКИ.

ЫСТРОКРЫЛАЯ, неутомимая летунья, утлаждающая нашъ глазъ красотой своихъ воздушныхъ движеній.

Очаровательное пернатое созданіе, — несомнѣнно одно изъ самыхъ близкихъ къ сердцу человѣка, изъ всего пернатаго царства. Старый и малый, больной и здоровый, добрый и злой — всѣ рады первой ласточкѣ, каждый провожаетъ ея полеть любовнымъ взглядомъ.

«Съ нею солнце краше
И весна милѣй», —

какъ прекрасно говоритъ поэтъ. Самыя названія — ласточка, косачка — какъ нѣжно и красиво звучать они для уха! Въ нихъ ясно слышатся нѣжность и любовь, съ которыми относится народъ къ этому милому созданію. Старый дѣдъ, грѣясь на солнышкѣ, у завалинки, ласкаетъ свою маленькую внучку: «ахъ, ты моя косачка!» — говоритъ онъ, — глядя любовно въ голубые глазки ребенка и разглаживая кистлявою рукою его бѣлокुरые шелковистые волосы. «Голубь и ласточка — любимыя Богомъ птицы». — «Разорять гнѣздо ласточки — грѣхъ». — «Кто разоритъ гнѣздо ласточки, у того будутъ веснушки». Такъ говоритъ про ласточку русскій народъ, выказывая этимъ свою особенную любовь къ этой милой птичкѣ.

Однако, я все говорю про ласточку въ единственномъ числѣ, тогда какъ у насъ водятся нѣсколько разныхъ ласточекъ, во многомъ весьма существенно различающихся другъ отъ дружки. Поэтому, желая поближе познакомить моихъ читателей съ нашими ласточками, я долженъ повести рѣчь о каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

1. Деревенская ласточка или косатка.

«Шитовило-мотовило, по-нѣмецки говорило,
Спереди шильце, сзади вильце,
Сверху синенько суконце,
Съ исподу бѣло полотенце».

ЗАГАДКА.

Это — та ласточка, которую такъ хорошо знаютъ деревенскіе жители.

Это — та черно-синяя сверху и почти бѣлая снизу, ласточка, горлышко которой окрашено въ буровато-красный цвѣтъ, а хвостъ раздваивается длинной вилочкой, образующей, при спокойномъ сидячемъ положеніи птицы, родъ длинной косички, отчего эта ласточка и получила названіе косатки.

Это — та ласточка, которая такъ часто сопровождаетъ (послѣ ненастной погоды) идущаго черезъ поле человѣка, или ѣдущій по дорогѣ экипажъ, — то залетая впередъ, то отставая, то описывая изящные круги, съ изумительно искусными, неожиданными поворотами и воздушными зпгзагами; при этомъ особенно бросается въ глаза широкораскрытый, вилообразный хвостъ этой птички, украшенный, при основаніи, поперечнымъ рядомъ бѣлыхъ глазковъ.

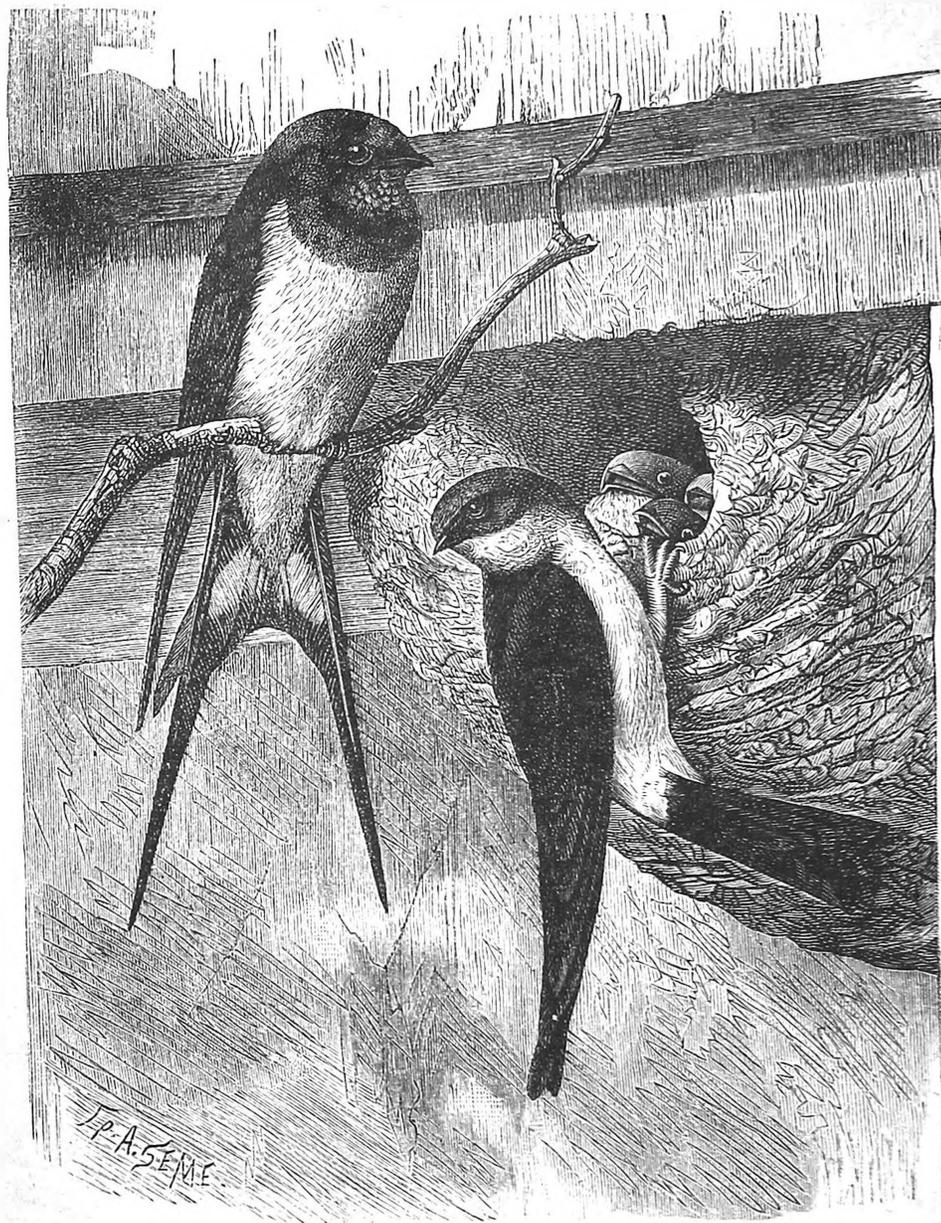
Это — та ласточка, которая такъ любитъ гнѣздиться внутри хлѣбовъ, конюшенъ и сараевъ, прикрѣпляя свое чашечкообразное, сверху открытое, гнѣздо къ балкамъ и стропиламъ; — которая такъ ловко прошмыгиваетъ на лету черезъ щель неплотно притворенной двери или черезъ небольшое отверстіе въ разбитомъ оконномъ стеклѣ.

Это — та милая щебетунья-ласточка, которая первую просыпается на деревенскомъ дворѣ или степномъ хуторѣ, и при слабомъ еще свѣтѣ утренней зари щебечетъ скороговоркой своимъ дѣткамъ:

«Дѣточки, дѣточки,
Будьте умнички,
Полечу на базаръ
Покупать вамъ пррряянички...»

Въ городахъ, особенно въ большихъ, косаточка рѣдко встрѣчается, такъ что постоянные городскіе жители мало знаютъ эту ласточку (они хорошо знаютъ зато другую ласточку, въ свою очередь, мало знакомую сельскимъ жителямъ и о которой рѣчь будетъ еще впереди).

Водится косатка по всей Россіи — отъ полярнаго круга до Крыма и Кавказа включительно. Она одинаково мило щебечетъ близъ гнѣзда своихъ дѣтокъ, какъ у холодныхъ береговъ Бѣлаго моря, такъ и подъ горячими лучами солнца Черноморскаго и Каспійскаго побережій.

Л а с т о ч к и .

Прилетаетъ къ намъ косаточка — изъ своихъ зимовій въ Центральной Африкѣ — къ тому времени, когда начинается первая травка и расхолачивается черемуховая почка (въ средней Россіи это бываетъ обыкновенно во второй половинѣ апрѣля). Почти всегда, сначала появляются одиночки-передовыя, главная же масса ласточекъ появляется обыкновенно дней на десять позже.

Въ первое время по прилетѣ, ласточки особенно охотно рѣютъ надъ водными поверхностями, гдѣ весною больше насѣкомыхъ, чѣмъ надъ сушей, и куда эти птички нерѣдко сбиваются большими стаями, при внезапномъ наступленіи весеннихъ холодовъ.

Изъ всѣхъ нашихъ ласточекъ, косатка—самая искусная и быстрая летунья. Ея область летанія—преимущественно нижніе слои воздуха. Въ верхніе слои она забирается почти исключительно только во время весеннихъ и осеннихъ перелетовъ; обыкновенно же вьется не высоко надъ полями и лугами, надъ деревенскими крышами и улицами, надъ выгонами и пастбищами, близъ пасущихся домашнихъ животныхъ, около которыхъ всегда кишитъ множество всякой мухи и мошкеры. Передъ дождемъ косатка рѣетъ преимущественно надъ водой, производя здѣсь охоту за спустившимися изъ верхнихъ слоевъ воздуха насѣкомыми. Во время ненастья, и вскорѣ послѣ него, когда насѣкомыя сидятъ еще на землѣ или по стѣнамъ домовъ и заборовъ, косатка почти стелется по землѣ, едва не касаясь крыльями ея поверхности. При этомъ она замѣчательно граціозно «перепрыгиваетъ» на лету черезъ встрѣчающіяся препятствія (кусты, заборы), или же почти скользитъ вдоль стѣнъ домовъ, по улицамъ, то поварачиваясь совсѣмъ бокомъ, чтобы снять со стѣны муху, то дѣлая изумительно быстрые и ловкіе повороты, чтобы схватить на лету ею же спугнутого мотылька.

Въ тоже время, то есть послѣ ненастья, она любитъ провожать пѣшехода, охотника съ собакой, или ѣдущій по дорогѣ экипажъ, иногда на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, для того, чтобы воспользоваться спугиваемыми при этомъ насѣкомыми. Въ своей жизни не мало скороталъ я часовъ невеселой, подчасъ, дороги, любуясь красивыми движеніями этой очаровательной летуньи, сопровождавшей мой экипажъ.

Ловя на лету насѣкомыхъ (преимущественно двукрылыхъ, каковы, напримѣръ, комары, мухи и друг.), косатка, равно какъ и другія ласточки, никогда не трогаетъ пчелъ и осъ, имѣющихъ ядовитое жало. Извѣстны случаи смерти этихъ птицъ отъ ужаленія ихъ (въ ротъ) упомянутыми насѣкомыми. (Впрочемъ, нѣкоторые пчеловоды увѣряютъ, будто ласточки берутъ и пчелъ).

Пьетъ косаточка, обыкновенно, на лету, на лету же купается, погружаясь слегка, разъ-другой, въ воду, во время низкаго полета надъ ея поверхностью.

Летая одинокой, косаточка большею частію молчитъ: при встрѣчѣ же съ другими косатками, а также подлетая къ своему гнѣзду, и во многихъ другихъ случаяхъ, она часто издаетъ столь характерный

для нея призывный крикъ: «видъ» или «вить», который обыкновенно повторяется нѣсколько разъ кряду: «видъ-видъ—видвидвидъ».

При появленіи на дворѣ, на которомъ гнѣзятся косатки, какого-нибудь хищника—напримѣръ, кошки, ястреба—эти птички тотчасъ же поднимаютъ тревогу, и съ рѣзкими, громкими криками «цизи-цизи» начинаютъ кружиться около врага, въ стремительномъ полетѣ едва не задѣвая его своими крыльями. Тѣми же криками онѣ встрѣчаютъ и провожаютъ всякую мимолетающую хищную птицу, преслѣдуя ее иногда на весьма значительномъ разстояніи.

Собственно пѣсни, сколько-нибудь звучной, у косатки не имѣется, а есть только милое щебетаніе, во время котораго щебечущій самчикъ болѣею частию сидитъ на безлиственной, сухой вѣткѣ дерева, на конькѣ крыши, на протянутой черезъ дворъ бѣльевои веревкѣ и тому подобныхъ открытых мѣстахъ. Впрочемъ, нерѣдко косатка щебечетъ также и на полетѣ.

О гнѣздѣ косатки и его мѣстонахожденіяхъ было уже упомянуто выше. Слѣдуетъ только добавить, что земляные кусочки, изъ которыхъ слѣпляется ея гнѣздо, прикрѣпляются одинъ къ другому клейкой слюной, выдѣляющейся изъ рта птицы.

Высиживаніемъ занимается обыкновенно самочка. Изрѣдка присаживается на гнѣздо, на короткое время, и самчикъ,—какъ мнѣ самому случалось это наблюдать надъ одной парочкой (въ Крыму), у которой самчикъ легко отличался отъ одинаково раскрашенной съ нимъ самочки тѣмъ, что у него не было въ хвостѣ косички (можетъ быть, потерялъ ее въ какой-нибудь передрагѣ?). Продолжается высиживаніе 12, 14 и болѣе дней, смотря по погодѣ. Въ ненастные дни, когда мало летаетъ насѣкомыхъ, самочкѣ приходится подолгу отсутствовать изъ гнѣзда, для добыванія себѣ необходимаго корма, вслѣдствіе чего яйца остываютъ, и высиживаніе, такимъ образомъ, можетъ затянуться—на сѣверѣ—даже до 17 дней. Впрочемъ, и на югѣ, при сплошь прекрасной и теплой погодѣ, самочки-косатки также не особенно посѣдливы на гнѣздѣ. По крайней мѣрѣ, такова была самочка упомянутой уже выше парочки, гнѣздо которой помѣщалось подъ крышей обвитаго виноградомъ балкона, на степномъ крымскомъ хуторѣ, близъ берега Чернаго моря. Проводя на этомъ балконѣ значительную часть дня, я могъ подолгу наблюдать гнѣздо нашихъ косаточекъ и потому могу съ достовѣрностью засвидѣтельствовать, что высиживавшая самочка прескверно исполняла свою обязанность насѣдки: она безпрестанно слетала съ гнѣзда и подолгу пропадала въ степи. Можно смѣло сказать, что въ общей совокупности она сидѣла на гнѣздѣ не болѣе половины дня; въ теченіе же другой половины

гнѣздо оставалось безъ насѣдки, такъ какъ самчикъ присаживался лишь изрѣдка, больше же занимался щебетаніемъ своихъ пѣсенъ, сидя на провѣсѣ бѣлѣвой веревки, протянутой подъ крышей балкона. Я уже начиналъ опасаться, что изъ такого высиживанія ничего путнаго не выйдетъ; однако, на 12-й день со дня нашего поселенія на хуторѣ (а именно 22-го іюня), благополучно вылупились изъ япчекъ 4 крошечныхъ птенчика, къ большой радости многочисленнаго общества дѣтей и взрослыхъ, собиравшагося ежедневно на балконѣ, за чайнымъ и обѣденнымъ столомъ.

Сколько дней продолжалось все высиживаніе, къ сожалѣнію, сказать не могу, такъ какъ въ день нашего поселенія на хуторѣ мы застали уже самочку на гнѣздѣ, и когда она на него сѣла — осталось намъ неизвѣстнымъ. Что, несмотря на столь дурное высиживаніе, птенчики все-таки вылупились, это слѣдуетъ приписать, конечно, той большой теплотѣ, которая все время держалась подъ крышей балкона, благодаря горячимъ лучамъ крымскаго солнца (днемъ отъ 24 до 26, ночью—около 19° по Реомюру).

Послѣ 19-ти дней прилежнаго выкармливанія обоими родителями, наши птенчики выпорхнули изъ гнѣзда и усѣлись рядышкомъ на той самой веревкѣ, на которой ихъ «папаша» распѣвалъ во время высиживанія свои пѣсенки. На второй день они уже предпринимали маленькія экскурсіи около хутора, ночевать же собрались снова въ свое гнѣздо, что повторялось также и въ слѣдующіе 9 дней. На 10-й день по вылетѣ изъ гнѣзда, наши косаточки къ ночи уже не возвратились на балконѣ. Онѣ ночевали гдѣ-то на волѣ, и съ тѣхъ поръ мы потеряли ихъ изъ вида.

Вылетѣвшихъ изъ гнѣзда птенцовъ родители кормятъ нерѣдко на лету, что представляетъ собою чрезвычайно милое зрѣлище.

Молодые, недавно вылетѣвшіе изъ гнѣзда, выводки косатокъ любятъ присаживаться на обращенный къ солнцу скатъ крыши, гдѣ съ видимымъ наслажденіемъ берутъ «солнечную ванну»—грѣются на солнечномъ припекѣ, распластавъ крылышки и повернувъ на бокъ головку. То же самое продѣлывали и наши птенчики на раскаленныхъ солнцемъ черепичатыхъ кровляхъ хутора.

Въ концѣ лѣта косатки сбиваются большими стаями въ рѣчныя долины, или къ поросшимъ камышами прудамъ и озерамъ, гдѣ и охотятся цѣлыми днями за разной мошкаррой, ночуя въ камышахъ и по вѣткамъ свѣсившихся надъ водою кустовъ. Во второй половинѣ августа, или въ первой сентября, наступаетъ время отлета: въ одно прекрасное утро стая снимается съ мѣста и улетаетъ на югъ — въ тропическія и экваторіальныя страны.

«И вотъ—ихъ гнѣздо одиноко!
Онѣ ужъ въ иной сторонѣ—
Далеко, далеко, далеко...»

Тамъ косатки, вмѣстѣ съ другими ласточками, проводятъ нашу зиму и продѣлываютъ свое линяніе, послѣ чего, съ наступленіемъ весны, снова возвращаются къ намъ—гнѣздиться и радовать насъ своимъ присутвіемъ.

Ручная ласточка, это—очаровательнѣйшее существо, какое только можно себѣ представить. Привязанность и прирученность ея къ людямъ, которые ее выкормили, настолько велика, что приходится употребить не мало усилій для того, чтобы заставить ее своевременно улетѣть съ другими ласточками на зимнія «квартиры». Говорю это по личному опыту, вспоминая милую косаточку «Весту», выкормленную однажды лѣтомъ въ моей семьѣ и затѣмъ съ немалыми усиліями присоединенную къ ея сородичамъ, для осенняго отлета въ теплые края.

2. Городекая ласточка или воронѣкъ.

«Вьется ласточка сизобрылая
Надъ окномъ моимъ, надъ босящатымъ».

Это—птичка по преимуществу городская. Это—та ласточка, которая лѣпнитъ свои земляныя гнѣзда надъ окнами городскихъ домовъ. Она рѣзко отличается отъ косатки слѣдующими признаками: отсутствіемъ хвостовой вилочки (косички), чисто-бѣлымъ цвѣтомъ всей нижней части тѣла, отъ клюва до хвоста, снѣжно-бѣлымъ надхвостьемъ (нижняя часть спинки) и оперенными бѣлымъ пушкомъ лапками (у косатки лапки голыя, черненькія). По величинѣ воронѣкъ нѣсколько меньше косатки.

Область распространенія воронѣка также обширна, какъ и косатки: онъ гнѣздится отъ Лапландіи до Крыма и Кавказа включительно.

Въ противоположность косаткѣ, воронѣкъ любитъ больше кружиться въ верхнихъ слояхъ воздуха, любитъ «купаться въ голубомъ эфирѣ»—какъ выражаются поэты. Въ особенности передъ грозой, воронѣки нерѣдко забираются на страшную высоту, и тогда,—если тучи не успѣли еще закрыть солнца,—освѣщенные его лучами, ласточки, кажутся на черномъ фонѣ тучъ, словно лоскуточки бѣлой бумаги, кружащіяся и гонимые вѣтромъ на громадной высотѣ. Когда же начнется дождь, а также и въ первое время послѣ ненастья, эта ласточка, подобно косаткѣ, также кружится больше надъ поверхностью земли, ловя на

лету спугиваемыхъ ею насѣкомыхъ. Вообще, воронѣкъ любитъ больше широкій просторъ для своего полета; его рѣдко когда можно встрѣтить охотящимся за насѣкомыми въ узкихъ переулкахъ и по глухимъ угламъ, которые, напротивъ, такъ охотно посѣщаются косаткой. Полетъ у воронѣка болѣе спокойный и не столь искусный, какъ у косатки.

Голосъ у воронѣка слабый, малозвучный. Призывный крикъ — негромкое «чиръ», или «трикъ-трпѣъ», довольно часто издаваемое при полетѣ. Про пѣсню этой ласточки не стоитъ и говорить: это совсѣмъ плохое, слабое чириканье, сравнительно съ которымъ щебетаніе косатки является совсѣмъ мастерскимъ пѣніемъ.

Гнѣздо свое воронѣкъ лѣпитъ изъ кусочковъ глинистой земли, склеивая ихъ своею клейкою слюною. Дѣлается оно закрытымъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ небольшого бокового отверстія для влета и вылета. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи городская ласточка отличается отъ деревенской, у которой, — какъ мы видѣли, — гнѣздо дѣлается сверху всегда открытымъ. Работа по постройкѣ гнѣзда ведется всегда такъ, что одна ласточка подноситъ матерьялъ, а другая лѣпитъ. Одновременно обѣимъ птичкамъ нельзя улетать отъ своей постройки, такъ какъ въ такомъ случаѣ ею не замедлили бы завладѣть другія парочки воронѣковъ или же нахальные воробьи. Въ особенности трудно бываетъ воронѣкамъ отбить свое гнѣздо отъ забравшагося въ него воробья, и въ такихъ случаяхъ имъ приходится обыкновенно снова приниматься за постройку на новомъ мѣстѣ. Рассказы о замуравливаніи ласточками самовольно забравшагося въ ихъ гнѣздо воробья, конечно, принадлежатъ къ области фантазіи: врядъ ли станетъ такая умная птица, какъ воробей, дожидаться, пока отъ нея закроютъ свѣтъ Божій. Да если бы это даже и случилось, то, обладая достаточно сильнымъ клювомъ, воробей, вѣроятно, не замедлилъ бы разрушить свою глиняную темницу.

Выше было уже упомянуто, что воронѣкъ гнѣздится преимущественно въ городахъ; въ деревняхъ и селахъ онъ гнѣздится рѣдко, и лишь тогда, когда въ нихъ имѣются каменные постройки. Въ гористыхъ странахъ воронѣки гнѣздятся также колоніями, на скалахъ, прикрѣпляя къ нимъ такія же земляныя гнѣзда, какія они лѣпятъ надъ окнами въ городахъ. Въ Оренбургскомъ краѣ воронѣки гнѣздятся въ земляныхъ норахъ, вырытыхъ по обрывамъ береговыми ласточками (о которыхъ рѣчь будетъ ниже), въ городахъ же и деревняхъ не гнѣздятся вовсе. Весьма вѣроятно, что воронѣкъ находится тамъ еще въ дикомъ состояніи.

На южномъ берегу Крыма мнѣ случилось наблюдать совмѣстное гнѣздованіе косатокъ и воронѣковъ: ихъ лѣпныя гнѣзда (закрытыя —

воронка, и открытыя — косатки) помѣщались рядышкомъ, подъ свѣсомъ карниза каменнаго дома.

Воронка прелетаеть и отлетаетъ почти одновременно съ косаткой.

Однажды, въ первыхъ числахъ августа, въ мою семью принесли двухъ птенчиковъ воронковъ, выпавшихъ изъ разореннаго деревенскими мальчишками гнѣзда. Намъ счастливо удалось выкормить этихъ очаровательныхъ птпчекъ — комнатными мухами, которыхъ птенчики уничтожали въ неимовѣрномъ количествѣ. Проживъ въ комнатѣ три недѣли, «Сильфа» и «Эльфа» (такъ звали нашихъ питомцевъ) стали совершенно ручными, — настолько, что, кружась высоко на воздухѣ, съ другими ласточками, возвращались на мой зовъ и садились на протянутый палецъ руки. Онѣ были любимицами и баловнями всего дома.

3. Береговая ласточка или стрижокъ.

Это — та ласточка, которая гнѣздится — иногда громадными колоніями — въ норахъ, вырываемыхъ ею въ обрывистыхъ, обнаженныхъ берегахъ рѣкъ и озеръ, а также по крутымъ, обнаженнымъ оврагамъ и глинянымъ ямамъ, нерѣдко въ нѣсколькихъ верстахъ отъ ближайшей воды.

Въ общемъ, по складу и полету, очень сходная съ воронкомъ, береговая ласточка хорошо отличается отъ него буро-землистой окраской верхней части тѣла, узкимъ ошейникомъ того же цвѣта на бѣлой шейкѣ и отсутствіемъ бѣлаго надхвостья. По величинѣ, стрижокъ немножко меньше воронка.

Эта ласточка также гнѣздится по всей Россіи, отъ Лапландіи до Крыма и Кавказа включительно. Чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ чаще и въ бѣльшемъ количествѣ встрѣчается береговая ласточка. Путешественникъ, ѣдущій на пароходѣ по большимъ нашимъ рѣкамъ (въ особенности по сибирскимъ), встрѣчаетъ этихъ ласточекъ, можно сказать, почти на каждомъ шагѣ, бѣльшею частію низко летающими надъ водой.

Прплетаютъ и отлетаютъ береговья ласточки почти одновременно съ воронками и косатками.

Д. Кайгородовъ.

СТРИЖЪ.

(Черный стрижъ).

Жди яснаго на завтра дня;
Стрижи мелькають и визжать,
Пурпурной полосой огня
Прозрачный озарень закатъ...

А. ФЕГЪ.

ЖЕНЬ обыкновенная, въ особенности въ городахъ, птица, часто смѣшиваемая съ ласточками и въ большинствѣ случаевъ даже и называемая ласточкой. Происходитъ это отъ большого сходства въ образѣ жизни, — а также отчасти и по наружному складу, — стрижа съ вышеупомянутыми птицами. Подобно ласточкамъ, и стрижъ также кружится весь день въ воздухѣ, ловя летающихъ въ немъ мелкихъ насѣкомыхъ. Но, рядомъ съ несомнѣннымъ общимъ сходствомъ съ ласточками, стрижъ имѣетъ въ то же время и весьма многія отъ нихъ отличія; изъ нихъ нѣкоторыя настолько существенны и важны (съ научной точки зрѣнія), что даже заставляютъ ученыхъ относить стрижа къ совершенно иной, вовсе не родственной даже ласточкамъ, группѣ птицъ. Самымъ важнымъ наружнымъ признакомъ, отличающимъ стрижа отъ ласточекъ, служатъ его ноги, всѣ четыре пальца которыхъ, снабженные большими и очень острыми когтями, обращены впередъ, тогда какъ у ласточекъ три пальца обращены впередъ, а одинъ назадъ (какъ и у большинства прочихъ нашихъ птицъ). Конечно, этотъ признакъ легко и удобно можно разсматривать только тогда, когда держишь стрижа въ рукахъ. Но есть и другіе, весьма хорошіе, признаки, позволяющіе легко и скоро отличить стрижа отъ ласточекъ, даже на полетѣ и на значительномъ разстояніи. Во-первыхъ, стрижъ весь почти черный, словно вымазанъ сажей, какъ сверху, такъ и снизу, за исключеніемъ лишь бѣловатаго горлышка, между тѣмъ, какъ всѣ наши ласточки болѣе или менѣе окрашены снизу въ бѣлый цвѣтъ. Во-вторыхъ, стрижъ значительно крупнѣе ласточекъ, и его необычайно длинныя и узкія крылья изогнуты серпомъ (какъ молодая

луна), что хорошо можно наблюдать, когда онъ парить въ воздухѣ съ неподвижно распластанными крылышками. Въ-третьихъ, стрижи, когда играютъ или ссорятся, гоняясь другъ за дружкой, такъ громко и рѣзко визжатъ («визззъ-визззъ»), что когда штукъ 8—10 этихъ птицъ проносятся съ визгомъ близъ человѣка, то хоть затыкай уши—голоса своего не услышишь. Ничего подобнаго этому визгу не издаетъ ни одна изъ прочихъ нашихъ птицъ.

Полетъ стрижа также весьма своеобразенъ. Правда, когда онъ рѣветъ высоко въ воздухѣ, охотясь за насѣкомыми, и описываетъ красивыя дуги—подобныя тѣмъ, которыя выдѣлываются на льду конькобѣжцами—тогда его полетъ немногимъ еще отличается отъ полета ласточекъ; но когда онъ летитъ въ нижнихъ слояхъ воздуха, близъ поверхности земли, или между домами, то всегда несетя необычайно стремительно, причемъ его сильныя крылья со свистомъ разсѣкаютъ воздухъ. Вообще, стрижь, несомнѣнно, самый великолѣпный и быстрокрылый летунъ изъ всего нашего пернатого царства.

Стрижь никогда не садится на деревья, а также и на землю. На сучкѣ онъ не можетъ держаться, за неимѣніемъ задняго пальца. Точно также, если пойманнаго стрижа посадить на ровную землю, то онъ не можетъ подняться съ нея на воздухъ—ему мѣшаютъ въ этомъ его длинныя крылья. Онъ можетъ взлетѣть на воздухъ не иначе, какъ бросившись съ какого-нибудь возвышающагося надъ поверхностью земли предмета.

Распространеніе стрижа очень обширно. Отъ Кольскаго полуострова до Крыма и Кавказа включительно, онъ весьма обыкновененъ

Стрижь черный.

почти во всѣхъ городахъ Европейской Россіи и принадлежить къ числу весьма многочисленныхъ птицъ. Почти повсюду, гдѣ только есть церкви и большія каменные зданія, можно встрѣтить и стрижей, которые любятъ гнѣздиться въ такихъ постройкахъ. Вокругъ церковныхъ башенъ и надъ окружающими ихъ площадями стрижи кружатся иногда сотнями.

Этихъ птицъ у насъ можно видѣть только въ весеннее и лѣтнее время,—на зиму онѣ отлетаютъ въ далекія тропическія и экваторіальныя страны. Весной прилетаютъ къ намъ стрижи довольно поздно и обыкновенно весьма регулярно — въ первыхъ дняхъ мая, изрѣдка — въ послѣднихъ дняхъ апрѣля. Тотчасъ по прилетѣ они приступаютъ къ гнѣздованью. Почти повсюду въ Европейской Россіи стрижи гнѣздятся преимущественно въ отверстіяхъ каменныхъ стѣнъ городскихъ и сельскихъ построекъ; только на крайнемъ востокѣ — какъ, напримѣръ, въ Оренбургскомъ краѣ — эти птицы избѣгаютъ селиться въ человѣческихъ селеніяхъ, а избираютъ для этой цѣли разныя щели, норы и прикрытые сверху выступы обрывовъ и скалъ гористыхъ мѣстностей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ стрижи гнѣздятся также среди лѣсовъ, въ дуплахъ большихъ старыхъ деревьевъ, почему эту птицу иногда называютъ также боровымъ стрижомъ. Иногда они поселяются и въ выставленныхъ для скворцовъ скворечникахъ.

Матерьяломъ для гнѣзда стрижа служатъ сухія былиночки и листья, перья, волосы, тряпочки и тому подобный матерьялъ, частію похищаемый изъ воробьиныхъ гнѣздъ, частію же подхватываемый на лету, въ воздухѣ, во время сильныхъ вѣтровъ. Весь этотъ матерьялъ, безъ всякаго порядка, укладывается чашкообразно и скрѣпляется скоро-твердѣющею на воздухѣ слюной.

Вслѣдъ за вылетомъ изъ гнѣзда молодыхъ (обыкновенно въ первыхъ дняхъ августа мѣсяца), стрижи насъ покидаютъ и улетаютъ въглубь Африки, на зимовье, гдѣ продѣлываютъ и свое лянніе; у насъ для этого имъ не хватаетъ времени.

Въ горахъ Крыма и Кавказа водится еще бѣлобрюхій стрижь, отличающійся отъ обыкновеннаго чернаго стрижа тѣмъ, что онъ снизу желтовато-бѣлый и величиною немного покрупнѣе. Также, онъ не визжитъ пронзительно, какъ черный стрижь, а издаетъ очень громкую, своеобразную сухую трель, въ родѣ «тирррр...», которая тотчасъ же привлекаетъ къ себѣ вниманіе наблюдателя, впервые имѣющаго дѣло съ этой птицей.

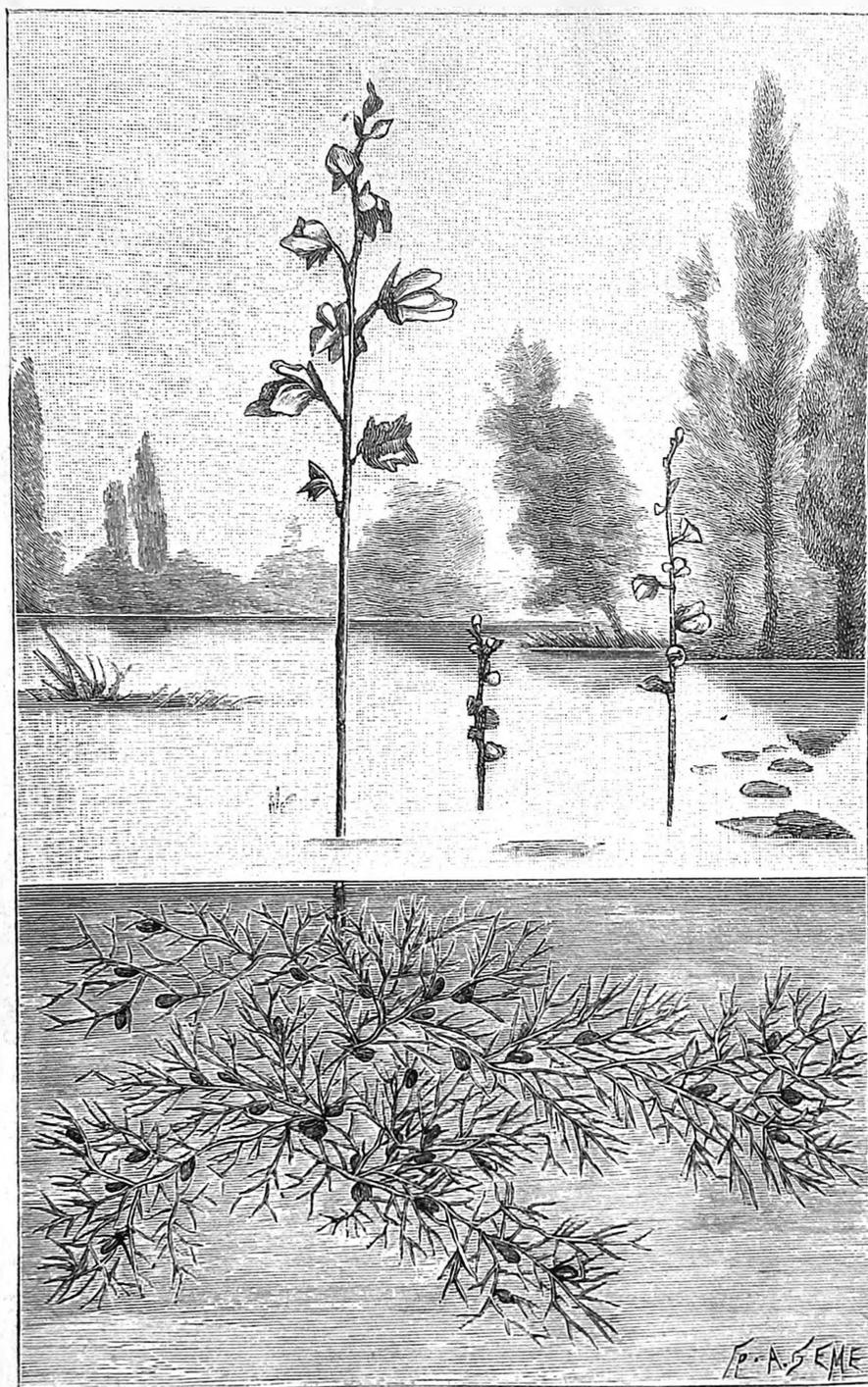
Д. Кайгородовъ.

ПУЗЫРЧАТКА.

ВАННЕЙ ВЕСНОЙ, какъ только пруды начинаютъ освобождаться отъ льда, около береговъ нерѣдко можно найти плавающіе на водѣ плотные зеленые клубочки—величиною съ горошину или съ крупную земляничную ягоду. Это—почки очень интереснаго воднаго растенія пузырчатки. Если набрать такихъ почекъ и, принеся домой, помѣстить ихъ въ стаканъ съ водой или въ акваріумъ, то вскорѣ можно увидѣть, какъ изъ нихъ будутъ развиваться плавающія въ водѣ нѣжно-зеленыя растенія, состоящія изъ тонкаго нитевиднаго стебелька, усаженнаго многочисленными и тоже нитевидными и вѣтвистыми листиками. Вскорѣ, въ углахъ листовъ начинаютъ показываться зелененькіе пузырьки, сначала мелкіе, съ обсеринку, а затѣмъ становящіеся все крупнѣе и крупнѣе—съ небольшую горошину. Каждый такой пузырекъ (или мѣшечекъ) приплюснутъ съ двухъ сторонъ и имѣетъ небольшое отверстіе, прикрытое изнутри дверцей (клапаномъ). Дверца эта можетъ открываться только во внутрь пузырька, и тотчасъ же сама захлопывается. Вокругъ отверстія пузырька находятся развѣтвляющіяся на подобіе вилочекъ щетинки и мелкія рѣснички; нѣсколько щетинокъ находятся также и на самой дверцѣ. Какъ только какое-нибудь плавающее въ водѣ мелкое живое существо приблизится къ отверстию пузырька и прикоснется къ щетинкамъ дверецъ, тотчасъ же пузырекъ схватываетъ его и, буквально, проглатываетъ. Происходитъ это очень быстро,—какъ говорится «въ мгновеніе ока». Если животное крупнѣе пузырька—напримѣръ головастикъ или крошечный рыбіи малѣкъ—то болѣею частію заглатывается только часть его,—сколько можетъ помѣститься въ пузырькѣ. Дотронется хвостомъ—заглатывается хвостъ; дотронется головой—заглатывается голова. И долго бьется головастикъ, стараясь вырваться опять на волю, но пузырекъ крѣпко сжимаетъ свой «ротъ» и не выпускаетъ добычи. Мелкое же животное, понав-

шеясь цѣликомъ во внутрь пузыря, не можетъ изъ него выйти, потому что,—какъ было уже упомянуто,—отверстiе пузыря закрывается дверцей, открывающей только во внутрь и тотчасъ же захлопывающеюся; толкаясь въ эту дверцу, попавшая въ пузырекъ

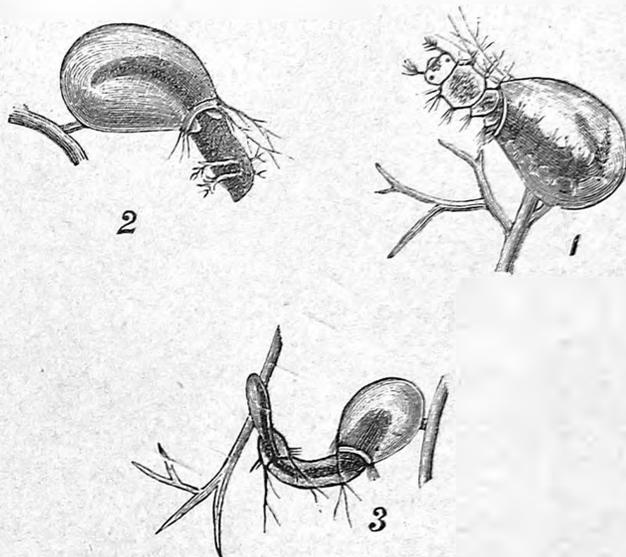
Пузырчатка.

добыча только еще крѣпче закрываетъ ее, открыть же во внутрь — не сумѣетъ. Вскорѣ, пойманная пузыркомъ добыча умираетъ, затѣмъ разлагается и всасывается особыми всасывательными придатками, находящимися на внутренней поверхности пузыря.

Лѣтомъ пузырчатка очень сильно разрастается и иногда наполняетъ всю воду въ мелкихъ мѣстахъ прудовъ или въ стоячихъ водахъ рѣчныхъ заводей. Иногда на ней можно, среди лѣта, найти и цвѣты — желтые, съ оранжевыми крапинками, шлемообразные — поднимающіеся изъ воды на стройномъ стебелькѣ.

Если бы вы пожелали наблюдать, какъ пузырчатка ловить головастика, принесите домой, весною, лягушечьей икры и помѣстите ее вмѣстѣ съ развивающимися изъ почекъ пузырчатками: къ тому времени, какъ изъ икры нач-

нутъ выходить крошечные головастики, на вѣткахъ пузырчатки разовьются и пузырьки, которые тотчасъ же и примутся за ловлю шныряющихъ между ними головастика.

Пузырьки пузырчатки съ пойманной добычей (1.—личинка комара; 2 и 3.—головастики. Все увеличено).

Д. Кайгородовъ.

Когда закатъ прощальными лучами
 Спокойныхъ водъ озолотитъ стекло,
 И ляжетъ тѣнь ночная надъ полями,
 И замолчитъ веселое село,
 И на цвѣтахъ, и на травѣ душистой
 Блеснетъ роса, посланница небесъ,
 И тканію тумана серебристой
 Одѣнется темнокудрявый лѣсъ: —
 Съ какою-то отрадой непонятной
 На Божій міръ я въ этотъ часъ гляжу
 И въ тишинѣ природы необъятной
 Покой уму и сердцу нахожу;

И чужды мнѣ земныя впечатлѣнья,
И такъ свѣтло во глубинѣ души:
Мнѣ кажется, со мной въ уединеньи
Тогда весь міръ бесѣдуетъ въ тиши.

И. Никитинъ.

Владивостокъ Педагогическій
Институтъ им. Е. М. Врангеля

ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано:	Слѣдуетъ:
Стр. 116, 19-я строка снизу	за тона	зато на
» 185, 7-я » »	травына	травы на
» 245, къ подписи рисунка (Ласточки) нужно добавить: 1—деревенская (касатка); 2—городская (воронька).		
» 139, въ самомъ низу, опущена подпись: М. Богдановъ.		

